

Ник
ПЕРУМОВ

Гибель Богов—2
КНИГА СЕДЬМАЯ
ОРЁЛ И ДРАКОН

Annotation

Никто не верил, что этот день придёт, но он настал – День Гнева, День Рагнарёка, День гибели Богов, когда рушится само мироздание.

Братьев-богов Хедина и Ракота, хранителей равновесия, больше нет в Упорядоченном. Теперь – каждый сам по себе. Древние боги и смертные чародеи, подмастерья Хедина и Хаген, тан хединсейский, Спаситель и лекарь из ниоткуда Фиделис, Дальние и загадочная Третья Сила – все сошлись лицом к лицу в последней битве.

Фигуры расставлены для финальной партии, но кто сделает первый ход? И все ли доживут до сражения?

- [Ник Перумов](#)
 -
 - [Синописис, или Что было раньше](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Ник Перумов

Гибель Богов-2. Книга седьмая. Орёл и Дракон

© Перумов Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Синопсис, или Что было раньше

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богам Упорядоченного, Хедину и Ракоту, казалось, что настала мирная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись так, что на их месте возник новый мир. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный Архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина эльфка-вампириша Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала одного из хранителей кристаллов магии, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, мир под названием Кимма, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время там текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Однако мирной передышки не получилось. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, но полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина вынуждены были вступать в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нёс никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось не напрасным.

В этом же мире оказался эльф-вампир Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно, скорее как индულгенцию на кровавые злодеяния.

Пытаясь разобраться, что за зло творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку,

расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь беззащитным перед мертвяками селянам, Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь неожиданно для себя оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирий интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако волшебница не сумела бы пробиться к ним, если бы не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что изо всех сил спешили к сработавшей ловушке, будучи убеждены, что «захватили Дальнего».

Кор Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скьёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Вернувшись с детьми в Поколь, Клара обнаружила селение почти полностью разорённым. Страж-кот Шоня, однако, уцелел и сумел сохранить в неприкосновенности дом Клары и Сфайрата. Людям из этих мест помогли перебраться в другие деревни маги Беллеоры, ближайшего большого города.

Клара с детьми и Шоней отправились на поиски Сфайрата.

В Межреальности, однако, их перехватил отряд подмастерьев Хедина под водительством гнома Керрета, того самого, что едва не пленил детей Клары в расставленной «на Дальнего» ловушке. Керрет потребовал от Клары «сдаться»; она отказалась, однако сумела втянуть гнома в переговоры. Никто не знает, чем бы закончилась их беседа, но по какой-то случайности вспыхнула схватка.

Зося, младшая дочь Клары, была тяжело, почти смертельно ранена.

Кларе удалось удержать её на самом краю смерти, однако долго так продолжаться не могло. К счастью, Чаргос, старший сын Клары, смог вовремя привести помощь.

На подмогу подоспел чародей Скьёльд, названный брат волшебника Кора Двейна и чародейки Соллей. Ему удалось спасти Зосю; Клара с детьми оказались в замке Кора Двейна. Хозяин не один раз пытался убедить Клару «встать с ним плечом к плечу» и сразаться «за свободу всего Упорядоченного, ибо боги не имеют права повелевать смертными», но Клара всякий раз отказывалась.

Тем не менее, ощущая себя в долгу перед спасшими её ребёнка чародеями, Клара добровольно решила выполнить их задание. Детей она спрятала на нашей Земле, в закрытом от магии пространстве, где их никак не смогли бы разыскать.

Сама же Клара отправилась в некий мир, где – по слову Кора Двейна – ей предстояло задержать слуг Хедина и добиться, чтобы порталы в этом мире оставались бы открытыми как можно дольше – через них перебрасывались подкрепления на войну.

Кларе удавалось достаточно долго сдерживать подмастерьев Познавшего Тьму, однако в конце концов ей пришлось оставить защиту портала. Она ощущала в глубине этого мира, совершенно обычного и ничем не примечательного мирка странные сгустки силы, дающие странное, ни на что не похожее эхо.

Клара попыталась понять, что же это такое; и даже успела выяснить, что таинственные сгустки образуют нечто вроде линии чудовищного разлома, способного вскрыть не только сам мир, но и Межреальность вокруг него.

Однако в этот миг то ли сработали охранные чары этих диковинных артефактов, то ли вернулись странно искажёнными заклятия самой Клары – но её накрыло тяжким магическим поражением. Бесчувственную, её взяли в плен подмастерья Хедина и попытались доставить в Обетованное.

Лекари-эльфы прилагали все усилия, чтобы спасти Клару, однако она умирала.

Именно такой, умирающей, её и нашёл не кто иной, как вампир Ан-Авагар.

Недолго думая, он выкрал её, чувствуя неизбежность её гибели и поклявшись спасти – любой ценой.

Ан-Авагар доставил бесчувственную чародейку в один из миров, где у него было устроено логово. Мир этот находился в магической «тени» другого, куда крупнее, и закрытого, так что отыскать тут беглецов было бы куда труднее. Волшебница умирала, и вампир прибег к последнему средству, вливая ей в вену собственные эликсиры, созданные для поддержания сил вампирами, а не живыми.

Ему удалось задержать Клару Хюммель на самой грани смерти.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, не известного никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волшебниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность.

Там она столкнулась с чародеем Скъёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скъёльд задал гарпии только один вопрос, что выбирает она – свободу или служение. Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов, охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Там она столкнулась с неведомым врагом, охотником на демонов, и едва не погибла от его чар. Спасла её чародейка Соллей, оказавшаяся в нужном месте и в нужное время. Спасла и взяла с собой. В замке Соллей и Скъёльд принялись за «излечение» гарпии, как они называли это, утверждая, что они «в долгу» перед Гелеррой и помогают ей просто так.

Попутно Соллей осторожно, не заходя слишком далеко, расспрашивала Гелерру о Хедине и её службе, утверждая, что они с братьями – исключительно «за свободу» и не требуют с адаты никакой

службы взамен. Более того, Соллей уверяла, что, борясь с их врагами-Дальними, она тем самым «споспешествует великому Хедину». Особенно волшебницу интересовал зелёный кристалл, залог Эйвиль, полученный вампиршей от Дальних и найденный потом Гелеррой в Межреальности.

Гелерра никому ничего не обещала, однако её всё чаще посещали мысли, совсем не свойственные верному ученику Познавшего Тьму.

Соллей и Кор Двейн добились успеха – они полностью излечили адату, вернув ей прежний облик и навсегда изгнав овладевшего ею демона. На крыльях Гелерры вновь отрастали прекрасные белые маховые перья, коими она так гордилась и утрату которых оплакивала столь горестно.

Она чувствовала себя покинутой и преданной богом Хедином. Несмотря на все её чувства к нему, он не пришёл к ней на помощь, оставил в беде. Гарпия отчего-то считала, что Познавший Тьму непременно должен был «чувствовать», что с ней стряслось.

Нельзя не добавить, что к выводам этим ей помогли прийти маги Кор Двейн и его названная сестра Соллей.

После того, как адата вновь обрела способность летать, она – как и Клара – решила «вернуть долг» спасшим её чародеям. Кору Двейну требовался зелёный кристалл, залог Дальних, ставший добычей Гелерры, который она потом отдала Хедину.

Не чувствуя себя более связанной с Познавшим Тьму и успокаивая себя тем, что Кор Двейн тоже якобы воюет с Дальними, кои враги и Хедину, Гелерра отправилась к Обетованному.

По пути, уже на ближних подступах, ей встретилось воинство Тьмы, ведомое Ракотом Восставшим, что вновь принял титул Владыки Мрака. Гарпия решила, что Ракот обратился против Хедина; по её мнению, лучшего момента, чтобы добыть кристалл, уже бы не представилось.

Защищавшие Упорядоченное от натиска быкоглавцев, ученики Хедина ничего не заподозрили. Для них это была счастливо вырвавшаяся из плена адата Гелерра, вернейшая из верных. Они пропустили гарпию.

В доме Хедина Гелерре посчастливилось добыть заветный кристалл и выбраться невредимой.

Адата доставила драгоценную добычу Кору Двейну, считая себя обязанной ему помочь. В ответ маг предложил ей оставаться в замке столько, сколько она пожелает, быть его гостьей, добавив, что не сомневается – Гелерра найдёт себе достойное дело.

Но, пока она ожидала таковое, до замка добрался израненный дракон Сфайрат. Он разыскивал Клару Хюммель и детей, он почуял запах

пролитой драконьей крови и по этим следам добрался до крепости Кора Двейна. Чародей вместе с названным братом Скъёльдом и сестрой Соллей принял его, помогая в излечении.

Испытавшая жестокое разочарование в своих чувствах к богу Хедину, адата Гелерра почувствовала некоторый интерес к дракону, тем более что он явился к замку в человеческой своей ипостаси.

Пока тот исцелялся, Кор Двейн предложил Гелерре отправиться вместе с ними в опасный поход – против Новых Магов, которые, как объяснил чародей, были их давними врагами. Гелерра согласилась.

После яростного боя в тайном логове противника Кор Двейн, Соллей и Скъёльд одержали победу, пленив всех своих врагов, кроме лишь одной Царицы Ночи, сумевшей ускользнуть.

Возвращаясь после сражения, Двейн, Соллей и Скъёльд начали обсуждать что-то непонятное Гелерре, о «сработавшем триггере», «идушем разделении» и наступающем «новом порядке», и что Гелерра, если останется с ними, может рассчитывать на «высокое положение» в мире «без богов». Они говорили и о неких «нанимателях», что должны были «явиться за призом», причём Кор Двейн утверждал, что эти неведомые «наниматели» «уже там», в месте, где всё «так, как они хотели – никаких Познавших Тьму и Восставших, никаких Духов Познания и Соборной Души».

Гелерра колебалась, и тогда Соллей шепнула ей, что знает о её интересе к Сфайрату и совсем не против, если он достанется гарпии.

Гелерра возвращалась в замок вместе с Кором Двейном и остальными. Странные слова Двейна о загадочных «нанимателях» её в тот момент не волновали.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и магического. Больше всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и, после долгого пути, достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны; там адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу Матфея, он тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти: Гелерра – от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона»; в этот момент, однако, появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они были просто спасены.

Как и Гелерра, Матфей нашёл приют в замке Кора Двейна. Сам хозяин стал наставником молодого клирика в магических науках. Помимо этого, Двейн доверил своему новому подопечному опекать очень важную пленницу, заточённую в защищённой могущественными чарами темнице, – Царицу Ночи. Кор Двейн рассказал Матфею, кто она такая и что в заключении находится также и за то, что ради забавы с сородичами – так называемыми Новыми Магами – наводила орды чудовищ на ни в чём не повинных поселян Северного Хьёрварда.

Красота Царицы поразила бедолагу Матфея в самое сердце. Он не понимал, зачем Кор Двейн взвалил на него ещё и эти обязанности, но...

Приказ есть приказ.

И Матфей старался его выполнить настолько хорошо, насколько мог. Очень скоро, однако, он оказался совершенно очарован соблазнительной Царицей, и потребовалось совсем немного времени, чтобы они сделались любовниками.

Тем не менее окончательно голову Матфей не потерял, сообразив, что здесь, в темнице, Царица Ночи в полной его власти и достаточно туманных намёков на возможную помощь в будущем, чтобы добиваться от неё близости.

Однако же он всё равно взялся за расшифровку охранных чар Кора Двейна. Он не сомневался, что получит немалую награду, если сумеет освободить Царицу Ночи и доставить её к родне. Правда, оставалось

решить, как ему обезопасить себя, если та же Царица решит отомстить за вынужденные ласки.

Матфей тянул время.

И пока оно тянулось, он стал свидетелем визита в замок Кора Двейна неких очень важных гостей, кои, как выразился сам чародей, «помогали в осуществлении их большого плана».

В замок прибыло четверо мужчин, скрывавших лица под капюшонами; четверо, наделённых огромными силами.

Матфею удалось услышать ведущийся посредством мыслеречи разговор меж гостями и хозяевами, в котором гости именовали Кора Двейна, Скъёльда и Соллей своими «слугами», а Кор Двейн, словно не замечая, убеждал их в необходимости получения некоего «обещанного», без которого план быть исполнен не мог.

Гости должны были получить некую «долю» непонятно чего, причём «без Хедина и Ракота». Матфей также узнал, что именно Кор Двейн и его родня ответственны за появление в Упорядоченном Четвёртого Источника Магии (в дополнение к Урду, Кипящему Котлу и Источнику Мимира) и за небывалый переток силы к Древним Богам, давно влачившим весьма скромное существование.

Неведомые «гости» пообещали, хоть и нехотя, доставить «обещанное».

После этого столь же таинственный «план» будет выполнен.

Воспользовавшись занятостью Кора Двейна и его родни со странными «гостями», Матфей решился осуществить свой замысел – бежать из замка вместе с Царицей Ночи. Ему удалось – не без невольной помощи самого Кора Двейна – смастерить магическое устройство, в котором он смог бы пронести развоплощённую сущность Царицы Ночи мимо дозорных заклятий и колдовских замков. Больше того, Царица оказывалась в его полной власти, без него она не смогла бы покинуть свою новую темницу.

Его замысел вполне удался, Царица доверилась ему. Матфей рассчитывал на богатую награду от её «родни», после чего намеревался скрыться в каком-нибудь отдалённом мире Упорядоченного.

Однако оказалось, что всё это было подстроено самим Кором Двейном с целью выявить потайное обиталище Царицы и остальных Новых Магов. После того, как они потерпели поражение в схватке с Двейном, Скъёльдом, Соллей и Гелеррой, Кор предложил Матфею награду – «за помощь» в деле нахождения тайного убежища.

Награда была щедрой, Матфею предлагались богатство и свобода...

однако он в ответ просто разбил магическое вместилище, где была заключена Царица, выпустив её на волю.

Разъярённый Кор Двейн ударил Матфея ножом, оставив бездыханное тело валяться там, где его настигла смерть.

Линия Древнего Бога Одина и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвильских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог Óдин начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. Óдин убеждён, что хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона, и он сможет так или иначе, но вызволить их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, Óдин с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скъёльд, уверяющий, что он, мол, «с роднёй» горячо сочувствует делу Древнего Бога и готов помочь всем, чем только возможно.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов, чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Ей удалось разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же Óдину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти.

Хедину пришлось срочно отправиться к Асгарду, отстроенному по-настоящему, из дерева, камня, стали и злата; Познавший Тьму стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого Óдину оружейницей Айвли, нового ясеня Иггдрасия, во всём подобного тому, что высился когда-то над изначальным Асгардом, Асгардом Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый Источник Магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой магомеханической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить от возрождённого Асгарда. Сигрлинн, требовавшая решительной войны со Старым Хрофтом до полного его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Отыскав во владениях Демогоргона душу своей матери, Райна вместе с Ракотом двинулась в обратный путь по Упорядоченному. Валькирия была преисполнена решимости вернуть матери тело – так же, как Óдин должен был вернуть плоть всем спасённым ею асам. Однако по дороге домой валькирия вдруг ощутила странные эманации, «как до Боргильдовой Битвы», словно бы Древние Боги вновь начали обретать силы.

Спустившись в незнакомый мир, Ракот и Райна оказались лицом к лицу с загадочным Древним, черпающим силы, помимо прочего, и в массовых жертвоприношениях. Вступив с ним в схватку, Ракот, к собственному изумлению, обнаружил, что Древний куда могущественнее, чем кажется, а силы самого Ракота словно бы претерпели ущерб. После кровавой битвы им удалось пресечь зло, и Ракот поспешил к Обетованному, уведомить Хедина; Райна же отправилась в Асгард.

В Асгарде бог Óдин принимал гостя. Явившийся посланник Дальних склонял Óдина к открытой войне против Хедина и Ракота во главе рати Древних Богов.

«Приведи мне эту рать, и я возглавлю её», – были последние слова Старого Хрофта.

Но прежде, чем обещанная рать достигла Асгарда, к его стенам подоспели отряды Сигрлинн – Ночные Всадницы и рыцари Ордена Прекрасной Дамы.

На защиту Асгарда встала даже столь неожиданная союзница, как Мать Ведьм Гульвейг, но и ей не удалось остановить чародейку Сигрлинн.

Разбив ворота крепости асов, Сигрлинн, приняв облик огненного вихря, ворвалась внутрь и под ветвями возрождённого Иггдрасиля сошлась лицом к лицу со Старым Хрофтом.

Сигрлинн обвинила его в измене и ударе в спину Познавшего Тьму; Старый Хрофт возразил, что никого не предавал, а лишь спасал своих сородичей, сделав то, что должен был сделать давным-давно.

Сигрлинн не приняла его объяснений.

Их рукопашная схватка была в самом разгаре, когда с неба низринулись зелёные кристаллы Дальних, открывая порталы, откуда хлынул поток Древних Богов, собранных, наверное, со всего Упорядоченного.

Дальние сдержали слово, приведя Óдину обещанное воинство. И, кроме того, попытались пленить саму Сигрлинн. Им бы это удалось, если

бы не Райна. Валькирия втащила теряющую силы чародейку в раскрывшийся портал – сама не очень понимая, почему она так поступает.

Райна и Сигрлинн оказались в негостеприимном морозном мире, причём чародейка была тяжело ранена. Благодаря новым силам – словно бы вернувшимся к Древним Богам, к которым принадлежала и валькирия, – Райне удалось поставить Сигрлинн на ноги. Они попытались вернуться в привычное Упорядоченное, но выяснилось, что они – в странной изолированной его части, в цитадели Дальних, заполненной исполинскими, космических размеров зелёными кристаллами. «Конструкция», назвала это Сигрлинн. «Конструкция, упорядочивающая себя сама».

Пытаясь покинуть эти жуткие области, Райна и Сигрлинн видели в глубине зелёных кристаллов целые миры, застывшие, постепенно утрачивающие очертания, становящиеся частью поистине невероятного монолита.

Валькирии и волшебнице казалось, что они почти отыскали выход из зловещего лабиринта, когда их обоих погрузил в чёрное беспamięтство внезапный магический удар, защититься от которого они уже не могли.

Старый Хрофт в это время пытался вернуть сознание асам, выведенным им из царства Демогоргона. Он глубоко погрузился в новосотворённый Источник, забивший под корнями Иггдрасиля, выросшего из меча альвийской оружейницы; волк Фенрир, жестоко пострадавший во время схватки с Сигрлинн и её воинством, помогал, как мог.

Посланец Дальних ожидал, что Отец Дружин исполнит данное слово и встанет во главе собранного воинства Древних Богов, готового выступить против «узурпаторов» Хедина и Ракота. Жертвуя собственную кровь, Старый Хрофт смог вернуть асам память и сознание, но и сам оказался обречён.

Локи, бог огня, однако, дерзнул бросить вызов его смерти.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня, Сильвия Нагваль, после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось

ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Во время одной из своих вылазок далеко за пределы Долины она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те, прозываемые Молодыми Богами (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца»), огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным.

Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «службой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя, но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

В Долине Магов Сильвию ждал неласковый приём. Ирэн Мескотт почувствовала Хаос в крови Сильвии и попыталась её «очистить». Сильвии удалось вырваться и бежать в окрестные леса; после этого, устроив восстание гоблинов-слуг и ошеломив чародеев Долины мощью дарованной Хаосом магии, Сильвия была вполне демократически избрана главой Совета Долины – и потребовала создания ни много ни мало Империи...

Получив возведенную власть, Сильвия немедленно начала действовать. Захватить ближайший мирок под названием Джерто, уничтожить глупо-жестоких королей, установить порядок, справедливые подати, извести разбой, а взамен получать из этого мира потребное Долине и прежде всего золото.

Маги Долины, утверждала Сильвия, должны править и получать, а не «зарабатывать» или «наёмничать».

Однако на пути новоявленной правительницы Долины встал старый целитель Динтра. Он же – последний истинный Ученик Хедина, тан Хаген, владыка Хединсея.

Сильвия очертя голову ринулась в схватку – и потерпела полное поражение. Даже Хаос оказался бессилён против Хагена. Ученик Хедина мог бы убить Сильвию, но... оставил ей жизнь с условием, что она станет бить «не кого попало, а кого надо». Захватить Джерто Хедин разрешил, однако следующей целью назвал мир Читающих.

Устроив, насколько это было возможно, подготовку к походу на Джерто, Сильвия решила проникнуть в пустой дом Архимага Игнациуса.

С помощью Хаоса в крови ей относительно легко удалось преодолеть охранные чары и оказаться внутри. Там, в кабинете Архимага, её добычей стал манускрипт под интригующим названием «Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных сущностей любой силы».

Сильвия быстро поняла, какое богатство попало к ней в руки. Разумеется, Динтре она об этом рассказывать не стала. На следующий день её ждало выступление в её первый поход.

Отряду боевых магов Долины удалось относительно легко прорваться в подземные чертоги, где обнаружили ряды странных хрустальных шаров, заполненных жемчужной субстанцией. Маги сумели отогнать разумных обитателей этого места, похожих на изломанные тени. Достаточно быстро удалось понять, для чего служат загадочные шары – в них отражались творимые вокруг заклятия.

В этот момент с Сильвией вступил в разговор посредством мыслеречи некто, представившийся Кором Двейном, чародеем, предлагая «присоединиться к нему» и другим «борцам за свободу». Сильвия решительно отказалась. Пытаясь склонить её на свою сторону, чародей Двейн заявил, что помогает «обитателям этого места» и может доказать искренность своих намерений. Тем, кто направил сюда Сильвию – богу Хедину, например, – некоторое время будет казаться, что миссия её выполнена и хозяева этого мира более никому не помогают своими наблюдениями магией. Через семь дней, решили Кор Двейн и Сильвия, они встретятся в Долине Магов и «поговорят».

Линия Ирмы Нарви

Ирма Нарви, девочка-сирота из того же мира, где нашла временный приют себе и своей семье Клара Хюммель, служила простой подавальщицей в трактире Свамме-гнома, в селении Поколь, по соседству

с домом самой чародейки. Случайно обнаружив у Ирмы немалые способности к волшебству, Клара начала учить девочку.

Однако уроки эти обернулись не в добро, а во зло. Ирма угодила в ловушку, расставленную гномами-подмастерьями Хедина, вместе с детьми Клары Хюммель, откуда её спасла волшебница Соллей, названная сестра чародея Кора Двейна. Спасла и помогла вернуться домой; однако там, мстя за все пережитые ранее унижения, Ирма наполовину сожгла родное селение.

Волшебница Соллей помогла ей скрыться, забрав с собой, в замок, где обитала вместе с названными братьями. Ирма сделалась теперь её ученицей.

Соллей открыла Ирме, что она не просто безродная сиротка, что её отцом был некий чародей по имени Гренн Нарви и девочка унаследовала его силу.

После недолгого обучения Ирме, однако, пришлось вместе с наставницей Соллей выступить против подмастерьев бога Хедина. Чародейка, сперва называвшая Ирму «сестрёнкой» и утверждавшая, что в их замке «нет господ и господж», перестала возражать, когда Ирма вернулась к привычной для неё почтительности.

В далёком мире Ирме предстояло «защищать порталы», через которые якобы перебрасывались подкрепления, необходимые для войны, что веля Соллей, Кор Двейн и Скьёльд против Познавшего Тьму; но не только. Соллей оставила в глубине земной тверди какие-то странные «закладки», могущественные чары, которые тоже надлежало охранять, «пока не наступит время». Соллей оставила магические капканы, куда Ирме было поручено завести подмастерьев Хедина; однако сама девочка решила, что непременно выяснит, что это за «закладки». Ирма заподозрила, что наставница попросту бросила её здесь, и решила во что бы то ни стало дознаться, что это за таинственные чары – чтобы было чем торговаться за собственную шкуру, если дело обернётся совсем плохо.

Линия Хагена, тана Хединсея, ученика бога Хедина

Отправив в поход Сильвию, тан Хаген также собрался в дорогу. Однако стоило ему покинуть Долину Магов, как он ощутил чьи-то упорные усилия завести его в ловушку и сбить с пути. Хединсейский тан решил не бежать от опасности. Пробившись сквозь возведённые перед ним препоны, он столкнулся лицом к лицу с невесть откуда взявшимся Браном Сухая

Рука, которого считал погибшим ещё в самом конце событий, описанных в книге «Гибель Богов».

В том месте, куда привела Хагена извилистая тропа, на могильном камне лежало человеческое тело с лицом самого Хагена, владыки Хединсея.

В пылу ссоры Бран заявил Хагену, что «они» – очевидно, сам хединсейский тан, а также Новые Боги, Хедин и Ракот, – есть «чёрный мор сущего» и «бичи нашей вселенной», а потому он, Бран, явился «заменить Хагена».

Меч хединского ученика пробил горло Сухой Руке, и в этот момент мертвец на могильном камне шевельнулся.

Линия Ракота Восставшего, Владыки Мрака

Ракот вновь подчинил себе источник Кипящий Котёл и Тьму как изначальную субстанцию, возрождая свои Тёмные Легионы. Создав новую армию, он повёл её на помощь осаждённому Обетованному, которое штурмовали армии быкоглавцев и иных племён, служивших Кору Двейну, Соллей и Скьёльду. По пути к цели Ракот встретил Гелерру, однако ничего не заподозрил.

Его Тёмные Легионы ударили в спину войскам, осаждавшим их с Хедином дом.

Армия быкоглавцев и их союзников терпела поражение, воинство Ракота побеждало. Не желая без счёта убивать обманутых, как ему казалось, солдат неприятеля, Владыка Тьмы предложил вражескому предводителю поединок.

Вышедшее против него существо не отличалось ни ростом, ни статью, однако сумело удивить Восставшего, связав того боем и открыв внезапно провал в ткани Межреальности.

Ракот оказался пленён и – предстал перед «судом» Новых Магов. Непонятно было, в какой степени правдива была их похвальба, и, наверное, Восставший сумел бы освободиться, если бы не совершенно новая сущность, заговорившая с ним, сущность, сочетавшая в себе черты старой и недоброй знакомой Нового Бога и чего-то абсолютно иного, или же, быть может, известного, но принявшего невиданную доселе форму.

Она, эта сущность, укоряла Ракота и Хедина за поднятые восстания, за то, что они отказались последовать путём предыдущих Поколений

Истинных Магов, нарушив тем самым равновесие и оставив без посвящения Новых Магов, которые теперь не могли сделаться Истинными. Сущность уверяла, что Ракоту и Хедину настала пора исполнить своё предназначение, уступить место другим, приняв судьбу «мелкого лесного духа» или чего-то подобного. Угроза же Дальних, по словам сущности, преувеличена, ибо они подобны жукам-могильщикам, уничтожающим отжившее.

Ракоту же предлагалось, если он не желает становиться мелким лесным духом, сделаться Отцом Тьмы в некоей новой, более совершенной Вселенной, ибо его родное Упорядоченное – несовершенно и должно в свой час умереть. Тьма в нём не имеет прародителя и оттого якобы не может сыграть свою роль.

Ракот выслушал сказанное, всё больше и больше подозревая, что говорит с кем-то из Дальних, а затем попытался освободиться. Ему это удалось, и он бежал, по пути преодолев нечто, напоминавшее гигантский разруб, пролётший через всё сущее. Однако оказался Ракот в самых отдалённых окраинах Упорядоченного, весьма бедных магией.

...Он не знал, где очутился, но надеялся относительно быстро вернуться.

Линия Хедина Познавшего Тьму

Сознавая, что появление нового, четвёртого Источника Магии необратимо нарушает баланс сил Упорядоченного, Хедин Познавший Тьму пошёл на немислимое.

Сбросив телесную оболочку, он разделился как бы на три незримых ипостаси. Его истинная суть, средоточие того, что составляло его личность, отправилась напрямик к логову Неназываемого.

Хедин видел, что потоки новосотворённой пустоты ломают иные несчастливые миры, срывая с них так называемые «царства мёртвых», где собирались души умерших. Потоки этих душ устремлялись к Неназываемому и поглощались им.

Хедин проник и за последний барьер, откуда уже не было возврата, в самое логово Неназываемого. Он увидел, что поглощённые Неназываемым души обретают вторую жизнь в виде его жутких слуг, козлоногих.

Познавший Тьму постарался задержать падение поглощённых душ, собирая их вокруг себя.

Однако он знал, что должен вернуться. И там, в бездне

Неназываемого, Познавший Тьму нашёл выход.

Он словно бы скопировал самого себя. Один Хедин навсегда оставался за чертой, за порогом Неназываемого. Другого неведомые силы перенесли обратно.

Для того чтобы остановить развал всего Упорядоченного, Хедину пришлось пойти на крайнюю меру – обратиться к вере смертных, мощному, но обоюдоострому оружию. Познавший Тьму спас низвергающийся в бездну Неназываемого мир, и с этого началось его возвращение...

Собрав армию, Хедин выступил через Упорядоченное, торопясь прийти на помощь Обетованному, где оборонялись его подмастерья и куда должен был явиться и Ракот. Двигаясь по Междумирию, он ощутил магические возмущения в одном из близких миров; спустившись туда, Хедин увидел, что мир проходит последний этап «спасения», когда там погибает всё живое. Новый Бог вступил в бой с ангелоподобными существами, слугами Спасителя, от которых узнал, что Спаситель якобы собирает души смертных в себе, дабы уберечь от куда более страшной участи.

Хедин заставил слуг Спасителя отступить, разрушил преграду, не дававшую магии свободно течь сквозь мир и буквально его удушавшую.

Возле Обетованного Хедин убедился, что Тёмные Легионы одержали победу, а Ракот пропал. Своих победителей-подмастерьев Новый Бог послал в Хьёрвард, где также ощущалось сильное возмущение магии, сам же двинулся по следу тех, кто наслал армию быкоглавцев.

Воинство Хедина достигло летающего замка Кора Двейна и осадило его, даже несмотря на его способность двигаться сквозь Межреальность. Хедин не сомневался, что это ловушка, наподобие той, что попытался устроить Игнациус, но считал, что сумеет взломать её, вынудив хозяев лично «явиться за добычей».

Однако скала, на которой стоял замок, внезапно развалилась, открывая гигантское магомеханическое устройство. Оно пробило канал в плоти Упорядоченного, сбросив Хедина и его воинство в отдалённые, исключительно бедные магией области.

Он попытался вернуться обратно в Хьёрвард, но ощутил, что прямой путь разорван, Упорядоченное рассечено и в расщелины ворвался пылающий Хаос.

После успешного отражения натиска быкоглавцев на Обетованное подмастерья получили срочное задание – отправиться в Восточный Хьёрвард и выяснить причины магической аномалии в районе торговых городов Бирки и Хедебю.

В городе они обнаружили невесть откуда взявшихся проповедников Спасителя, провозглашавших наступление последних дней, приближение великой армии мёртвых и призывавших всех к покаянию. После конфронтации с одним из таких проповедников к подмастерьям обратился молодой человек, назвавшийся Фиделисом, лекарем, и поведавший, что уже давно ведёт борьбу со Спасителем, пытаясь, в свою очередь, спасти от него миры. Его родной мир подвергся всеобщему опустошению во время Второго Пришествия Спасителя, и лекарь Фиделис, владевший исцеляющей магией, оказался единственным выжившим, более того – он каким-то образом утратил способность умереть.

Именно его в своё время встретила Сильвия Нагваль во время своего пути к Долине Магов.

Так подмастерья узнали, что пресловутая «аномалия» связана с недавно родившимся сыном некоего ремесленника; Фиделис считал, что это – воплощающийся Спаситель. Однако, явившись к отцу ребёнка, невысоклики Фредегар и Робин выяснили, что младенец только что умер и похоронен.

На кладбище половинчики и Фиделис разрыли могилу, но оказалось, что мёртвый младенец – это ловушка, капкан, источник силы, поднимающий целый погост мертвяков.

Фредегар и Робин выдержали атаку ходячих трупов, а Фиделис каким-то образом оживил умершего ребёнка, повергнув невысокликов в шок.

Остальные же подмастерья – рыцарь Леотар, лучница Мьёлль, орки варлок Болг и воин Гронтар, радужный змей Александрос, а также гоблин и вампир – преградили дорогу воинству мёртвых, которое вёл не кто иной, как Яргохор, подпавший под власть Спасителя.

В жестоком бою погибли все подмастерья, кроме вампира; однако им удалось сбросить Яргохора в раскрытый ими провал Межреальности и разогнать его воинство.

Пролог

– Я заставлю тебя жить!

Ан-Авагар нависал над беспомощно раскинувшейся Кларой Хюммель. Чародейка была без сознания, и хотя сердце её после вливания вампирьих эликсиров билось ровнее и сильнее, смерть не отступала, бродила близко-близко, кружила вокруг Ан-Авагара и волшебницы, и вампиру чудилось, что он словно наяву видит колыхающийся чёрный балахон, под которым – выбеленные временем кости.

Левая рука Клары покоится на свёрнутом плаще, сгиб локтя раскрыт, кожа рассечена, но кровь не льётся – вену заполняет тёмная льдистая жижа, от одного вида которой дурно становится самому вампиру.

– Даже не надейся, – хрипло бросил Ан-Авагар окружавшей их темноте. – Она тебе не достанется. Никогда и ни за что.

Его правая рука по-прежнему лежала на груди чародейки, ладонь вампира ощущала упрямые толчки сердца – оно не сдавалось, изо всех сил пытаясь протолкнуть по жилам заполнивший их лёд.

Рядом на каменном полу валялись два опустошённых пузырька. Их содержимое Ан-Авагар влил во вскрытую вену волшебницы.

Первый шаг сделан; но теперь требовалась живая и горячая кровь, причём очень много. А вампир не мог заставить себя отойти и на десяток футов от неподвижной волшебницы.

Ему казалось – стоит сделать шаг за порог убежища, и смерть,

прячущаяся в складках сгустившейся темноты, словно коршун, ринется на добычу.

Глаза Клары оставались закрыты, лишь губы чуть шевелились, словно с них пытались сорваться какие-то слова. Ан-Авагар невольно склонился – нет, даже его острый слух ничего не улавливал.

Будь что будет. Он всегда шёл до конца, или, во всяком случае, не колебался. Вампир вспомнил начало пути, своё первое появление в том мире, где он встретил Клару, вспомнил крючок, на который его поймали и заставили делать то, против чего восставала даже его вампирья натура; но даже тогда он не колебался.

Не будет колебаться и сейчас. Чародейку нужно спасти.

Гномий схрон, послуживший ему убежищем, сложен был на совесть. Временка по меркам Подгорного Племени; однако простоит она куда дольше любой людской или даже эльфийской постройки.

Вокруг возвышались дикие горы, где на много лиг в любую сторону – не встретишь ни зверя, ни человека. Ан-Авагар очень старался отыскать по-настоящему укромное место и, как сейчас он понимал, перестарался.

Вампир тщательно запер за собой дверь. Клара всё равно не очнётся, пока его нет.

Миг спустя огромная летучая мышь рванулась в неб-о.

...Он давным-давно уже так не летал, разрывая сухожилия крыльев и подгоняя себя всеми ускоряющими чарами, какие только знал. Свистел и шипел рассекаемый воздух, и сам Ан-Авагар мчал так, словно за ним гнались самолично владыка Хедин и владыка Ракот.

«Надо успеть, вот и весь сказ. Что для этого придётся совершить, тоже не имеет значения, как и твои заполошные мысли, вампир. Эйвилль Великая не одобрила бы».

Она, конечно, не одобрила бы вообще его поступок – уж если спасать, так за соответствующую долю в добыче или какой ещё прибыток. Какой вампир берётся за дело, не оговорив это с самого начала?

А тут для него, Ан-Авагара, никакого прибытка, одни протори с расходами. Взять хотя бы уже потраченные эликсиры!..

Он боялся забираться слишком далеко и тем не менее иного выхода не оставалось. Вот внизу промелькнула пара-тройка горных козлов; где-то в нагромождении скал скрывалось логово драконейта, недодракона, отвергнутого собственным племенем и оттого особенно злобного. Вот проплыл, мерно взмахивая крылами, огромный орёл; значит, где-то поблизости должна быть и его добыча. Горные козлы с их рогами не по силам даже такой крупной птице.

Ага! Овцы! Овцы внизу!
Ан-Авагар заложил крутую петлю, камнем падая к земле.
Потому что где овцы, там и пастух.
А где пастух, там и живая кровь, без которой не поставить Клару на ноги.

* * *

Деревушка пряталась в горных отрогах, сложенные из дикого камня дома вытянулись вдоль чистого и быстрого ручья. Ан-Авагар опустился на край скалы, по-прежнему в образе громадного нетопыря, заполз в тёмную щель. Следовало дожидаться ночи, но...

Но Клара могла и не продержаться так долго.

Под этим небом не должно было сыскаться сильных чародеев, ток магии здесь очень слабый, хотя и чистый, и его вдоволь. Тень закрытого мира, что поделать; здесь, однако, могут встретиться весьма искушённые маги, умеющие и со слабыми силами достичь многого, опираясь на изощрённость и сложность чар, но, будем надеяться, хоть в этом ему повезёт.

Летучая мышь вырвалась из щели, тёмной молнией рванулась над ручьём. Пронесли под ней острые крыши, покрытые плоскими сланцами, люди, тащившиеся по единственной деревенской улице, ослики, нагруженные хворостом, собаки – лениво гревшиеся на солнце псы вскакивали, задирали морды, разражаясь яростным лаем.

Здесь нет тех, кто мог бы бросить ему вызов, почему Ан-Авагар и выбрал в своё время этот мирок. Во всяком случае, не было тогда.

А сейчас – если и появились, он успеет убраться отсюда задолго до того, как они опомнятся.

Если Клара узнает, как именно я её лечу, – точно развоплотит, мрачно подумал вампир.

Ну, значит, так тому и быть. Он исполнит свой долг, остальное не в его власти.

Летучая мышь сложила крылья, камнем падая на плечи девушке, задержавшейся у колодца.

Вампиру требовалась свежая кровь, и много.

Схваченная затрепыхалась, словно птичка в силках, забилась, закричала.

Ан-Авагар полоснул когтем по горлу, жадно припал к открывшейся

ране.

Чародейка Клара Хюммель, я заставлю тебя жить, хочешь ты этого или нет.

Глава 1

Ракот Восставший; Хедин Познавший Тьму

Ракот Восставший пришёл в себя.

Его полёт – или, вернее сказать, ещё одно падение – сквозь все слои реальности и области Упорядоченного, прекратился. Давно распались и сгнули оковы; Владыка Тьмы вновь облёкся привычной плотью.

Свободен!..

– Не уловить вам Ракота Восставшего, – проговорил он не без гордости.

Его окружала Межреальность, казалось бы, привычная, хотя и какая-то блёклая, бледная и бедная.

Здесь было трудно дышать, животворной силы явно не доставало.

Но всё остальное, все атрибуты Владыки Тьмы – при нём, включая меч. Бегство удалось, хотя он по-прежнему не знал точно, кем была говорившая с ним сущность. В наиболее вероятное упрямо и как-то по-детски не хотелось верить.

Восставшему было не привыкать в одиночестве странствовать дорогами Междумирья, но на сей раз он сразу почуял неладное.

Что это за глухая заводь, где даже обычной живой магии раз, два и обчёлся?

Что за огненную реку он, Ракот, пересёк в своём падении?

Где он очутился?

Новые Маги и их глупые нападки Восставшего сейчас не занимали. Надлежало вернуться к Обетованному и Тёмным Легионам. А пока...

Он привычно воззвал к Тьме, к её эманациям, к Кипящему Котлу.

Тьма тут была. Но... хилая, истончённая, словно тень в сумерках, между темнотой и светом.

Впрочем, со светом и прочим дела обстояли не лучше.

Кипящий Котёл не отзывался. Совсем.

Словно его никогда и не существовало.

Ракот гневно сощурился, зло дёрнул алый плащ.

Этого не могло быть, однако же было.

Да, ни Котла, ни Урда, ни Источника Мимира. Медленно-медленно ползёт, словно вода в застойном болоте, животворная сила – ей неоткуда получить обновление, ничто не толкает её вперёд.

Восставший сел прямо там же, где и стоял, стиснул ладонями виски, в которых зло застучала кровь.

Если невозможное становится возможным, то или ты перестал быть тем, кто есть, или необратимо изменился мир вокруг тебя.

Если изменился он, Ракот, – значит, кто-то другой сделался и Владыкой Тьмы, и повелителем Кипящего Котла, кто-то другой обрёл власть над Мраком, кто-то другой поставил под свою руку его легионы. А сам Ракот Восставший теперь... кто он теперь?

Или же что-то поистине невообразимое случилось с Упорядоченным – все три Источника разом погибли, скажем.

...Но погибли тогда не только три Источника – куда-то, выходит, исчез и Неназываемый.

Катаклизм куда более всеобщий, чем даже ударивший под корнями возродившегося Иггдрасиля четвёртый исток магии.

Восставший сердито потряс головой. Как так? Почему? Отчего?!

Очень хотелось зарубить кого-нибудь причастного к таким шуткам. Если это выкрутасы Новых Магов, поклялся Ракот, им не поздоровится. Ой как не поздоровится!

Или это причуды Дальних? Если это они сумели провернуть интригу с быкоглавцами и штурмом Обетованного?..

Нет, не сходится. Никто из ведомых Ракоту сильных Упорядоченного не способен был на такое.

Только если что-то не изменилось, да так, что все прежние представления о «силе» обратились в труху.

И установить это можно одним-единственным способом – добраться, ну, хотя бы до того же Кипящего Котла. Тогда многое станет ясно – для начала, кто наложил на него лапу.

В животе у Восставшего бурчало от голода; самым правильным сейчас было бы сбросить этот облик, сменить его на нечто молниеподобное, пронестись огнистым болидом сквозь Межреальность, и...

Нет, вдруг ощутил он. Здесь настолько мало живой силы, что подобные вещи, Истинными Магами проделываемые инстинктивно, безо всякой мысли, навроде того, как обычный человек поднимает руку, стали крайне трудны даже для Нового Бога.

Восставший нахмурился, повёл плечами и зашагал, как он умел – прямо сквозь Межреальность, не следуя проложенным тропам, но пролагая свои собственные. Окраинные области Упорядоченного бедны населёнными мирами. Ракот оставлял за спиной колоссальные расстояния, а вокруг расстилалась одна лишь пустота. И – пробираться становилось всё

тяжелее – Новый Бог осознал, что устаёт и выбивается из сил, словно простой смертный.

Это тоже новое. Можно растратить силы, творя могущественные чары, направляя потоки магии – но не пробираясь по Междумирию!

– Куда же вы меня загнали, а?! – с яростью прорычал Восставший.

Однако ни он, ни Хедин за все бессчётные века, пока длилась их уже прошедшая вечность, не сталкивались с подобным. Были закрытые миры, но чтобы вот так вот истончилась сама животворная сила в Межреальности, вдали от всего и вся, – такого не бывало даже в самых близких к Хаосу пределах.

Дорога грозила растянуться. А ведь ещё нельзя забывать о той огненной реке... тоже невесть откуда взявшейся.

Нет, похоже, поспешать придётся медленно. Иначе ему грозит просто никуда не успеть.

Лучше всего, если он найдёт сейчас мир, где оставались бы поклоняющиеся Тьме, то есть ему; но на такую удачу рассчитывать, конечно, не приходилось.

И потому, стиснув зубы, Ракот вновь шагал и шагал, раскрывая перед собой пространство и захлопывая его, словно дверь, за спиной. Впервые он шёл наугад, не ощущая направления ни на Обетованное, ни на любой из Источников, ни на ключевые миры.

Словно всё это разом исчезло из Вселенной.

И да, требовалась пища. И силы. Живая добыча, даже если это тварь Междумирия, сгодилась бы и помогла, пусть и на время.

Но здесь даже охотиться было не на что. Вокруг Восставшего расстилались унылые равнины, где в смутном сером тумане тонул взор, не находя, за что зацепиться.

Неправильная Межреальность. В голове не укладывается!.. Да, развоплощённым и на Дне Миров Восставший тоже был отрезан от потоков силы, они не касались его даже легчайшим дуновением, но то было Дно Миров, а вокруг – окраинная, захолустная, но обычная Межреальность.

И это обстоятельство просто сводило с ума.

Где он очутился? Как отсюда выбираться? Где привычное, знакомое с первого проблеска сознания, течение живой силы? Что творится сейчас в Обетованном – если оно вообще цело? Что с Источниками? Что с братом Хедином, что с Сигрлинн? И – самое главное – что с Райной, что с Рандгрид Разбивающей Щиты?

Что, если они все?..

От одной этой мысли Восставшего пробил холодный пот.

Конечно, ему не привыкать к одиночеству, он провёл тысячу лет развоплощённым, заключённым в незримую клетку на Дне Миров, без единого слова, обращённого к нему; но после этого терять обрётённое было особенно нестерпимо.

«Нет, Рандгрид. Я Ракот, чтобы одолеть меня, в прошлый раз потребовалась вся сила Молодых Богов. И сейчас я тоже не сдамся, я дойду!..»

...Он пробивался, стиснув зубы, словно простой смертный через пустыню. Сила сочилась сквозь сущее по капле, скупое, точно пересыхающий родник, и это тоже невозможно было уразуметь.

Мало-помалу даже неистовый дух Восставшего начал покрываться пеплом сомнения. Ему так не дотащиться – он бредёт почти наугад, ориентируясь по смутным следам собственного падения.

Следовало остановиться. Остановиться, разобраться, скопить силы, понять, что случилось, где Источники... и единственный способ это сделать – обосноваться в каком-то из миров.

...Мир сыскался не скоро. В тусклой серой мгле замаячило чуть более светлое пятно – отблеск небесных сфер. Это подходило – впрочем, сейчас подошло бы что угодно.

Спуск Восставшего в новый мир не отличался торжественностью. Воин в алом плаще – осунувшийся, с ввалившимися щеками, с всклокоченными волосами и запавшими глазами, но по-прежнему гордо расправлявший плечи, – он шагнул сквозь небо, оказавшись, наконец, на твёрдой земле.

Выпрямился, хрипло выдохнул, утирая взмокший лоб. Никогда ещё Владыка Тьмы не ощущал себя настолько измотанным и уставшим – даже нисхождение в мир дорого ему обошлось.

Дорого теперь обходилось вообще любое магическое усилие.

– Н-да, – огляделся Владыка Тьмы. – Нечего сказать, мир...

Он не мог терять время на бесплодные блуждания и потому постарался сразу же спускаться поближе к крупным городам. Требовались сторонники, требовались маги – Ракот сознавал, что придётся прибегнуть к долгой и правильной осаде, коль уж с налёта прорваться к Обетованному не удалось.

Мир был сер, пылен и уныл, почти ничем не отличаясь от Межреальности вокруг него.

Примученные леса и низкорослые, худородные злаки на полях. Обмелевшие реки, домишки, что едва удерживали на плечах своих стен

даже нетяжёлые соломенные крыши. Дороги, грязные и разбитые, с вечными лужами, хотя по жёлтым до срока листьям казалось, что местность изнывает от засухи.

Держа чёрный меч на плече, Ракот Восставший вступил в деревушку – на горизонте уже виднелись острые шпили близкого города, судя по всему, немаленького. Обычно такие селения живут лучше других, торгуя на городских рынках, но сейчас Ракота встретила жуткая нищета. Измождённые куры рылись в мусоре, тощие свиньи, больше похожие на потерявших шерсть псов, уныло бродили вдоль единственной деревенской улицы; люди кое-как, вяло и равнодушно копошились в иссохших огородах, провожая Ракота безучастными взглядами, хотя воитель семи футов ростом, богатырской стати, не мог не вызвать интереса хотя бы у местных красавиц.

Возле деревенского колодца молча ждали своей очереди селяне с деревянными вёдрами. На Ракота лишь покосились – ну, пришёл, значит, пришёл, жди, пока мы наполним.

– Что за беда здесь приключилась, добрые люди? Война? Мор? Голод?

Всё та же привилегия Нового Бога – речь его понятна во всех уголках Упорядоченного.

Сгорбленные спины, пустые взгляды были ему ответом. Никто даже не повернулся; кто-то что-то буркнул неразборчиво, да и всё.

– Я бы хотел помочь, – проговорил Восставший. – Быть может, завёлся где-то злобный колдун? Может, правитель последние соки из вас выжимает?..

Старик, стоявший прямо перед Ракотом, только проворчал что-то, опять же, не поворачиваясь; но босой юноша, худой и загорелый почти до черноты, в простой холщовой рубаше и серых портах, устало поднял на Восставшего взгляд – в уголках глаз желтоватый гной.

– Уходи, чужеземец. Мы прокляты. Так сказали жрецы Истинного Бога...

– Ага! – усмехнулся Восставший. Это уже было кое-что. – «Истинного Бога», говоришь ты? Вы, значит, прокляты, а они, готов побиться о заклад, живут припеваючи, купаются в роскоши?..

– Нет, чужеземец, – покачал головой юноша. – Жрецы умирают первыми, они раздали все запасы, помогая тем, кто голодает. У нас-то ещё ничего, а вот в... – и он пустился в описания земель, названия которых, само собой, Ракоту ничего не говорили.

– Гм, – задумался Восставший. – Раздали все запасы, похвально. А что же боги? Они не помогают?

– Боги умирают... – прохрипел кто-то из очереди возле самого колодца. – Старые Боги, которым поклонялись раньше...

– А как же Бог Истинный?

– Служащие ему жрецы праведны, но самого его никто никогда не видел, – покачал головой юноша.

– Уж не Спасителем прозывается он? – нахмурился Ракот. Ответом ему стали лишь недоумевающие взгляды.

– Спасителем? Не, не Спасителем. У него нет имени. Он просто Истинный Бог...

– Ладно, – не стал спорить Ракот. – Но... колдуны или чародеи у вас есть? Пытаются ли как-то сладить с бедой? И, кстати, что это точно за беда? Ты так и не сказал мне, добрый человек.

– У нас, славный воин, – обернулся наконец к Восставшему старик, – всё вместе. И мор, и глад, и война. Земля не родит, люди болеют. Дети мрут, у скота падёж. Шайки бродят... грабят, последнее отбирают. А колдуны... что колдуны, такие же люди, им тоже страшно. Мы-то, старики, своё отжили, нам и так в домовину скоро, а вот детей жалко...

– А в городе, – указал Ракот, – колдуны есть?

– Есть, как не быть, – вздохнул старик. – Целое кодро у них там. Совет какой-то, иль гильдия, иль ещё как...

– Цех, – вставил юноша. – Цех Чародейский.

– А как его сыскать? Может, дорогу кто-то покажет?

– Да чего ж её показывать? – пожал плечами юноша. – Прямо на главной площади, где рынок, рядом с ратушей. На ратуше две башни, а на Цехе три. Вот где три, туда и надо, да только пустое дело ты затеял, воитель...

– А вы уже все помереть готовы? – громыхнул Ракот гневно. – Разве люди могут так просто сдаваться?

– Мы не сдавались! – Что-то похожее на гнев скользнуло и во взгляде его собеседника. – Колдуны искали, жрецы искали... думали, зло какое завелось... искали-искали, так ничего и не нашли...

– А давно у вас так?

– Давно, – вздохнул старик. – Уж третий годок маемся...

Третий год, подумал Ракот. Что-то, выходит, случилось тут три местных года назад, и не только в этом мирке, но и в его окрестностях.

Три года – это если время здесь течёт так же, как и в «основном» Упорядоченном. Однако оно вполне может идти и быстрее; а он, Ракот, пробиваясь сквозь тенёта тощей Межреальности, вполне мог утратить его счёт.

– И никакого «зла», верно?

– Верно, – согласились сразу несколько мужиков. – Искали-искали, и жрецы, и король, и рыцари евоные... да всё попусту.

– Грят, мир сам помирает, – прошамкал старичок. – Последние, грят, деньки настали...

– Это мы ещё посмотрим. – Ракот поудобнее переложил чёрный меч. – Значит, Цех на главной площади?.. Что ж, спасибо, добрые люди. И погодите отчаиваться!..

– Постой, чужеземец! А ты-то сам кто? Говоришь гладко, по-нашему, словно вырос тут! – наконец решился юноша.

– Кто я? – Ракот расправил плечи, гордо вскинул голову. – Ракот. Ракот, рекомый Восставшим.

Недоумённые взгляды, пожимания плечами.

– Понятно, – вздохнул Владыка Мрака. – Я воин. Из... издалека. Постараюсь помочь, добрые люди. И – не отчаивайтесь!..

...Легко сказать – «не отчаивайтесь», да трудно сделать. Ракот миновал городские ворота – стены потрескались, створки не закрываются, перекосились, петли покрыла ржавчина. Стражу нёс всего один немолодой ветеран, уныло ссутулившийся на бочке. Пошлины за вход никто не собирал, да и у немногочисленных прохожих, судя по их виду, уже давно не случалось гроша за душой.

На Ракота стражник воззрился было, но потом только махнул рукой, что-то пробурчав себе под нос и отвернувшись.

Восставший шагал узкими пыльными улочками, где все дома выглядели так, словно хозяева побросали их годы и годы назад. Штукатурка потрескалась, ставни отвалились, окна где выбиты, где затянuty паутиной – и уныло бредут куда-то жители, уставясь себе под ноги.

Рыночная площадь когда-то, наверное, была богатой и праздничной, с обширным торжищем – от всего этого остались лишь длинные ряды, сейчас почти совершенно пустые, с покосившимися прилавками, упавшими полами и считаными продавцами и покупателями.

Ракот только покачал головой. И направился напрямик к Цеху – над которым, в полном соответствии с описанием, вздымались три башни.

Здесь были высокие арчатые двери, украшенные тонкой резьбой, – свившиеся в клубок драконы, выдыхавшие пламя. Восставший ощутил, что ещё совсем недавно эта резьба выглядела живой – искусные чары создавали полную иллюзию рвущегося на волю драконьего огня.

Теперь же заклятие утратило силу, и остались только слабые алые

отблески на отполированном металле.

Здесь никакой стражи не стояло даже для виду.

Внутри всё говорило о былых славе и роскоши: мраморные полы, выложенные причудливыми магическими символами всех цветов радуги; статуи в нишах, изображавшие почтенных седобородых магов и весьма вольно одетых чародеек (хотя их скорее следовало бы назвать раздетыми). Под высоким потолком – дивная люстра из самоцветов и хрусталя, сверкающая даже под слоем пыли.

И – никого. Тишина, запустение, мертвенность.

Ракот начал подниматься по широченной мраморной лестнице.

– Эй, есть кто живой?

Молчание.

– Есть кто живой, спрашиваю? – гаркнул Владыка Тьмы во всю мощь.

Кристаллы в люстрах и светильниках отозвались жалобным звоном.

На втором этаже в глубь здания уходил длинный широкий коридор. Стены отделаны роскошными резными панелями из чёрного дерева – запylёнными, а местами даже потрескавшимися.

– Кто... кто там? – наконец раздался старческий голос.

Медленно, со скрипом, раскрылась одна из боковых дверей, на пороге явилась сутулая фигура, опиравшаяся на роскошный посох – наверху тускло, едва заметно светилось.

– Кто-кто, дед никто! – не удержался Ракот. – Что тут у вас творится?

– Кто... такой? – всё так же скрипуче осведомился голос.

– Ракот. Ракот Восставший.

– Ракот... – Фигура застыла, обеими руками цепляясь за посох. – Ну, входи, коль пришёл, Ракот Восставший. Вижу, ты могучий воин... и недуги последнего времени тебя миновали...

– Миновали, да. Но я видел беды и разорения на пути сюда... и хотел бы помочь.

– Помочь?.. – с горькой насмешкой переспросил старик. – Увы, чужеземец по имени Ракот Восставший, это невозможно. Но... входи, входи. Делать всё равно уже нечего. Скоротаем последние мои часы в беседе, приятной, насколько это возможно. Вот только угостить мне тебя нечем, гость...

Перед Владыкой Мрака стоял тощий согбенный старик, словно сошедший со страниц книги «Кто такие чародеи и как они должны выглядеть». Длинная тёмно-синяя хламида с вышитыми на ней золотом рунами и звёздами, длинная борода, кустистые седые брови и глубоко посаженные глаза.

В общем, сразу видно – перед Ракотом настоящий волшебник.

Однако борода была космата, нечёсана и нечиста – в ней застрял какой-то сор. Мантия – не чищена, помята, обтрёпана понизу. Посох треснул и потому обмотан серой грязноватой пенькой.

– Входи, назвавшийся Ракотом, – посторонился старый маг. – Войди во скромное обиталище последнего из чародеев Майнардского Цеха!

– Как величать тебя, почтенный? – осведомился Ракот, шагнув через порог.

– Ах, могучий воитель Ракот из неведомых краёв, какая разница? Был я некогда первейшим из первых, главой Цеха и Игетисом Союза Творящих Чары, Лейстогом^[1] Собрании Достойных, и прочее, и прочее, и прочее... ныне же сам видишь ты, до сколь низкого состояния докатился и Цех, и я сам!

Покой, куда старик пригласил Восставшего, некогда был столь же богато разубран, как и всё здание. Тяжёлая мебель чёрного дерева, украшенная золотыми вставками, ковры от стены до стены, витражи на окнах, хрустальные светильники...

Так было.

Сейчас же здесь, как и везде, царила пыль, подлокотники и спинки кресел потрескались, кристаллы угасли, и повсюду были кое-как приткнуты самые обычные свечки, оплывшие и покосившиеся. В углу – неряшливое ложе с грудой грязных покрывал, от которого дурно пахло.

– Зови меня Марви, могучий воитель. Прости, я не могу понять, откуда ты родом? Выговор твой чист, словно ты из самой столицы, но я не припоминаю никого твоей стати и твоего имени. Низовые бароны? Верховые графы?..

– Ни то и ни другое, почтенный Марви. Вглядишься в меня повнимательнее, и ты поймёшь.

Маг подслеповато сощурился. Его пошатывало, он даже стоял с трудом, тяжело опираясь на посох.

– Прости, могучий. Мне совсем плохо эти дни. Не смейся над бедным старым магом, утратившим...

– Я не из вашего мира, – проговорил Восставший, осторожно касаясь сморщенной руки старика. – Здесь не слышали ни обо мне, ни о брате моём Хедине, но это не важно. Я поделюсь с тобой силой, чародей Марви, а ты поведаешь мне, что у вас случилось три года назад...

Старик тоненько вскрикнул, дёрнулся, затрясся, глаза широко раскрылись.

– А-а-а!.. – заверещал он, рухнул на колени, пытаясь отползти. – Ты –

вы – он!..

– Успокойся, почтенный, – рыкнул Ракот. – Ты не ошибся. Я именно тот, за кого себя выдаю. Я поделился с тобой силой, ты заглянул в меня и знаешь, что я не лгу. И теперь ты, досточтимый маг, расскажешь-таки мне, что у вас стряслось. Со всеми подробностями.

– Да, да, великий... – сбивчиво бормотал чародей, кое-как пытаясь подняться – до тех пор, пока Ракот не подхватил его на руки, как ребёнка, и не водрузил на кресло. – Прости меня, великий... прости... сияние скрытого света твоего поистине ослепило меня...

– Дай ещё раз руку, – потребовал Восставший. – У меня нет с собой никаких припасов, но...

Силы вливались в измождённого мага, сгорбленная спина распрямлялась, пальцы переставали трястись, взгляд очистился.

– Слушаю и повинуюсь, великий. Ты вложил жизнь в твоего отныне и навек верного слугу, милость твоя бесконечна...

Ракот уже почти бросил «не нужны мне твои славословия!», но вовремя остановился, потому что эти «славословия» при нынешних делах очень даже могли пригодиться.

– Рассказывай, почтенный, прошу тебя.

И Марви стал рассказывать.

...Бедя настала внезапно и резко, словно горный обвал. В оный день, ничем не отличавшийся от других, маги Цеха вдруг обнаружили, что привычные чары или перестали работать, или почти потеряли силу. В груди ощущалось непонятное стеснение, многие жаловались на удушье, даже молодые и сильные; в дальнейшем чувство это ушло, но прочие беды остались и мало-помалу усугублялись.

Стали чахнуть леса и посевы, скот тощал, безо всяких видимых причин отказываясь есть. Начались бунты и беспорядки, «чернь подступала даже и к самому Цеху, пытаясь призвать магов к ответу».

– Это понятно, – нетерпеливо перебил Ракот. – Видел по пути сюда, что у вас творится. Говори о том, что ощущали вы, чародеи!

– Что мы ощущали, великий? – поник головой Марви. – Магия уходила из мира, словно вода из прохудившегося меха. И вместе с ней таяли наши жизненные силы, как после кровопускания у цирюльника. Болезни, которые раньше проходили сами по себе, теперь убивали. Снадобья, экстрагированные из целебных злаков и корней, утратили лечебные качества. Магия перестала течь, перестала двигаться... Словно кто-то на реке плотину воздвиг, великий Ракот, да простит он слова недостойного слуги своего...

– Плотину, значит, да?
– Плотину, великий. Мы люди простые, чародеи смертные, однако что такое великий ток магии, знаем. И направление его определять умели.
– Хм, направление?
– Да, великий. Мы смогли установить, что магия подобно ветру и воде имеет направление тока своего...

А вот это интересно, подумал Ракот. Наверное, только здесь, на самом краю ойкумены, такое и возможно, ибо в центре Упорядоченного, вблизи Источников, магия течёт словно бы во все стороны разом, и от тебя, и на тебя. А здесь всё не так.

– Мы установили наличие трёх полюсов магии, от которых она словно бы истекает, свершает круг и возвращается в них, подобно воде, возвращающейся к нам дождевыми тучами и снегом. После же того, как обрушилась эта беда, магия двигаться перестала и полюсов мы больше не чувствовали. Мой ученик, Гримхен Хитроумный, утверждал, что сумел обнаружить и четвёртый полюс, внезапно возникший из ниоткуда, но ему, само собой, никто не поверил, слишком уж он был... хитроумный. Любил, знаете ли, присваивать себе сделанное провинциальными чародеями...

– А направление? Если есть... «плотина», значит, есть и дорога к ней? Марви вздохнул.

– Великий, мы потратили эти три года на поиски. И получалось у нас – пока работали хоть какие-то чары, – что плотина везде, и не плотина она вовсе, но стена, нас со всех сторон окружившая. И нет в ней прорех, и непонятно даже, насколько она далеко...

– Сплошная стена? Без прорех? А как она возникла?

– Но разве великий и сильномогучий не ведает? – округлил глаза старик.

– Я очутился здесь недавно, – отвернулся Ракот. – Много неясно даже мне. Вы, смертные, зачастую куда изобретательнее, чем кажется.

– Благодарю тебя, великий, за добрые слова, – голос Марви аж задрожал. – Но... что же нам делать? Очень скоро жизнь здесь угаснет совсем. Маги из моего Цеха разбежались кто куда... потеряли надежду. Скажи, великий Ракот-из-за-Неба, что будет? Что предпринять? И можно ли ещё?

«Тут я должен сказать что-то пафосное, что, дескать, «надежда есть всегда», – подумал Восставший. Да, надежда есть всегда – у самого сильного, самого злобного врага найдётся уязвимое место, и смертные пусть с потерями, но одолеют, жизнь возьмёт своё. А тут? Когда уходит сила самой жизни? Так, будто исчезает воздух?

– Предпринять можно многое, – тем не менее жёстко бросил Владыка Тьмы. – Сможешь ли ты собрать всех оставшихся магов твоего Цеха? Сможешь ли послать весть в другие Цеха?

– Собрать тех, кто остался в городе, – можно, – кивнул Марви. – А вот послать весть... наши шары далековидения перестали действовать, и даже твоя помощь, великий, тут ничего не изменит, – ты поделился силами со мной, я смогу наладить один шар, но кто наладит остальные?

– Понятно, – сдвинул брови Восставший. – Тогда собери, кого сможешь, Марви.

– Как будет угодно великому. – Старик склонил голову. – Но... может, потребно что-то ещё?

– У вашего Цеха было что-то вроде... ну... заклинательного покоя? Рунная магия, магия кристаллов?

– Есть, великий! – обрадовался Марви. – Как не быть!.. Он, гм, конечно же, заброшен, там, гм, пыль и паутина...

– Не важно. С пауками я как-нибудь справлюсь. Собирай чародеев, маг! У нас мало времени.

* * *

Прямой дороги к Хьёрварду больше нет. Нет и к Обетованному, и к Долине Магов, и к Кипящему Котлу, и к Источнику Мимира, не говоря уж о светлом Урде. Огневеющий Хаос ворвался в глубокие, неведь откуда взявшиеся расщелины, словно воздвигнутые Творцом барьеры внезапно разошлись.

Молчат розовые кристаллы, сюда не доходят вести ни от подмастерьев в Хьёрварде, ни от иных отрядов. Магия здесь почти не движется; обычные смертные пока не чувствуют удушья, но вот чародеи уже встревожились не на шутку.

Хедин Познавший Тьму явился перед своим воинством спокойным, ничуть не взволнованным. Выдержку сыграть не так уж трудно, он привык, маска давно приросла к лицу. Сейчас те, кто за ним пошёл, должны видеть своего Бога знающим, что происходит и что требуется сделать. И не важно, что чувствует он сам, какая бездна разверзается сейчас у него под ногами. Да и ему, Хедину, следует больше вспоминать арсенал божественного, а не того привычного, что пришло из времён Поколения и Замка Всех Древних.

Пробившее слои Межреальности и сбросившее сюда всю его армию устройство распалось прахом. Создатели жуткой машины оказались

предусмотрительны – оно дошло до барьеров Творца, до границы Упорядоченного, и разлетелось облаком пылающего пепла.

Однако и пепел хранит память пламени – зачастую куда более глубокую, чем хотелось бы. Что ж, этим следует воспользоваться. Коль скоро чародеи вроде «Кора Двейна» не гнушаются использовать все доступные средства для достижения цели, – Хедин вправе поступить с ними точно так же.

Коричневокрылый сокол взвился над местом, где разбилось диковинное устройство. Торопливый Кирвад уже вёл туда же всех, кого успел собрать из владеющих тем или иным чародейством: своих сородичей, Древних Богов родного мира, колдунов, шаманов, варлоков, заклинателей из числа смертных племён.

Не впадай в панику, Познавший Тьму, твердил себе Хедин, закладывая широкую дугу над грудой дотлевающего пепла. Случилось что-то из ряда вон, ну так вся твоя жизнь была, есть и будет таковой – из ряда вон.

Давай рассуждать логически, по порядку. Во-первых, огненный Хаос, прорвавшийся в Упорядоченное. Этого не может быть, потому что не может быть никогда, ибо соприкосновение материи Упорядоченного и того, что пребывает вечно разупорядоченным в пределах Хаоса, ведёт к взаимному их уничтожению.

Следовательно, прорвавшийся Хаос ограждён некими барьерами, сходными с теми, что и по сей день хранят Вселенную. С барьерами, установленными самим Творцом.

Во-вторых, неестественная умалённость магии. Она течёт еле-еле, силы кое-как хватает, чтобы поддерживать жизнь в его воинстве, но не хватит ни на какое серьёзное магическое воздействие.

Этого тоже не может быть, потому что не может быть никогда. Магии из Упорядоченного просто некуда деться! Не открылся же внезапно бездонный колодец, не явилось голодное до силы чудище, подобное Неназываемому!..

И, кстати, в-третьих – о самом главном. Почему и куда пропали прямые пути, почему не отзываются кристаллы, куда делись источники магии и Неназываемый? Или это делся куда-то в неизвестность сам Хедин?..

Сокол еще раз заложил круг над местом падения, хотя лететь здесь было крайне трудно – слишком близко к границам сущего, слишком сильны злые истечения Хаоса. Нет, он не сдастся, он не сдастся никогда!..

Тёмный небосклон полыхал алыми зарницами; то тут, то там сквозь плоть Межреальности пробивались огненные протуберанцы –

вырожденная материя не выдерживала тяжести насочившегося Хаоса и вспыхивала очистительным пламенем, словно сама Вселенная старалась не допустить распространения заразы.

Междумирье здесь делалось тонким, едва удерживающим даже опытного чародея. Исчезала всякая жизнь, и лишь с хрустом и треском, словно льдины, сталкивались сорванные очередным огненным языком с мест пласты реальности.

Армия Хедина следовала за ним, наводя мосты через раскрывающиеся огнистые пропасти – заклятиями заставляя Междумирье вытягивать длинные языки. Войско торопилось и не считало потерь: порою люди сами срывались в пропасти, порою из бездны вырывались клубящиеся протуберанцы, слизывая зазевавшихся. Мельком Новый Бог подумал о Гелерре, о том, как она бы пригодилась сейчас с её крыльями, но адата выбрала совсем иной путь. Долго им не продержаться, конечно. Здесь не бегут ручьи и не бьют источники, и, хотя в мехах ещё хватает запасов, очень скоро они покажут дно.

Нужен будет живой мир, любой, чтобы уже оттуда потом искать дорогу назад.

Но вначале предстояла совсем иная работа – по остаткам пепла понять, что же учинили творцы сей дьявольской конструкции.

Вокруг Хедина дрогнула, всклубившись и стягиваясь в тугой шар, рассеянная сила. Её не хватало, и Познавший Тьму, поколебавшись, почерпнул её в том самом колодце, что и в день последнего штурма Хединсея, – в вере смертных.

Он словно глотнул жидкого пламени после прохладной влаги горного ручья. В жилы вливалась огненная ярость людского племени, в которой ему нет равных во всей Вселенной. Даже самые свирепые, самые упорные племена – те же быкоглавцы – уступают здесь людям.

Вера смертных дарует крылья, и она же делает воспользовавшегося ею уязвимым и зависимым. Хедину всегда хотелось этого избежать, но, видно, обходить этот закон умел один только Спаситель.

Познавший Тьму всё кружил над зачарованным местом, аккуратно огибая вставшие дыбом торосы Междумирья. Пепел, оставшийся после того, как догорели последние обломки, эманировал, и эманировал сильно. Хедин ожидал ощутить тут силу Хаоса и не удивился, когда в золе и впрямь шевельнулось нечто из-за пределов Творца; однако, помимо этого, нашлось и многое другое.

Кто-то искусно сплёл воедино множество самых разных сил, действующих в Упорядоченном. Далёкие и смутные отзвуки Духа

Познания. Неопределённые отголоски Демогоргона. Силы Древних Богов и сила демонов. Отыскиались даже следы Молодых Богов, Спасителя и нечто, напоминающее о седой древности, когда Поколение Познавшего Тьму ещё не отыскало дорогу к Замку Всех Древних.

Блики, отзвуки, тающие в тумане времени следы. Все – донельзя слабые, смутные, смешивающиеся; порой невозможно было понять, слышится ли эхо Соборного Духа на самом деле, или это только игра воображения. Трудно было понять, а ещё труднее – отыскать в памяти пепла сотворивших его, их лица, их помыслы, их цель... Вот именно – цель.

Хедин кружил, дожидаясь своего воинства, и с каждым мигом в нём росла и росла тревога, становящаяся острой, режущей болью.

Пока что он запретил себе думать о том, что значит «прямой дороги к Обетованному больше нет». О том, что случится с Сигрлинн и подмастерьями, с названным братом Ракотом, со всей колоссальной Вселенной, которую он был поставлен хранить.

Не сейчас. Сейчас нельзя. Самый главный враг в эти мгновения – твоё отчаяние. Поэтому займись, Познавший Тьму, чётким и конкретным делом – разберись в остаточных эманациях на месте взрыва. Это будет не так-то просто и быстро!..

...Осаду пепельной кляксы пришлось вести по всем правилам магического искусства. Кирвад суетился, но распоряжался довольно-таки толково. Вставшие на дыбы чёрные торосы соединили мостки и лесенки, сооружённые из всего, что нашлось под рукой в лагере; колдуны и шаманы окружали место падения целой сетью своих фигур, рун и чар – а сведение всего этого вновь взял на себя Кирвад, его крутые рога так и мелькали то тут, то там.

Хедин, вернувшись в человеческий облик, мерил шагами окружность пепельного пятна, расставлял свои кристаллы – они не способны дотянуться до Обетованного, так пусть послужат хотя бы здесь!

...Мало природной силы, зато горяча в венах сила верящих в него. Хедин ловил на себе тысячи взглядов – надежда, уверенность, восторг, лихость. Мы всё преодолеем, мы всё превозможем; с нами наш бог, наш Познавший Тьму!

И он, чувствуя холод в сердце, торопился, составлял свою собственную магическую фигуру вокруг разметающейся золы.

И когда последний из кристаллов занял положенное место, Познавший Тьму дал волю собранной мощи.

С пальцев его потекли потоки золотистого света, мягкого, словно

пшеничное поле на закате. В ответ один за другим вспыхивали кристаллы, им, в свою очередь, отзывалось сотворённое смертными чародеями. Где-то чары вступали в конфликт, где-то сыпались искры, вспыхивало пламя, но главное – магия Познавшего Тьму и его смертных соратников работала.

Хедин творил подобное со своими подмастерьями, но никогда – с таким числом обычных чародеев.

Вера делала чары смертных колдунов податливыми, легко вливающимися в большое заклинание; он словно ставил друг на друга лёгкие, как пух, и почти бесплотные кирпичи.

Пеплу придётся отозваться.

Невидимый шарик пускового заклęcia покотился, активируя один за другим целые каскады чар. У свернувшегося сытым питоном горизонта взметнулись новые протуберанцы, волны алого света побежали по изломанным пластам Междумирья, чернота нехотя отступала.

Пепельное пятно окружил целый рой многоцветных огоньков; вспыхивали поставленные Хедином кристаллы, туманно и зыбко, словно болотные гнилушки, светились возведённые колдунами, шаманами и Древними заклęcia.

Заклęcia Познания. Самые разные, соединившиеся сейчас в длинную цепь, начавшую постепенно сжиматься.

Подрагивающие блики напоздали со всех сторон на тёмный безжизненный пепел; и Познавший Тьму болезненно сморщился, стоило им коснуться чуждой золы.

Она была мертва так же, как мертвы лежащие в гробах; и так же, как лежащих в гробах может пробудить заклęcie некроманта, так и чары Хедина пробудили дважды сожжённое.

«Дай ответ!» – по серому пятну заскользили разноцветные отсветы. «Дай ответ!» – на их пути пепел вдруг начинал шипеть, плевать тёмными искрами, испуская струйки дыма. «Дай ответ!» – резкие и злые толчки силы достигли Хедина, и Новый Бог, преодолевая боль, принялся вбирать их в себя.

Он настойчиво искал, словно голыми руками роясь в грудe пламенеющих углей. Следы не могли не остаться!.. Никто из чародеев не может предусмотреть всего, надо только искать, искать и не сдаваться!.. В открывшемся ему яростном хаосе сил, однако, чувствовалось больше гнева, чем смысла. Ненависти, презрения, упрямства – более чем достаточно. А смысла – увы, куда меньше.

И лишь когда Хедин, словно пуская встречный пал, двинул навстречу этому жару огонь веры смертных, раскалённая мешанина стала обретать

подобие читаемости.

Он ощущал биения чудовищного полуживого механизма, где были слиты бронзовые шестерни и распяленные, иссечённые ножами вивисектора живые твари. Выловленные где-то в глубинах Упорядоченного, изменённые неумолимой магией бестии оказались живой частью исполинского снаряда, боевого устройства, равного которому ещё не знало сущее.

Они были страшны и уродливы, эти существа, имевшие изначальное сродство к магии, но они были живыми; а их изловили и хладнокровно вскрыли, чтобы срастить плоть с металлом.

Страдания и боль тоже могут быть источниками силы, как и горячая, искренняя вера.

Это было важно, но Познавшему Тьму требовалось иное; и он, шипя от боли ожогов, пробивался всё глубже и глубже, к сердцевине памяти пепла. Там, под муками и отчаянием безгласных созданий, крылось самое важное – намерения творцов кошмарного устройства, способного крушить пласты Реальности.

Да! Вот они! Есть!..

Глубоко-глубоко, под многими напластованиями бессмыслицы и хаоса, крылось именно то, что он искал, – память бронзы и плоти, слышавших чужие слова, сохранивших их в ничтожнейших, казалось бы, колебаниях остаточной магии. Конечно, это не страницы открытой книги – лишь смутные обрывки, перемешанные и рваные.

Хедин видел лица – два мужских и женское, черты их кривились, искажались, и невозможно было разглядеть ничего иного – ни места, ни времени, ни подробностей.

Не слышал он и голосов. Однако сквозь творимую магию пробивались свирепая гордость и угрюмая решимость. Они не наслаждались муками, но и не скорбели по их поводу; они делали то, что считали нужным.

Человеческое, очень человеческое.

А вот и Новые Маги!.. Знакомая ещё по Северному Хьёрварду и Орде нотка. Знакомая, однако не ими вплетённая. Чуждая для людей, создававших систему, магия была приспособлена, как преобразующий компонент – не слишком изящно, но крепко и практично.

Этот капкан должен был захлопнуться, когда он, Познавший Тьму, или же Ракот Восставший, а лучше всего – они оба оказались бы в пределах досягаемости.

Но не только. Потому что просто «сбросить Хедина на Дно Миров» или в места, на него похожие, не имеет смысла.

Капкану следовало сработать только вместе с какими-то куда более мощными чарами, смутными, туманными и с самой поимкой Познавшего Тьму совсем не связанными.

Что-то грандиозное должно было случиться в Упорядоченном, чтобы всё это сработало бы, как задумывали творцы ловушки. Хаос? Огневеющий Хаос, вдруг ворвавшийся в самое сердце сущего?

Но зачем?!

Познавший Тьму искал ответ и не находил.

А меж тем в дотла сгоревшем, где шипел дым и зола плевалась искрами, что-то начинало оживать, стягиваться в узлы, прорастать жилами, набухать мышцами, одеваться бронёй; чары Познавшего Тьму вдыхали жизнь в однажды отпылавшее.

– Вы и это предусмотрели... – сквозь зубы процедил Новый Бог.

Впрочем, подобное как раз напрашивалось. Если его, Хедина, удастся сбросить в «назначенные бездны», то, ясное дело, он попытается разобраться, как оно вообще так вышло.

И ясно, что на этом пути его будет ожидать сюрприз.

Над тёмными изломами поднялись пепельно-серые гребни и иглы, тускло блеснула багряным отсветом протуберанца змеиная чешуя. Плоская голова отделилась от мрака, жёлтые мертвенные глаза уставились на Нового Бога; а затем исполинское тело заскользило, извиваясь, среди чёрных торосов реальности, сквозь дымящиеся контуры магических фигур – туда, где собралось воинство Познавшего Тьму.

В считанные секунды царственный змей покрыл две трети отделявшего его от армии Нового Бога расстояния. Пропasti и бездны были ему нипочём, он скользил над ними, словно по водной глади.

Что-то немыслимо древнее читалось в сером чудовище, выдернутое из привычного обиталища, и преданное мукам, и сожжённое, и воскрешённое магией самого Хедина...

Проклятье, когда он так близко подобрался!..

Познавший Тьму ринулся наперерез, бросив кристаллы и фигуры, рванул сотканный из искорок Пламени Неуничтожимого меч. Пославшие чудовище всё рассчитали правильно – Новый Бог не бросит своих сподвижников.

Как же мало тут силы, как же трудно творится самое простое!..

И как пригодился бы сейчас летучий чёрный зверь брата Ракота!..

Он успел – едва успел – оттолкнуть бесстрашно выступившего навстречу чудищу Кирвада. Смешной порою сильван отнюдь не был трусом.

О чешуйчатую морду змея уже сломалась не одна стрела, но созданная из пепла тварь всё ползла и словно бы росла; тело, толщиной изначально в полный обхват взрослого, сделалось как крепостная башня; кольца вздымались, словно самые высокие деревья.

В жёлтых глазах, уставившихся на Познавшего Тьму, виднелись края каких-то зубчатых колёс, словно и сам этот змей был наполовину механическим страшилищем.

– Твои создатели ошибаются, – негромко сказал Хедин, глядя прямо в блестящие буркала. – Им меня не остановить. И такие, как ты, – просто краткая задержка. Но если они, несмотря ни на что, могут меня слышать... лучше бы вам прекратить начатое. Это последний добрый совет, что я могу вам дать.

Змей выслушал всё, чуть склонив голову набок, точно и в самом деле стараясь понять обращённую речь.

А потом изгибы серого тела стремительно распрямились, тварь ринулась в атаку, но не на самого Хедина, а левее, стараясь дотянуться до смертных его соратников.

Ураган стрел, камни, копыя, даже какая-то утварь – войско встретило врага всем, что было под рукой, за исключением магии.

Змей только встряхнул мощной головой – разве же его остановит обычная сталь?

Меч из Пламени Неуничтожимого сверкнул, оставляя за собой огненную дорожку; в шею чудовища ударила сорвавшаяся с лезвия клубящаяся алая волна. Серая броня почернела, треснула, разлетаясь облаком оплавленных осколков; удар Познавшего Тьму должен был снести твари башку, но вместо этого лишь рассёк чешую; обнажились жгуты мышц, а среди них – зубчатые колёса и рычаги, сращённые с живой плотью.

Кор Двейн, или как там было его истинное имя, не считал зазорным повторяться.

– Ашшш... – вырвалось вдруг из раскрывшейся пасти. – Вашшш боххх бессилён!.. Смотрите вссссе!.. Он – бессилён!..

Чьё-то копьё ударило змея между глаз, отскочило в сторону – бесполезно. А Хедина словно окатило вдруг ледяной обессиливающей волной.

– Вашшша магия на меня не действует! – Змей свивал чудовищные кольца; рана на шее не кровоточила. – Ни вашшша, ни вашшшего бохха!

Понятно. Создатели капкана предусмотрели и то, что Познавший Тьму обратится к вере в него, и сейчас пытались её поколебать.

Что ж, похоже, дело решит не только владение тонкими чарами.

Хедин, Новый Бог Упорядоченного, встал перед змеем, пламенный меч смотрит прямо в жёлтые глаза.

– Твои хозяева слабы и ничтожны, – голос его гремел, плащ развевался, вскинутый клинок яростно сиял. – Они прячутся за твоей спиной, несчастное создание, боясь схватки лицом к лицу. За все твои муки они оплатили тебе последней, конечной гибелью. Кто ты? Назови себя, чтобы я знал, кого навечно развоплощу в нашем мире!..

И вновь змей не принял вызова, вновь попытался проскользнуть мимо Познавшего Тьму; удар Хедина, нацеленный в шею, приняло на себя одно из колец, – и змей отделался лишь рассечённой чешуёй.

Сильваны и кентавры, люди и немногочисленные Древние подались назад – чудовище казалось неуязвимым. А Хедин почувствовал, как горячая сила веры, поддерживавшая его... нет, не то чтобы иссякла, но словно подёрнулась тонкой корочкой льда.

Он вновь преградил змею дорогу. Ярость поднималась внутри, разламывая нарастающий лёд.

– Тебе не уйти! – Огненный меч всё так же смотрел в жёлтые глаза страшилища.

– Никто не уйдёт, – неожиданно ясно и чисто ответил змей. – И ты тоже.

Его кольца разворачивались, существо бросилось мимо Хедина так стремительно, что глаз не мог различить его движения; однако пламенный меч вновь встретил змея на полпути, и на сей раз броня подалась сильнее.

Пламя Неуничтожимое рассекло чешую, металл и плоть, почти отделив голову от чудовищного туловища.

Исполинская туша, однако, не забилась в агонии, она начала деловито разворачиваться, одновременно удлиняясь. А змей продолжал вещать, и голос его слышало всё войско:

– Ваш бог бессилен. Он не может даже убить меня. Он обманул вас и завлёк на гибель – здесь, на задворках миров. Он...

Меч Хедина вновь взлетел, удар рассёк голову надвое, однако слова змея, неожиданно чистые и правильные, длились и длились:

– Он не бог! Он жалкий обманщик! И то, что я до сих пор говорю, – доказывает это! Он даже не может убить меня!

Ярость клокотала у Хедина в груди, однако лёд нарастал сильнее. Новый Бог задышался, пот заливал глаза, кисть с трудом поворачивалась, удерживая меч. Проклятье... и об этом они подумали! И этой силы хотят меня лишить! И этой надежды!.. Лёд расползлся, вера угасала, каждый

вздых отдавался острой болью в груди.

Что смертные, угрюмо подумал Хедин, перехватывая меч. Они всего лишь смертные, трудно винить их в том, что они так легко поддаются страху, что их так просто сбить с пути. Они же не боги.

Но потому им и нужен их бог.

– Ты не пройдёшь!!! – рыкнул он что было силы. Таким голосом мог бы гордиться сам Ракот.

Меч Изначального Пламени взлетел и рухнул, и на сей раз не промахнулся; голова змея покатила меж изломанных пластов Междумирья: тёмно-алое лезвие рубило и рубило, исторгая алое пламя, обращая мёртвую уже голову в мешанину костей, мяса и металла.

Слова змея звучали всё глуше, пока не стихли совсем; исполинское тело замерло серой холмистой грядой, протянувшись прямо над пропастями.

И рядом с ним замер, обессиленно рухнув на одно колено, сам Познавший Тьму.

Спутанные волосы мокры от пота, ноет каждая жилка. Словно... словно чем меньше веры в него, тем в нём самом больше человеческого.

Как же вы хитры, Кору Двейны... хитры, изобретательны, находчивы; но при этом и самодовольны, и самоуверенны без меры.

Потому что сейчас он уже знал.

Три размытых лица обрели чёткость, Познавший Тьму словно бы стоял у них за плечами, когда они, посмеиваясь, плели эти чары – действительно сложные, настоящий шедевр, ничуть не уступающий ловушке Игнациуса, но даже, пожалуй, её превосходящий.

Кор Двейн. Скьёльд. Соллей. Два мага и волшебница. Люди, смертные люди, такие же, каким некогда был и мессир Архимаг... люди, просто поднявшиеся очень высоко...

Но что-то не укладывалось в эту простую и логичную картину.

Изощрённость чар?

Изобретательность, тончайшая работа с силой, до какой не могли подняться даже Безумные Боги?

Это было красиво, тонко, глубочайше продумано. Неожиданные связи живого с неживым, смелая игра на противоположностях, дерзкие нарушения баланса и равновесия – всё это выдавало не просто умелых ремесленников, даже не мастеров; тех, кто не просто стоит на плечах гигантов, но сам, без сомнения, таким гигантом является.

И это наводило на размышления.

...Отдышался Хедин далеко не сразу. Всё-таки как же мало тут

осталось магии...

Он так и стоял на одном колене, пока к нему, осторожно переступая копытцами, не дерзнул приблизиться Кирвад.

– Великий?.. – робко начал сильван.

– Сейчас, – глухо отозвался Познавший Тьму.

– Великий бог Хедин, что с тобой? – тревожился Кирвад. – И...

– Потом все расспросы, потом. – Хедин поднялся медленно, с трудом. Не сразу попав острием в ножны, спрятал меч. – Бой... закончен. Надо выбираться отсюда.

– Какие будут приказания, великий? – сразу же приободрился сильван. Да. Это верно, самое главное – отдать приказания.

И не вспоминать о змее из пепла, словно его и не было.

– Собрать все припасы. Счесть. Поставить надёжную стражу. Мы двинемся... как только я свершу необходимые чары.

– Да, великий! – Кирвад уже просто сиял. – Я донесу твоё слово. Усомнившиеся будут посрамлены!

– А что... таковые имеются? Так быстро? – Слова давались с трудом. Тем более что ответ он знал и так.

Сильван смущённо потупился.

– Великий бог Хедин... не гневайся... сердца смертных слабы, иные из них, влекомые порывом, хоть и благородным, но кратким...

– Сердца смертных, Кирвад, сильнее всего в сущем.

– Да, великий. Конечно, великий. Никто не дерзнёт противоречить, великий, – зачастил сильван.

Хедин вздохнул. Да, они усомнились. Что поделать – ему предстоит ещё немало идти по этой проволоке, словно ярмарочному плясуну, сохраняя их веру, ибо и смертные, и их бог сейчас как никогда нуждаются в ней.

Вздыбленные кольца змея меж тем рассыпались серой пылью, он вновь становился пеплом, из которого и был сотворён.

Воинству Познавшего Тьму предстояла дальняя дорога.

* * *

Войско Познавшего Тьму вновь шло через Межреальность, но на сей раз – скорее влеклось или даже тащилось.

Силы становилось всё меньше, она иссякала. Сперва все в армии Хедина заметили, что магия истончилась, потом как-то привыкли,

приспособились, как привыкает человек к более разреженному горному воздуху; но постепенно стало ясно, что и этого «истончённого» перестаёт хватать.

Хедин видел, с каким трудом даются чары колдунам и шаманам. Видел, как всё чаще останавливаются его бойцы, тяжело дыша, словно после долгого бега. Лучше других держались Кирвад и другие Древние Боги (вернее сказать, «божки»); но на сколько их хватит?

Тем более что, как сознавал Познавший Тьму, дорога никуда не вела. Ветры магии стихли, поток её почти остановился, не стало ни троп, ни даже направлений.

Дорога никуда не вела, но зато теперь Хедин точно знал, кто его враг.
Кор Двейн. Скьёльд. Соллей.

За этими тремя именами вставала не просто история трёх удачливых смертных магов, поднявшихся очень высоко, куда выше, чем предначертано. В их чарах Познавший Тьму чувствовал тьму веков и эпох, превосходящую его собственную жизнь, растянувшуюся на целые эоны.

Он чувствовал следы птицеглавых наставников – в элегантности и отточенности чар, вызвавших к жизни пепельного змея.

Он чувствовал властные нотки Молодых Богов – в самом полёте сквозь Упорядоченное разбившегося снаряда.

И, конечно же, он ощущал множество знакомых мотивов его собственного Поколения – начиная от зофаров Сигрлинн, авалонских муравьёв Мерлина, мягких и обволакивающих чар нежной Фелосте.

Магия Лунного Зверя. Магия Алчущих Звёзд. Магия Медленной Воды.

Обрывки, отзвуки, отсветы. Смутное эхо, преломлённое и преображённое.

Вы перестарались, зло думал Познавший Тьму. Я знаю о вас теперь куда больше, чем вам бы того хотелось. Да, я трачу силы верящих в меня, чтобы они могли идти и дышать; вы попытались убить эту веру, но опоздали.

Вместе с яркой, жгучей верой сподвижников пришёл и гнев, более достойный Ракота.

Нет такой преграды, что нам бы не удалось проломить. Я нырнул в бездну Неназываемого и вернулся, так неужто нас остановят теперь какие-то «разломы Хаоса»?

– Великий бог Хедин?

Кирвад осторожно заглядывал Познавшему Тьму в глаза.

– Да простит меня великий бог, но... я – и другие Древние – стараемся ободрять воинство, и...

Познавший Тьму шагал в голове войска, словно простой воин, разом и творя путь, и делая так, что на тропе можно было дышать.

– Число колеблющихся умножается? – не поворачивая головы, бросил Хедин.

– Н-нет, не так, чтобы очень, великий... но и не очень, чтоб так!

– Понятно, – усмехнулся Познавший Тьму. – Говори им – мы идём штурмовать преграду, какую не штурмовал доселе ни один из смертных или бессмертных. Мы уже победили Спасителя. Мы взяли верх над магами-ренегатами, их замок уничтожен. Наше нынешнее положение – просто ещё одна ступень перед конечной победой. Я здесь, я со своими верными и никогда не покину их!

– Верно! – вскричал Кирвад, воспламенившись. – Всем надо славить великого Хедина! Славить денно и ночью!.. Я возглавлю!.. Я зачну!..

И сильван умчался, мотая рогатой головой и топоча копытцами.

Вскоре многочисленные голоса и впрямь затянули торжественный гимн – в его, Хедина, честь, – а сам Познавший Тьму ощутил, как кровь становится горячее в жилах.

И часть этого жара ему удавалось пустить на сгущение вокруг той самой животворной силы, коей так не хватало его воинству. Он, как мог, прокладывал короткую дорогу. Решительный натиск – даже с потерями – куда лучше долгой осады.

Тем не менее настораживало – а где сейчас и чем заняты Орлангур с Демогоргоном? Неужели ничего не заметили, не почувствовали, не обратили внимания? А если заметили – то почему молчат? Помнится, Золотой Дракон достаивал Познавшего Тьму разговорами по куда менее значимым поводам. А тут такое – невесть откуда взявшиеся реки Хаоса!..

Но ни Дух Познания, ни Соборный Дух себя не обнаруживали. И редкие миры, что оказывались на пути, выглядели словно деревья глубокой осенью – тусклые, облетевшие, полубезжизненные. А ведь там сейчас тоже очень плохо, думал Хедин, хмурясь. Я поддерживаю воинство их собственной верой, трансформируя её, – а как же там? Но, с другой стороны, помочь им я могу, как можно скорее убрав все преграды, а для этого надо идти вперёд, и только вперёд.

Плотину можно только взорвать. Нет времени искать сложные обходные пути.

Время тянулось томительно. Великая река изрядно замедлила тут своё течение; в иных мирах, похоже, и вовсе почти остановилась, пока в Межреальности проходил день – там успевали миновать годы.

И Междумирье здесь умирало тоже – Хедин никогда не видел

настолько опустошённых, безжизненных областей. Остатки хищных лесов рассыпались серым прахом, чудовища погибли, густые многоцветные заросли увяли и лежали бурыми грудками – они совсем не могли выживать без потока магии.

Познавший Тьму лишь мрачнел и всё торопил и торопил воинство.

...Он ощутил барьеры задолго до того, как они преградили путь. Межреальность снова сделалась совсем раздробленной, фрагментарной, словно кто-то исполинским цепом раздробил слои реальности на множество мелких осколков; чтобы проложить по ним тропу, их следовало ещё собирать.

Если бы не вера воинов – Познавшему Тьму пришлось бы совсем худо.

Да, преграда близка, и да, за ней – Хаос. Привычный, знакомый, тот самый Хаос.

Хаос тот же самый, да, а барьеры перед ним – что, неужто и они тоже воздвигнуты Творцом, изначально отделившим от него Упорядоченное?

Вблизи от них, случалось, в материальный мир просачивался Хаос – и после бездны Неназываемого Хедин понимал почему.

Однако даже проникнув в ненавистную вселенную, Хаос не мог развернуться – сгорал в постоянно тлеющем пламени, поддерживаемом ветрами силы, таял алыми сполохами в черноте Межреальности.

А здесь барьер удерживал его полностью.

Познавший Тьму не поверил ни собственным чувствам, ни собственным глазам. Но элементарные заклятия поиска (потребовавшие, однако, совсем не рядовых усилий) явили то же самое – Хаоса не было.

Крышка гроба заколочена прочно и качественно, всем на зависть.

Да, ничто не проникнет извне, но и ничто не выберется изнутри.

Могила, а над ней – даже не каменная плита, но целый горный хребет.

Воинство Познавшего Тьму остановилось, повинувшись его команде. Дальше идти не было смысла – «плотина» рядом, исполинская, необозримая и невидимая.

Разбитое вдребезги Междумирье обернулось тучей мелкой пыли; исчезли последние намёки на реальность. Магия возле самой стены двигалась самую малость быстрее – сказывалась близость безумного Хаоса, – но недостаточно, чтобы Познавший Тьму прекратил бы поддерживать своё воинство.

Прорыв. Только прорыв. Там, за огненной рекой до предела разупорядоченной материи – остальное Упорядоченное. Туда надо прорываться, да так, чтобы остался мост, соединяющий эту несчастную область с материнским пространством; не хватит никакой веры смертных,

чтобы спасти отрезанные непонятными чарами миры – да и всю остальную вселенную, где без него наверняка творится Орлангур ведаёт что.

У него, Хедина, будет только одна попытка. Это стало ясно, едва Познавший Тьму прикинул мощь требуемых чар, ещё даже не зная, как именно он станет их складывать и налагать.

Это вам не пепельного змея из золы вызвать...

Только одна попытка – даже самой горячей, самой искренней веры в него не хватит на большее.

– Кирвад! Разворачивай лагерь. И помните – ни шагу за пределы! Там ничего нет, ни опоры, ни тяги, ни дыхания. Даже вам, Древним Богам, там делать нечего.

– Да, великий Хедин, – потупился сильван. – Мы пытались высунуться... В конце концов, негоже сидеть на шее великого бога, мы же Древние, как-никак! Да только ничего не вышло. Не удержаться даже, не говоря уж о том, чтобы путь проложить. Словно кость дубиной раздробило, в пыль, ничего не осталось.

Познавший Тьму кивнул.

– Поэтому мне потребуетесь вы все. Я оповещу войнство, скажу своё слово. Мы или прорвёмся, или... – Он махнул рукой.

– Никаких «или», великий бог! – возмутился Кирвад. – Мы всё преодолеем! Всё преодолеем! Ведь с нами великий Хедин, и мы – его верные!..

– Да, Кирвад, – с каменным лицом ответил Познавший Тьму. – Всё именно так. Мы всё преодолеем.

Сильван поклонился, церемонно помахав шерстистой рукой.

Ишь, поскакал... Ну, пусть его. Знание, как известно, должно даваться по способности его усвоить.

Глава 2

О́дин, Отец Дружин; Фредегар и Робин, подмастерья Познавшего Тьму

– Великий О́дин, Отец Богов. – Человек, высокий и стройный, гордо откинув голову, стоял перед Старым Хрофтом. Глаза говорившего полнил белый огонь. – Правильно ли я понял? Ты готов вести воинство Древних Богов? Готов сразиться и повергнуть узурпаторов, разрушителей равновесия?

За ними негромко шелестел листво́й исполинский Иггдрасиль, священный ясень; вокруг поднимались стены Асгарда Возрождённого, и замерли полукругом за спиной Отца Дружин остальные Асы. У ног негромко журчал ручей, выбивавшийся из-под корней великого древа, – четвёртый Источник магии в Упорядоченном, нарушивший стройную систему трёх вершин – светлого Урда, тёмного Котла и не имеющего цветов ключа Мимира.

– Именно так, посланец Дальних, – кивнул Старый Хрофт. – Моё слово нерушимо. Ты привёл воинство, и теперь я готов возглавить его. У тебя есть сомнения, почтенный?

В слепых белых глазах ничего не возможно было прочесть.

– Ты только что... не был среди живых, Древний Бог О́дин.

– Я вернулся, – невозмутимо объявил Отец Дружин. – И теперь готов.

– А остальные? – указал кивком на других асов посланник.

– Остальные останутся. Им предстоит совершить иное.

– Что ж, тогда... – Казалось, Дальний колеблется. – Ты отыщешь Хедина и Ракота?

Старый Хрофт молча кивнул.

– И дашь им бой?

Вновь кивок.

– И победишь?

– Конечно, – пожал плечами Владыка Асгарда. – Уж не думаешь ли ты, посланник, что я пытаюсь увильнуть от собственной клятвы?

– Что думаю я – не важно, Древний Бог О́дин. Важно лишь исполнение твоего слова.

– Веди, – резко бросил Старый Хрофт, шагнув вперёд.

Зиявшие на его груди раны закрылись, словно пламя, порождённое

Локи, без остатка пожрало и пролитую кровь, и разорванную плоть.

Они так и вышли за могучие врата Асгарда, туда, где терпеливо ждала армия, собранная Дальними.

Да, на неё стоило поглядеть.

Со всех концов Упорядоченного, из дальних и ближних миров явились Древние, пробуждённые потоками новой силы, возвращённые к жизни, выползшие из логов и пещер; удивительные, причудливые – великаны и карлики, создания уродливые и совершенные, почти не отличающиеся от людей и абсолютно на них не похожие. Их ряды растянулись; Древние терпеливо ждали, хотя смирением мало кто из них отличался.

Здесь под спудом кипела древняя магия, давно забытые и злобные заклятия готовы были сорваться и воплотиться.

Ибо Дальние поистине постарались, приведя сюда, к Асгарду, самых яростных и неукротимых Древних, тех, кому хватило хитрости избежать карающей длани Ямерта и кто тысячелетиями копил ненависть – ко всем, кто «наверху», из-за кого они, Древние, пребывают в полузабвении, из-за кого их алтари перестали обагряться жертвенной кровью.

Самые изворотливые и в то же время – самые голодные до драки, до боя, истосковавшиеся по мести. Хель по сравнению с ними показалась бы матерью Милосердия, волк Фенрир былых времён – образцом кротости, а, к примеру, старые ётуны – идеалом дружелюбия и гостеприимства.

Да, Дальние постарались.

Этому воинству потребуется много, много живой горячей крови.

Но воину не пристало жаловаться на остроту меча, даже если он подобрал чужой клинок в пылу схватки.

Владыка Асов сражается тем, что есть.

Старый Хрофт вскинул руку, и с пепельных небес в его длань послушно соскользнула белая молния. Кажется, посланнику Дальних стоило немалых усилий не выдать своего удивления.

Зато взоры всех Древних обратились на Владыку Асгарда. Молния трещала и извивалась в его кулаке, словно невиданное, до самых туч протянувшееся вервие, точно живая змея, отчаянно пытавшаяся вырваться.

– Внемлите мне, братья! – глас Отца Дружин пронёсся над равнинами Иды, и теперь уже посланник Дальних не пытался скрыть удивление – совсем не так должен был говорить тот, кого только что выдернули из-за края смерти с развороченной грудью.

– Внемлите! – гремел Старый Хрофт, и своего он добился – ему внимали. – Мы идём в бой! В бой, столь же славный, как и Боргильдова Битва! Мало кто из вас там был, но все её помнят – поле осталось не за

нами, но великую честь сыскали все, бившиеся там! Сейчас враг пред нами ещё более грозный – тем больше будет наша слава! Пойдём и победим!

Глотки взревели в ответ. Кто потрясал когтистыми лапами, кто распустил щупальца, а кто и вскинул зачарованный меч, долгие века дожидавшийся света в глубине лесного укывища.

– Всё приготовлено, Древний Бог Óдин, – вставил посланец Дальних. – Припасы, караван – всё. Осталось только двинуться.

Старый Хрофт не удостоил его ответом. Разжал ладонь, и молния, словно выпущенная на волю птаха, исчезла в низких облаках.

– Идём, – не поворачиваясь, бросил Отец Дружин.

– Да, дядя, – немедля отозвался Фенрир.

* * *

– Оставайтесь здесь. – Старый Хрофт стоял перед собравшимися Асами. Фригг обнимала мужа, прижавшись головой к его плечу; Сиф повисла на Торе, остальные асы и асиньи тоже разбились парами. – Оставайтесь здесь. Вы нужны тут, а там, куда иду я, – будете лишь помехой. Не для того я вырвал вас из серых царств, не для того вернул вам самость, чтобы вновь потерять!..

– Но, владыка! – Локи учтиво склонился. – Старший брат мой названный, быть может, мы окажемся...

– Быть может. Но сберечь вас – важнее. Помните пророчество вёльвы, помните слово о Рагнарёке?

Асы переглянулись. Как же такое забудешь!..

Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блесит
на мечах богов;
рушатся горы,
мрут великанши;
в Хель идут люди,
расколото небо^[2].

– Мы верили, что так будет. Так не стало, руны судеб причудливо смешались. Новый Иггдрасиль простёр свои ветви, а под его корнями –

новый источник магии, неведомый нам. Пророчество вельвы всё ещё живо. Оставайтесь здесь, дети мои. Храните Асгард. Наполните его жизнью. Ожидайте моего возвращения. А если появится Гульвейг, Мать Ведьм... выслушайте её речи со вниманием и осторожностью и ответьте, что, дескать, без хозяина Валгаллы ничего ни решить, ни сделать не можете. Всё ли понятно? Тебе, Тор, старший мой сын? Тебе, Фригг, супруга моя?

– Мне ясна воля твоя, супруг мой, – склонилась асинья.

– Тебе, Локи, младший названный брат мой, я поручаю дела хитрости и изворотливости. После Боргильдовой Битвы мы знаем – спасует сила, но превозможет в конце концов хитрость, ибо не грубой силой одолел я врага и не грубой силой же вырвал вас из узилища.

– Я исполню всё, великий Ас Воронов, – с непривычной торжественностью склонился бог огня.

– Всеотец, свекр мой... – робко заговорила прекрасная Сиф, – неужто ты оставишь нас во тьме невежества, свершив столь невероятное, лишь тебе, Великому, под силу?..

– Повесть моя будет длинна, невестка, – усмехнулся Отец Дружин. – И я непременно поведаю её вам. По возвращении. А пока – прощайте! И берегите Асгард...

И вот теперь длинная колонна Древних шла сквозь Междумирье, а впереди всех – Отец Дружин рядом с Фенриром. Чуть приотстав, шагал и посланец Дальних.

– Скажи мне, Древний Бог Óдин...

– Уж не намерен ли ты следовать за нами до самой битвы? – усмехнулся Старый Хрофт. – Уж не приставлен ли ты ко мне надсмотрщиком, посланец? И, коль это так, отчего бы тебе самому не возглавить воинство? Зачем тебе я?

– Равновесие, Древний Óдин, равновесие. Несмотря на всю важность нашего предназначения, мы должны соблюдать законы. Чем точнее, чем сбалансированнее всё будет исполнено, тем ближе к идеалу получится конечный... – Посланец оборвал речь.

– Ага, – усмехнулся Отец Дружин. – Молодые Боги, помнится, сами сражались только в первой вой-не, когда мы с ними переведались в Боргильдовой Битве. А потом всё больше чужими руками. Вы тоже, выходит? А вот помнится, когда Хедин сидел в осаде на острове своём, ваши тоже вышли переведаваться. Зелёные колонны, каменные воины, помнишь ли такое, посланец? Вы тогда ещё души исторгали... Славная была битва!^[3] Теперь, значит, другие времена настали?

Посол ответил не сразу, словно безмолвно с кем-то посоветовавшись.

– Тогда были другие времена, Древний Бог. К цели – идеалу – ведёт много путей, они должны быть соответствующим образом испробованы. Мы не пытались вас остановить, мы лишь разворачивали ваш путь в должном направлении...

– Хитро, – ухмыляясь, покачал головой Старый Хрофт. – Дрались мы тогда, помнится, насмерть – а это, выходит, всего лишь «направление пути» было. Ну, ладно, так – так так. Да, а души-то!.. Что вы с ними-то делали? Теперь уж, наверное, можно сказать, коль мы с вами в одном строю?

– У нас было много путей, – холодно повторил Дальний. – В том числе и с душами. Мы... исследовали и изучали... нельзя ли их использовать в построении конечного и идеального. Начинали с душ сильных и смелых, кому доставало силы противостоять нам.

– И что же? Что вышло?

– Древний Бог, это не имеет отношения к нашему делу. Я не брал обязательства отвечать на все твои вопросы.

– Разве так ведут себя союзники, вместе идущие на смертный бой? – пожал плечами владыка Асгарда.

– Что изменит для тебя мой ответ? – с неожиданным раздражением бросил посол.

– Доверие. Это слово тебе неведомо, досточтимый?

– Доверие... – В заполненных белым огнём глазах не мелькнуло тени выражения. – Мы пробовали оживлять наши... конструкторы... вселением душ смертных... тогда это представлялось хорошим способом достижения цели без излишних затрат.

– Без излишних затрат? – Старый Хрофт поднял бровь.

– Именно. Упорядоченное конечно, конечно и заключенное в нём. Наше предназначение требует точного расчёта. Чем меньше ошибка, тем ближе к идеалу. Но оказалось, Древний Бог, что подобные конструкторы ненадёжны, души в них не находят равновесия, пребывают в постоянных возмущениях...

– Я бы на их месте тоже возмутился.

– Да нет же, – поморщился Дальний. – «Возмущение» – в смысле «отклонение от равновесия». Конструкторы теряли управляемость и в конечном итоге распадались. Мы отказались от них, как и вообще от исторжения. Идеал требует идеального, а души оказались весьма далеки от идеала, недаром смертные – главное препятствие на пути создания... – Он вновь осёкся. – На пути исполнения нашего предназначения.

– Отрадно, – отрывисто бросил Старый Хрофт. – Помнится, мне под вашей... э-э-э... под вашим... в общем, под той зелёной призрачной

штуковиной было ой как невесело.

– Сожалею, – холодно отозвался посланец. – Тем не менее непоправимого ущерба ты, Древний Бог, не понёс.

– Тем не менее это последнее предназначение ваше, движение к идеалу...

– А чего ты хотел, Древний Бог?! – с неожиданной горячностью вдруг заговорил посланец. – Тебе неведомо, что свой конец есть у всего? Даже того, что выглядит вечным и неизменным? Жизнь человеческая кажется бесконечной с точки зрения мотылька-однодневки; и точно так же она – краткий миг по сравнению с бытием эльфов; ну, а их жизненные сроки бледнеют рядом с возрастом самого Упорядоченного. Но свой конец встретит всё. И ты, Древний, и мы – говорящие с тобой сейчас. Мы лишь стремимся, чтобы этот конец стал новым началом, а не именно «концом», бессмысленным и безжалостным.

– Новым началом? – пожал плечами Хрофт. – Что такое «начало» – каждый понимает по-своему...

– Новый Творец. – Дальний глядел прямо перед собой, в глазах пылало такое пламя, что освещало дорогу перед ними. – Новый Творец, идеальный, свободный от недостатков нынешнего. Новый Творец, который даст жизнь новому Упорядоченному. В котором потом появимся мы – в должное время. И так – без конца. Каждый следующий Творец – чуть ближе к полному и абсолютному идеалу.

– Звучит, – с неопределённым выражением протянул Отец Дружин. – А что же случится, когда Идеал будет достигнут?

– Идеал будет существовать поистине вечно, – отчеканил посланец.

– И вы...

– Мы станем не нужны и прекратим быть, – последовал холодный ответ. – Это и есть наше самое главное, величайшее предназначение. По сравнению с ним всё остальное совершенно ничтожно.

– Что ж, красиво, да. – Отец Дружин оглянулся на следующее за ними воинство Древних. – Не думаю только, что вот им это следует знать.

– Совершенно согласен. Как и твоему волку не следовало бы.

– Это не «мой волк». Это мой названный племянник.

– Не важно. Так куда же проляжет твой путь, Древний Бог? Ты должен сразиться с Хедином, и...

– Наилучший способ вызвать Познавшего Тьму на бой – это атаковать его любимый Хьёрвард, – невозмутимо проговорил Отец Дружин. – Хедина даже не надо будет искать. Он сам явится к нам.

– Ты уверен?

– Абсолютно. К тому же мы ничего не теряем. Хьёрвард – здесь, рядом, прямо под нами, даже крюк не сделаем. А там – храмы Хедина, крипты поклоняющихся ему, он же всегда был очень чувствителен к потерям тех, кто ему служит. Непростительно чувствителен для бога, позволь мне сказать.

– Выглядит разумно, – настороженно проговорил Дальний.

– Чем ты рискуешь, посланец?

– Ничем, ты прав. Что ж, как ты верно сказал, Древний Бог, – доверие. Доверюсь и я тебе.

...Рать Древних шла равнинами Иды, приближаясь к тому неширокому разрыву Междумирья, за которым им предстоял спуск в Хьёрвард. Фенрир скользил рядом со Старым Хрофтом, мягко, бесшумно, как умеют только волки.

Ох, как же алчут крови те, что позади... Он, волк, чуял это всем существом, чуял их неистовую жажду – им всё равно, кого грызть, рвать и терзать. Трудно будет Асу Воронов сделать так, чтобы рвали и грызли они тех, кого надо, а не кого попало и всех подряд.

Да, вот только поглядеть на них!.. Вот, пожалуйста, Крокорр Кровавоклювый – тварь, некогда бывшая, наверное, птицей. Десяти футов ростом, весь покрытый зеленоватой чешуёй, из-под которой кое-где торчит оставшееся от перьев остьё. Уродливая башка с тремя глазами – третий аккурат в середине узкого лба, над длинным загнутым клювом тёмно-алого цвета, словно в запёкшейся крови. Вперевалку ступают обманчиво короткие лапы с когтями, как добрые кинжалы, тащится позади хвост, увенчанный внушительной костяной шишкой. Крокорр умеет подманивать жертвы, напуская колдовской туман, а потом долго мучает их, наслаждаясь ужасом и бессильными мольбами; до бессловесного зверья он не опускается, ему подавай человечину. Ему поклонялись лесные племена, порой даже не знавшие огня; они ходили набегами на селения пахарей, захватывали юных дев и отдавали на съедение своему кровожадному божку – он же взамен гнал в их силки и сети всяческих лесных обитателей.

Милейшее создание, подумал волк.

И другие: Нирдрус, сухопутный кракен; Белстуаннир, змеедева-вампириша; Заррос, земноводный броненосец, Отец Василисков, поражающий взглядом, – все шагают, ползут, перепрыгивают, и у каждого в горле клокочет: «Кровь! Кровь! Много! Очень много!»

«Ненавижу их всех, – вдруг подумал Фенрир. – Ненавижу, потому что сам был таким, потому что сидел в цепях, лелея планы мести, а потом...

А потом мне дали свободу. Вернули, точнее сказать.

И я поумнел».

Посланец Дальних после необычной для него разговорчивости погрузился в мрачное молчание.

– Хр-хрр-фыррш, – вдруг раздалось позади. – Кхрр-кхуда хырр-фырр идём? Где, хрр, еда?

– Скоро будет, – не оборачиваясь, бросил Отец Дружин. – Ты, Крокорр, наешься до отвала, это я тебе обещаю.

– Хрр-фышш, хор-хоррошо!

«Интересно, каков ты в бою, – мелькнуло у Фенрира. – Как бы то ни было, я никогда не убивал незащищенных и не имеющих шанса спастись, даже на охоте...»

Так, а это что ещё такое впереди? Что это за запах?... Мертвечина? Нет, не просто мертвечина, а... а...

Волк напрягся, чутко принюхиваясь и прислушиваясь. Что это за следы? Что за воинство прошло здесь? Не живое, это точно... Мёртвые! Да, верно, мёртвые! Широченная полоса – здесь прошли мёртвые души! Ведомые... ведомые... странный какой, будто знакомый запах...

– Великий Ас, – прорычал Фенрир вслух. – Всеотец, преклони слух к...

– Говори, племянник. И без этих словесных красот. Что ты учуял?

– Здесь прошло великое воинство, громадное, воинство мёртвых, облечённых мёртвой же плотью. Прямо туда, на Хьёрвард!

– Похоже, – не без иронии заметил Дальний, – тебя кто-то опередил, Древний Бог Óдин. Интересно, покажется ли там Познавший Тьму, как ты уверял? Или его следует всё-таки искать в иных местах?

– Войску – стой! – вместо ответа прогремел Старый Хрофт. – Хвалю, племянник. Что ж, давай посмотрим...

Смотреть пришлось недолго. Даже простой колдун или шаман из смертных сразу определил бы «дорогу мёртвых», широкий след, оставленный тысячами и тысячами неживых ног. Они шагали сквозь Межреальность, втапывая в прах её обитателей, кто не успел удрать куда глаза глядят.

И шли они прямо на Хьёрвард.

– Ты не мешкаешь, – услышал волк бормотание Старого Хрофта, но кто этот «не мешкающий», спросить не решился.

– Прекрасно, – громко провозгласил Отец Дружин. – Значит, Хедина сюда уже приманивают другие. Нам не придётся терять время. Вперёд, по следу!..

– Впереди – кровь, – предупредил Фенрир. – Живая кровь, немного, но... кровь, смешанная с магией.

Они были уже у самого Хьёрварда.

– Провал, – нахмурился Отец Дружин. – И воинство мёртвых... разбредось, уведено, сбито с пути...

– Дорогой ценой, – проворчал волк.

Он замер над телом рыцаря в некогда сияющих, а сейчас залитых высохшей кровью доспехах. Неподалёку от него застыла девушка с луком, тоже мёртвая.

– Магия... – Фенрир взглянул на Старого Хрофта.

– Сподвижники Познавшего Тьму. – Владыка Асгарда склонился над погибшими. – Это была славная битва – они достойны воссесть на почётных местах в Валгалле!

– Но кто мог их сразить? – удивился волк. – Если это ратники великого Хедина?

– Что ты чувствуешь, племянник? – Они замерли возле глубокого провала в ткани реальности.

– А чего тут чуют? – вместо него пожал плечами Дальний. – Здесь шла армия мёртвых, и вёл её их Водитель. Даже не надо ничего и вынюхивать.

– Водитель Мёртвых? Яргохор? – поразился Отец Дружин. Брови его сошлись.

– Он самый, – пренебрежительно отозвался посланец. – И шёл он прямо в Хьёрвард; только, как видно, не дошёл.

– Эй! Грррр! Ты, сыть, назад! – зарычал и клацнул зубами Фенрир – Крокорр уже подбирался к телу девушки, алчно прищёлкивая клювом.

– Фрхщ! – Крокорр нависал над волком, хлопая всеми тремя глазами. – Тр-рупп! Мяс-со! Фрхщ! Пр-роп-падает!

– Тебя не спросили, петух-переросток, – оскалился сын Локи.

Древний с известным недоумением вглядывался в Фенрира, у которого шерсть на загривке встала дыбом.

Старый Хрофт выпрямился, властно поднял руку.

– Этого добра впереди будет много. А доблестно павших в бою должно предать погребению, дабы они могли войти в залы Валгаллы!..

– Ты хочешь задерживаться? – недовольно осведомился посланец Дальних.

– Дела чести не могут задержать, – бросил в ответ Старый Хрофт, не

поворачивая головы.

...Они нашли и остальные тела. Радужный змей, пронзённый чудовищным клинком, на самом краю чёрной воронки; орк с огромной секирой. Два пепельных пятна, память пламени помогла: тут сгорели ещё один орк и гоблин.

И следы ещё одной жизни – мормата – исчезали в воронке.

– Они захватили Яргохора с собой... – прошептал Отец Дружин.

– И частью разогнали мёртвых, – подхватил рыскавший вокруг Фенрир.

– Но часть последовала и за ним...

– Однако доберётся до него ещё не скоро, – закончил волк.

Старый Хрофт кивнул.

– Но сперва... – Он нагнулся над уложенными в ряд телами. Орк-секироносец, рыцарь и лучница, руки сложены на груди, и у каждого – его оружие, чтобы было чем потешиться, когда придут в Валгаллу. Радужный змей подле них – он тоже достоин залов Всеотца.

Покрытые морщинами ладони Одина осторожно, нежно коснулись по очереди лба каждого из погибших; побежали язычки колдовского пламени, стремительно охватывая тела.

– Пусть лёгок будет ваш путь! – Отец Дружин воздел руки над клубящимся огнём, стремительно пожиравшим мёртвую плоть, а вместе с ней – и оружие с доспехами. – До встречи в Асгарде, за радужным мостом, в весёлой Валгалле, где вечен пир, и вечна охота, и вечна битва!

Волк вопросительно глянул на О́дина – Валгалла же пуста! – но, само собой, возражать не стал.

– Ну, а теперь мы можем двигаться дальше? – холодно осведомился Дальний. – Тем более, как я понимаю, эта армия не добралась до Хьёрварда, следовательно, Познавшего Тьму ожидать там нет смысла?

– Они не дошли, а мы дойдём, – решительно отрезал Отец Дружин. – Ты никому не веришь, посланник, это плохо. Вы никогда не умели ладить с союзниками, как я погляжу.

– Зависит от союзников, – недовольно заявил посланец. – Ну, давай уж куда-нибудь, Древний Бог О́дин! Только чтобы не стоять. Ты теряешь время, причём наше, а не своё.

На скулах Отца Дружин набухли желваки.

– Войску – марш! – проревел он, и колонна Древних тронулась дальше.

...Неупокоенные лопались, словно перезревшие груши.

Невысоклик Робин рвал тетиву лука так часто, как только мог. Фредегар, его соплеменник и товарищ, скручивал тугими незримыми жгутами силу, направляя её следом за пробивавшими плоть стрелами; она, эта сила, наполняла полуразложившиеся тела, словно худой мех, и разрывала на части.

Они трое – двое половинчиков и лекарь Фиделис – прижимались к стене храмового кладбища в Хедебю, торговом граде на южной оконечности Восходного Хьёрварда.

Прижимались к стене, а на них катилась волна неупокоенных. Восстал весь обширный погост, волна за волной накатывались на подмастерьев Хедина, но пробежать последние два десятка футов не удавалось никому.

Лекарь Фиделис застыл, прижимая к груди ребёнка, глаза закрыты, губы едва заметно шевелятся.

От него тоже волнами расходилась сила, но совершенно иной природы, нежели от Фредегара.

Фиделис никого не рвал в клочья, не разносил и не обращал во прах. Словно блики заходящего солнца играли на мягко колышущейся водной глади, спокойные и умиротворяющие. День закончен, исполнены труды, и можно, устроившись на завалинке, выкурить трубочку-другую, глядя, как носятся над полем стрижи.

Всё хорошо, всё спокойно.

Спокойно...

У Робина в колчане оставалась едва ли полудюжина стрел, когда набегавшие мертвяки стали подозрительно пошатываться, замедляя и замедляя шаг. На изуродованных, обезображенных тлением лицах стало появляться странное выражение, словно из-под страшных масок смерти проявились истинные облики, как при жизни, в счастливые её моменты.

Бег их останавливался, ряды неупокоенных замирали. И вскоре уже целый сонм их застыл, покачиваясь, устремив невидящие взоры в пространство.

Робин опустил лук, Фредегар устало уронил руки, не в силах даже утереть пот.

– Ныне же отпускаю вас, – негромко проговорил Фиделис. – Мир да покой, да сон спокойный, и никто не потревожит вас больше. Спите, родные!..

Один за другим мёртвые опускались наземь, не валились, как подкошенные, а именно опускались, словно укладывающиеся спать люди, вымотавшиеся за день от нелёгкой работы.

Укладывались, и тела их распадались лёгким белым пеплом, взлетающим и опускавшимся, словно пух.

Вскоре им был покрыт уже весь погост.

И воцарилась тишина.

– Велика ж твоя сила, лекарь... – пробормотал Робин.

– Не в силе дело, – печально вздохнул Фиделис. – Этих несчастных вырвало из сна злое чародейство против их воли. Баланс был нарушен... сильно и резко. Я восстановил. Но, друзья, если бы не вы – я не успел бы ничего. Лекарь без воина – ничто. Нужно было дозваться, чтобы услышали, пробиться сквозь голодную злобу... Если б вы не дали мне времени – все слова пропали бы даром.

– Но, во всяком случае, здесь наше дело сделано, – по-хозяйски огляделся Фредегар. – Кладбище упокоено, опасности для других нет, можно уходить – ты собирался вернуть ребёнка мастеру Яану, почтенный?

Фиделис кивнул.

– А потом?

– Потом мы должны будем остановить Спасителя, друзья мои. Я, неразумный, только теперь понял, что мне надлежало сделать с самого начала... – Он досадливо покачал головой. – Как говорится, добрым словом и добрым клинком можно добиться куда большего, чем одним лишь словом или мечом по отдельности.

– Остановить Спасителя!.. Но как? – не удержался Робин. Они втроём выбирались с погоста; вокруг не осталось никого живого, жрецы давно сбежали.

– Ты думаешь, у меня есть план, мой добрый невысоклик? – усмехнулся Фиделис. – Я не великий всезнающий маг, увы. Я немало бродил по мирам, да, но самое большее, чего добился – это отсрочки «спасения» нескольких миров. Но и это требовало времени – я ведь просто говорил всем, кто хотел слушать, что не надо бояться, что мы – люди и не только, смертные и бессмертные – если перед кем и виноваты, так друг перед другом, а не перед какими-то иномировыми силами и богами. Мы можем спасти себя сами, здесь и сейчас, а не в неведомом посмертии. Точнее, и посмертие наше будет подобно самой нашей жизни, ибо превыше всего в сущем – Справедливость, и ошибается тот, кто полагает, что от неё можно сбежать.

– И всё? – разочарованно протянул Робин.

– У меня нет волшебного слова, – развёл руками Фиделис. – Только знание. Спаситель не приходит туда, где его не ждут, где не просят их «спасти», где защищают себя сами. И это значит, друзья, что нам предстоит жестокая драка.

– Как на кладбище? Но ты же, почтенный, упокоил их всё-таки очень быстро!

– Я уже сказал – если б не вы, меня бы разорвали на куски, – бледно улыбнулся лекарь. – Такие фокусы не повторить по щелчку пальцев. Драться, увы, придётся не только и не столько с мёртвыми... Спаситель очень торопится, отсюда и тот поход армии павших, которую пытаются остановить наши друзья; а здесь, в Хьёрварде, нужно остановить тех, кто раскручивает панику, кто призывает Его.

– Втроём? – деловито осведомился Фредегар. – Это хорошо, это славно. Ученикам великого Хедина только такое и пристало!..

– Нельзя спасти того, кто не хочет быть спасённым, – не слишком понятно ответил лекарь. – Если слишком многие воззовут к Нему – мы с вами ничего не сделаем. Ну, может, выведем из Хьёрварда горстку тех, кто окажется рядом.

– А сейчас? Что же сейчас?

– Вернуть младенца. – Фиделис заглянул в лицо мирно спящему ребёнку.

– А потом?

– Ну я же не всеведущ, – беспомощно вздохнул лекарь. – Пойми, храбрый Робин, желание жить и сражаться – само по себе оружие. Уныние и отчаяние – увеличивают силы врага. Я всюду, где мог, старался распространить собственное слово... Но... – Он развёл руками.

– Понятно. «Будем драться», – невозмутимо кивнул Фредегар. – Как ты сказал, почтенный, добрым мечом и добрым словом.

* * *

Отец Дружин точно знал, что будет дальше. Подмастерья Хедина погибли не напрасно, Яргохору потребовалось некоторое время, чтобы выбраться из той пропасти, куда его сбросили.

Однако же он выбирался – с помощью последовавших за ним мёртвых воинов. Вернее, он даже не выбирался, он настойчиво пробивал себе дорогу – прямо под небеса Хьёрварда.

Думала ли ты, альвийская оружейница Айвли, чем обернётся

выкованный тобой меч, какую лавину потянет за собой?

И где ты сейчас? Чем занята? Хорошо бы посмотреть тебе в глаза, спросить – довольна ли ты? И кто помогал тебе сотворить такой клинок – клинок, обернувшийся новым Иггдрасилем?

Армия Древних шагала по облачной земле, высоко над туманами мира – а впереди горизонт набухал багровым. Яргохор не тратил время зря.

И не скрывался. Возмущение в окружавших Хьёрвард магических потоках его армия вызывала изрядное, не спрячешь.

Войско Водителя Мёртвых готовилось пронзить небеса, словно ржавое копье, иззубренное, источенное временем, но от этого не менее смертоносное.

И ведь как точно выходит, подумал Отец Дружин. На Хедебю и Бирку, на большие, богатые торговые города, от которых смерть и ужас покатаются по всем окрестным землям.

Зачем это Спасителю, понятно. Зачем это Яргохору – совсем нет. Если только он вновь не тот Водитель Мёртвых, только и знавший, что сопровождать отжившие души к пределам царства Хель.

Старый Хрофт покосился на посланца Дальних. Тот равнодушно скрестил руки на груди, всем видом показывая – заканчивайте, мол, с вашими делами.

... – Они спускаются, Великий Ас. – Тяжело дыша, волк Фенрир стоял перед Отцом Богов. – Прямо на равнины к северу от Хедебю. Уже пронзили небо. Проходят облака. Дикий Гон, как он есть.

Владыка Асгарда кивнул.

– Идём навстречу. Прямо в лоб.

– Э, э, то есть как это «в лоб»? – всполошился Дальний. – Сражаться надлежит с Хедином! Или хотя бы с Ракотом.

– Они подоспеют, – сквозь зубы уронил Отец Дружин. – И чем сильнее будет заварушка здесь, тем быстрее всё случится. Наша цель не победить, наша цель – нашуметь. И как только Хедин будет здесь... это куда лучше, чем гоняться за ним по всему Упорядоченному. Тем более что собранных тобой, досточтимый посланец, Древних требуется кормить, и кормить живой плотью. На травку они не согласятся.

Посланец кисло пожал плечами и отвернулся.

...Потоки клубящихся облаков вдруг ринулись с небес на землю, длинные языки туч лизали склоны холмов, вершины деревьев; и из-за серо-белой завесы ряд за рядом появлялись приведённые Старым Хрофтом Древние.

Ноги и лапы попирали твердь Хьёрварда; скользили по траве

бронированные брюха ползающих; развернулись крылья летучих созданий; гордо засверкали доспехи тех, кто избрал себе облик, схожий с человеческим.

Земля задрожала и застонала, пронёсся ветер, в небе кипели облака, не в силах успокоиться; люди в ближайших деревеньках кто бежал, кто прятался, но большинство всё-таки схватилось за оружие.

Ударили тревогу в баронских замках, на высоких стенах и башнях затрубили рога, дружинники занимали места у бойниц, расхватывая копья, заряжая арбалеты, – видно было, как, разворачиваясь широкой цепью, воинство Древних Богов выступает навстречу неведомому неприятелю.

А впереди шагал седоусый и седовласый воин, рядом с которым трусил громадный – в холке с коня ростом – серый волк.

За плечами старого воина клубился, развеваемый ветром, издававший виды тёмно-синий плащ.

А перед воинством Древних набухал, словно кровью, алым низкий закатный горизонт.

Он лопнул, когда Óдин и его войско миновали невысокую гряду холмов и начали спускаться в речную долину; впереди маячило прибрежное селение, бабы с ребятишками уже успели уйти, а мужчины, напротив, готовились обороняться, выставив охотничьи рогатины.

Фенрир предупреждающе зарычал – Крокорр алчно защёлкал клювом, Нирдрус распустил щупальца, завидев перед собой вождёленную живую добычу. Да и остальные Древние как-то нехорошо заволновались, задвигались, заворочались, явно намереваясь устроить нечто вроде пикника.

Отец Дружин вновь вскинул длань, и серые небеса послушно опустили в его ладонь спящую молнию. Грянул гром, но ещё громче раздался его глас:

– Вы! В деревне! Уходите, уходите все, немедленно! Это говорю я, Владыка Асов, Óдин, Всеотец, Старый Хрофт, Хозяин Валгаллы!..

Но и после этого деревенские не побежали, не бросились наутёк – уходили с достоинством, не сложив оружия.

– Едва ли это разумно, – недовольно заметил посланец Дальних. – Древним нужна кровь, особенно перед боем.

– Будет им кровь, да не такая, – не повернул головы Старый Хрофт. – Смотри!..

– Да. Вижу, – взгляделся Дальний. – Армия мёртвых во главе с их Водителем. Ничего необычного, Древний Бог Óдин. Нам нужен Хедин, а не эти... куклы.

– Куклы? Чьи?

Дальний не удостоил Отца Дружин ответом.

Небо перед ними набухало, снова взвихрились потревоженные облака, разрываясь и выстилая дорогу воинству мёртвых.

И впереди всех шагал он.

– Яргохор, – гневно прищурился Старый Хрофт.

Высокая фигура в чёрной броне башней поднималась над блёкло-серыми рядами мёртвых – неразличимых, со стёртыми, утратившими черты лицами.

– А хорошо ж его попятнали, – рыкнул Фенрир, державшийся подле Отца Дружин.

Да, доспехи Водителя Мёртвых, казалось, прошли жестокую битву – местами пробиты, местами погнуты, местами стальные пластины отвалились, обнажая черноту под ними, бестелесную, жуткую.

Из разорванного неба мёртвые выходили шеренга за шеренгой, лились неиссякаемым потоком. В руках их появилось и оружие: длинные иззубренные пики, целый лес их поднимался над ровными рядами.

Мёртвые разворачивались вправо и влево широким расходящимся и раскрывающимся веером.

Сколько их явилось сюда? Тысячи? Десятки тысяч?

Там, где они ступали, травы оборачивались чёрным прахом; приречные вётлы обречённо задрожали.

Вот уже целая лига перекрыта рядами мёртвых; вот две; всё дальше и дальше оттягивались правое и левое крылья воинства Яргохора, охватывая с боков спускавшуюся к воде рать Старого Хрофта.

– Еда, фщхр-хр? – осведомился Крокорр.

– Не сейчас, – зарычал Фенрир. – Смотри, кто на нас идёт!..

– Еда-а... – продолжал тянуть Крокорр. Кракен рядом с ним одобрительно захлюпал и забулькал.

– Всеотец... – хрипло воззвал волк.

– Там, впереди! – откликнулся Один, и так, что услышали его все Древние. – Там, впереди, добыча! Живые кровь и плоть, много! Очень много!

Фенрир застыл как вкопанный, шерсть вздыблена. Что речёт Всеотец? Какая еда? Откуда? Впереди – полубесплотные призраки, а что вещественного на них и есть, так совершенно несъедобно, как старая-престарая кость, вырытая из могилы.

Но Владыка Асгарда лишь простёр длань – и волк недоумённо втянул воздух: ветер наполнился запахом живых; ощущение тёплой живой крови

распространялось окрест, пробуждая самое древнее и злобное, от чего так долго – веками одиночества – пытался спастись сам Фенрир. От мёртвых шеренг теперь совершенно не веяло отсутствием жизни, прахом или тленом.

– Как?! – прохрипел Фенрир.

Отец Дружин то ли услышал, то ли догадался – обернулся, усмехнулся.

– Вперёд!

Обгоняя волка, тяжело топая, Древние лавиной повалили вниз по склонам, к реке.

А за ней за клубился туман, скрывая растянувшуюся мёртвую армию, однако его рвал в клочья налетевший свежий ветер, и это был ветер жизни. Он дул прямо в лицо войску Старого Хрофта, он нёс запахи живых, теплоту крови, и этого было достаточно, чтобы свести с ума всех подобных Крокорру.

Ни та ни другая армии не сворачивали. Яргохору было незачем – крылья его воинства, скрытые поднявшимся туманом, уже отделялись от главных сил, расходясь всё шире, и Старый Хрофт заскрежетал зубами, потому что мёртвые воины Водителя добрались до какого-то хутора, чьи обитатели не успели бежать.

Крики их отзывались болью глубоко в груди Отца Дружин, в затянувшихся, закрывшихся, но не излеченных до конца ранах.

Мертвецы начнут сейчас растекаться, как вода, по окрестностям, убивая всех, на кого наткнутся.

Мёртвые души, лишь слегка прикрытые мёртвой же плотью. Их уже не так много, как изначально – ученики Хедина дали настоящий бой, – но всё равно, Водитель Яргохор легко восполнит недостаток; к его услугам любой погост Большого Хьёрварда.

Отец Дружин в эти последние мгновения перед схваткой чувствовал, как перед ним раскрывается сейчас весь этот мир, изначально его собственный мир, самый близкий к Асгарду.

Мир, в который успела вползти смертельная зараза.

Сердца предавшихся Спасителю короткими и злыми толчками гнали в жилы Хьёрварда отраву – страх, ужас, бессилие, сменяющиеся лихорадочным упованием на чудо, на спасение, любой ценой и как угодно.

Кто-то проповедовал Его слово. Кто-то молился казнился и каялся и призывал Его. О походе Яргохора – не называя этого имени – кричали проповедники на площадях и рынках; отзвуки их воплей, причудливо смешиваясь, катились волной, неслышимые, конечно, для простых смертных, но не для Отца Дружин.

Словно назойливое зудение комариного роя, их голоса плыли над миром, сливаясь, разделяясь и сходясь снова. Адептов Спасителя оказалось немало; а вот где же Он сам? Ведь должен был бы воплотиться, верно?

Но тут размышления Старого Хрофта прервал неистовый рёв. Крокорр оголодал окончательно и решил, что пришла пора действовать.

* * *

Половинчики Фредегар и Робин с лекарем Фиделисом, так и державшим на руках сладко спавшего младенца, стояли в воротах дома мастера Яана. Перед ними застыли сам мастер и его супруга – бледные, женщина напуганная и заплаканная.

– Мой сын... – в горле мастера клокотало, – мой сын умер честной смертью и погребён по всем обрядам. Мы все хоронили его. А теперь – ты говоришь – как?

– Я лекарь, – негромко и даже как-то виновато проговорил Фиделис. – Конечно, никто не может вернуть к жизни истинно умершего, это не под силу даже богам. Но ваш сын, мастер Яан... он умер не просто так, не от болезни, нет! Он был злодейски убит и душу его опутали тёмным чародейством. Как ни удивительно, но порой творящий зло вершит и благо, сам того не подозревая – вот как здесь. Мне удалось вернуть душу обратно в тело... а возродить плоть только что умершего для искусного лекаря хоть и трудно, но не невозможно.

Женщина судорожно вцеплялась в рукав мастера. По щекам одна за другой бежали слёзы.

– Разверни ребёнка, фру Орвендоттир. Взгляни на него. Ты узнаешь, непременно узнаешь!..

– Это чародейничество, чёрное, некромантское! – аж подался назад мастер Яан. – С того света не воротишь! Мерзкого кадавра принёс ты нам, злодей! Ввёл бедную жену мою во смущение!.. Проваливай отсюда, пока жив, пока старшие мои тебя стрелами не утыкали!.. Идём, жена! – властно бросил он.

Марта Орвендоттир пошатнулась, протянула руки к растерянному замершему Фиделису.

– Ты... ты не лжёшь?

– Опомнись, женщина! – рявкнул мастер Яан. – Это некромаги, злокозненные чародеи, и всякий добрый человек бить их должен смертным боем!..

– Это ещё кто кого побьёт! – обиделся Робин. – Эх, мастер Калессон! Мы-то к тебе эвон как, думали, обрадуется, а вы...

– Прочь! – завопил ремесленник. – Эй, вы, там, стрелы!..

Фредегар, хвалясь умением, крутнул перед собой недлинный меч. Пущенная кем-то не слишком умелая стрела со звоном отлетела в сторону.

– Это неправильно, – тихо проговорил Фиделис. – Не умножай зло, мастер Яан, не отталкивай собственное дитя!.. Ты сам не знаешь, чему открываешь врата!..

Дзинь!.. Не желавший ни в чём отставать от Фроки, Робин, в свою очередь, отбил пущенную стрелу – любимой сковородкой Фредегара.

Фроки решительно потянул лекаря за плащ.

– Уходим! Пока тут и в самом деле не полилась кровь!.. Не за тем нас слал сюда великий Хедин!..

Фиделиса им пришлось чуть ли не силой вытаскивать за ворота.

– Но как же... но почему же... – недоумённо бормотал он. – Я думал – они обрадуются...

– А они перепугались до смерти, – проворчал Фредегар. – И вообще, я бы уносил отсюда ноги подобру-поздорову. Никто из наших, ушедших задержать армию мёртвых, не даёт о себе знать, и не могу сказать, что мне это нравится!

– Мне тоже, – поддакнул Робин. – Что же ты теперь с ним хочешь делать, почтенный лекарь?

Фиделис вздохнул.

– От него все отказались. Это – судьба, а её оттолкнуть опасно, даже нам с вами, друзья, у кого есть дар магии. Малыш останется со мной.

– Но как же ты намерен... – удивлённо начал Роб, однако Фроки дёрнул его за рукав:

– Тихо ты! Слышишь?!

Все трое замерли прямо посреди улицы.

– Сильное возмущение магии, совсем рядом... – проговорил Фредегар.

– И не прячутся совсем, – добавил Робин.

Отзвуки чужой магии разносились далеко, наверное, по всему Хьёрварду.

– Наоборот, даже хотят, чтобы все знали – они здесь.

– Да кто «они»-то? – взмолился Фиделис. – Кто не прячется?

– Древние Боги, – отчеканил Фредегар. – Сюда явились Древние Боги.

Крокорр мчался, вздымая тучи пыли, вниз по пологому склону, а за ним, совершенно потеряв голову, рванулось и всё воинство, собранное Дальними.

Бегающие и летающие, прыгающие и ползающие – причём последние не уступали первым, – они все мчались вперёд, алча дотянуться до лакомой плоти, размахивая руками и лапами, хоботами и щупальцами, трясая жалами и иными смертоубийственными орудиями.

Фенрир, хоть и облизнулся непроизвольно, оставался со Старым Хрофтом.

– Всеотец... надолго их не обманешь. Там же сухие кости, где глодать даже мне нечего!

– Вот-вот, – недовольно объявил Дальний, тоже державшийся поблизости. – Каков в этом смысл? Пусть этот, как его, Водитель Мёртвых Яргохор – верно? – делает тут, что хочет. Это, если верить тебе, Древний Один, только скорее привлечёт сюда Хедина!

– Вы вручили мне командование вашим войском, а сами не верите и на ломаный грош, – скрестил руки на груди Отец Дружин. – Иди и верши дело сам, посланец!

Тот лишь отвернулся.

Орда Древних ворвалась в приречную деревушку; тяжеленные бронированные туши разносили стены, обрушивали на себя соломенные и тёсовые крыши, но в жажде своей добраться до живого мяса не обращали на это внимания. Летучие создания взмыли в воздух, наполняя его шелестом крыл; сверкало оружие, извлечённые из-под лесного или болотного спуда мечи, секиры, косы, палицы, некогда начарованные, волшебные, а теперь по большей части – просто старая, хотя по-прежнему острая (или тяжёлая) сталь.

Деревню Древние разнесли по брёвнышку, на её месте осталась лишь груда развалин, изломанные нижние венцы, прикрытые размётанными крышами. Закипела вода в реке, взлетели фонтаны брызг, кое-где пролегли ледяные мосты – не всем Древним хотелось мочить ноги.

Неглубокую речку едва всю не расплескали; но вот и она позади, и воинство Древних Богов покатилося теперь уже вверх по склону, навстречу мёртвым шеренгам.

Отец Дружин, Фенрир и посланец Дальних остались на другом берегу.

– И что теперь?

– Теперь, посланец, мы увидим, так ли хорошо твоё воинство. Если оно не справится даже с какими-то там мертвяками, то куда ж ему против могучего Хедина!

– А могучий Ёдин будет просто стоять и наблюдать? – кисло осведомился Дальний.

– Ты увидишь, – посулил Старый Хрофт.

Расстояние между армиями стремительно сокращалось. Две силы шли лоб в лоб, готовые давить, рвать и втоптывать во прах.

Завыл ветер, небо быстро темнело, тучи закрутились водоворотами, синяя молния отвесно рухнула прямо в ряды мёртвых воинов Яргохора.

Кто-то из Древних предпочитал своё мясо хорошо прожаренным.

Плети тугого ливня хлестнули по неживым шеренгам, и каждая дождевая капля оборачивалась остройшей ледяной иглой.

Захлюпала земля под ногами, рукотворная топь начала было засасывать в себя ступившие на неё ноги воинов Яргохора, тех, хоть в малой степени облёкса плотью.

А вырвавшийся вперёд всех Крокорр нацелился ни много ни мало на самого Водителя Мёртвых.

Чёрный клинок Яргохора описал широкую дугу, свистнул лихо и убийственно, но Древний, с невероятной для такой туши ловкостью пригнулся, перекувырнулся, и чешуйчатый хвост с тяжелой шишкой обвился вокруг ног великана в стальной броне; щёлкнул темно-багровый клюв, ловко поймав на лету чёрный клинок; когти сомкнулись вокруг запястий Яргохора, задымились, заискрили, по железному доспеху побежали вверх алые огнистые змейки.

Водитель Мёртвых не ждал этого, споткнулся, тяжело рухнул на колени, и даже чёрный меч вывернулся из его ладони.

Справа и слева от них Древние Боги врезались в шеренги мёртвых, разя и клыками, и когтями, и клювами, и магией. Утробный рёв смешивался с хрустом, давно отжившие своё кости ломались и лопались под ударами каменных глыб, вспыхивали, оплетённые сетью молний; их поддевали широкие рога, черепа разлетались в пыль под копытами; строй Яргохорова воинства начал ломаться, дрогнул, даже кое-где подался назад.

– Ну, хорошо ли моё воинство?.. – самодовольно начал Дальний.

Кракен Нирдрус оплёл щупальцами полдюжины мёртвых воинов, окутался зеленоватыми клубами ядовитого дыма, и воители Яргохора, хотя плоти на них было мало, зашатались, в нём оказавшись. Крокорр, свалив Водителя Мёртвых – на которого тотчас кинулся целый сонм существ поменьше, – решил, что его дело сделано и пора позаботиться о себе. Одним прыжком оказался в самой гуще напавших мертвецов, ломая о чешую иззубренные пики, ловким клевком перекусил самого неудачливого скелета напополам.

Повсюду Древние Боги теснили и напирали, где-то крутились огненные смерчи, где-то ползли удушливые клубы дыма, где-то из земли поднималась ядовитая поросль. Кто-то уже нетерпеливо глодал костяки, ничего вокруг не видя.

«Сколько Всеотец ещё сможет их обманывать?» – беспокоился Фенрир, переступая с лапы на лапу. Его так и тянуло самому броситься на горло Яргохору, азарт битвы клокотал в глотке глухим утробным ворчаньем, но волк не сдвигался с места. «Как только скажет Ас Воронов», – твердил он себе.

Совершенно исчезнувший было под живой шевелящейся кучей Древних Яргохор вдруг начал подниматься, стряхивая повисших на нём. Он стряхивал – и топтал. Топтал и рвал голыми руками, давил и плющил; безоружный, весь покрытый тёмной жижей – не поймёшь, то ли его собственная «кровь», то ли чужая – он расшвырял нападавших. Доспехи его местами обратились в решето, местами проржавели, на шлеме появилась огромная вмятина – живому такой удар разнёс бы весь череп.

Крылатая нимфа, вся в розовой и фиолетовой чешуе, повисла на предплечье Водителя Мёртвых, руки её оборачивались корнями, оплетали наручье, проникали под броню, и сбросить её Яргохору не удавалось. Тёмная прорезь шлема повернулась, словно бы с удивлением, а потом левый кулак того, кто звался когда-то Ястиром, обрушился на голову нимфы, обратив её в кровавое месиво. Яргохор швырнул обмякшее тело себе под ноги, нагнулся, зашарил слепо, словно пытаясь найти в мешанине тел свой чёрный меч. И тут на него накатила вторая волна Древних, понявших, кто есть главный враг; крылатое существо, смахивавшее на гарпию, но жуткое, сморщенное, сгорбленное, с когтями, тонкими, но изогнутыми, словно рыболовные крючки, вцепилось в него сзади.

Меж тем Крокорр, похоже, уже начал давиться малоаппетитной добычей. Ошарашенно затряс трёхглазой башкой, заперхал и захекал, и тут ему в спину и плечи ударило сразу три или четыре мертвецких копья, оголовки окутаны серым туманом; Древний завыл, вскидывая голову и распахнув желтоватый от костяной пыли клюв.

И повсюду вдоль линии, где кипела схватка, Древние останавливались, тарачились остолбенело, словно не в силах понять, куда же улетучилась такая желанная, такая сочная и аппетитная живая добыча, оставив вместо себя лишь призраки да немного сухих костяков?

Яргохор мигом ощутил перемену. Вскинул наконец найденный меч, вытянул его, указывая вперёд; мрачный и низкий вой прокатился над полем боя, шеренги мёртвых качнулись, наставляя пики.

– А вот теперь – пора, – негромко проговорил Отец Дружин. – Идём, племянник.

– По воле Аса Воронов! – зарычал волк. – Ас-гар-р-р-д!

Дальний не двинулся с места, остался стоять, где стоял, подняв меч.

Старый Хрофт бежал, но бежал неспешно, ровно, словно никуда особенно и не торопясь. Внутри разгоралась ярость, сперва холодная, но по мере того, как всё громче и отчаяннее звучали вопли разрываемых на куски селян – отряды Яргохора, отделившись от главных сил, не теряли времени даром, – тем жарче становился гнев.

«Я сотру тебя с лица земли, кем бы ты ни был в прошлом, пусть я и помогал тебе когда-то. Я уничтожу тебя, несмотря на общий наш путь. Кем бы ты ни был, сейчас ты – слуга Спасителя, и этого довольно!..»

Они подбежали к речке, Отец Дружин повелительно взмахнул рукой, и вода послушно покрылась льдом.

Фенрир аж головой pokrutil – Владыка Асгарда вернулся из смерти куда сильнее, нежели был.

Быть может, разочаровавшись в качестве добычи, оголодавшие Древние и повернули бы назад, может, даже обратились бы против обманщиков; может, в былые времена тот же Ястир, ещё не сделавшийся Яргохором, попытался бы так и развернуть дело; однако нынешний Водитель Мёртвых лишь гнал своё воинство вперёд и вперёд.

Пики упёрлись в чешуи и броню. Острия погружались в плоть. То, что заставляло траву жухнуть и рассыпаться золой под ногами неживого воинства, вливалось в раны; заревел от боли и ярости Крокорр, взмахнул лапой с чудовищными когтями, ломая древки копий; клацнул его клюв, третий глаз вспыхнул багровым, и ближайшие четверо мёртвых воинов Яргохора повалились наземь грудой раскатившихся в стороны костей.

Кракен не отставал, он успел лишиться кончика одного из щупалец и теперь обливал всё вокруг изумрудно-зелёной кровью, словно там у него была медь, а не железо. Остальными щупальцами он хватал и крушил в пыль надвинувшихся скелетов, не обращая внимания на одну за другой вонзавшиеся в его плоть пики. От них по телу головноного начинали расползаться чёрные пятна гниения, потянуло жутким зловонием, но разъярённый Древний ни на что не обращал внимания.

И другие воины Старого Хрофта тоже не побежали. Взбешённые натиском, распалённые голодом, они выплеснули ярость на атаковавших; битва вспыхнула с новой силой; призраки тоже пустили в ход магию.

Навстречу спускавшимся с небес огненным смерчам во множестве поднимались копыя серого тумана, колышущегося, подобно полю под

ветром. Серая хмарь принимала в себя ярость огня, наваливалась со всех сторон, давила, душила; иные призраки сбрасывали жалкую мёртвую плоть, обрётённую в Диком Гоне, сливались, сплетались руками, образуя некое подобие огромной сети, и медленно, неспешно, словно несомые лёгким ветерком, надвигались на Древних.

Отец Дружин и Фенрир оставили позади ледяной мост через реку; а впереди, вновь расшвыряв своих противников, во весь огромный рост выпрямлялся Яргохор.

Водитель Мёртвых выглядел совсем неважно. Шлем украшали три внушительные вмятины, смотровую щель перекосило и почти закрыло; исчезли оба наплечника, и кольчатый хауберк свисал неопрятными лохмотьями.

Нагрудную кирасу испятнало мелкими дырами, пропала левая часть поножей, но чёрный меч был по-прежнему в руках, и сами руки – в латных перчатках.

Яргохор, конечно, их заметил. Заметил и двинулся навстречу, перешагивая через неподвижные тела и вперяя взгляд прямо в Отца Дружин.

Старый Хрофт чувствовал этот взгляд из-под искорёженного шлемного наличья, ледяной и безжизненный, словно вместо Водителя Мёртвых на него двигался автоматон, конструктор, обретший подобие жизни благодаря наложенным чарам. Стоит им рассеяться – и вся эта броня рухнет наземь грудой бесполезного металла.

Яргохор спускался навстречу, и чёрный меч его смотрел прямо в грудь Отцу Дружин. Справа и слева кипела битва, магия сошлась в смертельной схватке – текли огненные ручьи, вспучивались пузыри земли, из низких мятущихся туч хлестали слепящими бичами молнии; над рекой поднимался пар, словно вода в ней начинала кипеть.

Крики в недалёких деревушках выше и ниже по течению уже стихли, и Отец Дружин хорошо понимал, что значит это молчание. Отряды мёртвых расходились всё шире и дальше, и некому было их остановить, потому что Древние хоть и теснили схватившихся с ними мёртвых, но слишком медленно.

Древние, привыкшие к кровавым жертвоприношениям, вбирали квинтэссенцию Дикого Гона, самой Смерти. Они погибали, поражённые могильной гнилью и плесенью, словно разлагаясь заживо. Их пробивали тонкие костяные пики, игольчатые наконечники погружались в плоть, сплетённая призраками сеть охватывала то одно чудовище, то другое, стягивалась, душила – однако то и дело её удавалось разорвать, и тогда уже

неупокоенные духи рассеивались невесомым серым туманом.

– Позволь мне, Великий Ас! – взвыл Фенрир, обгоняя Óдина.

– Нет! – зарычал Владыка Асгарда. – Тебе с ним не совладать! Оставайся рядом с мной, ты понадобишься!

Они сошлись на середине склона, хозяин Валгаллы и Водитель Мёртвых.

Старый Хрофт вскинул руку, раскрытой ладонью к сопернику.

– Зачем ты творишь это, Яргохор? Ястир?

Закованный в броню великан поднял руку в латной рукавице; скрипнуло железо покорёженного шлема, пальцы расширили смотровую щель.

– Всё должно умереть, а потом воскреснуть. Но для этого сперва – умереть в нужное время и нужным образом.

Мертвенный, холодный голос, в нём ни гнева, ни ярости, ни даже просто злобы.

– Останови своих убийц, и я дам тебе уйти, – тяжело проговорил Старый Хрофт. – Дам уйти, несмотря на всё, ими содеянное сегодня. Слышишь, Ястир?

– Ястира давно нет, – последовал ответ. – Он умер, чтобы воскреснуть.

– Воскреснуть, как Яргохор?

Чёрный меч свистнул, обрушился прямо на Отца Богов. Тёмная молния, стремительный росчерк и огненная полоса раскалённого воздуха, словно клинок обратился в пышущую жаром гномью печь.

Старый Хрофт не поднял оружия, он сделал шаг в сторону, уклоняясь, и чёрное лезвие с размаху врезалось в землю. Взлетели фонтаны дыма, там, куда грянул меч, появилась громадная воронка; Отец Дружин размахнулся в ответ, его руки сжимали сотканную из белых молний палицу, такую же, как и в поединке с Сигрлинн^[4].

Потоки магии, дикой и древней, вырвались на свободу, повинуюсь приказу владыки Асгарда. Всё, что давало жизнь Хьёрварду, миру, где славили Аса Воронов за целые эпохи до появления Молодых Богов, ожило сейчас, вспомнив своего бывшего повелителя.

«Мы помним», – глухо сказали подземные воды.

«Мы помним», – донеслось из глубины лесов, стоявших задолго до Ялини.

«Мы помним», – лихо свистнули ветра, спускаясь из поднебесья.

– Этот мир – мой! – гаркнул Великий Ас. – И он не умрёт!..

– Умрут все, – без выражения сказал Яргохор. – Настал День Гнева...

– Что, опять?! – яростно бросил Старый Хрофт.

Клинок Водителя Мёртвых свистнул, пронёсся над самой головой пригнувшегося Отца Богов, тот вскинул палицу, упал в длинном выпаде на одно колено, словно заправский фехтовальщик, и его свитое из молний оружие ткнуло в правый локоть некогда именовавшегося Ястиром; Яргохор пошатнулся, молнии, словно змейки, заструились по тёмной броне.

Но Водитель Мёртвых не был бы Водителем Мёртвых, бившимся в бесчисленных сражениях; его можно было опрокинуть, но магию отнять было невозможно.

Воздух вокруг Старого Хрофта сгущался, словно наполняясь серым пеплом. Прах из бесчисленных могил, зола с погребальных костров, пепел пожарищ, где сгнули никем не поминаемые множества, – всё это стягивалось тугим коконом вокруг Отца Дружин. Ас Воронов зарычал, налёг плечом, на конце его булавы распустился дивный цветок из молний, стремительно ударивших в завесу, прорвавших её и пытавшихся раздвинуть давящее серое мельтешение.

Мёртвые хватали живых.

Меж тем Древние продолжали напирать, продавливая шеренги мёртвых; разгулявшаяся дикая магия уже подожгла недалёкий лес, расплескала реку, да так, что обнажилось покрытое илом дно. Обычная армия давно бы полегла, но воинству Старого Хрофта противостояли уже успевшие умереть.

Фенрир бросился на Яргохора сбоку, в высоком прыжке ударил великана в плечо, вцепился зубами в избитый шлем, рванул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами; с сухим треском что-то лопнуло, и волк покатился кубарем, так и не разжав челюсти, сомкнувшиеся на измятом железном горшке.

Яргохор с трудом выпрямился. Там, где надлежало быть голове, качалось сейчас пятно мрака, бесплотное, смутное, дрожащее; не прикрытое железным доспехом, оно шипело, словно масло на сковородке, дымилось, испуская белёсые струйки пара, словно ему было нестерпимо оказаться вдруг на воздухе.

Волк зарычал, пригнул голову, вновь готовясь прыгнуть. Яргохор, похоже, не мог разом и удерживать кокон, спеленавший Старого Хрофта, и управляться с Фенриром; поколебавшись мгновение, Водитель Мёртвых развернулся к волку, чёрный меч загудел, вибрируя, от него волнами расходилась мутная и давящая мощь, высасывающая саму жизнь. Ещё миг назад зелёные травы мгновенно пожухли, почернели и рассыпались невесомой пылью; замертво рухнул с небес пролетающий вран.

Фенрир оскалится, мышцы напряглись, он отпрянул в сторону, и

клинок Яргохора пронзил пустоту. У Водителя Мёртвых вырвался утробный вой, словно он был донельзя разочарован; вытянул руку в латной перчатке, пошатываясь.

Облака над полем брани, доселе ошалело мечущиеся туда-сюда, вдруг замерли и разом начали опускаться, словно проседающая крыша. Тяжёлые, серые, набрякшие – казалось, что закрывается крышка исполинского гроба, готового упокоить целый мир.

Медленнее и неувереннее двигались Древние, а воспрявшие мёртвые воины Яргохора, напротив, надали со всех сторон.

Отец Дружин, тесно спелёнутый серым коконом, покраснев от натуги, рвал и рвал его изнутри – жемчужные молнии с его булавы растягивали и расширяли брешь. Зарывав в ярости, Старый Хрофт протиснулся наконец сквозь прореху, размахнулся палицей...

Небо сорвалось с незримых вервий, его удерживавших, рухнуло вниз, накрывая сражение.

Там, где только что кипела яростная схватка, всё застыло, словно обратилось в лёд само время. Старый Хрофт ощутил смертельный холод, сочащийся сквозь кожу, наполняющий жилы, доходящий до сердцевины костей.

Замерли Древние, замерли и призраки с мёртвыми. Замер Фенрир, прижимаясь к земле перед отчаянным прыжком. Замер ветер, замерло всё; и только Водитель Мёртвых двигался, медленно, неверными шагами, пошатываясь.

– Всё... должно... вернуться... – изрекла Тьма, слагавшая голову Яргохора. – Всё... должно... умереть. Люди и боги, миры и драконы. И само время тоже. Умереть, чтобы возродиться.

Водитель Мёртвых произносил это словно в бреду; не хвастаясь, не грозясь, не издеваясь и ни к кому, кроме себя, не обращаясь; бормотал, повторяя вновь и вновь.

Видно было, насколько ему досталось. Железо доспехов измято и изломано, многих частей нет совсем, где-то, словно кровь, расплзлась ржавчина. Чёрный меч он волочил за собой, точно не имея сил поднять.

Старый Хрофт видел, как дорого каждый шаг обходится Яргохору – вот отвалилась и медленно, словно опавший лист, начала падать стальная пластина с его доспехов, пробитая в нескольких местах, испятнанная ржой; за ней другая и третья.

– Да, всё кончается... – плыл жуткий шёпот, обнимая и Отца Дружин, и Фенрира, и Древних, и сражавшихся с ними призраков. – Ты, он, все – и я...

Владыка Асгарда попытался окинуть мысленным взглядом творящееся на поле боя и не смог; только глухо, едва слышно доносились разом крики умирающих, смешивающиеся с мольбами – молитвами к Спасителю.

Эти молитвы и мольбы катились, словно морской вал, всё дальше и дальше; с ними сливались возгласы проповедников на улицах Бирки и Хедебю; мир Хьёрварда задрожал, прокатилась судорога боли.

Яргохор остановился перед скованным Отцом Дружин. Безглазая Тьма вперила взгляд во Владыку Асгарда.

– Мы... все... служим... смерти. И великому... обновлению...

Опутавшее Старого Хрофта заклятие было слишком могущественным и совершенно не похожим на оружие самого Водителя Мёртвых. Видно было, что от него куда как несладко самому Яргохору, но, во всяком случае, двигаться он мог.

– Мы сражались с тобой вместе, – без выражения сказал Водитель Мёртвых. – Но всё должно соединиться... и только так уцелеть и возродиться...

Ответить Отец Дружин не мог – только мысленно. Однако он попытался всё равно:

«Зачем ты напал? Почему? Что всё это значит? Для чего, Ястир?»

Ему показалось, что Водитель Мёртвых чуть вздрогнул.

Вздрогнуть-то он вздрогнул, но ничего не изменилось. Всё так же оставались замершими Древние и призраки; а Яргохор медленно, с усилием подтягивал к себе чёрный клинок.

– Надо... закончить... – выдохнула Тьма.

Меч поднимался. Скрипели доспехи, с них сыпалась ржавчина, но всё-таки он поднимался, и Старый Хрофт понимал, что сейчас случится – острое упрётся ему в грудь, прорежет железо и плоть, а злобные чары, живущие в клинке, вберут в себя его сущность, серой обессмыслившей тенью отправив его в царство Демогоргона.

А Хьёрвард – что Хьёрвард! Над ним сомкнутся серые воды «спасения», и что случится тогда – не ведает никто.

Лёгкий шелест пополам с треском раздался за спиной Водителя Мёртвых, словно рвалась сухая, прокалённая солнцем холстина.

– Никто не умрёт, – негромко, с печалью, но твёрдо проговорил девичий голос.

– Не при нашей страже, – рыкнул грубоватый бас, судя по акценту, явно орочий.

– Не попусти, не!.. – нахально объявил кто-то ещё с характерным гоблинским выговором.

...Они появлялись один за другим за спиной Яргохора: девушка с луком в руках, рыцарь с двуручным мечом, ухмыляющийся гоблин с каким-то зловещим устройством в руках; двое здоровенных орков, один с чудовищной секирой, другой с посохом, украшенным набитыми по всей его длине черепами. А рядом с ними возникли ещё два престранных существа – мормат с длинными щупальцами и радужный змей.

Их можно было бы принять за живых. Однако ноги их, ступая по лёгкому пеплу, не оставляли следов.

Разворачиваясь полукругом, они надвигались на Водителя Мёртвых, который всё тянул и тянул к себе свой меч, словно неподъёмную бадью из глубокого колодца.

– Оставь живое живым, – бросил рыцарь, шагнув вперёд. – Сразись теперь с теми, кто мёртв, как и ты.

Яргохор безмолвствовал; казалось, он переводит взгляд с одного внезапно появившегося врага на другого. Они ведь все уже повержены!.. Так откуда им здесь взяться?..

– Великий Орёл согласился немного подождать, – мелодично проговорила девушка.

– Самую малость! – Орк потряс секирой.

– Поэтому время терять не будем, – ударил в землю посохом его сородич. – Ученики Хедина не отступают! Даже мёртвыми!..

А мормат с радужным змеем не сказали вообще ничего, а просто молча бросились на Водителя Мёртвых. За ними – все остальные.

Свистнула призрачная сталь, и навстречу ей поднялся-таки чёрный меч.

Мёртвая сила столкнулась с силой мёртвых, и остановившееся было время разлетелось облаком хрустальных брызг.

Старый Хрофт рухнул наземь так, словно ему подрубили ноги, задыхаясь и хватаясь за горло.

Жизнь его и самость повисли на одной-единственной нити, и он разом ощутил холодное дыхание серых пределов, владений Демогоргона, откуда совсем недавно сам же и вырвал асов.

Мёртвые воители вцепились в Яргохора – мормат оплёл щупальцами, радужный змей обвился вокруг ног гиганта, орки вцепились в запястья, рыцарь принял собственным мечом чёрный клинок Водителя Мёртвых, и тёмная сталь не выдержала.

И, легко ступая, девушка с луком твёрдо взглянула прямо в облако тьмы, заменявшее голову тому, кого когда-то звали Ястиром.

– Мы уйдём не одни, – ясно и чётко произнесла она.

Призрачная тетива не щёлкнула, посылая вперёд бесплотную стрелу. Отец Дружин ощутил, как с болью рвётся реальность и за спиной Яргохора раскрываются серые врата, за которыми – домен Соборного Духа.

Стрела пронеслась сквозь клуб нагого мрака на плечах Водителя Мёртвых, и темнота разлетелась тысячами мелких иссиня-чёрных брызг.

Обезглавленный великан замер и зашатался. Пальцы выпустили эфес чёрного меча; словно сухие листья, облетали остатки доспехов, стремительно ржавея, разваливаясь на части; Яргохор упал на колени, а потом с грохотом повалился ничком.

– Всё... – печально сказала девушка. Взглянула вверх, в по-прежнему серое небо: – Мы готовы, великий!

Старый Хрофт видел – там, под вновь стянувшимися тучами, кружит огромный орёл.

– Мы готовы, великий, – повторила девушка, и только тут Отец Дружин понял, что обращается она к нему.

– Мы готовы, славный Ас Воронов! – потряс орк секирой.

– Мы готовый, великий Ёдин, – поклонился рыцарь.

Мормат и радужный змей не сказали ничего, но Владыка Асгарда видел – они тоже готовы.

– Разве не счёл ты нас достойными твоего пиршественного зала? – проговорила девушка, в упор глядя на Древнего Бога.

На неверных ещё лапах, шатаясь из стороны в сторону, прибрёл Фенрир и тотчас плюхнулся на пузо у ног Старого Хрофта.

Да. Точно. Я ведь свершил над ними погребальный обряд, – мелькнуло у Отца Дружин.

– Добро... пожаловать... в Валгаллу, герои... – с трудом выговорил он.

– Битва ещё не кончена, – предупредил рыцарь. – Ты не можешь вести нас к твоим дверям, Великий...

– Он... проводит, – Старый Хрофт кивнул на волка. Тот удивился:

– Я?

– Придётся тебе побыть валькирией, племянник, – попытался улыбнуться Древний Бог. – Битва ещё не кончена...

Над железными доспехами Яргохора, обернувшимися сейчас грудой ржавых бесформенных обломков, медленно поднимался меж тем чудовищный призрак, пугающий, но бессильный. Скалился бесплотный череп, таращились пустые глазницы, клацнули зубы – но орёл с протяжным криком вдруг низринулся с небес, пронёсся над головами, пробуждая ветра и воды – и тень Водителя Мёртвых, издав заунывный, леденящий душу вопль, оторвалась от земли и медленно поплыла вверх, вверх, вверх – туда,

к владениям Соборного Духа.

Бога нельзя убить, нельзя погасить искру Пламени Неуничтожимого, можно лишь изгнать, разрушив тем или иным способом его телесную форму.

– Я... готов, – встряхнулся Фенрир. – Но, Великий Ас, как же всё это?..

Вокруг них вновь начинала разгораться битва. Мёртвые не распались прахом, духи не развеялись, как понадеялся сперва Отец Дружин; они словно и не заметили, что их предводитель пал. Древние Боги тоже словно ничего не заметили. Битва продолжалась, оживала магия, пронёсся первый огнешар...

– Торопись, племянник. – Старый Хрофт погладил волка по холке. Незримый ветер из царства Демогоргона задувал всё сильнее, и хотя он не качал деревья и не гнал рябь по речной глади, Отец Дружин знал, что павших воителей перед ним всё неодолимее тянет прочь; так что, если они не поторопятся...

– Слушаю и повинуюсь, Ас Воронов! – Фенрир покачался на лапах, подпрыгнул; Владыку Асгарда окатило волной магии, волк открывал прямой путь к равнинам Иды. – Готовы ли вы следовать за мной, герои?

– Да. Да. Да, – раздались ответы.

– Тогда в путь. – И сын Локи устремился прямо к небесам, не хуже любой валькирии прокладывая путь для тех, кого сам Отец Богов счёл достойными золотого чертога Валгаллы.

Интерлюдия 1

Время творит удивительные вещи на просторах Упорядоченного. Где-то проходит один-единственный миг; а где-то целые года или даже десятилетия. Время приглушает грохот вселенских обвалов и катастроф; бездонная Река его топит в себе грозные пророчества, утишает, умиротворяет. Говорят, что в этом видят своё истинное предназначение великие Драконы, живущие в её водах...

Так это или нет, никто наверняка не знал. Не знала и Вечная Королева Вейде, владычица народа лесных эльфов, что во времена оны вывела сородичей из обречённого, как она не сомневалась, мира под названием Эвиал.

Они успели вовремя, и поход их был удачен – если не считать пронёсшегося над ними исполинского жуткого врана, о четырёх зрачках в каждом из алых глаз; пролетевшего над походной колонной эльфов и

сгинувшего в глубинах Межреальности.

Многие были напуганы. Эльфы вообще и народ королевы Вейде в особенности были не из пугливых, но тень этого Врана слишком уж явственно напоминала тень смерти, если не чего-то похуже.

Владычице Вейде потребовалась вся твёрдость её духа, чтобы изгнать призраки уныния и обречённости из своих подданных.

Им требовался мир. Мир и медленный поток времени – пусть в Упорядоченном гремят грозы и бушуют шторма, она, Вейде, в тихой гавани залечит раны своего племени.

И тогда...

Бело-зеленовато-синяя глобула нового мира приняла эльфов, они словно нырнули в тихую и тёплую воду медленного времени.

– То, что нужно... – прошептала королева, едва её щёк и высокого лба коснулся ласковый морской бриз. – То, что нужно...

Здесь к самым небесам поднимались девственные чащи, деревья-исполины раскидывали ветви на двести футов – идеальное место, чтобы строить любимые лесным народом жилища высоко над землёй. Не очень практично, но что поделать – традиция, особенно для тех, кто из Заповедного леса на востоке.

И простор, есть где развернуться.

На дальнем севере поднимаются покрытые льдом горы, защищая постепенно понижающиеся ко внутреннему морю лесистые равнины, изрезанные речками, усыпанные озёрами; на востоке тянутся травянистые степи, переходящие в безжизненные пустыни. На юге плещут ласковые волны; бирюзовая гладь усеяна бесчисленными островами, на отмелях играют косяки прибрежных рыб. На западе леса утыкаются во владения смертных, но это Вечную Королеву не смущало, она не повторит эвильских ошибок.

Потянулись годы, неосязаемые, не замечаемые племенем Перворождённых; в глубине лесов, на краю озера, у впадения в него реки, получившей название Изумрудной за россыпи в верховьях, вырос настоящий дворец Вечной Королевы. Именно «вырос», а не был построен. Эльфийская магия неспешно изменяла зелёные растущие создания, как это требовалось самим Перворождённым; поднялись причудливо выгнутые стены из сплётшихся стволов, живая листва сделалась занавесами, мягкие мхи легли под ноги зелёными коврами.

Из тронного зала, повисшего над прохладными речными струями, так, чтобы правительница в любое время видела игру бликов на водной глади и улыбалась играм цветочных фей, порхавших над кувшинками, усеявшими

берега, – королева Вейде, Вечная Королева, управляла своим новым доменом.

Ворон? Что ей ворон! Он, небось, всё ещё летит, ещё не добрался до цели; неведомо, воплотятся ли его проклятия и когда именно. А если и воплотятся, то она, Вейде, будет готова.

Она не изменилась за прошедшие годы. Всё такая же прекрасная, не тронутая временем; она любила сидеть в раздумье на троне, и в самом деле наблюдая, как резвится внизу речная мелочь.

Всё было хорошо. Нет, всё было прекрасно! План удался – она вывела эльфов из обречённого Эвиала, воскресила тех, что пали (и теперь они составляли самую преданную часть её подданных); никто и помыслить не мог, чтобы бросить вызов её праву властвовать.

Ах да, конечно, – люди на западе.

Кое-кто, не в силах забыть эвиальских обид, предлагал их просто уничтожить, быстро и без мучений – скажем, сплести такие чары, что погрузят их всех в блаженный сон, от которого они уже не проснутся.

Но королева Вейде, в неизъяснимой милости своей, отказалась.

– Пусть живут, – изрекла она. – Мы не убиваем без крайней нужды.

Кое-кто из эльфов при этой фразе понимающе переглянулся.

– Мы станем для них полубогами, загадочными, таинственными и прекрасными правителями, коим должно поклоняться, – снизошла до пояснений правительница. – А усыпить... усыпить всегда успеем.

...Тот день, как водится, мало чем отличался от предыдущего, что и делало всю жизнь здесь, в новом мире, столь сладкой и замечательной. Закончился утренний приём; ушли приближённые; застыла по обе стороны трона и у дверей почётная стража; ласковые солнечные лучи скользнули, словно пушистые котята, по речным заводям; им навстречу раскрылись кувшинки, захлопотали над ними цветочные феи, и лесные обитатели вышли к берегу: мелкие народцы, карлики, ростом едва ли по колено правительнице.

Вейде смотрела и улыбалась. В конце концов, она же не злодейка, не чёрная королева, зряшные мучительства ей претят. Она сотворила, что было необходимо, не больше, и не меньше. И она спокойно, не торопясь, готовила следующий шаг.

Шаг, что сделает королеву Вечного Леса королевой уже не просто отдалённого мира, но...

Дворец вздрогнул от корней и до самых тонких молодых веточек на вершинах. Дрожь прокатилась раз, и другой, и третий; Вейде напряглась, замерла, тонкие пальцы впились в подлокотники кресла, и трон, живой, как

и всё остальное во дворце, почувствовал обуревающее хозяйку беспокойство.

Почувствовал и сам попытался если не уползти, то сжаться и скрыться.

Скованные гордостью и выдержкой стражи не шелохнулись; однако Вейда всё равно заметила, как сжались их пальцы на древках церемониальных копий.

Нет, королева не вскочила, не побежала через зал – медленно и с достоинством поднялась, направляясь к узкой дверце, скрытой живой завесой позади трона.

Крутой спуск в полутьме, освещают винтовую лестницу крупные жуки-светляки, лениво двигающие челюстями, перемалывая жвачку из мелко покрошенных листьев, что правительница насыпает им самолично.

Здесь королеву уже никто не видел, и она бежала, задыхаясь, прыгая даже не через две, а через три ступени и проклиная длинное узкое платье.

Тоннель нырнул глубоко под речное русло, извивался, сужался, становился всё холоднее.

Вейде бежала. Дивные волосы Вечной Королевы выбились из-под диадемки, распустились за спиной; и так она влетела в круглый покой, которым заканчивался длинный ход.

Тяжело дыша, Вейде почти упала на ограждение вокруг белого продолговатого предмета, фута четыре в длину, что поддерживался частично оплётшим его гибким прутняком.

Королева задыхалась – как не должна была, пробежав не столь уж и много.

Пальцы её лихорадочно вцепились в барьерчик – из живого, как и всё во дворце, одетого корой древесного тонкого ствола, которой чарами заставили расти как нужно.

Предмет перед нею белел костью. Поднимались рога, острые выступы, чернели провалы глазниц – череп дракона, взятый в плен вечно живым лесом.

Вейде положила чуть подрагивающую ладонь на лобную кость, болезненно поморщилась – из-под руки по белой кости побежали алые струйки, быстро впитываясь, словно песком, твёрдым и гладким на вид черепом.

В пустых глазницах появился зеленоватый огонёк, похожий свечение болотных гнилушек.

– Не торопись, Вечная Королева.

Хриплый и низкий голос раздался у неё из-за спины; Вейде замерла,

не оборачиваясь. Плечи её внезапно вздрогнули.

– И ты думала спрятаться тут от *меня*? – с насмешкой продолжал неожиданный собеседник. – Обернись. Разве тебя не учили вежливости?

– Вламываться в чужое жилище без приглашения – это, видимо, новые правила этикета? – Она ещё нашла силы огрызнуться.

– Всё Упорядоченное – мой дом, – усмехнулся хриплый голос. – Ты так и не дерзнёшь обернуться ко мне лицом, правительница Вейде?

Вейде закусил губу, крутнулась, словно в поединке, замерла...

Прямо перед ней, на деревянной оплётке толстого жука-светляка удобно устроился иссиня-чёрный ворон. Вовсе даже и не исполин, совершенно обычный; но в глазах его, багрово-алых, чернело по четыре зрачка.

– Ты не вняла моему предостережению, – без обиняков бросил он.

– Я не слышала... никакого предостережения, – процедила она сквозь зубы. С ладони королевы капала кровь, хотя никаких ран заметно не было.

– Как удобно! – Ворон издевательски склонил голову. – Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

– Что тебе... – Эльфийка осеклась. – Чем вызван сей визит великого...

– Можешь опустить титулы, – снизошёл Ворон. – Ты нарушила великий договор твоего племени с сущим, обратилась к некромантии, воспользовавшись лазейкой в мироустройстве, и...

– Какой закон?! – вскинулась правительница. – Что за чепуха?! Я ничего не подписывала! Я об этом вообще впервые слышу!..

– Настаиваешь на объяснениях? – сухо осведомился Ворон. – Что ж, изволь. Время тут течёт медленно, можно и поговорить. Так вот, королева, вина твоя не в том, что ты бежала с поля боя, оставив других умирать в Эвиале. Не в том, что предала доверившихся тебе. Но в том, – Ворон обвиняюще вытянул крыло, – что использовала некромантию, вернув к жизни павших в твоём мире эльфов!..

– Это преступление? – ощерилась Вейде, показывая мелкие, но острые зубы. Казалось, она готова сейчас перегрызть глотку роковой птице.

– Конечно. – Ворон невозмутимо переступил на своём шестке. – Души эльфов зачастую не уходят прочь из мира, в котором пали. Не везде, но в Эвиале – именно так. И именно поэтому тебе и удалось твоё заклинание, заклинание, похоронившее там последние остатки баланса. Ты вернула души, дала им плоть. Некогда подобное удалось Хедину Познавшему Тьму – он додумался наделять плотью призрачных врагов, атаковавших его с небес. Но ты пошла куда дальше – наделила мёртвых плотью не на краткое время, а навсегда.

Ворон вновь нацелился в эльфийку маховыми перьями, словно обвиняющим перстом.

– И что? – Вейде тяжело дышала, кулаки судорожно сжаты. – Я вернула к жизни горстку Перворождённых! Ничтожную каплю в океане Упорядоченного! Как это может быть преступлением?!

– Тебе неизвестно, как начинаются лавины?! – хрипло каркнул ворон, вскидывая голову. – С крошечного камешка. С ничтожной капли. Ты забыла об этом, эльфийская волшебница?

– И какие же «лавины» последовали за моим страшным прегрешением? – Из лица Вейде исчезли последние кровинки, оно сделалось бледнее алебастровой маски. – А главное, что же теперь ты хочешь от меня, Ворон? Чтобы я собственноручно убила бы всех, кого спасла, так?! Это поможет «остановить лавину»?

– Лавина уже сорвалась, – хладнокровно сказал Ворон. – Её поздно останавливать. Но вот разгребать завалы – придётся.

– Мне? – Вейде осторожно пошевелила пальцами – с них сорвалась тяжёлая алая капля, полетела вниз; в глазницах драконьего черепа вспыхнул огонь, из пасти выметнулся призрачный язык, ловко подхвативший каплю в полёте и вновь скрывшийся.

– Тебе. И не только.

– Это хорошо, что «и не только», – съязвила она.

– Всем, – последовало невозмутимое. – Абсолютно всем в Упорядоченном.

– Так-таки и всем?

– Абсолютно, – повторил Ворон.

– А если я не...

Чёрные крылья развернулись, заслонив одного из светляков; всего одного, но в округлом покое вдруг сделалось темно, как в могиле. Ледяной хлад наполнил воздух; босых ступней Вейде коснулось что-то шевелящееся, склизкое, омерзительное, и королева, несмотря на всю свою выдержку и силу, позорно взвизгнула.

Красные глаза Ворона, казалось, отделились от него, растворившегося во тьме, вспыхнули ярко, надвинулись на эльфийку, увеличились, повисли в воздухе; восемь зрачков, по четыре в каждом, обернулись провалами непроглядной тьмы.

– Посмотри вокруг, – негромко произнёс страшный голос. – Ты нарушила баланс, преступила Закон Равновесия. Ты в моей власти.

Огоньки светляков на стенах уже тонули в чернильном мраке. Вейде ощутила, как начинает кружиться голова, как истончается реальность под

ногами и как тянутся, тянутся, тянутся со всех сторон к ней жадно распахнутые пасти неведомых чудищ.

– Мало кто вспоминает об изнанке Упорядоченного, – хрипел Вран, жуткий взор вбуравливался в эльфийку. – А она есть. Варлоки призывают демонов оттуда, из демонами населённых миров и прочего, но никто не думает об этом всерьёз. Погляди внимательно, королева.

Клубящийся мрак нехотя раздался в стороны.

Множество огоньков, багряных, желтоватых, оранжевых и зелёных приближалось к ним снизу, словно заклинательный покой Вейде плавал на поверхности тёмного моря.

Это поднимались диковинные, причудливые существа, создания, пребывающие разом в двух мирах – вещественном и бесплотном.

Вейде ощущала их голод. Их похоть. Их жажду мучений и отчаяния жертвы. Чистое, беспримесное зло – куда там какой-то Западной Тьме или дуоттам!..

– Великий Вран... – едва прошептала она. Ужас вцепился в сознание, драл вдоль хребта незримыми ледяными когтями.

– Я отдам им тебя, – безо всякой аффектации сообщил Ворон.

– Ты не можешь! – в отчаянии возопила она. – Ты, ты... ты – добр! И справедлив!..

– Я? Я не добр и не справедлив.

– Но и не зол и не жесток! – попыталась она вывернуться.

– Не важно. Выполняй мои приказания, или...

– Зачем я? Неужели нет более сильных или более подходящих? Или разве не хватает твоей собственной мощи, Вран?

– Не тебе допрашивать меня, эльфка. Собирай свои рати. И готовься к большой крови. Это твой единственный шанс избежать лап вон тех. – Плавающие среди тьмы багровые глаза глянули вниз, на скопище голодных буркал. – Второго шанса не будет, Вейде, Вечная Королева.

В последних словах крылся ядовитый сарказм.

– Хорошо... – еле выдавила из себя эльфийка. – Я... начну собирать войско.

– И немедленно!

– Да, Вран. Немедля.

* * *

Тёмные Легионы ждали с извечным терпением созданий Мрака,

верных слуг Ракота Восставшего. Повелитель отлучился – но он вернётся, не может не вернуться!.. Он ведь не пал; его власть над Кипящим Котлом не исчезла.

Крылатый воин, мощный телом, с сероватой кожей, широкоплечий и обнажённый до пояса, шёл вдоль молчаливых шеренг. Далеко не все из пришедших с Владыкой Мрака нуждались в еде и питье; но даже и те, кому не требовалось ни хлеба, ни даже воды, должны были ощущать эманации тёмного Источника, исторгнутого из себя самой первородной Тьмой.

– *Шоа-сен* Трогвар, – навстречу шагнул высокий, семи футов, воин в гладких иссиня-чёрных доспехах, казавшихся не выкованными из металла, а замершей и удерживаемой неведомыми чарами жидкостью. – Какие будут приказания, *шоа-сен*? Мы ощущаем... упадок.

– Ставьте кристаллы, – отрывисто приказал Трогвар. На груди его, на серой коже до сих пор виднелась татуировка – крылатый пёс, знак его ранга среди мечников, обрётённый в школе Меча, в Дем Биннори. – Ставьте кристаллы, я явлюсь и оживлю их.

Это была славная битва, думал Трогвар. Славно было вновь встать под чёрное знамя; вновь ощутить упоение боем. Страшна цена, когда-то заплаченная им; но и итог он не смог бы проклясть.

Давным-давно умерли все, с кем он начинал учиться. Ветер развеял прах, сгнили в могилах кости и души ушли в великое посмертное странствие; а он, Крылатый Пёс, наследник Старого Дракона из Красного Замка, продолжает жить. И даже почти вечной его службе в Храме Океанов пришёл конец.

Он будет ожидать возвращения Владыки. Он – Трогвар из Дем Биннори, Крылатый Пёс, он верен до смерти и после неё.

А ещё он ощущал, что новая битва вспыхнет вот-вот, хотя и непонятно пока, с кем. Быкоглавцы с их союзниками складывали оружие – им обещан свободный выход, так сказал Повелитель Ракот, и он, Трогвар, не отступит от его слов ни на йоту.

Но пока что надо позаботиться о солдатах Властелина.

Он расправил крылья, оттолкнулся, взлетел.

Кое-где Тёмное Воинство уже жгло костры; и кое-где там жарились насаженные на вертела туши недавних противников. Быкоглавцы косились мрачно и дико; нельзя сказать, что Крылатый Пёс их не понимал, но Легионы не должны ослабеть.

Конечно, хотелось хоть краем глаза заглянуть в то самое Обетованное, которое они трижды штурмовали в ту пору, когда здесь хозяйничали ещё Молодые Боги. И, наверное, он заглянет – в конце концов, они же

победили!..

Он парил на широко раскинутых крыльях, когда Межреальность сотряс первый удар, тяжкий, гулкий, прокатившийся от края до края видимости, от горизонта до горизонта и исчезнувший в неведомой дали.

Словно от порыва внезапного ветра, широкие кожистые крылья Трогвара сложились, его закрутило, будто птицу, оказавшуюся в самой сердцевине вихря.

Второй удар, и в глазах Трогвара вспыхнули звёзды. Он едва сумел выровнять полёт, попытался опуститься; но взбесившиеся потоки магии несли его прочь, над окраинами Обетованного, прямо туда, где он как раз вознамерился побывать.

Трещали и рвались скрепы реальности, Междумирье тяжело стонало, словно разрываемое незримыми когтями. Крылатый Пёс закувыркался, кое-как сумел развернуть крылья; под ним ломались туго свёрнутые пути Междумирья – кто-то оградил подходы к Обетованному могучими чарами, оставив лишь несколько узких дорожек.

Трогвар сумел окончательно выровнять полёт, когда под ним уже проносились дивные леса и лужайки Обетованного. Он видел нарядные домики, словно игрушечные; башенки и мостки, цветущие луга, полыхавшие всеми красками дивные венчики цветов; обоняния коснулись ароматы – тёплые тропики, суровые северные леса, всё вместе.

Вот и зеркальное озеро, вот и роскошный дворец на его берегу, вот и широкие ступени, поднимающиеся от воды...

А вот и скромная беседка, утопающая в зелени, где бурлил в каменной чаше светлый Урд.

И тишина.

Стих ветер, и сам Трогвар осторожно выпрямился, ещё не веря в случившееся.

Он – в Обетованном, подле священного источника Света, самой чистой и прекрасной вещи во всём Упорядоченном. И как же может он, слуга Тьмы, приближаться к нему?

Крылатый Пёс огляделся. Он давно перестал быть – во всяком случае, телесно – просто человеком. Владыка Тьмы наделил его плотью демонов, если не полностью, то, во всяком случае, частично. И он, слуга Мрака, воин Великой Тьмы – что ему делать возле пречистого Урда?

И что ему делать так далеко от его войска? Легионы ждут, он нужен там.

Крылатый Пёс знал всё это, отлично знал, но повернуться и попытаться взлететь он просто не мог. Урд тянул и тянул – хотя, казалось

бы, что в нём такого? Изящная, почти невесомая беседка над каменной чашей, уютно булькающая вода, пар – и покой. Невообразимый покой вокруг.

Не мёртвое иссушающее молчание пустыни. Не недвижимость каменной бездны. Нет, именно покой – с порханием бабочек, стрёкотом кузнечиков в траве неподалёку; а вот и цветочная фея-хлопотунья пролетела, натолкнулась на некстати развернувшееся крыло Трогвара и пискляво принялась что-то ему выговаривать, грозя крошечным пальчиком.

Воин Ракота осторожно приблизился; как же не походило тут всё на Кипящий Котёл, на мрачные пропасти вокруг него!

Вода плещется в округлом бассейне, переливается через край – и исчезает, поднимается лёгким паром, развеивается; магия возвращается в мир.

А откуда же она берётся в самом Источнике?..

Крылатый Пёс наклонялся всё ниже и ниже над бурлящей поверхностью; ему казалось, что среди пляшущих пузырьков начинают возникать изображения, странные картины – вроде бы Упорядоченное, вроде бы Межреальность, но...

Он увидел, как знакомые пейзажи Междумирья начинают вдруг рваться в клочья, трещать, лопаться и расходиться, словно льдины весной, под тёплым ветром.

Трещины меж ними стремительно расширялись, в них потоками врывалось кипящее пламя – нет, не врывалось, оно словно возникало в них, сразу, из ниоткуда, точно вспыхивало чёрное земляное масло.

Урд бурлил. Взлетали и опадали фонтанчики воды, и капли сделались горячими, словно кипятки.

– Я понял, – проговорил Крылатый Пёс, обращаясь к Источнику, словно к живому существу. – Ты предупреждаешь об опасности. Случилось что-то невероятное, небывалое, и мой повелитель должен узнать об этом как можно скорее!

Вверх взмыла и тотчас опала целая стая белых султанов, одетых в пену.

Источник Урд ответил: «Да».

* * *

– Кажется, друзья мои, мы крепко опростоволосились.

Эльф-лекарь Гильтан, ученик великого бога Хедина, устало вздохнул,

баюкая перебинтованную руку. После того как этот проклятый вампир утащил Клару Хюммель, всё пошло наперекосяк. Раненых требовалось немедленно доставить в Обетованное, с его лабораториями, покоями исцеления, алхимическими кабинетами и магическими припасами. Там можно было справиться почти с любой раной, почти с любым недугом.

Даже смерть зачастую отступала.

И сейчас ничто не предвещало беды.

– Это из-за неё? Из-за Хюммель, чародейки? – хмуро осведомился один из гномов, сопровождающих маленький отряд с ранеными. – Стоит ли, брат Гильтан? Вампир изменил, это ж ясно. Втёрся в доверие, ну и... Не кори себя, целитель! Ты сохранил жизни вот им, – гном кивнул на носилки. – А чародейка... да Хаос с ней. Даже если она что-то и знала, у нашего Аэтероса хватает иных путей узнать правду. Не мучайся так, брат!

Эльф только поморщился.

– Не надо утешать меня, словно капризную феечку, – отрезал он. – Я должен был предвидеть...

– Что ты говорил, целитель? Что мы влипли? – Другой гном оторвался от бронзовой трубы телескопа. – Или что опростоволосились? И то и другое верно.

– Это ещё почему?

– Обетованное в осаде, – бросил гном с телескопом. – И вокруг него – Тёмные Легионы Ракота.

– А почему тогда «влипли»? – удивился первый гном.

– Потому, Гломин, что это Тёмные Легионы, – веско сказал второй. – А Тёмные Легионы повинуются только Владыке Тьмы. Истинному, провозгласившему себя таковым и овладевшему Кипящим Котлом.

– Глупости, Бреннор! – нахмурился эльф-врачеватель. – Великий Ракот – верный соратник Аэтероса, и...

– Он-то да, – согласился Бреннор, аккуратно убирая телескоп в обитый кожей василиска футляр. – А вот только я его там не вижу. Совсем. А Тёмные Легионы, если с ними нет Владыки Мрака, они, гм, весьма склонны к... ну, мы с вами знаем к чему.

– А что они делают?

– Стоят, – пожал плечами гном-наблюдатель. – Кое-кто добычу жарит. Кое-кто уже жрёт. Быкоглавцев, если интересно.

Гильтан позеленел. Третий из сопровождавших целителя гномов скривился от омерзения.

– Отвратительно!.. Даже по отношению к злейшему врагу!..

– Вот поэтому-то, – веско заявил Бреннор, задрав бороду, – я этим

ордам и не доверяю. Аэтерос-то у нас Познавший Тьму, но никак не Тёмный!

– И что делать?

– Через этакую силищу нам не прорваться и не проскользнуть, Гильтан. И я ни за что не ручаюсь, если тут нет владыки Ракота. – Флурум, третий гном, досадливо потряс головой.

– Тогда подождём, – решил целитель. – Хотя бы нем...

Межреальность вздрогнула у них под ногами, содрогнулась в мучительном спазме. Раз и другой; качнулась, поплыла, накренилась, словно судно в свирепую бурю.

– Что такое?! – Гильтан успел удержать подскочившие и едва не перевернувшиеся носилки с раненым. Тот тяжело застонал, и эльф, прикусив губу, быстро принялся проделывать пассы над грудью пациента.

Бреннор, Флурум и Гломин дружно схватились за огнебросы.

– Сломалось что-то.

– Разлом, как в горах, когда пласты лопаются, – дружно выпалили они.

– Разлом? – Лекарь уже склонялся над другим раненым.

– Разлом, – кивнул Гломин. – Или я не гном подгорный!

– Точно, – поддержал собрата Бреннор. – Он самый!

Флурум только кивнул.

– И что теперь? Где это всё прошло? Какие последствия?

Гномы переглянулись.

– Прошло далеко, но и глубоко тоже, – задумчиво почесал бороду Гломин. – Точнее не скажешь. Надо все причиндалы наши разворачивать. Но не близко – это точно.

– Однако и на какую ж глубину-то рубануло!.. – пробормотал Бреннор. – Не углядишь... не учуешь... Глом, брат, доставай штуkenции наши. Смотреть будем.

– Ага. Телескоп ставь. К нему пришпандорим.

Гномы принялись возиться, соединяя бронзовые детали какого-то механизма, посверкивавшие хрустальными линзами и кристаллами.

Гильтан только качал головой, переходя от одного раненого к другому. С ними что-то явно пошло не так.

– Колебания прокатились... волны... – пробормотал эльф. – Что ж это творится-то, а? Словно Неназываемый прорвался...

– Не, – откликнулся услышавший Бреннор. – Хаживали мы как-то к его пределам... не так там совсем.

– Ещё хуже, – вздохнул целитель. – Неназываемый – хоть что-то ведомое.

Гномы возились, тихонько звякали части собираемого ими устройства.
– Вы всегда с собой это такое таскаете? – поинтересовался эльф, вставая. – Уф, кажется, стабилизировал...

– Стаби... что? Любишь ты, брат Гильтан, эти словечки!

– Это не я, это Линдир, – вздохнул лекарь. – От него заразился, явно... С ранеными всё будет хорошо, но весь баланс чар едва не полетел к воронам. Ну, так чего ж там?

– погоди, – отмахнулся Бреннор, прильнув к окуляру телескопа и вращая верньеры настройки. – Глом, давай-ка ещё в фиолетовой части. По дальнекрасному всё хорошо. Флу, помогай!

– Даю. – Второй гном тоже повернул какие-то колёсики. Флурум молча пристроился сбоку. Все трое работали дружно и умудрялись не мешать друг другу.

– Ага... ага... Стой! Хорош!.. – Бреннор аж отшатнулся. – Погодь, это что ж такое?!

– Да не тяни ты! – рассердился Гильтан.

– Разлом, – выпрямился гном. – Разлом и эманации Хаоса. Далеко, самые окраины Упорядоченного. Отсекло два... две дольки словно бы.

– Две дольки?

– Угу. Конечно, надо дальше смотреть, и не отсюда, и не этим, – он кивнул на бронзовый магоскоп. – Но что две доли отсекло, это точно. Барьеры раскрылись, Хаос прорвался.

Эльф медленно покачал головой, глаза его расширились.

– Это как же? – сипло выдавил он. – Хаос?.. прорвался? Через барьеры Творца?

– Ему помогли, брат Гильтан, – проговорил Гломин. – Слабый отзвук чар мы уловили, но не больше.

– А большего тут и не уловишь, – с досадой бросил Флурум.

– Так и что с этим Хаосом?

– Ничего, – пожал плечами Бреннор. – Барьеры Творца чуть сдвинулись, но Упорядоченное они по-прежнему защищают. Это то, что мы увидели.

– Значит, надо прорываться, – решил эльф. – Тёмные Легионы или нет, а придётся.

– Сколько мы можем ждать? – Судя по всему, перспектива эта гномов не сильно радовала.

– Самое большее два дня Обетованного, – мрачно сказал целитель. – Но и всё. Раненых надо доставить в...

– Сами знаем. Но два дня не против подождать. Глядишь, повелитель

Ракот объявится.

* * *

– Проклятое местечко, чтоб ему сгореть! – Гном Арбаз, начальствующий над двумя сотнями подмастерьев Познавшего Тьму, вылил воду из сапога. – Болота да топи, топи да болота, честному гному голову преклонить негде!

– Бледная немочь, а не мир, – поддержал его кто-то.

– Неудивительно, что местные кому угодно и за что угодно продаться были готовы. – Арбаз потрепал по плечу маленькую колдунью Орши, которая и привела их сюда, в свои родные края, где некий «вербовщик» соблазнил её службой в воинстве быкоглавцев и богатой добычей помимо обычной платы.

Арбаз знал, что его отряд тут не в одиночестве. Пытавшуюся им помешать чародейку с её юной подручной заметили давно, но ущучить эту парочку никак не удавалось, тем более что девчонке помогал огромный волк, явно магическое существо.

Погоня длилась, уводя отряд в самую глубь болот. Как и положено, они кишмя кишели всяческими голодными созданиями, так и мечтавшими закусить им, Арбазом.

Правда, тварям всякий раз доставался шар кипящего пламени из верного, как смерть, огнеброса.

«Арбаз. Арбаз!»

Репак, радужный змей, что служил переводчиком при Орши. Как обычно, змей пользовался мыслеречью, что давалась ему куда проще обычной. Правда, перетолковывая слова маленькой колдуньи, он поневоле переходил на звучащую, но не слишком внятную речь.

– Чего тебе? – пробурчал гном, натягивая второй сапог, омерзительно мокрый.

«Орши. Говорит, впереди большой бум».

– Какой ещё бум? – Арбаз был совершенно не в настроении шутить.

«Большой бум, говорит. Спрятан в болотах. Глубоко. Наша беглянка ведёт нас напрямиком в ловушку»^[5].

– Орши, значит, почуяла, а у нас никто ни сном, ни духом? Где Кирриос, где его тёмные эльфы?! Им было приказано капканы отыскивать!

«Сейчас позову», – хладнокровно заявил радужный змей и удалился.

Маленькая чародейка Орши так и осталась стоять, растерянно теребя

край плаща.

– Как узнала? – проговорил Арбаз, глядя прямо в глаза на круглом испуганном лице.

Орши кое-как выучила несколько самых простых слов, и закивала, – поняла, дескать – но ответить всё равно не смогла, пока не вернулся Репак с Кирриосом, вожакom тёмных эльфов-разведчиков.

Вместе с ним явились и двое его сородичей – Танзеннин Баэнре и Триэль Фаэртала. Последняя казалась донельзя чем-то скандализованной.

– Арбаз Раннарс-ар. – Тёмный эльф склонил голову. Субординацию этот народ чтит свято, даже в рядах учеников Аэтероса.

– Кирриос Мелвиир. – Так же формально кивнул и Арбаз. – Орши уверяет, что мы идём прямо на «большой бум», скрытый в болотах. Сколько до него? – обратился он к круглолицей колдунье.

Та подняла два пальца.

– Два дневных перехода? – холодно удивился Танзеннин.

– Нет. Два полёта огнешара, – перевёл Репак, изо всех сил стараясь говорить как можно отчётливее.

Тёмные эльфы переглянулись – со свойственным этой расе презрением, не изжитым до конца даже учениками Аэтероса.

– Твоя воля, Арбаз, сын Раннара, – очень строго проговорил Кирриос. – Но мы не могли допустить такой ошибки. У колдуньи есть какие-то планы? Карты?

– Нет у неё ничего. – Триэль как бы невзначай поправила торчащие над плечами эфесы коротких кривых сабель. – Голову она нам дурит, боится, что не нужна станет.

Тёмные эльфы все походили друг на друга, словно близкие родственники – аметистовые глаза, иссиня-чёрные волосы, стянутые в тугие косы, одна у мужчин, две у Триэль, зелёно-коричневая одежда, разукрашенная живыми растениями, правда, успевшими несколько пожухнуть.

– Как узнала? Почему? Откуда? – Кирриос в упор глянул на Орши. Та немедленно затряслась – тёмные эльфы умели внушить, скажем так, изрядное уважение.

Маленькая колдунья зажестичулировала, помогая себе, Репак едва успевал переводить.

– Болото – живёт, дышит. Всякие – в общем, твари – ползают. Магия течёт. Слабо, но течёт. А теперь твари место за версту обходят. Они тут первое, чему учатся, когда в колдуны идут, – это всяких зубастых бестий выслеживать. Те магичны, след оставляют...

Тёмные эльфы вновь переглянулись.

– Что скажете? – обратился к ним Арбаз.

– Наша честь претерпела урон, – холодно заявил Кирриос. Триэль с Танзеннином молча и отрывисто кивнули. – Мы немедленно отправимся туда, где может быть западня. Все разговоры потом. Когда вернёмся. Нет, мы сами. Она пусть остаётся.

Спорить с тёмными эльфами в делах чести – только время терять.

* * *

Ирма Нарви сжалась на крошечном сухом островке посреди бескрайних болот. Она сделала своё дело, привела погоню к первому из оставленных госпожой Соллей «алых крестов», сюрпризов специально для армии бога Хедина.

– Ждём, Серко, ждём, – шептала она, прижимаясь к тёплому боку огромного волка.

Волк вздохнул. Совершенно по-человечески.

– Ага. Мне тут тоже не нравится. Но ты не думай, скоро уберёмся отсюда, совсем скоро...

Впереди, там, где в болотной глубине скрывался загадочный «алый крест», внезапно сверкнула ослепительная вспышка, вечерние сумерки исчезли, небосвод залила яростная и чистая белизна.

На островок накатил волна, за ней другая. Серко зарычал, оскаливаясь.

На свободу вырвалась дикая, хищная, ядовитая магия. Ирма задрожала – что-то невероятно злобное, куда злее орды голодных мертвяков.

– Это что же, Серко, они прямо в западню угодили? – пробормотала ученица госпожи Соллей, крепче прижимаясь к волку.

Волк принялся и – опять же, совершенно по-человечески – покачал мохнатой головой.

Как бы то ни было, поток вырвавшейся на свободу силы не иссякал; и это была настоящая сила, несущая в себе зародыши губительных чар, что сейчас сами обретали форму.

Госпожа Соллей и впрямь была великой волшебницей. Ирма закрыла глаза и попыталась представить, что же покатилося сейчас на оказавшихся столь неуклюжими вояк бога Хедина, – и ей стало совсем нехорошо.

– Ах, что б вас!.. Гордецы разэтакие! – Арбаз кое-как приподнялся. Белое свечение быстро угасало, гном, мокрый до нитки – через островок прокатилась волна грязной болотной воды – лихорадочно проверял огнеброс. – Вляпались!.. прямо задницей и сели!.. Разведчики, называется!..

Вокруг него ученики Аэтероса быстро и без суеты разворачивались в боевой порядок; все понимали, что одним взрывом дело не обойдётся. Все точно так же чувствовали и поток полившей наружу силы.

– На ходу преображается. – Арбаз сплюнул. – Где эти эльфы?! Пусть только явятся, головы пооткручиваю, каждому!..

«Арбаз, – возник в его мыслях холодный голос радужного змея. – Они приняли бой. Нужна помощь».

Но и гном сам ощущал уже, как впереди, во вновь сгустившихся после вспышки сумерках, распадающаяся на части сила оборачивается смертью в самых разных и жутких её видах.

Отравлен воздух, им нельзя дышать.

Отравлена плывущая по нему пыль, прикосновение её – гибель.

Отравлена вода, обращающаяся чуть ли не в абсолютный растворитель.

Валом валят и мелкие крылатые твари, не больше кусачей мошки – их не разрубишь мечом и не пробьёшь стрелой.

Арбаз Раннарс-ар, то есть «сын Раннара», вскинул огнеброс. Он знал, что его отряд готов.

– Беглым, пали! – гаркнул гном, плавно, несмотря на душивший его гнев, нажимая на спуск.

Ему дружно ответили десятки других орудий. Рыжие султаны пламени взметнулись над чёрными бочагами, размётывая и разбрасывая первую волну атакующих. Горел сам воздух, горели даже вода и тина; заряды, снаряжённые с изрядной долей магии, рвали обрушившийся на подмастерьев поток силы, жгли её тварей, зачастую слишком мелких, чтобы их вообще можно было разглядеть.

Арбаз был сам искусным магом – для своего народа; однако, подобно всем гномам, предпочитал магию предметную, вещественную, воплощённую, скажем, в его верном огнебросе. Вот и сейчас – от одного выстрела над болотом повис белый шар, заливая всё ярким светом; от другого впереди развернулась полыхающая жаром завеса; от третьего над

вскипающей болотной водой пополз зеленоватый пар, разлагая несложные боевые чары.

Справа и слева точно так же палили его собраты. Прорваться сквозь поставленную ими завесу не смог ни один монстр, не важно, крупный или мелкий.

Не могло прорваться и пламя – прямо на него катился встречный пал.

Подмастерья Хедина продержатся, это несомненно; но требовалось победить.

Победить и понять, как эта девчонка с волком ухитряется противостоять целому отряду.

Ясно, что это не её собственные силы – она только убегала, не пытаясь нападать.

Арбаз рванул рукоять затвора, огнеброс переломился пополам, открывая пахнущие метательной смесью казённые. Вложил два новых заряда, вскинул оружие, стоя на одном колене, прислушался – справа и слева пальба стихала, слышался только жадный рёв и треск пламени.

Первый натиск они успешно отразили, но зато беглянку с её зверем теперь отделяла от них широкая полоса пожара, полыхавшего прямо на болоте.

Арбаз ругнулся вполголоса по-гноми.

– Где эти эльфики? – прорычал он, выпрямляясь. – Кирриос где?.. Я им обещал кое-что пооткручивать!..

...Ругаться и топтать ногами пришлось довольно долго, прежде чем досада с гневом стали отступать. Отряд выдержал, однако обошлось это дорого – след девчонки с волком был потерян, вырвавшиеся на свободу чудовищные чары оставили после себя широкие полосы выжженного досуха болота.

Но не только.

Репак, радужный змей, сделался неожиданно задумчив – если, конечно, к нему вообще применимы эти слова. В отряде Арбаза он слыл мастером по самым хитроумным и неожиданным заклятиям, и притом не только боевым.

«Странно. Словно вскрылось что-то».

Радужный змей обращался к Арбазу мыслеречью.

«Вскрылось? Что вскрылось? Где?» – так же без слов ответил гном.

«Поблизости. Не знаю. Опасно. Странно», – повторил Репак. Шипы и перья вдоль его хребта нервно вздымались и опускались. Орши глядела на него с замороженным испугом.

«Сюда», – лаконично бросил змей.

Взяв с собой отыскавшихся к тому времени тёмных эльфов – «пусть стараются, бесстыдники, а то и впрямь им всё пооткручиваю!» – а также и маленькую местную чародейку, Арбаз последовал за Репахом.

Остальному отряду было велено оставаться на месте.

...Идти оказалось не так далеко. Орши было оживилась, но потом вновь сникла.

– Что с ней такое, Репах?

«Близко их селение. Орши думала, оно живое, но сейчас говорит, что мёртвое».

– Мёртвое? Это ещё почему?

Тёмные эльфы разом насторожились.

«Она не может объяснить».

Орши тихонько хныкала, безо всяких церемоний обхватив змея чуть пониже головы. Он, наверное, представлялся ей сейчас самым родным и близким существом.

– Тогда идём, – решил Арбаз. – Быстро, но и осторожно.

...В лабиринте заросших проток можно было легко заблудиться; кривые ветки низко нависали над чёрной водой, лианы спускались до самой поверхности.

Казалось, здесь всё должно быть тихо и мирно, скользили себе в болотной тиши водяные змейки, жабы и прочие болотные обитатели охотились на бесчисленную мошку; и всё же смерть приближалась, медленно, но неотвратно.

А потом их взорам открылась и сама деревушка, вернее, то, что от неё осталось.

Орши вскрикнула и зажмурилась, пряча круглое личико в ладонях.

Селение было очень невелико – едва ли десяток хижин, поднятых на сваях вокруг центрального сухого островка. От хлипких строений остались, однако, лишь остовы стен, сплетённые из жердей. Крыши, покрытые болотной травой, рухнули – здесь словно погулял смерч.

Орши разрыдалась.

Радужный змей осторожно подобрался к центру островка.

«Здесь был портал. Но... очень странный».

– Я тоже вижу, – проговорила Триэль.

Смутное мерцание, подобное дрожи горячего воздуха над раскалёнными солнцем камнями.

– Остатки портала, до конца не угасшего, – определил Кирриос. – Штука редкая, но не так чтобы уж совсем необычная...

– Портал, скорее всего, и распался со взрывом после того, как

сработала ловушка, – предположил Танзеннин. – От этого все и беды.

– А где тогда тела? – Арбаз осторожно шагнул к тому, что тёмный эльф назвал «остатками портала».

– Всосало в портал? – предположила Триэль.

Орши продолжала бурно рыдать.

Репак застыл подле загадочной дрожи. Радужный змей то свивался кольцами, то вновь распрямлялся, словно стрела; тёмные эльфы взирали на сей странный танец с почти что священным трепетом.

«Портал, но ведёт неведомо куда, – услышал Арбаз. – Вернее, не могу поверить, куда он ведёт!.. Не бывает такого, и быть не может!..»

– Меньше слов! – рыкнул Арбаз. – Куда он ведёт, говори толком!

«Не могу поверить...»

– Не верь! Просто скажи!..

Молчание. Радужный змей подплыл почти вплотную к Арбазу.

«Будь я проклят, пусть Аэтерос изгонит меня из учеников своих, но следы этого портала ведут за край жизни. Я бы сказал – во владения Демогоргона».

...Они долго махали на Репак руками, спорили и возмущались, но доказать его ошибку не смог никто. Никто, кроме радужного змея, не умел чувствовать (или выяснять посредством чар), куда вела незримая нить разрушенного портала.

* * *

Всё получилось донельзя удачно, думала Ирма, сидя верхом на Серко, мчавшемся громадными скачками через топь. «Алый крест» сделал своё дело, правда, она сама при этом едва уцелела, если б не волк, ухвативший её за шиворот и в последний момент выдернувший из-под огненной волны.

В общем, им хватит тут разбираться. А ей пора уходить – к тем самым «закладкам». Она, Ирма Нарви, хотела знать, что тут творится.

Конечно, они с Серко, как могли, путали следы; надо было, чтобы слуги Хедина наткнулись бы сперва на вторую ловушку, а потом и на третью. Ирма к тому времени будет уже далеко.

И она действительно оторвалась.

Чистая мощь, использованная госпожой Соллей в первом из «алых крестов», просто потрясала. Кто же она такая? – не могла не гадать девочка. Кто она, эта «госпожа Соллей»?

Но об этом она подумает после, а пока её ждал неблизкий путь до гор.

Император Мельина знал, что угодил в ловушку. Другое дело, что эта ловушка была не совсем той, что изначально предназначалась ему; он успел-таки сразить двоих – чешуйчатокожее человекоподобное существо с жёлтыми глазами и бахромой мелких щупалец вокруг них и другое, ещё более странное, с пятью конечностями, на манер морской звезды поддерживавшими продолговатое туловище.

Он вобрал в себя, втянул, выпил их жизни, словно приснопамятный Хозяин Ливня. Абсолютно чужие, нечеловеческие сознания, нелюдская логика, нелюдские понятия о добре и зле – всё это вошло в него, вызывая самые настоящие дурноту и слабость, хотя как могут призраки чувствовать «дурноту»?

Император пришёл в себя – вокруг раскинулась сплошная темнота. Холодная, колючая, злая; темнота, способная сковать даже его бестелесную сущность.

Он помнил свои последние ощущения перед пленением – тянущиеся куда-то вглубь, к самому сердцу мира, тончайшие нити заклинаний. Здесь творилась, похоже, некромантия высших порядков; магия Эвиала, не Мельина.

Однако зачем же он им понадобился? Почему охота велась именно на него, Хранителя нового мира, мира, возникшего из слившихся двух?

Ответ напрашивался только один – он мог помешать их замыслу. Или им казалось, что может помешать. Император, хоть и лишился плоти, не мог пока что проходить сквозь стены, или, во всяком случае, имелись такие стены, сквозь которые ему было не пройти.

Абсолютная тьма вокруг. Тьма – над которой властвует Учитель, великий Ракот Восставший, повелитель Мрака.

«Сродство» к Тьме, унаследованное от наставника...

Он шевельнулся – словно человек в путах, стараясь понять, чем же он связан.

Он, может, и призрак, но призрак необычный.

Император вбирал в себя окружающую темноту, осторожно тянулся к незримым стенам своей тюрьмы; да, так и есть – ставлено «на призрака», на сильного, голодного, свирепого; такие вырываются порой у неудачников-некромантов, как учил Владыка Ракот.

Хоть и не так долго наставлял он Императора, а это сказать успел. Видать, знал, в чём надо наставлять.

Император шевельнулся вновь, заставляя бесплотные мышцы двигаться; он ощущал нацеленные в него острия из истинного серебра, исчерченные рунами и символами – на отвержение мёртвых, на сковывание их, на непропуск в мир живых.

Всё это было, наверное, сделано хорошо, по всем правилам строгой науки некромантии.

Вот только он был совсем не обычным призраком.

Сперва Император попытался отыскать слабое место, точно готовя штурм крепости; нет, не удаётся, тут они постарались, надо признать.

Что ж, значит, пойдём напролом.

Потому что даже сквозь барьеры пробивалась тяжкая и болезненная дрожь, словно двойное сердце слившегося мира не выдерживает под натиском чуждой магии.

И, словно в былые дни, когда он, Император, стоял перед строем Серебряных Щитов, сейчас его бестелесная суть надвинулась прямо на пронзающие острия.

Оказалось, он способен ощущать боль, да ещё как!..

Однако боль эта не заставила остановиться, напротив – я чувствую, значит, я живу; из боли родилась ярость, заставившая его насадить себя на испещрённое рунами серебро.

Его призрачную суть раздирало в клочья, но до конца разодрать всё-таки не могло.

«Сеамни. Моя. Моя Сеамни!..»

Что бы ни измыслили пленители, он должен прорваться!

Биения извне участились, стали неровными, словно перебои больного сердца.

И тогда он испугался. Испугался, словно за родного, близкого человека, которого покидает жизнь.

Император рванулся – прямо сквозь преграды. Тьма помогала, как умела – обволакивая серебряные острые стержни, позволяя ему проскользнуть меж ним-и.

Западню ладили на совесть, он ощущал, как злые чары рвут его призрачную плоть, оставляя глубокие следы – хотя, казалось бы, как можно ранить призрака?

Он должен пройти – ради Тайде, ради сына. Ради всех остальных.

А потом барьер внезапно оказался позади, и Хранитель Мельина услышал истерические вопли на непонятном ему языке.

– Нет! – взвыл кто-то и на понятном.

Подземную камору озарили слабые огоньки, плясавшие в глубине

зеленоватых кристаллов.

Император видел исчерченный сложными скрещениями пентаграммы пол, видел заметавшиеся тени: тех, кого именовали «дуоттами», тех, кто прозывался «пятиногами». На него обрушился поток чужих заклятий, но это были всё те же чары против обычных призраков, против бродячих привидений с погостов; они висли на нём, тянули вниз, норовили опутать, однако он пробивался всё равно.

Чужая волшба могла его задержать, но не остановить.

А за спиной словно бы нарастал мерный топот его легионов.

Злоумышленники порскнули в узкие отнорки; Император успел дотянуться до ещё одного из них, дуотта, легко, одним движением вбирая в себя его жизнь и зло.

И разом ощутил иное – то самое болезненное, тяжкое трепетание глубоко в недрах мира. Теперь оно чувствовалось куда острее; что-то мучительно ворочалось там, готовое вот-вот лопнуть; лопнуть вместе со всем остальным, и Мельином, и Эвиалом.

Он не умел ходить сквозь земную твердь.

Учитель всегда говорил, что «это умение придёт».

Когда-нибудь. Само.

А требовалось оно сейчас.

Император выпустил полуживого дуотта. В сознании нелюдя мелькали суматошные картины – какие-то тёмные средоточия силы глубоко под миром, силы, что вот-вот вырвется на свободу.

Какие умельцы, однако!..

Дуотт отползал. В тёмных глазах застыл ужас, правая рука не действовала, парализованная, половина щупалец бессильно повисла.

– Убирайся, – бросил Император. – И скажи остальным – пусть убираются тоже; вам меня не остановить.

Он повернулся спиной к дёргающемуся в конвульсиях существу; повернулся, и земная твердь разошлась под его бестелесными ногами.

Глава 3

Райна Разбивающая Щиты; Сигрлинн; Хедин-из-Бездны

– Кирия Сигрлинн. Госпожа чародейка. Сигрлинн. Сиг!

Валькирия отчаянно трясла бесчувственную волшебницу. Чёрное беспамятство отпустило её, но не Сигрлинн.

Райна очнулась в роскошно разубранном покое; роскошно – по меркам Асгарда. Отцу, владыке Валгаллы, Старому Хрофту, это бы наверняка понравилось.

Стены из золотистой северной сосны, прямой и честной, шкуры зверей, скрещённые мечи, топоры и копья, круглые и вытянутые щиты, чёрные пустые глазницы высоких шлемов; длинный стол с простыми лавками. Ласковое низкое солнце осторожно заглядывало в окна; приближался вечер.

Прямо на лавке подле Райны кто-то аккуратно положил её альвийский меч в ножнах, не забыв тщательно обмотать его ремнями. Она схватила его, словно утопающий хватает подвернувшийся плавучий обломок.

Валькирия без меча не валькирия.

– Сиг! – рывкнула воительница прямо в ухо чародейке.

Длинные пушистые ресницы дрогнули, алые губы чуть шевельнулись. Сигрлинн застонала, тяжело, с надрывом, её согнуло в приступе жестокой рвоты. По подбородку потекла кровь.

– Кирия! – Райна подхватила её под спину, усадила. – Сейчас, сейчас помогу!..

Однако первое же заклятие, останавливающее кровотечение, бессильно сорвалось, рухнуло и разбилось.

Здесь не было магии. Совершенно.

Воительница выругалась, припомнив некоторые отборные выражения из своих наёмнических дней.

Сигрлинн кое-как села, привалившись к стене; Райна поспешно сорвала со стены шкуру какого-то зверя с густым тёмным мехом, подсунула под спину чародейке.

– С-спасибо... – Одна рука волшебницы прижималась к боку, там, где совсем недавно была гнусного вида рана. – Ох-х...

Ей было плохо, это очевидно. От чего может быть плохо великой Сигрлинн, которая и в этом-то теле обретается, потому что ей так

благоугодно?

– Оказывается... когда нет магии... хочется просто лечь и сдохнуть...

Райна невольно подняла бровь. Кирия нечасто позволяла себе подобные выражения.

– Здесь нет магии, да, – откликнулась воительница. – Скажи, госпожа, что сделать?

Болезненно кривясь, Сигрлинн покачала головой.

– Ничего не сделаешь, валькирия. Они... крепко нас поймали. Всё это, – она слабо повела рукой вокруг, – иллюзия, как ты понимаешь. Но иллюзия, наложенная не привычными нам чарами, не волшебством, чем-то иным, и даже я не знаю чем. Когда я была в плену, с таким не сталкивалась. И вообще, тогда... оно всё было по-иному.

Пустой желудок воительницы предостерегающе забурчал. Валькирия Рандгрид, хоть и была из рода Древних Богов, нуждалась в еде и питье; в конце концов, её мать вышла из рода людей.

– Что у тебя с боком, кирия?

– Кажется, рана опять открывается, – сообщила чародейка. – Чары все распались. Удивительно, как это не распалась пока что я сама...

Дверь бесшумно приоткрылась, в проём хлынуло беспощадное, режущее зелёное сияние.

Райна подскочила, выхватив альвийский клинок из ножен.

В проёме проявлялся человек.

Именно проявлялся, возникал из льющихся потоков зелёного света, его тело на глазах слагалось из отвердевающих яростных лучей. Казалось, что получается у него это с изрядным трудом; пару раз он даже останавливался и поправлял ошибки вроде третьей руки, что торчала из середины груди, или развесистых ушей, явно позаимствованных от какого-то южного животного.

Райна не удержалась – ухмыльнулась.

– Сложные мы натуры, – сказала она вслух на родном языке, на языке Асгарда. – Так просто даже и не воспроизведёшь.

Сигрлинн только слабо простонала что-то.

Дверь захлопнулась, поток зелёного сияния исчез. Человек солидно повёл плечами, выпятил грудь; поддёрнул щегольской изумрудный плащ с шитой золотом каймой. Он казался молодым, лицо – идеально правильное, приятное, но незапоминающееся; глаза заполнены белым сиянием, словно позаимствованы у самого Ямерта.

– Уф-ф, – выдохнул человек, шагнув к столу. – Приветствую вас, достойные, в сей скромной обители.

Он говорил низким, слегка хриплым голосом и вообще вёл себя словно живой – шевельнётся, почешется, мигнёт, шаркнет ногой.

– Хозяин. – Райна выразительно подняла меч, острие смотрело в грудь новоприбывшему. – Госпожа Сигрлинн ранена. Отсутствие магии причиняет ей страдания. Если ты хочешь говорить с нами – а я думаю, что таки хочешь, – сделай что-нибудь.

– Госпоже Сигрлинн ничто не угрожает, – внушительно проговорил гость. – Маленькие неуровновешенности в сложной системе магических взаимодействий, кою она собой являет, никак не могут привести к её, госпожи Сигрлинн, безвременной кончине.

– Тогда разговора не будет, – пожала плечами валькирия. – Вставай, злое создание, будем биться.

Человек досадливо сморщился, вытянул руку, прищёлкнул пальцами – меч в ладонях Райны окутался облаком зелёных лучей и искр, зависнув прямо в воздухе, словно удерживаемый там незримыми оковами...

– Будет разговор, будет, – уверенно бросил он. – Вам он нужен ещё больше, чем мне.

– Неужели? – сощурилась Райна.

– Именно так.

– Тогда говори, – простила Сигрлинн. Валькирия увидала, как между пальцев чародейки скользнули первые капли зеленовато-жёлтого гноя. Иллюзия, но...

– Вы должны были сделаться частью великого порядка, – заявил Дальний. – После того как мы вас выследили и сбили.

Валькирия негодуяще фыркнула.

– Но! – Гость внушительно поднял палец. – Открылись новые обстоятельства. Возможно, вам придётся ещё немного подождать.

– Подождать чего?

– Своего обращения в часть нашего кристалла, конечно, – пожал плечами Дальний. – Вы сами всё видели, скрывать больше нет смысла.

– Завидная участь, – процедила Райна сквозь зубы. – Прямо-таки восхитительная. Не могу дождаться, одним словом.

– Это лучшая, величайшая и восхитительнейшая участь! – аж всплеснул руками хозяин. – Стать частью великого кристалла, колыбелью нового Творца!..

– Не заговаривай нам зубы, – нахмурилась валькирия. – Говори, зачем пришёл!

– Да. Так вот, возникли некоторые, э-э-э, пертурбации, возмущения, неуровновешенности. Кристалл должен быть совершенен, чем больше

паразитных колебаний, тем дальше он от идеала и...

– И нам с госпожой Сигрлинн предлагается устранить эти «неуравновешенности»? Ты ещё глупее, чем кажешься, Дальний. Зачем нам тебе помогать, если впереди всё равно – кристалл? Нагляделись мы на них, пока тут у вас гуляли...

Хозяин побарабанил пальцами по столу, как бы в раздражении от непонятливости собеседниц. Указательный и безымянный при этом отвалились, растаяв облачком зелёного сияния. Дальний недовольно скривился и убрал руку.

– Ты даже образ удержать не можешь, – врубила валькирия. – Рассыпаешься. И хочешь, чтобы мы тебя слушали? Не мучайся уже, говори с нами в своём истинном виде.

– Вы лучше поймёте меня, если мы будем внешне похожи, – парировал тот. – Хотя мне трудно поддерживать удобоприятный для вас облик здесь, где нет привычной вам магии и где всё движется к достижению высшей степени порядка...

– Ты очень плохо уговариваешь нас, хозяин, – покачала головой Райна, метнув взгляд на бледную Сигрлинн. – Госпожа мучается. Так дела не делают.

– Говорю тебе, дева, подобные вещи в худшем случае причинят ей лишь мелкие неудобства, – раздражённо заявил Дальний. Утраченные пальцы он даже и не пытался отрастить обратно. – А что нужно сделать... Пока вы были, так сказать, вне сознания и чувств, во вселенной произошло несколько, гм, событий, не укладывающихся в обычную канву...

– Короче, вам где-то крепко намяли бока, – резюмировала валькирия.

Дальний вздохнул. Нос его начал сплющиваться, по подбородку побежали зелёные струйки.

– Прошу прощения, – пробубльнул он. – Артефактность... этого места... препятствует...

Нос кое-как вернулся на прежнее место, правда, походил теперь больше на свиной пяточок.

– Что. Нужно. Сделать? – Райна пошла напролом.

– Вселенная, в результате некоего воздействия, кое мы пока ещё не смогли в должной степени истолковать... утратила свою целостность. А целостность вселенной – залог идеальности... конечного идеала.

– «Идеальности идеала...» – слабо фыркнула Сигрлинн. – Где тебя учили риторике, хозяин?

– Мы принимаем меры. – Дальний проигнорировал волшебницу. – Однако, поскольку мы очень связаны тем процессом, что вы могли

частично наблюдать, то предлагается простая сделка.

– Я вся внимание, – ядовито взглянула валькирия. – Не забудь только в конце объяснить-таки, что нас ждёт.

– Хорошо, – вздохнул хозяин. – Нам нужно единство вселенной. Нам нужно устранить тех, кто стоит за её разделением.

– Как можно «разделить вселенную»? – не поняла Райна.

– И, если она уже «разделена», чем поможет «устранение» тех, кто её якобы «разделил»? – слабо поинтересовалась Сигрлинн.

– Неважно! – У Дальнего распалось левое ухо, он раздражённо хлопнул себя ладонью, словно пытаясь убить назойливого комара. – Это нужно сделать. И вы это сделаете.

– Иначе? – Валькирия подняла бровь.

– Иначе вы останетесь здесь. – Дальний не угрожал, он просто сообщал. – Останетесь здесь и разделите судьбу тех, кого... вы, возможно, уже видели в глубине зелёных кристаллов.

– Мы разделим их судьбу и так. Верно?

Дальний опустил взгляд.

– Упорядоченное несовершенно. Оно изначально неидеально. Собрав всё воедино, дав начало новому Творцу, мы приблизимся к идеалу.

– Я не хочу «приближаться к идеалу». – Райна сжала кулаки. – Мне всё равно. Если вы такие могущественные – прикончи меня, Дальний, здесь и сейчас. Но помогать тебе я не стану.

– Стой! – Сигрлинн, кривясь и морщась, протянула руку. – А не можешь ли ты... если мы поможем... сделать так, чтобы мы отправились бы – сквозь Хаос – туда, где есть иные вселенные?

Валькирия вытаращила глаза. Какие ещё «другие вселенные»?! Как можно пробиться сквозь океаны Хаоса, где по определению не выдержит ничто «упорядоченное»?!

– О, ты догадалась, – слабо улыбнулся хозяин. Вышло довольно-таки жутко – зубы у него так и норовили рассыпаться зелёной пылью. – Да, если бы не могли творить Монаду, зачем мы были бы нужны? И, если бы мы не знали, как отправить Монаду в странствие сквозь Хаос, чтобы она ждала бы приуроченного момента, как могли бы мы исполнить свой долг?

– Значит, можете? – прищурилась Сигрлинн. – Я так и знала.

– Можем, – вздохнул Дальний.

– Тогда так. Вы показываете нам всё это. Я... то есть мы, конечно, – убеждаемся, что это не выдумка. И тогда мы вам помогаем, коль уж вы, такие могущественные, обращающие целые сонмы миров в части великого кристалла, справиться не можете.

– У нас нет времени на длительные демонстрации, – растерялся хозяин.

– Найдите. В конце концов, вы же знаете, что Великая река в Упорядоченном течёт неравномерно. Сыщите тихую гавань, где время почти стоит. Я должна вас учить этому?

– Хорошо, – поднялся Дальний. – Я понял ваши условия. Мы известим вас. Скоро.

– Э! А кормить нас вы собираетесь? – остановила его Райна.

– Мы не владеем тем, что вы именуете едой.

– Как же с вами тяжело дело иметь, Дальние! Расстарайтесь уж, слышите?

Хозяин молча отвернулся, рассыпавшись на пороге облаком изумрудных искр.

* * *

Райна подсунула под спину и плечи Сигрлинн ещё одну шкуру. Отвела прижатую к боку ладонь, невольно присвистнула.

Рана выглядела хоть и небольшой, но гнусной – почерневшей и гноящейся.

– Не смотри... – выдавила Сигрлинн. – Он... прав. Пока я здесь... это не залечишь. Но я и не... не распадусь, как могло бы случиться там, когда мы с тобой...

Валькирия с сомнением посмотрела на сочащийся гной.

– Моё тело... – волшебница говорила с явным трудом, – одна видимость, Рандгрид. Я могу принять любой облик, как и Познавший Тьму, как и Владыка Мрака. Но не в этом месте. Не...

– Кирия, – перебила её Райна. – Ты рекла... про то, чтобы покинуть Упорядоченное, пробиться сквозь Хаос. Бежать. Но...

– Потом, валькирия! – Сигрлинн скрипнула зубами. – Ты называешь меня «госпожой», так поверь же мне! Просто поверь! Я знаю, что делаю! И не задавай лишних вопросов.

Взгляд Сигрлинн метнулся к двери, за которой бушевало зелёное сияние.

– Да, кирия, – сумрачно ответила Райна.

– Нам нужно лишь немного подождать. – У чародейки это вышло почти умоляюще.

Воительница кивнула.

Мысли, однако, у неё путались. Что задумала эта волшебница? Куда она собралась бежать? – а выглядит это именно как бегство. Сквозь Хаос в другую вселенную?! Нет, бред, ерунда, этого не может быть, потому что не может быть никогда.

– Я знаю, что делать. – Сигрлинн схватила Райну за руку.

Та лишь растерянно кивнула.

...За ними пришли довольно скоро. На столе появились вода и хлеб – грубый, ржаной, но валькирия была рада и ему, проглотив свою долю с волчьим урчанием.

На сей раз Дальние не утруждали себя принятием человеческого облика. И нет, они не походили на «ходячие кристаллы», как сгоряча подумала было Райна. Собственно, их было почти не видно, лишь чутьём Древней она могла уловить их присутствие, дрожь призрачного зелёного пламени, проскальзывающего сквозь складки и поры реальности без истинной физической манифестации.

И теперь слова Дальних возникали прямо в сознании. Мыслеречь, будь она неладна.

«Следуйте за нами. Для сбережения рассудка не смотрите по сторонам».

Холодно, безо всякого выражения.

– Делай, как они говорят, Рандгрид, – негромко посоветовала Сигрлинн.

«Не смотрите по сторонам? Ну, как бы не так! Чего я тут не видела? Грудю зелёных камней?»

Она шагнула за порог; яростное зелёное сияние приугасло, но ничего различить вокруг она не могла, только внезапно закружилась голова, и Райне показалось, что верх и низ принялись меняться местами по собственной прихоти.

«Следуйте, куда ведут», – предупредили её. И точно – потянуло в одну сторону. Райна оглянулась – дверь, из которой они вышли, уже исчезла, вокруг только зелень, режущее глаза свечение.

«Спрашивается, при чём тут мой рассудок?»

Она сощурилась изо всех сил, стянула волю в кулак, заставляя забыть про боль в обожжённых глазах. Смотри, валькирия! Иди и смотри!..

Изумрудная завеса чуть рассеялась. Самую малость, но и этого хватило.

Райна словно бы висела вниз головой над застывшей в изумруде городской улицей. Самой обычной улицей, с каменными домами, лавками, где за откинутыми столами застыли торговцы, с тележками и осликами,

детьми и их матерями, носильщиками, покупателями и прочим людом.

Все они застыли, охваченные зелёным, вмурованные в изумруд – огромная галерея каменных статуй.

Что-то пронеслось над застывшей улицей, что-то свистнуло – и фигуры начали распадаться, точно по ним ударили исполинские молоты.

Райна дёрнулась, словно в больной зуб ткнули иголкой, такой резкой и внезапной оказалась эта боль.

– Они же живые! – вырвалось у валькирии.

Дочь Старого Хрофта столкнулась взглядами с окаменевшей на корточках девочкой, гладившей трущуюся о ноги кошку; глаза малышки жили, в них плескались невыразимый ужас с отчаянием, но хуже всего оказался проблеск безумной надежды – девочка заметила воительницу, на миг, наверное, подумала, что спасение близко...

В следующую секунду незримая кувалда разнесла несчастную на куски, обратив в облако мелких и мельчайших осколков.

Райна дёрнулась, её скрутило жестоким спазмом.

Она долго была наёмницей и повидала всякое, в том числе и, увы, мёртвых детей. Особенно если вспомнить тех же Безумных Богов или Войну Ангелов. Но там её отряд, как правило, поспевал лишь когда надо было хоронить; а вот тут...

Если бы рядом с ней оказался Дальний во плоти, валькирия просто разорвала бы ему горло безо всякого оружия.

Сигрлинн, не говоря ни слова, схватила её за руку.

«Молчи!»

Тяжело дыша, воительница отвела взгляд. Глаза немилосердно горели, словно в них плеснули кислотой.

Их тянуло дальше. Безмолвные Дальние скользили рядом, немые призраки, могильщики не одного мира, но целой вселенной.

Потерпи, Рандгрид. Они за всё заплатят. Не знаю как, но заплатят.

Сигрлинн по-прежнему держала её за руку.

Зелёное марево кончилось внезапно, и так же внезапно валькирия ощутила пугающую близость Хаоса. Вокруг царила тьма, лишь в страшной дали полыхали багровые протуберанцы – они оказались у самых пределов Упорядоченного, где сквозь барьеры Творца вечно пытались прорваться эманации абсолютно чуждой всему сущему субстанции.

Хаос кипел, ярился и негодовал. А может, после всего увиденного кипела, ярилась и негодовала душа самой воительницы.

Межреальность напоминала тут едва прикрытую ряской трясину. Реальность качалась, проседала, вздымалась и вновь опадала – никогда ещё

Райна не оказывалась в такой близости к Хаосу, даже когда шла дорогами мёртвых богов^[6]. Здесь не было ничего живого, ни один обитатель Междумирья не задержался здесь, все бежали куда подальше.

Чародейка внезапно остановилась.

– Я подозревала, что вы способны проникать... за предел пределов. Но понятия не имела как. Ведь это же граница, проведённая самим Творцом!

Ответ пришёл – холодными размеренными словами в глубине сознания.

«Творец в великой мудрости своей явил нам стены. Но только у нас есть ключ от потайной двери».

Волшебница хмыкнула.

– Вы помните наши с Райной условия? Мы должны убедиться, что вы и в самом деле на такое способны!

«Вы убедитесь», – последовал ответ.

– Ждём. – Сигрлинн опиралась о руку Райны.

«Как?! Как они это смогут проделать?! – смятенно думала валькирия. – Сумеют взломать барьеры Творца?! И при этом не запустить Хаос в пределы Упорядоченного? Но, если так... если так...»

– Вы сказали, что должны породить нового Творца... – начала она.

«Нет. Мы должны сотворить идеальную Монаду. Или, во всяком случае, настолько идеальную, насколько это будет в наших силах. Потом, спустя невообразимые океаны времени, Монада пробудится к жизни и сознанию, сделавшись Творцом, который породит новую вселенную».

– А вы при этом?

«Мы должны точно так же сделаться частью великого кристалла, как и всё остальное. Довершится трансформация этой высшей формы Порядка в Монаду уже без нас, благодаря заложенным нами чарам. Мы уйдём вместе с другими, вместе со всеми в Упорядоченном. Никто не избавит нас от этой участи, однако для нас это не трагедия и не страх, а величайшее счастье, доступное нам».

– То есть вот это вот умение... открывать барьеры...

«Оно необходимо не для нашего “спасения”, которого не будет. Оно необходимо для запечатывания Монады, для защиты её от Хаоса. Но да, ты права, воительница, – мы могли бы „бежать”. Другое дело, что мы никогда этого не сделаем. Для нас это так же немыслимо, как для тебя, скажем, употребить в пищу плоть собственных матери или отца».

Воительница кивнула.

– Для меня немыслимо. Однако встречала я смертных, что творили куда худшее, когда им грозила телесная гибель.

«Не имеет значения. Мы владеем знанием для „спасения“, но никогда им не воспользуемся, ибо для нас это как раз и будет конечной гибелью».

– Мы ожидаем демонстрации, – перебила их Сигрлинн.

«Какая форма будет сочтена достаточным доказательством?»

– Можете заключить нас обеих в... во что вы нас заключите? – и отправить в краткое путешествие через Хаос с возвращением вот на это самое место.

Райна, несмотря на всю свою храбрость, ощутила холод внутри.

Ступить в Хаос! Оторваться от спасительной тверди Упорядоченного!.. Оказаться там, где не бывало ещё ни одно разумное существо, ну, за исключением Дальних, наверное, – было от чего растеряться.

«Тогда смотрите и не говорите, что не видели!»

– Не скажем, – пообещала Сигрлинн. Глаза у неё лихорадочно блестели, на щеках играл нездоровый румянец. Райна сказала бы, что она уже на последнем берегу, когда умирающий чувствует облегчение и прилив сил – чтобы попрощаться с родными и миром. – Что мы должны сделать?

«Ничего, – последовал лаконичный ответ. – Стойте, где стоите».

Райна невольно положила ладонь на эфес. Её меч ничего здесь не сделает, но так было спокойнее.

Зеленоватое мерцание вокруг них сделалось ярче, короткие росчерки изумрудных лучей плели стремительно сгущающуюся паутину вокруг чародейки и воительницы; их словно заключало в плотный кокон.

На валькирию внезапно накатила волна паники. А что, если их вот сейчас заключат в зелёный кристалл, как тех горожан, на её глазах обращённых в тончайшую пыль?

– Если б они хотели, то уже бы сделали это. – Сигрлинн поняла её без слов.

– Да, кирия. – Райна опустила голову, стыдясь недостойной слабости.

Меж тем кокон закрылся, сделавшись совершенно непроницаемым.

– И как же мы поймём, что?..

– Поймём, – заверила её Сигрлинн. – Ощутим сразу же. Эманации Хаоса подделать невозможно.

– Они могут повторить барьер Творца? – не могла поверить воительница.

Чародейка тихонько засмеялась и сразу же болезненно скривилась.

– Они и есть барьер, храбрая Райна.

– То есть как? – опешила валькирия.

– Они часть его, – повторила спутница Хедина. – Понимаю, это... с трудом укладывается в голове. Но это так. Мне самой потребовалось

побывать у них в плену, чтобы впервые заподозрить, что отпорная стена вокруг Упорядоченного – это не просто некий магический барьер; но только сейчас всё встало на свои места.

– Погоди, кирия, – взмолилась Райна. – Как так? Они часть барьера? Или барьер часть их? Или они именно что составляют барьер?

– До конца не знаю, – покачала головой чародейка. – Но подозреваю, что и то, и другое, и третье. Часть Дальних есть барьер. А часть Дальних действует отдельно от него. Это, конечно, нуждается в строгих доказательствах; но ощущение у меня сейчас именно такое.

Их кристаллическая тюрьма дрогнула и поплыла. Волны силы бились в её стены, раскачивая всё сильнее и сильнее. Райна всей кожей вдруг ощутила дыхание надвинувшегося Хаоса, чёрный жар, беспощадный, от которого плоть будет слезать с костей.

– Близко... – сквозь зубы процедила Сигрлинн. Виски и лоб покрылись капельками пота; пусть её плоть – «лишь комбинация заклинаний», но эта комбинация слишком уж до мелочей воспроизводила все человеческие реакции.

– Барьер... открывается...

Но это Райна ощутила уже и сама.

Ужас. Страх, какого она не испытывала никогда доселе, нигде, ни в одной битве. Всё, всё оставалось позади, и даже сама жизнь. Она повисла над бездонным колодцем, что стягивался где-то там, в невообразимой дали, к исчезающе малой точке; и точка эта разом и была, и не была. Она словно то появлялась в сущем, то исчезала; и невозможно было сказать, есть она вот прямо сейчас или нет.

Эманы Хаоса хлынули со всех сторон. Жар, нестерпимый и тёмный; война всего со всем, всё обращалось против всего, одна и та же вещь находилась разом в двух местах, и в одном месте пребывало больше, чем одна сущность.

Райна ощутила, что стремительно скатывается к безумию. Разом хотелось и рыдать, и хохотать. Выкрикивать проклятия и молиться. Броситься на свой собственный меч, чтобы только прекратилась эта мука; потому что в глубине колодца появилось нечто напоминающее лик, жуткий и слепой, с распахнутым провалом глотки и рядами острых зубов – её воображение тщилося нарисовать хоть что-то, что можно пронзить, например, мечом.

Лорды Хаоса не имеют формы. У них нет дворцов и слуг, нет армий. Они и есть, и их нет. Они в ложной пустоте, появляются и исчезают. Они – исполинские сущности, протянувшиеся на расстояния, непредставимые

даже для неё, Древней. Они соударяются и расходятся, пространства и времена скрещиваются, порождая немыслимые, невероятные катастрофы, с лёгкостью уничтожая всё, что есть и чего нет, – и тотчас творя на этом месте новое просто потому, что такова единственная форма существования Хаоса.

– А-а-ах! – Она стиснула виски. Казалось, все внутренности её сейчас закипят, кожа лопнет, зелёная скорлупа расколется, и она сама сделается тварью Хаоса – вечно голодной, вечно сытой, ленивой и яростной, пожирающей и возрождающей в одно и то же время.

Она была всем. Матерью мирам и Смертью им же. Созданием без формы, места, для которого время разом и шло, и стояло, причём шло и туда, и обратно. К её услугам было больше чем три измерения. Бесконечное множество, если быть точным. И на миг ей показалось, что она даже может это понять, может даже представить.

Чёрные солнца светили ей в лицо, в затылок, светили справа и слева, сверху и снизу, ей казалось, что кристалл вокруг растворяется, тает, словно сталь в горне; раскрывается бездна, но одновременно и схлопывается, сжимая так, что не шелохнёшься, потому что нет и малейшего пространства – оно просто исчезло вместе со временем.

Рядом с ней тяжело застонала Сигрлинн, и, обернувшись, валькирия увидела, как чародейка тает, как чёрное пламя Хаоса смывает с неё человеческий облик, как разваливаются и распадаются чары, и на месте стройной волшебницы возникает нечто, возмущение в сущем, Великий Предел, каковой и есть суть Истинных Магов, если верить словам отца.

– Сиг... – выдавила она, но той уже было нечем ответить.

Она ведь сама – сродни Хаосу, смятенно подумала Райна. Мы все – Хаос, просто сами не знаем. Почему мы с ним боремся? Что за бессмыслица?..

Хаос – это есть и бессмыслица, и смысл, всё вместе. Всё вместе, всё!

Её рассудок распадался, подобно телу Сигрлинн. Ужас брал верх, она больше не могла, её больше не было – ничего не было, – время сворачивалось в петлю...

Она кричала, а может, молчала. Может, билась о стены кокона, а может, просто упала или, наоборот, воспарила. Всё утратило значение и смысл.

Может, на миг. А может, и навсегда.

В прошлой жизни он был Хедином Познавшим Тьму. Истинным Магом, Новым Богом, у которого не было ни родителей, ни родных, за исключением Поколения таких же, как он, пришедших из ниоткуда, возникших волей самого Упорядоченного.

Он делал, что должно, но и то, что будет, не отпускал на самотёк. Вместе с Ракотом они хранили Упорядоченное до того мига, пока в Асгарде Возрождённом не забил Четвёртый Источник и не рухнула система, сдерживавшая Неназываемого; система, с таким трудом и тщанием ими выстроенная.

А потом он шагнул в бездну, неутомимо, неостановимо пожиравшую ткань Упорядоченного, ибо это был единственный путь восстановить баланс.

Его двойник остался дома. С Сигрлинн, с братом Ракотом. Со вселенной, которую по-прежнему надо хранить.

Он не знал, как это может быть. В один момент он, Хедин, был един; а в следующий бездна сотворила его точную копию.

Между ними сохранялось что-то вроде связи, нити, протянувшейся через невообразимые пределы, где, наверное, сущее совершенно не похоже на знакомое Междумирье. Очень-очень тонкой, по которой не передашь слова или советы; просто ощущение, что на другом конце – не пустота.

Ему ещё предстояло понять, где он сам и что дальше. Однако слабое изменение в... пожалуй, в звучании пространства вокруг он ощутил.

Слабое возмущение, докатившееся через Хаос и всё остальное.

Возмущение, которое он безошибочно бы определил везде и всюду.

Хаос коснулся Сигрлинн.

* * *

Райна распадалась. Тысячи раз умирала и столько же раз воскресала. Прожила мириад жизней, от рождения до кончины – смертной, бессмертной, мужчиной, женщиной, ребёнком, человеком, чудовищем, зверем. Меняла облики и тела, меняла души. Что вокруг неё было настоящим, а что – нет, она не знала. Всё – и ничего. Ничто – и всё.

Она уже не помнила, как оказалась здесь, как долго пребывает и сколько это ещё продлится. Чёрный жар Хаоса выжигал память, и лишь изначальная искра, искра Пламени Неуничтожимого, дыхания Творца, по-прежнему упрямо сопротивлялась этому натиску.

Она забыла, кто сейчас рядом с ней и был ли вообще этот «кто-то».

Где-то рядом, за истончающейся скорлупой зелёного кристалла, сквозь чёрные бушующие океаны плыла исполинская глобула, живая капля обитаемой Вселенной. Райна была разом сотней, нет, тысячей, нет, миллионом личностей и сущностей, находившихся в её пределах; и она видела, ощущала, воспринимала – единое Упорядоченное единым быть перестало.

Оно разделилось на три части – одну колоссальную и две крохотных, почти невидимых рядом с нею. Райна поняла, что это так, только потому, что личности её были во всех трёх частях разом.

Три части, рассечённые словно неведомым мечом.

Ей показалось, что это ужасно смешно.

* * *

Хаос коснулся Сигрлинн и Хедина-второго (или первого?), Хедина-Бездне Неназываемого скорчило жестокой болью. Он не имел физического тела, вместо него – кокон из крошечных частичек Пламени Неуничтожимого, частичек душ, поглощённых Неназываемым и сейчас собравшихся вокруг него. Они защищали его, и он сам защищал их.

Тьма вокруг ждала, пытаясь говорить с ним множеством голосов разом. Его падение почти остановилось, он перестал ощущать Неназываемого; сингулярность, точка, в которой всё сосредоточено, была совсем рядом и в то же время – недостижима. Время выделявало удивительные фокусы здесь, в бездне вечно голодного чудовища, то несло вскачь, то почти замирало.

Предстояло сделать последний шаг, однако Новый Бог понятия не имел, чем это закончится. Может, катастрофой ещё худшей, чем уже случилась; сколько миров и душ рухнуло в бездну, прежде чем он восстановил хоть какое-то подобие баланса?

Однако ждать и мешкать смысла не имело. Уж раз он остался здесь...

Познавшему Тьму казалось, что он вытягивает руку, хотя на самом деле никаких рук у него сейчас не было. Было облако душ, тех, кто не удержался на краю бездны, кто заплатил самую высокую цену, какую только способны заплатить смертные; и это сделало их – иными.

Выше, чем он, в чём-то неуловимом, в той высокой доблести, что позволяет человеку презреть саму смерть, бросить ей вызов и победить.

Нечто, недоступное даже богу.

– Что ты делаешь здесь? – воззвал Хедин. Беззвучно, одной мыслью,

распространявшейся, словно свет, тепло или сила земной тяги. – Уйдём отсюда. Уйдём, я покажу дорогу.

Ещё мгновение назад он не знал, куда она может вести; Сигрлинн указала путь.

Во имя всего светлого и святого, как она очутилась в Хаосе?!

Как он до неё добрался?!

Познавший Тьму потянулся всем существом вперёд, к загадочной сингулярности, к сути, смыслу Неназываемого. Закованный в броню из Пламени Неуничтожимого, Пламени, которое не смогла поглотить даже вечно голодная и всё разрушающая пропасть.

Он ощутил касание, словно холодная волна сурового северного океана заплескалась вокруг ног, стремительно поднимаясь всё выше и выше, до пояса, по грудь, по шею...

Его захлёстывало, но он упрямо вгонял себя всё глубже и глубже, зная, что это – единственный путь туда, к Сигрлинн.

Оставшийся в Упорядоченном двойник ей уже не поможет.

* * *

Райна не помнила ни как всё кончилось, ни что она ощущала в те мгновения. Мир растаял в яростном чёрном сиянии и возродился вновь – в уже знакомом покое, так напоминавшем Асгард; хозяева, наверное, старались ей угодить.

Она была одна. Волшебница Сигрлинн куда-то исчезла.

– Х... хозяева! – хрипло выдавила валькирия. Она лежала на груди шкур, рядом на лавке стоял надтреснутый глиняный кувшин с водой и столь же непредставительная тарелка с краюхой хлеба.

Хлеб, правда, был свежий.

– Эй! Кто-нибудь?

Райну мучили разом и жажда, и голод, голова кружилась, руки тряслись. Она недоверчиво взглянула на собственные ладони – под чёрным жаром Хаоса, казалось ей, должны были остаться одни обугленные кости.

Нет, всё в порядке. Никаких следов, тем более ожогов.

Только пить очень хочется.

И – где чародейка?!

– Хозяева!

Дверь наконец распахнулась, однако на пороге никто не появился; валькирия ощутила присутствие Дальних – они не сочли нужным принять

видимый облик.

«Валькирия. Мы показали тебе, что можем и впрямь даровать тебе свободу от этого мира».

Да уж, подумала Райна. Показали, это верно.

– Где моя спутница? Где волшебница Сигрлинн?

«Валькирия. Согласна ли ты теперь выполнить наше условие?»

– Где Сигрлинн? – повторила Райна, давя готовую вот-вот прорваться панику. – Она была ранена! Ей нужна...

«Волшебница Сигрлинн не должна тебя волновать. Согласна ли ты нам помочь?»

Ясно, что её не выпустят. Это их домен, сердце их владений. Она понятия не имеет, куда отсюда бежать – если отсюда вообще можно бежать.

– Я помогу, – нехотя проговорила она. – У меня нет выбора.

«Мы рады. Теперь слушай же...»

– Как я могу быть уверена, что вы сдержите слово?

«Какого залога тебе будет достаточно?»

– Не знаю. Вы такие могущественные, что... – Она махнула рукой. – Никакого залога с вами не будет достаточно. Если вы не захотите исполнять обещанное, вы просто не исполните, и я ничего не смогу с вами сделать. Я даже не знаю, можно ли убить кого-то из вас!..

«Это знание ничего не изменит в твоём положении. Никакой воин, даже бог, не может один сражаться с целой вселенной. Ты рассуждаешь разумно, валькирия, когда говоришь, что всё упирается в желание или нежелание поступить честно. Однако это в наших интересах, ибо гораздо проще будет дать тебе уйти, нежели сталкиваться с... риском нарастания дальнейших отклонений от идеала на последней, решающей стадии нашего Предназначения».

– Хорошо, – вздохнула воительница, кое-как приподнимаясь. Пить хотелось смертельно, но выказывать собственную жажду было негоже. Они не увидят её слабость. – Говорите, что делать.

Глава 4

Адата Гелерра; королева Вейде

Обратная дорога в замок прошла безо всяких происшествий, можно даже сказать, что Гелерра заскучала. Аcolиты Кора Двейна так и сгнули все до единого, и никто из троицы магов не явил беспокойства об их судьбе; сама адата, понятное дело, не спрашивала тоже.

Кор Двейн был радостно возбуждён, говорил много, быстро, с апломбом, размахивая руками, словно ярмарочный зазывала. Скъёльд отмалчивался, Соллей, в общем, соглашалась с Кором, но казалась куда сдержаннее.

А сам Двейн уже нёсся на всех парусах, толкуя что-то о «великом кольце всех смертных чародеев», которое якобы «навсегда изгонит Неназываемого из нашей вселенной».

Он повторялся, возвращаясь к одному и тому же; глаза его горели нездоровым, лихорадочным огнём.

– Брат Кор, – наконец проговорил Скъёльд. – Не кажется ли тебе, что ты делишь шкуру, так сказать, неубитого дракона?

– Дракона? – подняла бровь Соллей. – Не слишком-то удачное сравнение, если учесть нашего гостя.

– Верно, прости, сестра, – дёрнул щекой Скъёльд. – Беру слова насчёт дракона обратно. Но сути это не меняет. Не рано ли ты стал праздновать, брат? Боги Хедин с Ракотом...

– Устранены из Упорядоченного, – расхохотался Кор, запрокидывая голову. – Остались только их слуги. С ними, признаю, придётся повозиться – хотя я бы предпочёл, конечно, решить дело миром. Досточтимая Гелерра может оказать бесценную помощь.

– Я? – словно очнулась адата. Перед её глазами по-прежнему стояла последняя сцена битвы – распростёртое на хрустальных плитах, на играющих радужных красках тело Матфея Исидорти и исчезающий силуэт женщины – Тени, как её назвала Соллей.

– Да, славная Гелерра, – энергично кивнул волшебник. – Боги Хедин и Ракот нас больше не беспокоят; их слугам совершенно не за что сражаться. Там немало храбрых и умелых воинов, искусных чародеев – тебе это ведомо лучше, чем мне. Помогите нам найти с ними общий язык, объясни, что настала новая эра – эра мира.

– Боги Хедин и Ракот... «нас больше не побеспокоят»? – пролепетала Гелерра.

– Разумеется, – усмехнулся Кор Двейн. – Нет, не думай, достойная адата, – их никто не убивал. К убийству мы прибегаем, как ты видела, лишь в случае крайней необходимости и с большим нежеланием. Смерть ученика Исидорти я буду долго оплакивать – бессмысленная и горестная потеря. Так вот, можно сказать, что Хедин Познавший Тьму с Ракотом Восставшим просто сложили полномочия и удалились в изгнание. Они живы, не сомневайся. Просто здесь, где мы, их больше не будет. Упорядоченному не нужны никакие боги, ни злые, ни добрые, ни, тем более, «никакие».

– Думаю, брат, Гелерра это уже запомнила, – подала голос Соллей. – Скажи лучше, а о наших... э-э-э... нанимателях ты подумал? И о, гм, бывших союзниках? Они-то, полагаю, сейчас далеко не в восторге.

– Конечно, – пожал плечами чародей. – Благодаря тебе, сестра, договор с ними исполнен в точности. Они получили что хотели. Свой собственный домен, без Хедина, Ракота, Орлангура или же Демогоргона. – Он хихикнул. – Соглашение исполнено до последней буквы в нём, до последней точки. Беспокоиться совершенно не о чем. Осталось лишь решить проблему Неназываемого.

– Ну да, а бывшие союзники, сиречь Дальние? – напомнил Скъёльд. – Едва ли они будут довольны, что мы так воспользовались их, гм, содействием. Ведь изначально мы с ними собирались...

– Об этом, – приятно улынувшись, перебил его Двейн, – мы поговорим чуть позже. Не стоит утомлять слух нашей дорогой Гелерры скучными маготеоретическими и маготехническими подробностями.

– Я ничего не выдам, – покраснела адата.

– Конечно, храбрая Гелерра. Но это и впрямь очень сложный магический процесс. Если хочешь, приходи на наш совет, всё услышишь сама. А пока что, как доберёмся, надо вылечить дракона. Надеюсь, сестра Соллей, надеюсь, брат Скъёльд, ваши чары крепки и удержатся – а то неловко выйдет. Проснётся уважаемый Сфайрат, а вокруг – никого. Невежливо-то как!..

– Логично, – пробормотал Скъёльд.

– Главное, – продолжал вещать Кор Двейн, – это проверить соответствие всех величин заданному. Убедиться, что все... отклонения в пределах нами предусмотренного. А после этого мы уже сможем высказать Орлу и Дракону всё, что... что мы уже решили сказать.

– Да, – улыбнулась Соллей. – Только помните, дорогие братцы, – это моё! Никому не отдам! И начну с Дракона. Он любознателен, ему будет

интересно.

Гелерра слушала этот малопонятный разговор, и в груди у неё всё холодело. Где она очутилась? Что учинила эта троица? И что будет теперь?

– Ну и про Тень забывать тоже нельзя, – напомнил Скъёльд.

– Никуда наша Царица не денется, – махнула рукой Соллей. – Поверь мне, мы с ней, как-никак, э-э-э, одного пола. За любовника она постарается отомстить.

– А я вот в этом сомневаюсь, – заявил лысый чародей. – Я так скажу – она уже где-то на самом дальнем краю Упорядоченного, обустроивает себе какой-нибудь мирок, будет очередной Тёмной Королевой или там Владычицей, если ей больше нравится.

– Новые Маги так ничего себе и не обустроили, – заметила Соллей. – Болтались, как...

– Как цветок в проруби, – хохотнул Скъёльд. – Так говаривали в моём мире.

– Именно, – резко перебил Кор Двейн. – Болтались, бездельничали, предавались разврату, кровавым игрищам – и ничего не делали. Проклятье, они даже на тёмных властелинов не сподобились!

– Не бросили вызов Новым Богам...

– Ну, не совсем так, насколько я помню, бросали, и не один раз, правда, всё больше исподтишка, прячась за спину легковых адептов, – поправил сестру Скъёльд.

– Тебе виднее, брат, ты у нас за ними следил. – Волшебница вскинула руки в шутовском «сдаюсь!». – Может, и пытались, да как-то не слишком ретиво. Больше развлекались, если ты меня спросишь.

– Никуда она не денется, – бросил Двейн. – Не о том вы, друзья мои, думаете. Совсем не о том...

...Дорога через Межреальность вся прошла вот в таких вот разговорах.

Гелерра ни о чём не спрашивала, удовольствовавшись ролью молчаливой слушательницы. Порой она ловила на себе короткие и быстрые взгляды Соллей, но старательно делала вид, что не замечает.

Адата пребывала в смущении и растерянности. Богов Хедина и Ракота нет? Куда ж они делись? Владыка Ракот – он ведь был возле Обетованного? И тоже исчез? Не погиб, но... куда-то делся? Как? Куда? Почему?

Когда они добрались до замка, скалы, на которой он парил прежде, больше не было, от неё осталась только верхушка, словно срезанная огромным ножом. Стены и башни выглядели по-прежнему, а вот всё остальное бесследно сгинуло.

Гелерра удивлённо оглянулась на Двейна и остальных, однако они вовсе не казались обескураженными или хотя бы удивлёнными.

– А неплохо выдержал, – самодовольно бросил Кор.

– Вполне, – согласился Скъёльд.

У ворот их встречали – слуги и аколиты, число коих, на взгляд Гелерры, весьма и весьма поубавилось.

Ишь, как бросились-то. На ухо шепчут, на неё, адату, косятся.

Она скрестила руки на груди, заворачиваясь в крылья.

– Идём, – услышала она негромкий, с оттенком лёгкой усмешки голос Соллей. – Дракон наш, думаю, уже заждался.

...Заждавшийся дракон мирно дремал в своём бассейне, похрапывал, выпуская из ноздрей струйки дыма. Правда, его самого было едва видно – Сфайрат зарос настоящим лесом.

Раскрылись широкие листья кувшинок, масса корней – светлых и тёмных, толстых и тонких – оплела бронированную тушу; под сплошным покровом растительности скрылись раны. Воздух был плотен, с особенным острым запахом, от которого голова у Гелерры закружилась, и полезли такие мысли, что она не выдержала – зарделась.

Нет, подобные мысли посещали её и раньше, когда она служила богу Хедину; когда ей казалось, что он дарит её особым своим вниманием, пока не поняла, насколько ошибается. Но бог Хедин был всегда так... далеко, даже когда шагал с ней рядом. А вот дракон, которого она совершенно не знает, которого, можно сказать, «только что увидела» – он другой. Это точно.

Интересно, какие крылья унаследуют их дети? Её белые – или его чёрные? Или, скажем, девочки будут как она, с пёрышками, а мальчики – с несокрушимой гагатовой бронёй?

Мысль эта так её захватила, что Соллей пришлось слегка дернуть её за руку.

– Гелерра, – волшебница улыбалась, в глазах играли смешинки, – тебе нужно будет мне помочь. Пока Кор со Скъёльдом занимаются своим.

Адата густо покраснела, даже прикусила губу от стыда.

– Конечно, досточтимая. Что нужно сделать?..

Сделать потребовалось многое. Нужно было убирать отдавшие все силы и засохшие стебли; подрезать, направлять, подвязывать, удобрять и подкармливать. Потом Соллей возвела глаза к потолку, пробормотала что-то вроде «как там брат это делал?» – и осторожно выпустила на волю чары.

По опутавшим Сфайрата вьюнам прошла короткая дрожь; словно змеи, они задвигались, проникая глубже в рану, да так, что дракон вдруг

дёрнулся.

– Ой. – Соллей тоже прикусила губу. – Нет, надо Скъёльда звать. Это его епархия. Сейчас, я сейчас. – И она почти вылетела за дверь.

Гелерра осталась одна. Нет, у неё не опустились руки, и она не застыла, уставившись на Дракона широко раскрытыми глазами. Она как-никак свободная адата, она командовала такими воителями, от которых даже этот великолепный Дракон хорошо, если успел бы убраться живым, с подпалённым только хвостом. Она продолжала работать – большие ножницы так и мелькали. Живые, полные сил стебли быстро занимали место срезанных, на глазах раскрывали молодые листья, пускали белые тонкие корни, проникавшие в глубь раны.

И сама рана изменилась: ушла чернота, исчезла тяжкая вонь, запах заражения. Дракон явно выздоравливал, хотя до полного заживления было ещё далеко – краям предстояло сойтись, чешуе – отрасти снова.

– С тобой всё будет хорошо, – шепнула адата. Дракон шевельнулся во сне, словно услышав.

Гелерра осторожно опустилась ему на мощную спину, ловко балансируя среди острых шипов, протянувшихся вдоль всего хребта. Присела, поджимая ноги, коснулась ладонью чёрной чешуи – из-под драконьей брони шло приятное тепло.

Ой-ой, подумала она, чувствуя, что тает, словно свечка. Т-так нельзя! Что ж это я? Что ж это?..

...Но тепло было таким всепроникающим, обнимающим её всю, что шевелиться просто не хотелось. И она не шевелилась, пока сверху не спустился Скъёльд вместе с Соллей.

Бритоголовый маг деловито потёр руки и взялся за дело – для начала согнав пригревшуюся адату с драконьей спины и велев ей «распутывать корешки, вот у этих, видишь – *lilium medicinae*?».

Пришлось лезть по пояс в воду, хорошо ещё, тёплую, правда, полную не то корней, извивающихся, словно змеи, не то змей, растущих, словно корни.

Скъёльд долго разглядывал раны Дракона, хмурился, хмыкал, тёр подбородок, как будто не всё шло так, как должно.

– Крепко его зацепило, – наконец проговорил чародей. – Признаться, я думал, что, когда вернётся... а у него даже рубцевание не произошло. Медленно заживает, очень медленно.

Гелерра не имела ничего против.

Уходила от дракона она нехотя, но уйти всё-таки пришлось, потому что господин Кор Двейн почтительно звал её присоединиться к совету.

Зала совета была бы под стать самому Хедину. Округлая, с малахитовыми колоннами, серебряными инкрустациями и причудливыми растениями в крупных кадках. За арчатыми окнами светило ласковое солнце, и всё тут прямо-таки дышало... победой.

Да, победой.

У круглого стола стояло четыре одинаковых кресла с высокими резными спинками; и на них красовался странный герб – восьмиконечная звезда, в середине которой плотно зажмуренное око.

– Садись, садись, достойная адата, – чуть усмехнулась Соллей, понимая улыбаясь. – Братец Кор заставит нас чуть-чуть подождать, обожает подчёркивать, кто всё это измыслил. Ну да мы не обижаемся, каждый имеет право на маленькие слабости.

Кор Двейн и в самом деле чуть-чуть опоздал. Разумеется, в залу он почти влетел, разумеется, извинившись за задержку. Встал у своего кресла, оглядел всех торжествующе:

– Брат, сестра, достойная адата. Я просил вас прийти со всем поспешанием, потому что...

– Потому что мы победили, но сделать предстоит куда больше, – рассмеялась Соллей, скрещивая руки на груди.

– Э-э, гм, – слегка растерялся Двейн. – Собственно говоря, это именно так. И потому...

– И потому надо решить, что с Дальними и что с Третьей Силой? – подхватил Скъёльд.

– Вообще-то мы это давно уже решили, не так ли, брат? – Соллей продолжала улыбаться. – Давно, задолго до того, как всё началось?

– О, несомненно, – энергично кивнул Кор. Картинно провёл ладонью, приглаживая волосы. – Но тогда мы не были знакомы с достойной адатой Гелеррой. И у нас не было залога Дальних. – Он высоко поднял руку, в пальцах блеснул изумрудный кристалл. – А это значит, что путь наш может оказаться куда проще и короче. Да и с меньшими потерями. – Он взглянул на гарпию. – И всё благодаря тебе, высокочтимая.

Гелерра опустила голову.

– Мне, право, неловко, господин Двейн...

– Без господинов, просто Кор, – нетерпеливо оборвал её чародей. – Итак, друзья мои, что нам осталось сделать?

– Да сущую ерунду, если разобраться, – пожал плечами Скъёльд. – Справиться с Дальними. Убедиться, что Третья Сила не станет вмешиваться в наше правление. Покончить с Неназываемым – а для этого собрать всех чародеев вселенной в великое кольцо. Ну и утихомирить

Спасителя, чтобы не лопал слишком уж много и слишком быстро. Пустяки, в общем, не стоящие внимания. Заканчивай разговорильню, брат, я проголодался, если честно. Ах, да, ещё надо набрать новой челяди и аколитов. После визита бога Хедина их изрядно поубавилось.

– Я поддерживаю насчёт «проголодался», – заметила и Соллей. – Неплохо бы и пообедать.

– Экие вы, однако! – шутливо надулся Кор Двейн. – Не желаете внимать моим великолепным, тщательно разработанным планам!..

– Мы им внимали, не так ли?

– Да. Но смех смехом, а Дальние, я так понимаю, сейчас ощущают весьма сильное... гм, раздражение.

– И они непременно явятся, чтобы поквитаться, – кивнул Скъёльд.

– Мы воспользовались их знанием, только совсем не так, как они планировали, – ухмыльнулся Кор Двейн. – И теперь я думаю, что благодаря доставленному адатой артефакту мы можем этого и не ждать; надо ударить самим!

– Зачем?

– Затем, сестра, – улыбка сбежала с лица Кора Двейна, – что с Неназываемым творится что-то крайне странное. Я лишь бегло взглянул на показания, но это... совершенно не имеет прецедентов.

Бритоголовый чародей и волшебница переглянулись.

– Этого... не было в планах? – осторожно кашлянул Скъёльд.

– Нет. И потому я предлагаю разделиться. Я займусь Неназываемым. Надо понять, что происходит и сколько он ещё пребудет более-менее статичным. А вы втроём займитесь Дальними. Артефакт, как я убедился, способен показать дорогу...

– Дорогу? И только? – подняла бровь Соллей.

– Нет, не только. Это – модель им доступного; зародыш того, что должно случиться. Думаю, этот кристалл должны были доставить в некое место, куда иначе Дальние попасть не могли...

– Прости, достойный Кор Двейн, – осторожно проговорила Гелерра. – Однако я доставила этот кристалл богу Хедину, в самое сердце его владений, но ничего не произошло.

Чародея это ничуть не смутило.

– Конечно. У Дальних всё должно срабатывать строго в определённое время. Бог Хедин получил артефакт, обследовал, очевидно, не нашёл в нём ничего интересного или опасного; кристалл просто пылился у него не полке. Но в нужный момент... – закончил он со значением.

– Тогда, брат, скажи всё толком, – потребовал Скъёльд. – Что мы

должны сделать?

Кор Двейн сделал паузу.

– Проверить их мельницы, – проговорил он вполголоса.

– О! – Соллей подняла палец. – Мельницы?

– Да. Судя по вибрациям – они работают впятеро, вдесятеро, в сто раз быстрее обычного. Я поставил этот кристалл вместо наших поделок, и вся моя машинерия чуть не разлетелась вдребезги.

Скьёльд и Соллей переглянулись.

– Поэтому, – сказал Кор Двейн, – быть может, нам придётся найти несколько иное применение тем восьми камешкам, получившимся из Новых Магов.

* * *

На сей раз в дорогу они отправились втроём, их никто не сопровождал; Скьёльд и Соллей были молчаливы и озабочены.

– Чем я смогу помочь? – Перед ними открывалась Межреальность, и бритоголовый маг быстро, но чётко чертил прямо перед собой руну за руной, открывая прямой путь и не думая о секретности. – Я не чародейка, как вы. Вернее, немного чародейка, но...

Больше всего Гелерре хотелось сейчас оказаться в замке, в тёплом, жарком исцелительном покое, где по-прежнему дремал Сфайрат.

– Постой, братец, – протянула руку Соллей. – Погоди. Кажется, у нас гости.

– Гости? – нахмурился тот.

– Наш замок, кажется, всем прямо-таки покоя не даёт, – волшебница зло цедила сквозь зубы. – Ходко идут...

...Гелерра видела, как они выныривали из мглы Междумирья, ряды стройных воинов в серебряном и зелёном; эльфы.

А над ними парил, широко расправив крылья, огромный иссиня-чёрный ворон.

Соллей с шипением выдохнула сквозь стиснутые зубы. Скьёльд оскалился, сжал кулаки.

– Кажется, сестрица, – он повёл плечами, – никуда мы не отправимся. Дальним придётся подождать.

Гелерра вгляделась в чудовищную птицу. За ней тянулся шлейф силы, которую даже не слишком пытались скрыть.

– Дальние подождут, – кивнула и Соллей.

– Пусть они начнут, ударим в спины, адата! Отвлеки на себя вот этого... это... словом, этого ворона, хотя бы ненадолго! Раз сюда пригнали эльфов, живое пока что мясо, значит, какие-то правила ещё действуют. Иначе бы их здесь не было.

Ворон. Гелерра вглядывалась в мерно и редко взмахивающие чёрные крылья. Да, великие сила и мощь, режут, режут стонущее Междумирье, и оно испуганно раздаётся в стороны.

Отряды эльфов не мешкали. Разворачивались в боевой порядок, двигаясь к бездне, что окружала замок; её они словно бы не замечали, её как будто и не было. Соллей и Скьёльд переглянулись.

– Неужто *сам* пожаловал? – вполголоса проронила чародейка.

– *Сам*? Нет. Пока ещё нет. Аватара, как я понимаю. Хотя...

– Смотри, пустота закрывается!..

Межреальность вокруг крепости трёх чародеев стремительно менялась. Из ничего возникала огнистая твердь, словно форму заполнял расплавленный металл. Алое и золотое сияние смешивалось, омывало стены и башни, словно волны; и внутри уже почти не оставалось аколитов, чтобы давать правильный бой.

Нет, кто-то ещё был, заметила Гелерра. На стенах замелькали человеческие и звериные фигурки; Кор Двейн не оставался слеп и глух к творящемуся возле его крепости.

Эльфы явились «в силах тяжких»; ползли осадные орудия, влекомые шерстистыми мастодонтами; маршировала пехота, лучники, щитonosцы, копейщики – во множестве; на взгляд Гелерры, Перворождённых тут собралось самое меньшее тысяч десять, если не двенадцать.

– Вран... – проворчал тем временем Скьёльд, поддёргивая рукава. Драконы на его бритом черепе внезапно ожили, извиваясь и щёлкая вытатуированными пастями. – Почему Вран? Отчего Вран? Точно ли аватара того, на кого мы думаем? И что он тут собрался делать?

– Если того, на кого думаем, то, кажется, он решил всё сделать сам, – откликнулась Соллей.

– А эльфики эти ему зачем тогда?

– Брось, – поморщилась чародейка. – Он ведь руки сам не марают.

Вран вновь пронёсся над изготовившимися к бою рядами Перворождённых. Хрипло каркнул, словно отдавая команду, и голос его разнёсся далеко окрест; в карканье его слышались непреклонная воля и приказ.

– Отвлеки его, адата, – тяжело проговорила Соллей. – Отвлеки, прошу тебя. Потому что эти явились сюда «покончить со злом», и разбираться они

не будут, что там за дракон спит в нижних залах...

Гелерра закусил губу.

Тем, кто служил богу Хедину (пусть и оказавшемуся недостойным их службы), не привыкать биться против самых невообразимых врагов. Вран? Пусть будет вран.

– Аватара могущественная. – Скъёльд, прищурившись, глядел на жуткую птицу.

– Отвлеки его, Гелерра, – вновь повторила волшебница, глядя на гарпию чуть ли не с мольбой.

– Не сомневайся, – коротко ответила адата. – Скажите только когда.

– Сейчас. Немедля.

– Быть может, лучше дождаться, чтобы Кор начал в замке? – усомнился Скъёльд.

– Нет. – Соллей не отрываясь глядела на парящую вдали огромную птицу. – Наоборот, нам надо начать, как только адата завладеет вниманием Врана.

Гелерра тряхнула головой, расправила белоснежные крылья, любовно погладила гладкие, блестящие маховые перья.

– Тогда до встречи, – буднично сказала она, взвиваясь прямо с места вверх, как умела.

Крылья развернулись, погнали её вперёд; присутствие Врана словно превратило окрестности крепости трёх магов в подобие обычного мира.

Адата ускоряла полёт, почерпывая силу в её бурном потоке, разлитом вокруг; неслась, словно по стремительной горной реке.

Ах, какая жалость, что дракон Сфайрат не видит её сейчас!.. Не видит, как трещит и едва не рвётся ткань Междумирья под ударами белых крыл; не видит, как белой молнией мчится в бой адата Гелерра, прямо на громадную, мрачную и страшную птицу, извращение самой благородной расы воронов!..

Она, свободная гарпия, идёт грудь в грудь с аватарой жуткой силы, которой опасался сам бог Хедин!..

Восторг сдавил ей горло, огромные глаза горели; она в эти мгновения была и в самом деле прекрасна.

Ворон не достаивал её вниманием. Летел себе, кружил на почтительном отдалении от крепостных башен, к которым всё ближе и ближе подползали эльфийские осадные машины.

Гарпия набирала скорость, ощущая дивную лёгкость во всём теле – словно она падала, сложив крылья, из высокого поднебесья на едва заметную внизу спину добычи – жирного морского кита.

Стрелы. Ну, конечно, чем же ещё могут встретить её эти «ельфики», как выразился Скъёльд?..

На такой скорости куда им в меня попасть!..

Всё с той же дивной быстротой она закрутилась волчком, полёт её сделался неровным, рваным, её бросало то вверх, то вниз, мотало по сторонам, и белооперённые стрелы лишь свистнули где-то в отдалении; адате даже не пришлось их отводить заклинаниями.

Вран, кажется, соизволил-таки обратить на неё внимание; каркнул насмешливо и неспешно развернулся к ней.

Гелерра изогнулась, стремительно меняя курс, уходя в сторону, подальше от крепости, подальше от эльфов и, само собой, подальше от Скъёлда с Соллей. Ветер даже не свистел, он выл в ушах, обжигал привычные, казалось бы, ко всему щёки; не глядя, она бросила первое из заготовленных заклятий в сторону жуткой птицы; огненный шар, нестареющая классика, скользнул по плотной броне из чёрных перьев и распался облаком бессильных искр.

Вран насмешливо закаркал. Сильнее взмахнул крыльями, сокращая расстояние. Лети-лети, старайся, подальше отсюда, чудище!

Словно услышав её мысли, Ворон каркнул вновь, и вновь насмешливо. Они оставили позади замок, окружённый эльфийским воинством, вокруг расстилалась Межреальность, и здесь мчаться было уже далеко не так способно; требовалось разом и лететь, и творить себе путь.

Вран настигал.

Гелерра вновь развернулась и на сей раз с её рук сорвалась великолепная ветвящаяся молния, слепящие белые сполохи заиграли на тёмных крылах ворона; и вновь тот стряхнул заклятие с себя, как ни в чём не бывало.

Однако он всё-таки летел за ней, а она уводила его дальше и дальше от крепости Кора Двейна.

...Неужели Вран попался на столь несложную уловку?.. Нет, огнешаром и молнией тут не обойдёшься. Белые крылья развернулись, упёрлись в то, что заменяло Междумирью воздух; гарпия крутнулась, зависая неподвижно и глядя на приближающееся чудовище.

Блестящий клюв приоткрылся.

– Кар-р!

– Получай! – выкрикнула она бешено, с ненавистью, какую не чаяла в себе найти.

Все они одинаковы, эти великие силы, все они хотят править, главенствовать, подавлять и мучить. Не так, так этак, не одним способом,

так другим, но в основе своей – одно и то же.

Межреальность вокруг летящего Ворона взвихрилась, пошла чёрными трещинами, засверкала огнями. Гелерра не ровня иным магам, однако все среди служивших богу Хедину были чародеями в той или иной степени; и сейчас адата превзошла саму себя.

Он бы мною гордился, подумала она. Правда, не успела додумать, кем должен быть этот он.

Вран с размаху влетел в поднявшуюся на его пути сеть, сотканную из полыхающих огненных нитей, крылья его запутались, он закувыркался, отвесно падая вниз.

– Ка-ар! – раздалось яростное.

Гелерра тяжело дышала, последние чары потребовали от неё почти всего, что ещё оставалось.

– Давай-давай! – крикнула она через силу. – А то разлетался тут!..

Бессмыслица какая-то; собственно, требовалось только одно – чтобы Вран подольше был бы занят ею, а не Соллей со Скъёльдом или крепостью.

Внизу чудовищная птица билась в огненных сетях, а Гелерра как могла быстро громоздила поверх него новые и новые пласты, с корнем вырванные из Межреальности.

Это был почти её предел. По вискам тёк пот, смешавшийся с кровью, проступавшей из пор; она тратила себя слишком быстро, горела слишком жарко. Остановись, охлони! Вран не может вырваться, он спелёнут, он...

– Ка-а-ар! Хар-хар-ха-хар!

Он смеялся над ней. Смеялся, и красные глаза прожигали её из облака мрака, в которое обратились гладкие блестящие перья; взгляд Ворона словно говорил – бей ещё!

Гелерра ударила, раз, и другой, и третий, вспоминая всё, чему учил их бог Хедин; от злости даже силы откуда-то взялись. Если для того, чтобы ещё раз увидеть дракона Сфайрата, пусть даже и спящим, нужно истребить эту птицу...

Ворон смеялся. Взмахнул крылом, и огненная сеть лопнула, не сразу, не мгновенно, но лопнула, и адату словно хлестнули бичом. Она боролась, Врана придавливало тёмными плитами, опутывало пламенными вервьями – он не мог взлететь, но...

Гарпия Гелерра побывала в слишком многих боях, чтобы не понять, что творится.

Ворон не то чтобы играл в поддавки, но не пускал в ход всей своей силы. Может быть, окажись тут весь её полк с Арбазом, Креггером, Репахом, Аррисом, Ульвейном – всеми, с кем она привыкла биться плечо к

плечу, с их причудливой и разнообразной магией, они бы и взяли верх. Но в одиночку? – нет.

Она сложила крылья, с привычной стремительностью падая к своему врагу. Красные глаза, а в глазах – по четыре зрачка в каждом.

Гелерра пошатнулась.

«Не останавливайся, – сказал негромкий, чуть хриловатый голос в её сознании. – Атакуй. Нам должно сразиться. Кровь... нужно много крови».

– О чём ты... в-великий д-дух?

«Не дрожи, смелая адата. Ты знала, кто перед тобой, пусть и в облике аватара. Ты храбро билась. Не останавливайся. Нам предстоит много работы».

Чёрные крылья поднялись, разрывая сети.

Кровь бросилась Гелерре в голову.

Да, она была права, изначально права. И Кор Двейн прав, пусть из-за него и пострадали возвращённые пёрышки.

Богам, Духам и Силам не место в Упорядоченном. Смертные и бессмертные, мы для них просто игрушки, не имеющие ни счёта, ни ценности. Дитя бережёт любимую куколку, вырезанную заботливыми руками отца, её бережёт девушка, выходя замуж, она остаётся с новой матерью семейства и зачастую переходит маленькой дочке или даже внучке – но мы для богов никто и ничто.

Даже сейчас этот Ворон играет с нею, ему скучно, хочется борьбы и риска – борьбы не с нею, с каким-то неведомым врагом. А она – меньше, чем песчинка, случайно залетевшая в глаз.

Огненные стрелы срывались с пальцев гарпии, летели прямо в зрачки Врана.

– Ка-ар! – хрипло вскаркнул тот, уклоняясь и пытаясь вывернуться.

«Замершее надо привести в движение. Крови следует пролиться. Всё на свете имеет цену, и платить должны даже боги. Атакуй!»

Тяжело дыша, Гелерра повиновалась.

* * *

...Стены замка дрожали. Через затянутую огненным покрывалом пропасть двигались отряды эльфов, тягловые мастодонты волокли осадные башни, таран готов был ударить в створки ворот.

Шеренги лучников и щитоносцев двигались в строгом порядке, держа шаг. Это не их родной Вечный Лес, не Нарн и даже не раскидистые

дубравы новой родины, где они были бы, наверное, непобедимы.

Вечная Королева Вейде зло кусала губы, глядя из-под руки на армию, подступавшую всё ближе к замку. С его башен и из его бойниц пока не вылетело ни единой стрелы, но не требовалось быть особо искусной чародейкой, чтобы ощутить мощь этого места. Его строили не дураки и не слабаки; работа мастера, не подмастерья.

А тут ещё Вран. Он ничего не обещал, кроме лишь одного – «я укажу путь». И в самом деле указал, но потом – ввязался в драку с крылатой девой, неслабой чародейкой; это чувствовалось в каждом из её заклинаний, эхом докатывавшихся до Вечной Королевы.

Почему он нам не помогает?! Почему он вообще не мог всё сделать сам, такой могущественный, почти всесильный?!

Королева скрипнула зубами; двое нобилей в пышной зелёно-чёрной броне, стоявших рядом с походным тронном, едва не подскочили.

– Великая?..

– Ничего, – процедила она. – Передайте ещё раз – начинаем все разом, следом за мной!..

Слова были пусты и не нужны. Она десять раз повторила план сражения, обдумала каждую мелочь, добилась, чтобы все поняли. Сказанное сейчас только выдавало её страх, её неуверенность, её...

Ужас. Да, ужас. Перед Враном, легко нашедшим их в тихой лесной обители, когда и ничтожная доля её великих планов не успела воплотиться в жизнь.

Те, кто засел в этой крепости, молчат не просто так, видать, крепко в себе уверены...

Вейде представила, сколько тел останется под этими стенами, несмотря на все защитные чары, и у неё закружилась голова.

Будь ты проклят, Ворон. Будь ты проклят во веки веков! Кому мешали мои эльфы?! Я их спасла, я вывела их из ловушки, нарушила все законы, возродила, воскресила мёртвых; а ты явился и требуешь, чтобы они снова погибали ни за что!..

– Королева? – тревожно взглянул в неё в глаза один из стражей.

– Атакуем, – прорычала она, стискивая изукрашенный эфес. Ей не требуется глупая сталь, но, как известно, часть долга Королевы – выглядеть *соответственно*.

– Атакуем!.. Атакуем!.. – пронеслось над воинством.

Вейде зажмурилась. Она слишком хорошо представляла, что сейчас начнётся.

Над рядами наступающих засверкало нечто вроде призрачного купола,

сотканного из мириадов золотых искорок. Послушно гнулась и текла, куда следует, податливая в руках Вейде сила; она сделает всё, что может, но...

Проклятый Вран!

Где тебя носит, почему ты исчез с поля боя?! Почему дал какой-то летучей курице увести себя прочь?!

Замок по-прежнему молчал, и от этого внутренности Вейде болезненно сжимались. Сейчас, сейчас, сейчас ответят... Вот взвились стрелы первого залпа, хорошо взвились, дружно, смертельный ливень взмыл, готовясь обрушиться на боевые парапеты крепости. Эльфийская владычица, наморщившись, быстро снимала незримые ошейники с заранее заготовленных чар, и через исчезнувшую бездну к стенам и рондолям замка поплыли зелёные крутящиеся вихри, словно буйный ветер, во гнев сорвавший молодую листву.

Да, там были листья, в этих вихрях, во множестве. Зелёные листья с острыми, как у клинков, краями – чары Вечной Королевы прокатились через промежутки в строе Перворождённых, выбрались из-под защиты прозрачного купола, оказались почти у самых стен...

Стрелы меж тем низринулись хищной стаей, врываясь в бойницы, цокая и высекая искры из старых камней, и там, где хотя бы одной удавалось вонзиться в щель меж гранитными блоками, там древки миглом пускали корни, разворачивались, превращаясь в молодые деревца, правда, растущие со страшной скоростью.

Стены крепости стремительно покрывались зеленью, а ответа всё не было и не было.

Стрелки вторично натянули луки, вихри свежей листвы врезались в неподатливые камни, и Вейде аж привстала на цыпочки – с безумной надеждой: может, они из этого замка вообще все уже сбежали?!

И тогда со стен ответили.

* * *

– Брат! – выкрикнула Соллей, вскидывая руку.

– Вижу! – прорычал Скьёльд. Драконы сорвались с его черепа, воспарили, мгновенно удлиняясь, обретая объём и плоть. Маг стремительно чертил перед собой знаки и символы, вспыхивавшие тонким огнём.

Соллей ничего не чертила. Ткань Междумирья дрожала перед ней, и сама она словно подёрнулась туманом, как будто выпадая из реальности.

С тыла на эльфийское войско покатилося нечто бесформенное, размытое, подёрнутое тьмой, словно волна непустой пустоты. Холодное, безжизненное, голодное, слепое.

И безжалостное.

Над стенами же крепости стремительно всходило новое солнце, огненный шар взмыл, описал дугу и ринулся вниз.

Огнешар?

Скьёлд понимающе ухмыльнулся, Соллей сощурилась.

Они-то знали, что кроется в этом шаре.

Крепостные стены тоже ожили. Башни повели могучими плечами, высвобождая мощные длани из-под каменной кладки. Стены становились их ногами; шатры – боевыми шлемами. Окутанные пылью, стражи замка брезгливо счищали с себя зелёную поросль Вейде; иные из деревьев, успев вырасти достаточно, пытались выдернуть корни, скрыться, но поздно, слишком поздно.

* * *

Огненный шар рухнул вниз, разделяясь на десятки пламенных болидов; они ударялись о воздвигнутый Вейде щит, разбивались, окутывая всё рыже-чёрными облаками.

Вечная Королева обхватила обеими руками живот, сгибаясь пополам. Удары в барьер отзывались мучительной болью, в глазах темнело. Отпорные чары выдержали, но...

– Владычица! – За спиной Вечной Королевы вздымалась тёмная волна, волна абсолютной не-жизни. За ней смутно угадывались в потоке силы две неясные фигурки, но далеко, слишком далеко, не дотянуться; а вот они как-то смогли!

Вокруг Вейде, не дожидаясь команд, сбивались лучшие эльфы-чародеи; а сама правительница, стиснув зубы и сжав кулаки, с отчаянием глядела туда, где скрылся проклятый Ворон.

«Ты же привёл нас сюда, неужто только для того, чтобы мы все сгинули?!»

Ожившие стены крепости, грузно топая, надвинулись на шеренги штурмующих; вот протянулась каменная рука, гранитные пальцы сошлись на середине осадной башни и крепчайшие брёвна с наговорными скобами и заплотами затрещали, боевая площадка со стрелками провалилась внутрь; кто успевал – прыгал вниз, ломая ноги, а из сердцевины осадного строения

неслись дикие крики тех, кого сейчас там давило и плющило.

Вейде ощущала смерть всех и каждого из её бойцов; многих она когда-то вывела из серых областей и вот теперь теряла снова.

– Назад! – завизжала она, потрясая кулаками. – Всё войско – назад! От волны – ставим живой клин!

Живой клин – единственное, чем они успели бы встретить накатывающуюся волну не-жизни.

Считанные разы это заклятие пускалось в дело, когда случались большие разупокаивания вблизи Вечного Леса, и кто знает, поможет ли сейчас?

Эльфы с чёткостью механических фигурок в водяных часах-клепсидре перестроились, и в самом деле образовав клин, остриём направленный в сторону тёмного фронта. Холодный ветер дунул в лица, рванул с плеч щегольские зелёные плащи; на остриях шлемов, на краях поножей и наручей засветились голубоватые огоньки; тьма стремительно сгущалась.

Вейде вдруг ощутила, как щёки становятся мокрыми. Текли злые слёзы, слёзы обиды и отчаяния – почему Вран их бросил?! Почему дал себя увести?! Он, такой могущественный?

Она не понимала, не могла понять.

Но уже ясно становилось, что вся её армия оказалась в западне.

Оставалось только сражаться и думать, как вывести отсюда хотя бы немногих.

* * *

Гелерра вымоталась до предела и пребывала в полной растерянности. Что происходит? Что за игра у этой жуткой сущности, пославшей сюда одну из собственных аватар?

Холод и пустота внутри. Она не ушла от Кора Двейна и его родни, осталась, приняла, считай, их сторону (ну, во многом из-за Сфайрата, конечно), она готова была драться – а получилось, что участвует в какой-то дурной потехе.

Она из последних сил метнула вниз ещё одну ветвящуюся молнию, и чёрные крылья вскинулись, отбивая её и рассеивая.

– Зачем всё это?! – выкрикнула адата. – Для чего?

Кукла, кукла, опять – всего лишь кукла, билось в сознании.

«Помогай мне, крылатая!»

Вот так всегда. Помогай. Выполняй приказы. Не рассуждай. Не

спрашивай.

Бог Хедин всё-таки хоть иногда объяснял, что, куда и зачем...

Однако было что-то в хриплом повелительном голосе, заставляющее её слушаться.

* * *

Штурмующие замок пятились. Осадные машины брошены, стали добычей каменных гигантов. Нельзя сказать, что магия эльфов оказалась совсем уж бесполезной, туши башен-великанов иссекло, они покрылись шрамами, у двух горели крыши-шлемы; белооперённые стрелы норовили вонзиться в слабые места на стыках гранитных глыб, пустить корни, заставить тела исполинов крошиться и трескаться. Одна из оживших башен замерла, потому что колено колонноподобной ноги развалилось на части. Правда, гигант неспешно шарил вокруг себя толстенными ручищами, подбирая обломки брёвен от эльфийских катапульти.

Пущенные к замку зелёные вихри разбились о камень стен. Иные из кружившихся листьев вонзились в трещины, но большего ущерба причинить не смогли; оружие, играючи разлётавшее обычные бастионы, оказалось бессильно.

Там, где армия Вечной Королевы отходила недостаточно быстро, где её бойцы оказывались слишком храбры, где они пытались остановить или хотя бы задержать ожившие башни, там остались их тела, раздавленные и безжизненные. Башни метко швырялись камнями с верхних зубцов, и каждый такой камень, найдя цель, ломал кости, дробил черепа и пробивал доспехи.

Но Вейде было сейчас не до них. Выстроившийся вокруг неё клин встретил катившуюся волну грудью, не колебавшись, не дрогнув; над головами подданных Вечной Королевы засверкало облако солнечно-золотистых искр, закружилось словно в хороводе; ноги эльфов врастали в твердь Межреальности, поднимались корни, оплетали их.

Живой Клин столкнулся со вздыбившейся неживой волной; Вейде зло оскалилась, заставляя себя смотреть прямо в сердце надвигающегося хаоса.

Удар был страшен, она почти ослепла, единственная удержавшись на ногах. Вокруг неё падали эльфы, Живой Клин раздвигал, подобно настоящему волнолому, катящуюся смерть – и, подобно настоящему же волнолому, не мог уберечь от перехлёстывающих через него валов.

Тёмное обрешивалось, обволакивало, сбивало, тащило; Вейде

инстинктивно вскинула скрещённые перед грудью руки, ставя самый плотный щит, на какой только была способна. Она словно бы очутилась на глубине, и уже жжёт лёгкие от недостатка воздуха; и далеко, очень далеко до сияющей спасительной поверхности.

Однако она не была бы Вечной Королевой, если б не сумела всплыть. Рухнула на одно колено, озираясь полубезумным взглядом – всё вокруг усеяно телами в зелёных плащах; её подданные лежали, и не требовалось лекарственных умений, чтобы понять – жизнь из них ушла.

Тёмная волна исчезла тоже, рассечённая Живым Клином. Вейде ясно видела теперь застывших в отдалении противников.

Тяжело дыша, поднялась, опираясь на меч.

Да, осталась одна.

Вечная Королева рывком выдернула клинок из ножен, отшвырнула их и пошла прямо на врагов.

* * *

Подступившие было к замку отряды поспешно отходили, но не показывали спин. Пятились и не жалели стрел; тёмная волна до них не докатилась, однако случившееся со свитой Вечной Королевы не осталось незамеченным.

Каменные башни-великаны неспешно топали за отходившими. Вран скрылся и даже не думал появляться.

Одна за другой эльфийские шеренги совершали чёткий полуповорот, переходя на лёгкий бег – владычица Вейде осталась одна, никаких команд нет, что делать?!

...Сама же Вечная Королева не оборачивалась. Слишком много погибло рядом с ней лучших, избранных, чтобы не отомстить. Меч в её руке начинал наливаться красным, словно раскаляясь.

Кто-то из самых зорких её подданных заметил неладное с повелительницей; крикнул, указывая остальным.

...– Смотри, сестра.

– Что это они с ней творят? – удивилась Соллей.

– Никак, вяжут, – пожал плечами Скъёльд.

– Правильно делают.

– Однако она выжила в нашей волне, – напомнил чародей; сорвавшиеся с его черепа драконы рассеялись вместе с убийственными чарами, вновь сделавшись привычными татуировками на бритой голове.

- Эльфка, – заметила Соллей. – Сильна, однако.
- И рассеяла наши чары.
- Кор и так справился неплохо. Живые башни, проклятье! Никогда не подозревала, что он заложил в них такое.
- Интересно, он их намерен обратно возвращать? – пробурчал Скъёльд. – Глянь, сестра! А эльфка-то – вырывается!
- Не вырвется, – обронила Соллей. – Вторую волну сумеешь, братец?
- Зачем? Пусть уходят. Зубы им обломали.
- Вернутся. Вместе с *птичкой*, – процедила волшебница. – Нет, кончать нужно всех.
- Кровожадная ты наша, – вздохнул Скъёльд.

* * *

Вейде не успела вырваться из рук собственных бойцов, хором твердивших, что владычице надлежит немедленно отправиться «в безопасное место». Впереди маячила странная пара чародеев, и их надо было уничтожить любой ценой, прежде чем они набросят новое заклинание.

Потоки силы вновь возмутились, взвихрились, и Вейде поняла, что опоздала.

Она ждала новой волны, рассеять которую уже не смог бы никто – в одиночку ей не справиться, а все лучшие чародеи лежат замертво, – но вместо этого в их сторону полетели более привычные клубы тьмы, плясая бесчисленными багровыми буркалами.

Это Вейде знала – чары из раздела высшей некромантии.

Вечная Королева стряхнула наконец с себя не в меру ретивых подданных; схватила первого попавшегося, гаркнула: «Руку!» – и полоснула кинжалом по запястью. Эльф дёрнулся, но не проронил ни звука.

Теки, теки, горячая кровь; теки, пока клубы живого мрака ещё летят.

– Владычица! Тебе потребна наша...

Вейде взмахом руки заставила всех умолкнуть.

Алые капли не касались плоти Межреальности, они зависали вокруг Вейде, дробились на всё более и более мелкие. Конечно, крови надо в десять, в сто раз больше, но с таким количеством не совладать даже ей, Вечной Королеве.

И, когда первый клубок тьмы достиг рядов эльфийского войска, навстречу ему взметнулась невидимая простым глазом, сотканная из тончайших кровавых ниточек сеть. Несколько тёмных шаров запутались в

ней, скатились вниз, к ногам Вейде, шипя и исходя паром, словно политые водой угли; в тающих клубах мрака угадывались какие-то змееподобные тела, отчаянно пытавшиеся вырваться на свободу, но безуспешно – сеть Вечной Королевы душила их, красные глаза один за другим угасали.

Правда, несколько шаров-таки прорвались. Живая тьма облепила головы и плечи эльфов, словно вода; на воле оказалось множество многоногих змеек с алыми буркалами, немедля впивавшихся в незащищённую сталью плоть.

Страшные крики пожираемых заживо. Змеи в считанные мгновения оставляли один лишь дочиста обглоданный скелет и подышали сами, раздувшись, словно пиявки. Скелеты начинали медленно подниматься, трясясь, спотыкаясь и пытаясь выдернуть оружие из ножен.

Знакомо, знакомо.

Вейде зло, но и победительно оскалилась. Сейчас...

Алые сети накрывали одного за другим и погибающих эльфов, и успевшие подняться разупокоенные костяки. Разрезанные незримыми нитями, корчились змеи в лужах чужой крови; и сами скелеты с сухим треском валились, разлетаясь на мелкие кусочки.

Этот удар она отбила относительно небольшой ценой, как сказали бы люди.

Для неё, однако, любая цена была неприемлема.

Надо было уходить, отступать, бежать, бросая всё и спасая тех, кого ещё можно спасти. Она выполнила приказ Врана. Она не виновата, что он бросил их один на один с куда более могущественным врагом.

Открытие тропы – быстрое, но надёжное – потребовало всех её сил; защитные чары крови отразили только половину пущенных второй волной тёмных шаров.

– Мёртвых оставить! – гаркнула Вейде, заметив, что кто-то из эльфов сделал было движение, словно собираясь подобрать павших. – Бросить всё! Уходим!..

Внутри Вечной Королевы словно рвались сейчас все до единого жилы. Этот враг им не по зубам; зачем Вран притащил их сюда, почему бросил?..

Врата открывались. Новая тропа, уводящая прочь, петляющая по затерянному окраинам Межреальности – но иного выхода нет.

Как нет, конечно, и надежды скрыться от Врана. Рано или поздно он их отыщет – но сейчас вновь требовалась тихая гавань, войско должно залечить раны...

Последний из хищных шаров разбился об уже закрывающийся за спиной Вейде путь. Вечная Королева без сил рухнула на руки

подхвативших её соратников.

* * *

Ворон в очередной раз тряхнул крылами, и опутавшие их сети с треском лопнули окончательно. Чудовищная птица медленно поднялась к Гелерре, как поднимается наполненный горячим воздухом шар.

Взгляд красных глаз – узкие щели, горящие алым, на фоне непроницаемого мрака чёрных перьев – резал, словно нож.

«Довольно, адата, – услышала она беззвучное. – Следуй за мной».

Гелерра повиновалась. Ясно, что Вран мог уничтожить её так же легко, как она сама прихлопнуть снулую муху; и ясно, что она зачем-то ему понадобилась.

«Отныне ты служишь мне, – сообщил Ворон. – Мне ведома твоя дорога, адата, твои метания и сомнения; они развлекали меня. Бог Хедин закрыл глаза на твои деяния; я закрыть не смогу, даже если бы и хотел. Я не пугаю, не стращаю, я просто говорю – ты мой инструмент отныне и, если не сможешь исполнить нужного, будешь заменена».

Обида и гордость заставили адату вскинуть голову, вперя горящий взгляд в спину мерно взмахивавшего крыльями страшилища.

– Я никого не боюсь, Ворон! Я свободная адата и следую путём своей чести!.. Меня обратило демоном, но нашлись те, кто мне помог. Я не ударю им в спину, даже если пути наши с ними разойдутся!.. Не пугай меня, я пуганая!

«Именно, что пуганая, – с иронией заметил Вран. – Но рассуди сама, что лучше – служить мне и вернуться к дракону, попытавшись завоевать его сердце, или исчезнуть прямо сейчас, отправившись во владения Соборного Духа?»

– Если ты так могуч, что можешь уничтожить меня в один миг, зачем тебе вообще слуги и я?! Делай, свершай, убивай, круши! Прикончи меня, потому что я...

По щекам Гелерры покатались постыдные для свободной адаты слёзы.

«Бывшая соратница бога Хедина – и такие нелепые рассуждения? – хмыкнул Вран. – Она забыла о законе Равновесия? Она не понимает, что ещё чуть-чуть, и всей вселенной нашей не помогут ни боги, ни демоны, ни свет, ни тьма, ни знание? Что если бы сущности, подобные мне-истинному, изначальному, могли творить всё, что заблагорассудится, то нам поистине не был бы никто нужен?!»

Это было верно. Бог Хедин о законе Равновесия говорил много и охотно, что, дескать, если б не он, то не нужно было бы посылать их, его учеников, в бой.

И Вран знает о Сфайрате...

«Я знаю всё, – раздалось сухое. – Вернее, знает сотворивший меня, ибо я – лишь часть его. Аватара, как вы бы сказали».

– Всё – и обо всех?! Мысли и чувства каждого живого существа? Во всём Упорядоченном?

«Это, адата, не твоего ума дело, – отрезал Вран. – О ком нужно, о том всё и знаю».

– Это... радует, – криво ухмыльнулась Гелерра. – Не хотелось бы жить, зная... что каждую мысль твою прочтёт такое вот... такой вот...

На это Вран ответить уже не пожелал.

«Следуй за мной», – лишь повторил сухо.

...Им открылась крепость – у её стен не осталось ни одного эльфа. Точнее, ни одного живого эльфа, зато мёртвых оказалось преизрядно.

Замок стоял, как стоял, разве что зубцы стен повыщербило да торчали кое-где из стыков каменных глыб полузасохшие деревца, которых раньше тут точно не было.

Вран широко расправил крылья, скользнул вниз, Гелерра в растерянности – за ним. Ни Скьёльда, ни Соллей видно не было; вернулись в крепость, ибо штурм явно провалился?

Ворон же с каждым мгновением становился всё больше, крылья его удлинялись; чёрной тенью он скользнул над погибшими, и Гелерра с ужасом увидала, как мёртвые тела зашевелились, стали надуваться и лопаться, исчезая в облаке алых брызг не успевшей даже остыть крови.

Ворон вбирал её в себя, эту кровь, и не только – вбирал остававшуюся в погибших жизненную силу.

Души? Хотя нет, души – это не по его части, это Демогоргон...

Однако Вран именно что *вбирал*, становясь всё больше и больше.

Адата ожидала, что он, развернувшись, устремится на крепость; её эльфы взять так и не смогли. Но вместо этого Ворон вновь прошёлся над мёртвым полем, словно скупец, перебирающий вороха старой одежды в поисках последнего грошика.

Замок молчал.

«Всё, – услышала Гелерра удовлетворённое. – Теперь я покину это место. Ты же отправляйся к ожидающим тебя. Помни, кому ты теперь служишь. Когда понадобится, я призову. Повинуйся!»

– А если нет, что тогда? – собрала все силы гарпия.

Вран не обернулся.

«Тогда тебя не станет».

Он не угрожал, не гневался, он просто спокойно сообщал.

«Поворачивай к замку, говори, что исполнила их просьбу – отвлекла меня. Будешь повиноваться – поживёшь ещё и, быть может, даже заполучишь своего дракона, коль скоро ты решила, что он тебе настолько потребен».

Гелерра заколебалась.

«Решай, – сообщил ей Вран. – Сейчас. Немедленно».

– Я, – вдруг всхлипнула адата, – исполню твоё веление.

Никогда её ещё так не унижали! Но ведь она не предательница, нет, она не сделала ничего недостойного! И вообще... это не просто так! Это – ради шанса вернуться к Сфайрату, с которым – верила она – у них всё получится.

Получится, несмотря ни на что. Да, так бывает – достаточно порой только одного взгляда. Он обязательно её поймёт, он оценит, откликнется!

И пусть дракон не бог, не великая сила, а просто дракон – хорошо бы, чтобы их потом увидел сам Хедин. Чтобы они со Сфайратом летели бы рядом, а впереди – целый выводок их крылатых отпрысков.

Вот тогда бы он пожалел!..

Так или иначе, но Вран удалялся теперь от замка, и адата провожала его взглядом.

Сфайрат, я иду к тебе.

* * *

– Он... улетает?

Соллей, Скьёльд, Кор Двейн и Гелерра стояли на изрядно пострадавших парапетах замка. Где-то в глубине стен глухо рокотало, словно великаны-башни устраивались на ночлег, крепко беря друг друга за руки. Бреши в стенах смыкались, хотя работы каменщикам предстояло много; некоторые крыши сгорели, однако в целом крепость выдержала неплохо.

– Улетает, – сквозь зубы процедил Кор. На висках чародея ярче обычного блестела седина. – И я не понимаю почему.

– Этот трюк с башнями, брат... – начал было Скьёльд, однако Кор лишь раздражённо отмахнулся.

– Обычная анимация. Ничего сверхъестественного.

– Но тебе пришлось добыть где-то души гигантов, – напомнила Соллей. – Где, когда, как?.. Ты нам ничего не говоришь, Кор.

– Прости, – отрывисто бросил волшебник. – Да, я никому не говорил об этом секрете. Хотел его сперва проверить.

– И проверка, по-моему, удалась!

Кор Двейн кивнул.

– Но почему они отступили? Почему Ворон не ударил сам, уж коль привёл сюда эльфов? И почему он сперва сражался с тобой, Гелерра, а потом... отпустил тебя?

Адата вздрогнула, зябко кутаясь в крылья.

– Он... словно играл с нами. И на поле боя... собирал души погибших эльфов. А я... я ему не была нужна, – покривила она душой.

– Собирал души? – наморщил лоб Кор. – Интересно как... Спасибо за ценное наблюдение, храбрая адата.

– Дух Познания не властвует над мёртвыми, – тихонько проговорила Гелерра. – Так учил нас бог Хедин.

– Тут ему вполне можно доверять. – Скъёльд потёр подбородок. – Но зачем тогда великому Духу...

– Можно только гадать, – пожала плечами Соллей. – Брат Кор, ты всегда был очень... конкретен. Ты задавался теми вопросами, которые можно было решить здесь и сейчас.

– Да. Верно. Спасибо, что напомнила, сестра.

– А сам этот Ворон? Ну красавец же, нет? – заметил Скъёльд.

– Аватара, – пожал плечами Кор Двейн. – Все наши данные свидетельствуют и досточтимая адата говорит – Духа Познания, и я ей верю; с нашей Гелеррой они бились не на шутку – так, во всяком случае, мне показалось. Но есть и ещё одна возможность, о которой нельзя забывать, – что это не Орёл, не Дракон, а кто-то из наших, гм, «заказчиков». Очень тщательно замаскировавшийся. Очень.

– Ты в это сам не веришь, Кор.

– Сестра! Когда бы я шутил такими вещами?

– Брат, этого не может быть. Они все далеко, там, где им надлежит быть, – вступил Скъёльд. – В своей части, где, как ты верно говоришь, в точном соответствии с нашим договором, нет ни Орлангура, ни Демогоргона, ни Хедина, ни Ракота, ни Спасителя, ни Неназываемого...

– Да. Да. – Казалось, Кор Двейн сейчас где-то очень далеко. – Всё это так. Но... заказчики наши – известные мастера перевоплощений, они столько времени скрывались от Новых Богов; им не составит труда прикинуться аватарой кого угодно, благо своей-то мощи хватает.

– Но их здесь не может быть! – не уступал Скъёльд.

– Не может... – нехотя кивнул Кор Двейн. – Но... я, брат, стараюсь быть готовым ко всему.

– А если это и впрямь Дух Познания, как я, например, не сомневаюсь, что тогда? – тихонько спросила Гелерра.

– Тогда, доблестная адата, – повернулся к ней наголо обритый чародей, – это значит, что даже и он собирает сейчас собственное воинство. Знать бы только зачем.

– Вот именно, – согласилась Соллей. – Поэтому, брат Скъёльд, я тоже думаю, что наши, гм, заказчики вполне могли тут появиться. На них это очень похоже, а вот на Духа Познания – совсем нет.

– Так или иначе, мы выдержали, сестра. Спасибо вам и Гелерре. Адата скромно поклонилась.

– Но что же дальше, почтенный Кор? Крепость еле выстояла, второй такой штурм, и...

– Ты права, славная Гелерра. Кто бы ни атаковал нас – он или они наверняка вернутся. Что ж, какими бы срочными ни были наши дела с Дальними и Неназываемым, покинуть крепость мы не можем. Подождём.

– Будем менять планы на ходу, – ухмыльнулся Скъёльд.

– Будем менять. Самое время заняться войском, дело сделано, пора выбираться из ловушки у Обетованного.

– То-то Дальние сейчас локти кусают! И пополнения-то всё равно идут!

– Не то слово, брат, не то слово, – улыбнулся и Кор. – Впрочем, даже отсюда можно прикрутить мельницы Дальних. Часть миров с порталами мы сбросим первыми, устраняя излишнюю нестабильность, а в остальные приток останется. В конце концов, что же мы за владыки без армии!

Гелерра только и могла, что хлопать глазами.

– Да, славная адата, планы у нас большие. – Кор Двейн последний раз окинул взглядом мёртвое поле. – Идёмте. Работы предстоит много. Ты, Скъёльд, займёшься войском. Ты, Соллей – ну, и Гелерра, я надеюсь, – здоровьем нашего дракона, а потом – Кларой Хюммель.

– Кларой Хюммель? – вздрогнула гарпия. – Зачем она? Почему она?

– Судьба выкидывает причудливые фортели, храбрая адата. Помнишь ли ты историю Мечей, Алмазного и Деревянного?

– Как не помнить...

– Так получилось, что госпожа Клара Хюммель-Стайн – таково сейчас её полное имя по законам королевства Беллеоры, где она имела жительство, – последняя живая ниточка к их памяти. А память подобного

оружия так просто не исчезает, отнюдь нет. Так что дракон Сфайрат нам ещё понадобится, и очень. Клара Хюммель от нас ускользнула, но ничего, мы до неё всё равно доберёмся – через этого мужа.

– Ты не оставляешь мысли, брат, что Мечи, бывшие у неё...

– Я никогда не оставляю никаких мыслей, сестра. Даже тех, что кажутся тебе безумными.

– То есть тот самый Хранитель Мечей...

– Тс-с-с, сестра! Даже пустота может иметь уши.

– Умолкаю, брат. Но ты, Гелерра, не печалься. – Соллей вдруг коснулась её плеча. – Драконы – они такие... страстные.

Адата покраснела.

– И ты, почтенная гарпия, и дракон Сфайрат, и даже волшебница Хюммель-Стайн – все сыграют свою роль в нашей победе, – решительно бросил Кор Двейн. – В нашей победе и рождении нового, лучшего, справедливого мира, мира без богов и им подобных. Мира без Дальних и Неназываемого. Мира без Спасителя и прочих ловцов душ.

– Да, – негромко согласилась Гелерра.

Перед взором её стояли залитые багровым огнём узкие щели-глаза Ворона о четырёх зрачках каждый.

Интерлюдия 2

Трогвар из Дем Биннори, Крылатый Пёс, знал, что ему нужно как можно скорее добраться до Владыки Ракота. Священный Урд показал ему, воину Великой Тьмы, что творится в Упорядоченном; оставалось лишь отыскать Повелителя.

Легионы ждали, но Трогвар понимал, что долго это не продлится.

Часть собранных ратей просто истает, обернувшись снова эманациями Мрака; часть, особенно из нежити, перестанет быть в отсутствии поддерживающих заклятий самого Ракота; ещё часть, оголодав, пойдёт искать пропитания, где только возможно, или побредёт к родным логовищам.

Ему не провести такую массу через Упорядоченное, не прокормить и не удержать. Кипящий Котёл ему не повинуется.

Значит, войско останется здесь.

Крылатый Пёс сделал что мог. Расставлены кристаллы, вычерчены магические фигуры, собрано то, что пойдёт в пищу воинам из плоти и крови, сколько бы неаппетитным оно ни казалось ему самому.

Развернув крылья, Трогвар оторвался от тверди Обетованного.

...Он привык к своему облику, не сожалел – или ему казалось, что не сожалеет, – об утраченной человечности. Его прозывали «демоном», хотя он сам не задумывался, что же это значит – старые книги Красного замка уверяли, что так именуют неких «тварей Тьмы», и ему этого было довольно.

Сейчас предстояло отыскать Владыку Ракота.

Когда так долго служишь Властелину Мрака, поневоле начинаешь чувствовать, где он. В исполинском, необозримом, необъятном Упорядоченном ты всегда знаешь, где твой Повелитель.

В этом нет унижения, в этом – верность.

Собака отыщет родной дом, даже оказавшись за тысячи лиг от него. Трогвар, Крылатый Пёс, точно так же искал Владыку Ракота.

Междумирье покорно раскрывалось перед ним и вновь смыкалось за его плечами; поднимались и опускались широкие кожистые крылья.

Однако чем дальше, тем сильнее охватывало Трогвара недоумение. Властелин Мрака мог оказаться где-то очень далеко, но всё равно – его присутствие, сколь угодно слабое, всегда ощущалось. Возле Обетованного Крылатый Пёс не сомневался, что идёт по следу, но затем след внезапно исчез, не оборвался даже, а исчез, словно никогда его тут и не было.

И присутствие Владыки Тьмы перестало восприниматься.

Трогвар замер.

Что такое?

Кипящий Котёл на месте. Эманации Тьмы – присутствуют. А Ракота – нет.

Долгие, долгие годы бездействия в Храме Океанов, что в Эвиале, Трогвар чувствовал Владыку, пусть даже тот не был и в полной мере Властелином Тьмы. А теперь, когда Ракот вернулся к своей истинной природе, он, Крылатый Пёс, только беспомощно хлопает крыльями.

Как так?! Почему? Отчего?

Как он мог потерять след?

Куда делся Владыка?

Может, что-то не так с ним самим? Не слишком ли долго просидел он в Эвиале? Проклятье, решай, Трогвар, решай немедленно! Легионы ждать не могут, и точно так же не может ждать поведенное ему Урдом.

Нужна помощь, срочно. Он спросил бы совета у Кипящего Котла; но даже приближаться к этому средоточию Тьмы опасно; к тому же нужно знать, как именно задавать вопросы.

Думай, Пёс, вспоминай! Что Владыка Ракот говорил в те короткие

часы перед битвой?!

«Мы были в ловушке, мой Трогвар. В ловушке хитроумной, такой, что даже Хедин не знал, как выбраться оттуда. И если б не мой ученик...»

Ученик! Да.

Он должен оставаться в Эвиале, точнее, в новом, слившемся с Мельином мире. Крылатый Пёс не выдержал – усмехнулся сам над собой. Ушёл из Храма Океанов, а получается, что почти туда же и возвращаться придётся.

Он резко развернулся. Времени всё меньше.

...Из Межреальности новый мир больше всего напоминал лоскутное одеяло. словно безумный портной исполинскими ножницами накромсал зелёной, белой, коричневатой, золотистой и голубой тафты, перемешал всё как следует, да и прихватил на живую нитку.

Пустыни, а рядом – полярная тундра. Леса, вбитые посреди сухих степей. Реки, взявшие начало на горных льдах и пробивающиеся сквозь невесть откуда взявшиеся пески.

Да, этому миру очень нужен истинный Хранитель. Наллика и Храм Океанов – это хорошо, но недостаточно.

* * *

– Два дня прошло, братья.

Эльф-лекарь Гильтан пристально смотрел на спутников-гномов, Гломина, Флурума и Бреннора.

– Надо прорываться. Раненые ждать не могут. А Тёмные Легионы как стояли, так и стоят.

– И кристаллами обложились, – досадливо бросил Гломин. – Тёмными. Значит, надолго обосновались.

– И быкоглавцев погибших похоронить не дали, – добавил Бреннор. – Жарят и едят, паразиты!

Флурум только кивнул.

Гильтан издал звук, словно его сейчас вырвет.

– Ты ж лекарь, брат, – развёл руками Бреннор. – Не знал я, прости.

– От такого, – сдавленно пробормотал эльф, пытаясь справиться с тошнотой, – и самого закалённого наизнанку вывернет.

Гномы переглянулись, и Гломин принялся рассказывать про своего кузена, каковой, будучи застигнут снежной бурей в неких пещерах, принуждён был питаться одним лишь сырым мясом диких гоблинов, но

Гильтан только замахал руками.

– Всё, довольно, довольно! Нам о раненых подумать нужно, а не байки травить!

– Чего тут думать, – пожал плечами Флурум. – Только прорываться. Больше ничего.

Гломин и Бреннор кивнули.

Сборы не заняли много времени.

Бреннор впереди, с огнебросом наготове. Затем Гильтан и Флурум, в середине, рядом с носилками, что скользили сами по себе; спасибо свободной силе Упорядоченного за эти скромные удобства. И, на-конец, в хвосте Гломин, также взявший оружие наперевес.

В начищенные стволы загнаны самые мощные из оставшихся зарядов. Лишь бы проскользнуть мимо голодных и оставшихся без водительства Легионов, а в Обетованное они уже не сунутся.

...Сперва всё шло хорошо. Орды полубесплотных призраков Тьмы хоть и заколебались, но всё же остались на месте, быть может, благодаря близости к полыхавшим незримым тёмным светом кристаллам.

Дальше клубились странные непроглядные облака, под ними, словно под полевыми шатрами, сгрудились один Аэтерос ведает какие сущности. Тут Гильтану с гномами пришлось повозиться – бледные костяки выныривали из мрака, их приходилось отгонять, но до поры до времени справлялись обычные чары отвержения Тьмы; подвывая, твари прятались обратно, тряся обожжёнными конечностями.

Однако затем потянуло жареным – самым натуральным жареным мясом, и Гильтан сглотнул, сплетая и расплетая пальцы, точно готовясь в один миг изобразить сложную руну.

Здесь стояли лагерем те из слуг Ракота, кто даже и не задумывался, что или кто у них на обед – было бы мясное.

Горели костры, и громадные туши, насаженные на массивные вертела, поворачивались над огнём. Туши с четырьмя руками и парой мощных ног каждая. У некоторых головы отрублены, у некоторых так и оставлены.

– Ужасно! Кошмарно! Неопишимо! – шептал побледневший ещё больше эльф. – Как владыка Ракот это допускает! Как позволяет!..

Впрочем, не все тут даже настаивали и на жарке; многим хватало и сырого.

Пара существ, змеевидных, на многочисленных ногах, с длинными зубастыми пастями, выкатилась наперерез отряду Гильтана.

Отпорные чары уже не действовали; уродливые морды только мигнули многочисленными буркалами, скрывшимися под бронированными

веками.

– Прочь пошли! – заорал Бреннор, замахиваясь огнебросом.

Тварь легко уклонилась, молниеносно атаковала, зубы щёлкнули, и гном, недолго думая, нажал на спуск.

Вместо головы чудовища вспухло облако белого огня; тело забилося и задёргалось, хвост хлестал во все стороны.

– Бежим! – Гильтан резкими пассажами заставил носилки с ранеными ускориться.

...Пришлось слегка побегать и пострелять.

Эльф-целитель оказался прав – в пределы Обетованного твари Тьмы сунуться не посмели. Однако на подступах их полегла добрая дюжина.

– Уф! – Эльф тяжело дышал, склоняясь над ранеными. – Никогда бы не подумал, что придётся вот так прорываться через тех, кто служит Ракоту!

– Чего ж тут странного? – Бреннор, пыхтя, помогал укладывать раненых на постели. – Твари Тьмы они твари Тьмы и есть. Их сдерживал только Владыка. А коль скоро он куда-то делся, так они свою суть и явили.

Гильтан досадливо поморщился.

– Не было нам печали... Ладно, мне недосуг, идите посмотрите съестного, и кто тут есть вообще!

Гномы переглянулись и кивнули.

...Когда они вернулись, в покое целителей дым стоял коромыслом. Сверкали гранями кристаллы в серебряных подставках; курились благовония; кипели алхимические растворы, и сам Гильтан, сбросив на пол мешавший плащ, осторожно вводил в глубокую и дурно выглядящую рану пребывавшего в беспамятстве варвара тончайшие мифриловые трубочки.

– Брат, – кашлянул Бреннор. – Здесь никого нет.

– Как так?

– Да, ни души, – кивнул Гломин. – Склады с провизией нетронуты. Мы там принесли – в столовой.

– Аэтерос?

– Никаких следов и никаких посланий для возвращающихся. И с Урдом творится неведомо что. Кипит, плюётся что твой гейзер. Мы близко не подходили, сюда спешили, – доложил Флурум.

– Эх! – Эльф опустил голову. – Неладно дело.

– Глубокая мысль, – фыркнул Бреннор. – И что теперь?

– Идите к Урду. Будьте у него. Источник зря бушевать не станет. Мне не оторваться.

– Хорошо, брат.

Гном Арбаз впервые в жизни не знал, что делать.

Ну, наверное, не совсем так; помнится, когда тётка Гвинлин поймала его за поеданием дорогого, на праздник припасённого варенья, у невысокликов купленного, он тоже не знал, что делать, особенно когда тётка взялась за разделочную доску с хорошей, ухватистой рукояткой.

Но с того момента, как он сделался учеником Аэтероса, он всегда знал, что делать, даже в самых отчаянных ситуациях.

А сейчас – нет.

Тёмные эльфы рвались изучать, хотя и не стояли на ногах, но гонор-то, как известно, всего дороже. Да, они виноваты. Нет, не увидели ловушку. Да, готовы искупить.

– Толку мне с ваших искуплений! – бранился Арбаз. – Огнеприпас растрочен, самые сильные заряды пришлось использовать, а то б мокрое место от нас осталось! И портал этот взял и уничтожился! И девчонка ускользнула!

– Мы её найдём, – бледнея, посулила Триэль.

– Найдёшь, пожалуй, когда всё вокруг выжечь пришлось! Орши нас предупредила, а не вы! Она гадов болотных ход учуяла, что изменился он!

– Арбаз, – наконец заговорил Кирриос, – мы понимаем. Но это совершенно необычная западня. Мы не можем понять, что привело её в действие и что за чары лежали в основе. Больше того, она явно связана с этим... с этим жутким порталом, и мы даже предположить не можем, почему и зачем.

– Знаю! Вот почему нам эта девка с волком нужны во что бы то ни стало! Изрядные хитрецы тут против Аэтероса злоумышляют, не чета прежним!

Маленькая чародейка Орши осторожно подёргала гнома за рукав.

«Есть ещё такие ловушки, – перевёл Репах. – Самое меньшее две».

– Две? Час от часу не легче!..

– Мы найдём!.. – вскинулась Триэль.

– Нет уж! – отрезал гном. – Вот она пусть ищет. Репах?

Но Орши только трясла головой и быстро-быстро что-то говорила.

– Что теперь не так?

«Она ощущает два капкана, но не может сказать, где они. Словно они начали двигаться, следуя прямо к нам».

– Час от часу не легче! – прорычал Арбаз. – Снимаемся с лагеря!

Уходим!

– Куда?

– За девчонкой и волком, Кирриос!.. И подальше, подальше отсюда.

Не самое лучшее дело – преследовать и убегать одновременно. Но ничего другого Арбаз сейчас придумать тоже не мог. Впервые в жизни.

* * *

Ирма Нарви смогла оторваться от преследователей. Госпожа Соллей и в самом деле устроила замечательные ловушки. Жаль, что ей, Ирме, пока ещё такое не повторить.

Болота и топи остались позади; повеяло привольными лесами предгорий, смрад гниющих в тёмной воде ветвей и листьев уступил место лёгкому и свежему ветерку из чистых дубрав.

Казалось бы – живи да радуйся, однако местные жители упрямо предпочитали строиться в самом сердце гибельных трясин, а не здесь.

Идиоты, что с них взять.

Ирма давно перестала погонять Серка, и волк спокойно трусил вверх по пологому, заросшему густой травой склону. Перепархивали птицы, встревоженно кружились у Ирмы над головой, и девочка, прищурившись, вглядывалась в их судорожные метания.

Нет, это не птицы...

Летучие мыши? Нет, и не мыши, но твари, имеющие явное сродство к магии.

Недолго думая, Ирма сбила одну из них самым обычным камнем, разогнанным, как говорила госпожа Соллей, «посредством динамических чар».

Создание кувыркнулось ей под ноги, грудь разбита в кровь, голова неестественно свёрнута на сторону.

Ирма отличалась неплохой памятью на увиденное в книгах, особенно – в бестиариях.

– Живоглот перепончатокрылый магодышащий, – сказала она вслух без самодовольства. – Обитает в местах пролегания подземных магопроводящих жил, как правило, с высокой концентрацией руд и самородков истинного серебра...

Магопроводящие жилы. Госпожа Соллей упоминала их, но вскользь, мельком, как нечто редкое и особого интереса не представляющее. Что-то вроде подземной реки. Живоглоты держатся поблизости от неё, питаются

магией, рассеянной вокруг подобно брызгам воды.

Где-то здесь эти таинственные закладки, которые Соллей берегла пуще глаза. Почему именно здесь, а «алые кресты» – далеко в болотах?

Госпожа Соллей учила её хорошо. Есть два способа уберечь что-то ценное – окружить неприступной преградой и спрятать так, чтобы никто не заподозрил. «Алые кресты» вдали от гор – явно, чтобы никто не заподозрил. Глупцы станут искать клад где-то возле капканов, в то время как он совершенно в ином месте.

И она, Ирма, желает знать, что это за клад и где он точно заложен.

Она уже понимала, что угодила меж таких жерновов, что страшно даже представить. Кто знает, как всё сложится, «а имей хоть медный грош, коль на торжище идёшь!», как говаривал Свамме-гном, трактирщик из родного Поколя.

Они с Серко медленно брели вдоль горной цепи, не забираясь высоко. Ирму вело смутное ощущение, что загадочный «клад» где-то рядом; наверное, сказывалось-таки ученичество у Соллей, тонкая настройка девочки на заклятия и чары волшебницы.

Сейчас им приходилось охотиться, припасы иссякли ещё во время бегства. Хорошо, помогал Серко – неутомимый волк преследовал любую добычу, пока та не падала в изнеможении.

Вымоталась и сама Ирма. Грязная, давным-давно не мывшаяся и не менявшая одежду (от чего отвыкла в ученичестве у Соллей), она всё чаще задумывалась, что же будет после того, как она найдёт эти самые закладки.

Вернуться в замок наставницы? Однако она не умеет открывать порталы, а дорогу через волшебное пространство, соединяющее миры, не знает.

Её бросили тут, бросили самым натуральным образом. И если Соллей не явится... то она, Ирма, останется тут навсегда. Ну, может, сумеет выбраться «за небо», может, сумеет найти другой мир неподалёку... если не задохнётся по пути, потому что дышать на этих тропах тоже надо уметь.

А может, зря она пугается? Может, наставница закончит свои дела и вернётся, чтобы они вместе...

Ой, Ирма Нарви, не обманывай себя! Ты от этого отучилась ещё в покольском трактире. Никто о тебе не позаботится, кроме тебя же самой.

А значит, чтобы выбраться отсюда...

Придётся заплатить за дорогу. Ну, как купцам платишь за то, что разрешили присоединиться к каравану, на телегу узелок сложить или даже посидеть на ней.

Они с Серко медленно брели вдоль незримой магической «реки», что

струилась глубоко под горами; Ирма пыталась нащупать заложенные Соллей чары, и у неё получалось, хоть и медленно, со сбоями – чары виделись то чётко, то вдруг пропадали, и это бесило неимоверно.

Целую неделю девочка с волком пробирались зелёными предгорьями, пока наконец Ирма не ощутила, что всё. Они пришли.

Что бы ни спрятала под этими горами золотоволосая волшебница, оно было здесь.

– Дальше не пойдём, – обрадовала девочка Серка. Волк одобрительно рыкнул и потрусил в заросли – охотиться. Последние кости они обглодали ещё вчера.

Ирма огляделась – место славное, чистое, в ложбинке меж двух отрогов журчит ручей, почти речка; берега зелены, жужжат насекомые, бабочки порхают и цветочками пахнет.

Эх! Сколько ж времени она венки не плела...

Ирма кое-как устроила небольшой лагерь. Хотя какой это лагерь, одно название, только шалаш сложила да огонь развела.

У неё не было настоящего магического арсенала, так, самая малость, которой поделилась госпожа Соллей. Но делать нечего, попытаемся.

...Провозилась она до вечера.

Серко неодобрительно ворчал, подталкивал к ней носом принесённую добычу, пока Ирма не устыдилась и не взялась за готовку, предварительно обняв волка за пушистую шею.

Зато она теперь могла задавать вопросы и получать ответы.

Она еле дождалась утра.

«Закладки» хорошо укрыты, и даже опытный чародей изрядно повозился бы, пытаясь понять, что это такое и для чего. Ирма ни с какой стороны не была опытной чародейкой, но зато она была ученицей госпожи Соллей.

Кристалл-источник выдавал слабые, но постоянные колебания силы. Они отражались от пресловутых «закладок» и возвращались – их-то Ирма и пыталась прочесть.

Конечно, полностью расшифровать смутные отзвуки она не могла – не хватало ни знаний, ни умения.

Правда, и того, что сумела, ей хватило.

Заряды должны были разломить мир, стереть его в пыль, в полное ничто; но не только это. Нырнуть глубже не получалось, и Ирма кусала губы, ощущая там, за понятной спелёнутой мощью что-то ещё.

Не просто «разнести мир». Не просто «стереть в пыль». Нет, было и что-то ещё, с душами, неимоверно сложное, – но тут она уже просто

пасовала.

– Ну, Серко, – привалившись к тёплому боку волка, она глядела на звёзды. – Что-то стало понятным. Только что теперь с этим делать?

Спутник Ирмы слегка толкнул её носом, кивнул, головой указывая на небо.

В облике могучего волка он совсем не говорил с ней словами.

– Убраться отсюда? Ну да, вот только куда? Дороги-то мы с тобой не знаем...

Волк поглядел на неё, сильно выворачивая шею.

– Ты на меня так смотришь, словно хочешь сказать «ну ты у меня и дурочка», – надулась Ирма.

Волк чуть оскалился, но отнюдь не зло и не сердито, наоборот – улыбаясь. Глухо рыкнул, и в этом рычании Ирма прочла имя.

«Клара Хюммель».

– Ты... ты... – глаза Ирмы широко раскрылись. – Ты можешь отыскать к ней дорогу?

Волк солидно, с достоинством, кивнул.

– Ох. – Только и смогла сказать Ирма Нарви.

* * *

Император погружался сквозь земную твердь, – словно ныряльщик с грузом, приближающийся ко дну. Впереди была злая сила, заботливо свёрнутая, укрытая, укутанная множеством отводящих взор заклятий, сила, до которой непременно надо добраться!

Остались позади слои камня и песка, продёрнутые тонкими ниточками рудных жил и подземных рек. Тяжёлое безмолвие, мёртвая тяжесть и сдавленность; для живого разума это непредставимо – как это, идти сквозь земную толщу? Она везде, перед тобой, над тобой, под тобой, в тебе – а ты лишь скользишь всё глубже и глубже, не зная, хватит ли дыхания подняться обратно.

В безднах, о которых не знают даже самые мудрые из гномов, в вечном мраке текут подземные реки. Там обитают странные существа, давно утратившие зрение; и там, неведомо как помещённая, дремала чужая сила.

Император оказался над ней; в крошечной тьме он ощущал жаркое биение сердца этой мощи, словно уродливого гомункулуса, что должен был вот-вот вылупиться.

Сюда, в неведомые пропасти, каким-то образом проникли столь же

неведомые чародеи, оставив гибельный для мира подарок.

Но тогда зачем сюда выманили его? Чтобы пленить там, наверху, в тех пентаграммах и символах?

Он не знал ответа, да и знать сейчас не хотел. Чья бы воля ни привела его в бездну, он может...

«Ты можешь».

Мощный, глухой, сильный голос. Казалось, с ним заговорил сам мрак.

– Кто ты? – резко вырвалось у Императора.

«Тот, к которому приходят все. Или, по меньшей мере, должны приходить».

– Великий Дух...

Учитель говорил о нём, хоть и немного. Называл и имя – Демогоргон.

«Ты понял. Потому что ты – меж двух миров. Твоим прежним и моим».

Вопросы сами рвались из бесплотных уст, но он прежде всего был Императором. И спрашивал не о собственной участи.

– Великий Дух, я ощущаю здесь силу, способную...

«Да. Равновесие разрушено, и у нас единственный шанс его восстановить, хотя бы на время. Правда, и цена высока».

– Я должен убрать это, – твёрдо сказал Император.

«Да, – последовало вновь. – Должен, и я помогу. Но после этого ты последуешь за мной. Твоё ученичество у Ракота, увы, кончилось».

– Я должен хранить мой мир! – вырвалось у Императора яростное.

«Мы все должны. Но может случиться так, что хранить станет нечего. Исчезнет вообще всё».

– Как это?

«Долгая история, человек. Тебе нужна помощь, и вот моя цена – ты последуешь за мной и станешь исполнять мною сказанное».

– Мой сын – моя жена...

«Они уже потеряли тебя. Присмотрись к этой силе и ответь сам себе – смог бы ты отвести беду? Или она поглотила бы тебя целиком?»

– У меня нет ответа, Великий Дух. Я не мастак играть в слова, прости меня. Я был человеком, я...

«Был человеком. Должен был прожить жизнь, умереть и уйти ко мне. Но вместо этого бог Ракот вырвал твою душу из привычного круга. Иначе у него не получается, иначе он не умеет. Всё это мало-помалу подтачивает, разрушает равновесие. Есть похожий на тебя ученик и у бога Хедина, тоже давным-давно проживший отмеренные сроки, но продолжающий обманывать смерть и меня...»

– Мне нет до них дела, Великий. Я храню свой мир.

«Правильно делаешь, человеке. Но рассуди – если равновесие не будет восстановлено, погибнет всё, и даже Хедин с Ракотом, несмотря на всё их мужество и самопожертвование, не смогут предотвратить этого. Законы Упорядоченного жестоки, не нам их менять. Мой брат ведает Познанием, я – живой Вселенской Душой. Я помогу тебе потушить этот пожар, но условие моё ты уже слышал».

– Зачем я тебе, Великий Дух? У тебя мало слуг?

«У меня множество слуг. Но к каждому замку подходит только его ключ. Их можно сделать много, но они будут все одинаковы».

– Давай не будем играть словами, Великий. Кто сотворил это зло? Кто оставил здесь эту отраву?

«Те же, кто пытается нагреть руки возле вселенского пожара. Их имена тебе ничего не скажут, но у них тоже множество слуг, вольных или невольных. Вглядишься в эту силу, человеке, а потом спроси у своего сердца, что делать».

Император повиновался.

В непроглядном мраке клубки силы виделись ему чем-то ещё более чёрным, но при этом – испускающим чёрный же, незримый свет, жаркий, плавящий. Внутри жили и иные чары, ждали, затаившись, готовые пробудить всё остальное. Мир сгинул бы в огненной буре, и те его части, что от Мельина, и те, что от Эвиала.

– Великий Дух... но те, кто выманил меня сюда, какую цель они преследовали?

«Свою собственную, мелкую и незначительную на фоне грядущей беды. Всегда находятся такие, что убеждены в собственной ловкости, хитрости, изощрённости, в том что они додумались до чего-то совершенно необычайного, и что уж с ними-то точно не случится ничего плохого, а планы исполнятся в точном соответствии», – в сухом голосе Духа появилась сухая же усмешка.

– Это не ответ, – отрезал Император.

«Другой не нужен. Какие бы замыслы они ни плели, по сравнению с тем, что перед тобой, эти намерения ничего не значат. Надо избавиться от этих чар, человеке!»

– А ты, Великий Дух? Уж коль пришёл сюда?

«Сюда пришёл не я. Мне, как и брату моему Орлангуру, нет хода за пределы наших владений. Пришла аватара, но и только».

Во мраке захлопали крылья, родился неяркий потусторонний свет.

Перед Императором парил огромный призрачный орёл, сквозь

которого видны были изрезанные трещинами и стены пещеры, струящаяся по дну тёмная река.

– И что же?

«Ты не понял?»

– Вы орудуете чужими руками?

«Так надо. А теперь ответь окончательно, человеке, – согласен ты или нет?»

– Тебе так важно моё согласие, Великий Дух? Даже если оно – вынужденное?

«Да. Оно очень важно. На вселенских весах важна каждая крупинка».

– Тогда я согласен. Помогите только сохранить мой мир!

«Моё слово нерушимо, человеке».

Орёл расправил крылья, не двигая ими, поплыл к Императору. Взгляд чудовищной птицы проникал в самую суть, в самую самость непокорного человеческого духа.

Император ощущал, как тают перед ним возведённые чужой волей барьеры. Видел раскрывающиеся последовательности закланий, наложенных хитро, с умом. И видел также, где и что можно сделать. Не просто, не легко, не сразу – но можно.

– Благодарю тебя, Великий Дух. Прости, но я прерву наш разговор – это нужно извергнуть из моего мира.

«Ты прав. А потом ты, наверное, захочешь узнать, почему заложившие это так хотели покончить именно с твоим Мельином – как, впрочем, и с Эвиалом».

– Не знаю, Великий Дух, так ли важно мне это. Мир должен жить, вот и всё.

Глава 5

Хедин Познавший Тьму; Ракот Восставший

Лагерь Познавшего Тьму остался, наверное, единственным местом, где всё было если не «как прежде», то, во всяком случае, близко к тому.

Здесь текла магия. Здесь двигалась живая сила. Здесь можно было дышать и существовать.

Крошечный островок Упорядоченного в окружении того, что так и тянуло назвать «хаосом», но что хаосом никак не являлось, а было уничтоженной, перемолотой в пыль реальностью, Междумирьем.

Прямо перед войском Нового Бога поднималась стена, незримый барьер, за которым бушевал истинный Хаос, неведомо как прорвавшийся в рассёкшие Упорядоченное рубцы.

За спиной Хедина горели костры, питаемые не дровами, но магией. В котлах кипело варево, в ход шли припасы, сохранённые во всех перипетиях; однако они скоро покажут дно. Тогда Познавшему Тьму придётся искать хоть какой, но мир, если их прорыв не удастся.

Но об этом он не хотел даже и думать.

Требовалось проломить преграду, но так, чтобы Хаос не затопил бы оставшиеся у них за спинами миры.

Никогда ещё Познавшему Тьму не приходилось совершать подобное, да и никому из его Поколения тоже, включая великого Мерлина. Да что там его Поколению! Ни перед кем из Истинных Магов, сколько б их ни жило в Упорядоченном, не вставало даже отдалённо похожей задачи.

И здесь не было места методу проб и ошибок.

Завернувшись в плащ, Новый Бог сидел на краю лагеря, чертя перед собой сложные магические фигуры.

Для начала предстояло понять, из чего состоит барьер перед ними.

Потом – насколько широка река Хаоса и насколько прочна преграда с другой стороны разлома, если его предположение верно и Упорядоченное оказалось и в самом деле рассечено (правда, так и непонятно, каким образом).

Затем предстояло возвести мост попрочнее и вернуться туда, где сила течёт по-прежнему. О том, как залечивать эти раны, он подумает после.

Что ж. Начинаем.

Он поднялся, повёл плечами, сбрасывая плащ, словно готовясь выйти

на смертное поле.

Заклятия познания устремились к немой преграде, канули в ночь раздробленного Междумирья; отразились от поверхности барьера, рассыпаясь прахом.

Немногочисленные кристаллы перед Познавшим Тьму вспыхнули, он сам скрипнул зубами от внезапной боли.

Чары лопались, отдаваясь во всём его теле; мрак рассеивался медленно и нехотя, не желая выдавать свои тайны. Перед мысленным взором Нового Бога мелькнуло нечто вроде невероятно сложной плетёнки, где скрестились мириады тонких и тончайших путей силы; а между ними – зелёный проблеск, знакомый донельзя.

«Так и знал, что без вас тут не обошлось», – зло подумал Хедин.

Субстанция Дальних явственно ощущалась в этом барьере, и плотность его, как ни странно, даже помогала сейчас Новому Богу – вблизи истинных пределов Упорядоченного слишком сильно чувствовалось присутствие Хаоса.

Сложность возведённого поражала. Никакое вещество Упорядоченного не сдержало бы Хаос, кроме лишь чистой силы, и она, эта сила была искусно уложена в изощрённый узор, где каждая нить соединялась с другими, поддерживая и не давая разойтись всему плетению.

Если это измыслил Кор Двейн, то он – гений. Гений, додумавшийся, как впустить Хаос в Упорядоченное и в то же время держать его в строгом ошейнике, как злобного пса.

«Пока не появится некто, ещё более сильный или дерзкий, и не свергнет нас...» – невольно вспомнилось ему.

Что, если этот миг наконец настал? За прошедшие эоны Хедина несколько раз посещали подобные мысли, но именно сейчас они нахлынули необоримой лавиной.

Если это измыслил Кор Двейн...

Если.

Да, хитро, неожиданно, непредсказуемо. Многочисленные враги искали свергнуть Хедина Познавшего Тьму, но не заточить его в отрубленном лоскуте Упорядоченного.

Если, конечно, это и в самом деле измыслил Кор Двейн, а не кто-то ещё.

Если это не хитроумный план Дальних.

Или не результат вмешательства Третьей Силы, что, не колеблясь, пожертвует всем и вся, чтобы сохранить прежде всего себя.

Но об этом – позже.

Познавший Тьму стремительно рисовал и чертил, спеша запечатлеть открывшееся ему. Хорошо, что возведшие барьер не устроили на его подступах какие-нибудь магические вихри, разрушающие все и всяческие чары...

Не устроили потому, что не смогли, или потому, что не захотели?

Познавший Тьму быстро набрасывал диаграмму за диаграммой; никакой чародей, даже приснопамятный Архимаг Игнациус, не смог бы ничего в этом понять.

Прискакал Кирвад, принёс дымящийся котелок с – всемогущие небеса! – кашей!

– Великий бог Хедин, силы твои нуждаются в поддержке.

– Благодарю, Кирвад, старина, но мне по природе моей можно не есть и не пить. Но спасибо за заботу. – Познавший Тьму отправил в рот первую ложку наваристой каши с салом. – Проследи лучше, чтобы накормлены были бы бойцы.

Сильван потупился, смущённо переступил копытцами.

– Прости, великий, но до исчерпания припасов осталось совсем мало дней. Разреши нам экспедицию в какой-нибудь мир. Мы добудем мяса охотой.

Разрешить им это было только половиной дела, увы.

– Ты забыл, что я должен буду отправиться с вами?

– Нет, – помотал головой лесной божок. – Но воинство очень скоро начнёт голодать, великий.

– Тогда я сам поведу вас, – бросил Хедин. – Подожди совсем немного, Кирвад.

«Ибо я должен понять, как буду пробивать эту преграду. Если же не пробьём – то добывать что бы то ни было станет уже не нужно».

* * *

Ракот Восставший стоял в заклинательном покое, рядом с ним – старик Марви, последний чародей, оставшийся в Цехе Магов.

– Прости, могучий, но, как я и предупреждал, – вздохнул он.

Обширное сводчатое помещение глубоко под основаниями цеха заполняла пыль, старая паутина да сонмище дохлых пауков, иные с целую крысу величиной.

– От бескормицы скопытились, – прокомментировал Марви. – Сперва мух сожрали, потом друг друга.

Ракот не отвечал.

Это был хороший, солидный заклинательный покой, даже и не скажешь, что в захолустном мирке на самом краю Упорядоченного. Были тут старые руны, были сложные составные пентаграммы, начертанные на крупных, до блеска отполированных камнях, кои можно было соединять в самые причудливые фигуры; были кристаллы, настроенные на потоки магии, сейчас совершенно мёртвые, угасшие, иные даже потрескались.

Сейчас Ракоту требовалось одно – понять, есть ли хоть какая-то возможность заставить силу течь. Конечно, небольшое её движение сохранялось, и Восставший должен был узнать, можно ли это как-то использовать.

Если же нет, оставался ещё один путь. Не слишком приятный, но всё-таки осуществимый.

В коридоре за спинами осторожно зашуршало – собирались немногочисленные чародеи, остававшиеся в городе.

Они выходили один за другим из узкого тёмного проёма, недоумённо глядя на великана в алом плаще с обнажённым чёрным клинком.

– Игетис Марви, зачем ты созвал нас? – заговорила женщина, наверное, могла бы считаться красивой совсем недавно. Но длинные густые волосы обратились в седые лохмы, глаза ввалились, как и щёки, во рту не хватало зубов, словно их проредила цинга. Руки тряслись, и некогда нарядный плащ чародейки, криво наброшенный на плечи, волочился по полу – дорогие шитьё и аппликации изгрызены мышами.

Старый Марви молча указал на Владыку Тьмы и поклонился.

– Приблизитесь и осознайте, кто перед вами!

Маги повиновались – робко протягивали дрожащие пальцы, и Ракот касался каждой подставленной ладони, делился силой, хотя и понимал, что долго так продолжаться не может.

– Великий бог Ракот, – дребезжащим голосом представил Марви среди изумлённых восклицаний; кое-кто из явившихся чародеев хлопнулся на колени, молитвенно простирая руки. – Великий бог Ракот хочет помочь нам. Но для этого мы должны помочь ему. Понимаю, как плохо вам всем сейчас, братья и сёстры, но нам нужно это последнее усилие.

– Что, что нужно сделать?! Мы готовы! Повелевай нами, благословенный бог! – раздались возгласы.

– Животворная сила почти перестала течь в ваших краях, вокруг и около вашего мира, – прорычал Восставший. – Я постараюсь придать её течению должный ход. Почтенный Марви уже поведал мне, как всё начиналось, и я знаю, что магия всё ещё движется, хоть и едва-едва. Надо

точно определить направление сохранившегося потока, после чего я... сделаю всё, чтобы ускорить его. Но для этого мне нужно точное соответствие моего собственного усилия и тока живой силы. За работу, господа маги!

Он не сказал, что это было лишь половиной дела.

...Чародеи этого мира, пусть и далеко не самые сильные, очень старались. Ракот видел закушенные губы, покрытые потом лбы; в заклинательном покое становилось жарко, плащи падали на пол, и Восставший видел, что волшебники держатся из последних сил – все измождённые, исхудавшие, высохшие. Многие лишились или всех зубов, или существенной их части; волосы повыпадали, глаза сделались блёклыми, пустыми, у большинства гноились.

Но они держались и плели при этом заклятия, заставляя работать всю старую машинерию заклинательного зала.

Медленно двигались рунические камни, слабо и нехотя начинали светиться кристаллы на стенах, пентаграммы занимали положенные места, связи меж ними перестраивались, пытаюсь строго отцентрировать главную ось зала в направлении сохранившегося магического потока.

Ракот тут помочь не мог, только делился собственной силой.

И, наконец, когда ярче вспыхнули разом все руны на полу и на плоских колоннах по краям, когда загудел и завибрировал стержень истинного серебра, выдвинутый на хрустальных опорах – чародеи стали один за другим терять сознание.

– Марви, помоги им. – Восставший вновь коснулся руки старика. – Они сделали, что я просил, сопряжение достигнуто. Теперь я вас покину – на время.

– Ты вернёшься, Великий? Ты ведь вернёшься? – Губы старого чародея дрожали.

– Да, – твёрдо глянул на него Ракот. – Я вернусь.

...Когда достигнуто сопряжение с потоком магии, двигаться и вообще что-то делать куда легче. Восставшего несло потоком, хотя вернее будет сказать – он еле полз вместе с ним. Ну точно, как ручей в стоячем болоте!..

Его человеческая форма распалась, растворилась, она пока что была не нужна. Раз сила движется, значит, есть и то, что её движет. Значит, можно ускорить её ток, пусть даже на время, спасти задыхающиеся миры.

Он отбросил все мысли о том, что же случилось с остальными Источниками, с Упорядоченным. Нужно было победить здесь и сейчас, а потом уже задаваться проклятыми вопросами.

Частица, заключавшая в себе самость Ракота Восставшего, медленно

плыла сквозь Межреальность, чутко воспринимая биения и колебания силы, напряжённо отыскивая то, что можно было бы назвать здешним её сердцем.

Новый Бог рассчитывал, что обнаружит это довольно скоро. Если движение живой магии имеет чёткое направление, все иррегулярности потока быстро наведут на источник самого движения; время, однако, шло, а никаких признаков искомого «сердца» Владыка Тьмы не чувствовал.

Живая сила медленно ползла по кольцу, совсем небольшому по меркам Упорядоченного. Так, замирая, крутится по инерции гончарный круг.

Чем дальше, тем чернее становилось у Ракота на душе. Если он не найдёт движителя для магии, то...

Стой! Что это? Что это за дрожь в глубине силы? Что-то шевельнулось там, родилось, отразилось – пошли круги, как от брошенного камня.

В стоячей силе круги эти расходились очень далеко, куда дальше, чем в обычном пространстве.

Что-то жило там, что-то боролось, волновало силу, словно ветер поверхность моря.

Что именно – Ракот определить не мог.

Но едва ли оно пыталось разрушать преграды. Скорее уж – укреплять.

* * *

Познавший Тьму трудился, не покладая рук. Барьер не был обычной стеной, пусть даже магической; чем больше Новый Бог пытался разобраться в слагавших преграду чарах, тем больше находил следов самой причудливой магии, применённой самым причудливым образом.

Хедин не сомневался теперь, что возведший эту стену сунул нос в книги его Поколения, но не только. Ощущалось тут и позаимствованное у Молодых Богов; и Дальние, конечно же.

Если простые смертные чародеи сумели добраться до таких тайн...

Упорядоченное может и в самом деле выбрать их, сочтя более достойными хранителями.

Если он не ошибается.

За спиной Нового Бога его воинство завело торжественный гимн в его честь.

Когда-то он лишь поморщился бы, пожал бы плечами, избегая зряшных славословий; сейчас они обратились в самую что ни на есть насущную потребность.

Без веры идущих за ним смертных он никто.

Порой Хедин замирал, глядя на ряды и шеренги скандирующих его имя воинов. Неужто их доля – только служить для него источником силы? Да, без обращения их горячей веры в то, что даёт им же возможность дышать и жить, они не обойдутся; но бойся обмануть их гордость, Познавший Тьму! Помни, им нужна святая война, битва за правое дело; иначе всё для них теряет смысл.

Битва будет. Но для этого надо вырваться из темницы, вернуться обратно. Сотворить небывалое – проложить мост через Хаос.

А пока...

В медленно движущейся силе возникло новое, слабое, почти неразличимое колебание. Будь это движение чуть медленнее, Хедин нипочём не ощутил бы перемены.

В тихом омуте кто-то шевельнулся. Кто-то ещё обнаружился в этом глухом углу; ничего хорошего, само собой, ждать не приходилось.

Проклятье, в этом болоте даже невозможно отправить дозоры, всё нужно делать самому! Сложные заклятия не остановишь по щелчку пальцев и начатое не бросишь, даже если ты Новый Бог.

Вдобавок эти слабые колебания начинали мешать. Хоть и едва заметные, они вносили возмущения в еле-еле двигающуюся силу, сбивая тонкие настройки. Несколько раз всё приходилось начинать заново; Хедин ощущал, как время убегает даже не как песок меж пальцами, а словно кровь из открытой раны.

За его спиной умирали миры, десятки миров; Упорядоченное осталось без хранителя; а он до сих пор не мог подобрать ключи к разгадке.

Познавший Тьму начинал утрачивать обычное своё хладнокровие.

Стиснул зубы и вновь послал вперёд, к стене, очередной сонм прощупывающих чар.

Он повторял это множество раз, записывал, зарисовывал, запоминал; но всё больше крепло омерзительное ощущение, что прорвать этот заслон нечем.

Или, если даже и удастся, то это лишь облегчит Хаосу пожирание оставшегося за спиной осколка Упорядоченного. Впрочем, он и так обречён умереть, когда окончательно остановится сила.

Решение требовалось немедленно, и оно могло быть сколь угодно кровавым.

...Чары опять вернулись сбитыми. Интерференции нарастали, становились всё заметнее, и терпеть это было уже нельзя.

Познавший Тьму ледяным голосом скомандовал готовиться к

выступлению.

* * *

– Что же нам делать, Великий Ракот?

Цех Магов вновь ожил, хотя, конечно, это было лишь подобие жизни. В трапезной горело две дюжины толстых свечей, никто не хотел тратить драгоценную силу на хрустальные кристаллы-светильники.

Вокруг громадного круглого стола, покрытого роскошной скатертью, собрались все чародеи, кто помогал Восставшему. Измождённые, исхудавшие, они глядели с ужасом и надеждой, глядели, как и положено смотреть на бога, явившегося в последний момент на помощь.

– Что же нам делать?

Восставший сидел, опершись на локоть, лицо хмуро.

Что ответить этим несчастным?

Что они обречены, и лучшее, что можно предпринять, – это погрузить весь мир в тихий и сладкий сон, который незаметно перейдёт в смерть?

Или попробовать нечто из арсенала Ракота Восставшего, Ракота Владыки Тьмы, не щадившего ни своих, ни чужих, пробиваясь к Обетованному во время третьего, последнего штурма?

Заклинательный покой Цеха оказался весьма полезен. Не только выстраиванием тонкой метрики потока, но и прощупыванием разделившей Упорядоченное преграды.

Правда, мешали странные отголоски далёких чар, вмешивавшиеся, нарушающие с таким трудом найденные настройки.

Что за колдун тут ещё взялся?!

Впрочем, по справедливости, винить его Ракот не мог. Всяк спасается, как может.

Но, если он не уберёт эту помеху...

Восставший досадливо поморщился. Стар ты стал, Владыка Мрака, и слаб, укорил он себя. Раньше, небось, не поколебался бы.

А когда посылал Тёмные Легионы на последний приступ Обетованного, тебе было точно известно, сумеешь ли справиться с его защитниками? Однако ж всё равно приказ к наступлению отдал, не моргнув!

Тогда я был другим, нехотя признался себе Ракот. Тогда я был просто Восставшим, а не Новым Богом, хранителем равновесия.

Однако он тоже чертил и рисовал, набрасывая схемы движения силы и

гада, сколько сможет продержаться, если что, в окружении Хаоса, если в некоторой степени сумеет воспроизвести тот самый барьер, что воздвигли перед ним неведомые противники.

Никак иначе сквозь огненную реку не прорвёшься.

Хотя – прорвался же он сам, когда его сбросило сюда, на самый край Упорядоченного!

Что, если попытаться вновь? Проскользнуть между частицами и сущего, и не-сущего, между тем, что слагает и Упорядоченное, и Хаос?

Ты, может, и сумеешь. А все остальные? Оставишь их тут погибать?

Нет.

Тогда что?

Только одно – таранный удар, всей мощью, какую только удастся собрать, какую только удастся найти в медленно затухающем движении силы.

– Что вам делать? – Ракот поднял взгляд на окружавших его чародеев. – Обрывать корни своего мира. Здесь больше нечего ждать, не на что надеяться. Если бы я мог взмахнуть рукой и объявить, что отныне всё по-прежнему – уже давно бы сделал, но увы. Остаётся только одно – атаковать, и атаковать мы будем по-старому, как повелось у Тёмного Воинства – не оборачиваясь и не считая потерь. Готовы?

Кто-то из магов подавленно охнул, кто-то закрыл лицо руками. У кого-то подкосились ноги, он тяжело осел прямо на пол.

– Мы согласны, – кинув острый взгляд на растерявшихся собратьев, поднялся старик Марви. – Как говорится, помирать – так весело! Верно я говорю, господа маги?

Они отозвались разноголосо и недружно. Ракот видел, что слова его понравились далеко не всем.

– А как это – обрезать корни мира? – робко спросил кто-то.

– Я объясню, – поднялся Ракот. – Идёмте, нельзя терять время.

Шаркая ногами, ссутулившись, маги потянулись следом, никак не напоминая воспламенившихся и одушевлённых. Глаза потухли, плечи безвольно повисли.

Но лишь бы сделали дело, подумал Ракот.

* * *

И вновь войско Хедина шло сквозь Междумирье, но на сей раз скорее плелось или в лучшем случае тащилось.

Гимны за спиной Познавшего Тьму звучали по-прежнему, но всё чаще ему приходилось обращаться к своим, всё чаще произносить зажигательные речи, всё чаще делиться собранной силой, да ещё черпать и в своей собственной.

Вскоре он уже знал, откуда исходят эти чары. Тихий умирающий мирок, в который уже никогда, похоже, не сойдёт Спаситель. Войско Познавшего Тьму нависало над ним, словно хищная стая; а кто-то в этом самом мирке занимался донельзя странными вещами.

Бог Хедин готов был поклясться, что неведомый чародей или чародеи отчаянно пытаются сорвать мир с его опор, обрубить связывающие его с Межреальностью корни, дать уйти в свободное плавание, хотя какая уж тут свобода!

Наверное, надеялись спастись, уйти с гиблого места, подобно кораблю, угодившему в путаницу ядовитых водорослей.

Куда там. Напрасная попытка.

Застоявшаяся армия Познавшего Тьму ринулась в бой весело, с гиканьем и лихим посвистом. Они ломают небо, пронзают облака, обрушиваются на головы тех, кто посмел мешать их богу!..

Да, в застойном болоте силы нетрудно заметить её колебания, нетрудно понять, откуда они исходят. Хедин, Кирвад и отборные три сотни бойцов вместе с Древними, сотоварищами лесного божка, ступили прямо на брусчатку площади, на краю которой возвышалось помпезное здание, увенчанное тремя островерхими башенками.

В широких дверях с разинутым ртом застыл сгорбленный, сутулый человек, исхудавший до последней крайности, в одежде, которую так и тянуло назвать «одеянием мага, алчущего произвести впечатление на базарных торговков». Золотые звёзды, солнце и месяц со смеющимися лицами, алхимические символы, какие-то руны...

Человек был чародеем, но сил у него не хватило бы наложить заклятие и на дождевого червяка.

Мир вообще был еле жив, и этот несчастный – несомненно, бывший некогда волшебником – не являлся исключением.

Он слабо закричал, точнее, попытался; попытался даже сотворить какие-то чары; Кирвад, горя рвением и не утруждая себя излишними размышлениями, слегка боднул чародея рогами в грудь, и тот беспомощно осел у стены.

– Помогите ему, – бросил Познавший Тьму, входя.

В душном вестибюле золотистые пылинки плавали в солнечных лучах; ещё двое или трое местных волшебников сунулись было навстречу Хедину,

но были без долгих церемоний отброшены; а затем из подвалов донёсся вдруг яростный и до боли знакомый рык, который Новый Бог узнал бы среди всех мыслимых звуков вселенной.

– Ракот!

Всемогущие Древние, что он тут делает? Как Восставший вообще тут очутился?!

Хедин бросился вниз по узким ступеням.

Как он попал сюда, его взбалмошный брат?! Что он творит в этом мире, что задумал? Зачем срывать его с корней? Что здесь вообще происходит?

...Ракот Восставший вскочил ему навстречу, глаза у Владыки Мрака лезли на лоб.

– Хедин?!

– Хедин, Хедин, – язвительно бросил Познавший Тьму. – Проклятье, что...

– Что ты...

– Нет, что ты...

– ...тут делаешь?! – закончили они хором, таращась друг на друга.

* * *

– Думаешь, получится?

– А как по-другому, брат?

– Почему ты не дал им веры в тебя?

– У нас настала пора вопросов без ответов?

Они сидели друг напротив друга в трапезной Цеха Магов. Армия Познавшего Тьму, разочарованная, что обошлось без драки, рассеялась было по городу, отплёвываясь от пыли; однако чем дальше от Хедина, тем более заметны становились удушье и слабость.

– А остальные миры? Что вообще с этим куском Упорядоченного?

Хедин не привык, что План составлен не им, это было неуютно, раздражало, хотелось отчего-то найти в замысле Ракота ошибки и неправильности.

– А что с этим куском? Он или тихо умрёт, задохнувшись, или, если мы потерпим неудачу, сгорит в Хаосе вместе с нами, – Восставший пожал могучими плечами. – Выбор невелик. Смерть медленная или смерть быстрая.

– Ты хочешь сказать, что до конца понял, как устроен барьер? И

потому сбивал все мои заветия?

– Ничего я не сбивал! – рыкнул Владыка Тьмы. – Откуда мне было знать, что ты тоже здесь?

Упрёк было справедлив, и Хедин досадливо дёрнул щекой.

– Ладно, не важно. Так что с устройством?

Ракот тоже посопел недовольно, глаза сердито сверкали.

– Это, конечно, никакой не «барьер Творца». Сложное сплетение нитей силы, самозатягивающихся и разнонаправленных.

– В них немало от Дальних, – добавил Познавший Тьму.

– Снюхались с ними, значит... – пробормотал Восставший.

– Не важно, кто и с кем снюхался. Важно, что произошло и что дальше.

– Что произошло – как раз тоже не важно. Оно произошло и, насколько я понимаю, шло по единому, цельному плану. Начиная со Старого Хрофта и Четвёртого Источника. Мы не представляли, не могли представить, что Отец Дружин может оказаться чьим-то орудием.

– Он не был ничьим орудием, брат. Он и в самом деле считал, что восстанавливает справедливость, возвращая асов из серых пределов. Другое дело, что нашлись те, кто умело этим воспользовался.

Ракот раздражённо отмахнулся.

– Разговоры, Хедин, разговоры. Всё, время вышло. Ты слышал мой план. Действуем!

– План истинного Владыки Мрака, – холодно сказал Познавший Тьму. – Разбег побольше, удар посильнее, ну, а потом – как получится.

– У тебя есть идея лучше?

– Есть. Точнее, появилась, пока я тебя слушал.

– И что же?

Хедин нагнулся вперёд, вглядываясь в чёрные глаза Ракота. Заколебался, словно никак не мог решить, делиться ли с названным братом.

– Не понимаю тебя, – нахмурился Восставший. – Смотришь так, словно...

– Брат, ты предлагаешь как всегда – всё или ничего. И, наверное, ты прав; но сейчас требуется кое-что ещё, на случай если мы не сможем прорваться.

– Сможем! – яростно бросил Ракот.

– И всё-таки. На случай, если не сможем, нам надо оживить этот клочок Упорядоченного.

Восставший раздражённо пожал плечами.

– Брат, твои хитрые планы тебя погубят. Вернее, не только тебя – всех

нас. Как, ради всех Древних, ты себе это представляешь?! Магия остановилась, понимаешь или нет? Замерла! Встала!..

– Я знаю! – Хедин приподнялся, упираясь в стол сжатыми кулаками.

– А раз знаешь, скажи, как это исправить без Источников? – Ракот тоже встал.

– Наверняка не уверен. Но не попытаться мы не можем.

Восставший только покачал головой.

– А что, разве веры в тебя... в нас – этого недостаточно?

– Нет. Нас с тобой хватит, быть может, на один мир, на несколько...

– Ты так говоришь, потому что боишься ударить как следует! – вспыхнул Владыка Мрака.

– Боюсь, – помедлив, признался Хедин. – Отовсюду был выход, даже со Дна Миров. А отсюда может не найтись.

– Я бы тогда просто распространил веру в нас на все здешние миры, – Ракоту уже наскучил этот разговор. – Воспользовался бы этой силой. Заставил магию двигаться.

– И это тоже, – кивнул Хедин. – Но есть у меня и ещё одна мысль. Более рискованная – тебе понравится, – но и выигрыш может оказаться куда выше.

– Я слушаю. – Ракот сел обратно.

* * *

Работа закипела.

Освобождённый от корней, мир медленно дрейфовал в едва движущемся, почти остановившемся потоке силы; а меж тем над градами и весями его одно за другим вздымались новые знамена – Владыки Ночи, Ракота Заступника, и Повелителя Дня, Хедина Милостивца.

Наскоро приспособлялись к явившимся на помощь братьям-богам старые храмы, где-то возводились и новые. Новым Богам требовалось поклонение, как можно больше поклонения.

Однако они действительно помогали. Молитвы и возносимые хвалы работали.

Стало легче дышать, прибавлялось сил. Повеселели и люди, и животные; бодрее зажурчали ручьи, на ветвях проклёвывались свежие листья, прямо посреди не успевших опасть сухих и жёлтых.

В небесах появились птичьи стаи, пока ещё немногочисленные, словно робеющие; на полях поднимались злаки, а пахари дружно налегали на

рукояти плугов, пытаясь наверстать упущенное время.

Да, новым богам требовалось исправно молиться. Утром, днём и вечером. Возглашать хвалы, и чем громче, тем лучше. Кланяться, не жалея спины.

По городам бежали скороходы, тащили в сумах свежепереписанные символы веры, краткие катехизисы; учение явившихся братьев было просто и доступно всем. «Почитай Богов Явившихся – они есть податели жизни и от беды избавители».

«Молись Богам Явившимся утром, днём и вечером, возглашай хвалу всеми словами, какие умеешь, а коль не умеешь словами – просто радуйся, что жив, а не помер».

«Кто будет Богов Новых, на Помощь Явившихся, почитать и хвалу им возносить – и после смерти телесной близ них пребудет, помощь оказывая, а через то – и детям своим, и внукам, и правнукам».

«Кто же станет насиле и зло творить, кто хулу на Богов Новых изрыгать станет – того покинут они в болоте стоячем, в топи незримой, где сама душа грешника окаянного утонет и навек расточится в муках страшных, неописуемых».

Над горизонтом поднимались исполинские, облаков достигающие призрачные фигуры Новых Богов: Ракот Заступник в кроваво-алом плаще, с чёрным мечом – чёрен он потому, что разит злобных тварей тьмы, и не должны они видеть его размах; и Хедин Милостивец, в плаще золотом, с мечом звёздным – им он указывает путь животворным лучам, что прогоняют злую да холодную немочь, в мире поселившуюся.

А потому на заре утренней выйди из дома, поклонись Богам Новым земно, начни читать хвалу им, с самых первых слов начиная:

«Вам, боги неведомые, вам, на подмогу явившиеся, когда силы иссякли наши, от смерти неминучей нас спасшие...» – и так по порядку, до самого конца.

Возгласив же хвалу утреннюю, в дом вернись, чистой водой омойся.

Коль есть у тебя жена или муж, или дети, или родители – выйди с ними со всеми, чем больше хвалу вместе говорите – тем лучше.

И действительно, чем шире распространялась не вера – во что ж тут верить, тут все сами всё видели! – но поклонение Новым Богам, тем легче дышалось и легче жилось.

Вот только сами они очень скоро начали требовать дани-выходы. Началось строительство каких-то циклопических сооружений, пирамиды, каменные круги, дуги, такие громадные, что на одном краю стоя, другой не увидишь – теряется за горизонтом.

И добро б, чтобы на века, а то всё больше брёвна да доски, мало где гранит. И погоняют всё время. Дескать, без этого вновь беды настанут и даже воля Богов-Избавителей не поможет.

Чудно как-то – воля Богов-то таких, один раз спасших, – да и не поможет?

...Кто-то ворчал. Потихоньку, по углам, но ворчал. Работать приходилось много; рук на строительстве требовалось изрядно, а тем – пропитание.

Но всё равно – нынешнее житьё никак нельзя сравнить было с тем медленным умиранием, что было несколько месяцев назад.

Возглашай хвалу Богам Новым да рассуждай поменьше.

* * *

– У меня скоро всё будет готово, брат.

Ракот стоял, скрестив руки, на вершине удивительного строения, возведённого с поистине муравьиным упорством – пирамида из брёвен, держащаяся лишь на честном слове. Под ногами – зеленоватый камень, изумруд, самый крупный, что удалось за это время найти во всех королевских и храмовых сокровищницах. На нижних ярусах – наспех отлитые серебряные руны. Серебро пришлось опять же забирать из храмов и сокровищниц.

Внизу до самого горизонта тянулись рвы и валы, складывающиеся в огромную магическую фигуру, в целую их систему, потому что за горизонтом начиналась следующая.

– И сам мир подплывает... к барьеру. Обратной дороги нет.

– Нет, если только мы не запустим силу по изначальному кругу, – возразил Хедин. Он устроился чуть ниже, сидел на поперечной балке, держа на коленях обнажённый звёздный меч.

– Опять ты об этом, – поморщился Ракот. – Я согласен, твои предложения, вся эта красота, – он указал вниз, на исполинскую магическую фигуру, – должна помочь. Но всё равно, сделать так, чтобы сила потекла бы безо всяких Источников... Да и способ...

– Я импровизирую, – сухо отозвался Хедин. – Здесь нет готовых рецептов. Но мы начнём, только если станет ясно, что твой замысел дал сбой.

Ракот досадливо покачал головой.

– Брат. Ты, похоже, забыл о большом Упорядоченном.

– Я о многом забыл, – отрезал Познавший Тьму. – О Сигрлинн. О моих подмастерьях. О Хьёрварде и Спасителе. Нет смысла думать о них, пока мы в этом обручке.

Восставший помолчал. Ветер рвал алый плащ за его плечами, зло свистел в брёвнах и связках жуткой конструкции, что, казалось, вот-вот развалится.

– Я до сих пор не понимаю, как они смогли...

– Говоря высоким стилем и красивыми словами – они посягнули на невозможное. И, похоже, договорились со всеми силами, с какими смогли. Если это именно те, о ком я думаю – смертные чародеи, – то вполне возможно, их никто не принимал всерьёз. Кланялись, льстили, выслуживались.

– Ты знаешь или ты гадаешь, брат?

– Гадаю, – пожал плечами Хедин. – Потому что это не имеет никакого значения, как именно им это удалось. Потом – потом да. Мы займёмся этим. А пока...

Изумрудный камень под ногами Ракота дрогнул, осветился с одного бока. Свежеспиленные брёвна источали слабый пряный запах, на срезах проступали смолистые капли, словно дерево не верило в собственную гибель и плакало от боли.

– Что, уже?

Владыка Мрака кивнул.

– Удачи тебе, брат.

– Тебе тоже.

Познавший Тьму спускался вниз, справа и слева от него оживали руны и символы, пирамида наливалась силой, преображённой верой смертных – больше наполнять её было нечем.

Да, поклонение им ширилось, росло, распространялось всё дальше. Но это скорее походило на то, как оставшийся почти без еды человек худеет, слабеет и, если в конце не умирает, то жить ему всё равно мучительно трудно.

Но Восставший прав – мир приближался к барьеру, и чарам пришло время работать.

Его, Хедина, место сейчас – в глубоком заклинательном покое, рядом со старым магом Марви, с которым первым познакомился Ракот.

...Здесь многое изменилось. Никаких следов пыли и запустения; мягко светятся кристаллы на стенах, сверкают начищенные дуги, спирали и хорды, выкованные из истинного серебра; застыли в полной готовности курильницы с благовониями, и дрожат в ожидании своей участи несколько

юных и девственных невольниц.

– А это ещё зачем? – неприязненно осведомился Хедин, едва заведя полуодетых скованных девушек.

– Это, гм, гм, великий бог, Милостивец, – смешался было Марви, и Познавший Тьму решил, что старичок решил позабавиться напоследок, – это на самый крайний случай, чисто академический, конечно же!

– Какой?

– Да не гневается великий бог, да простит он верного слугу!.. Но... наши изыскания... теоретические, конечно же, абсолютно теоретические! – утверждают, что, гм, человеческие жертвы, особенно – кровь юных и нетронутых дев могут дать очень, очень много силы...

– Чепуха, – холодно бросил Хедин, хотя это вовсе не было чепухой. – Нам это не понадобится, вот увидишь.

– Да, да, как изречёт великий бог Милостивец!..

– Отпусти их, – велел Познавший Тьму.

Марви тяжело вздохнул и пошёл отпирать замки на кандалах.

Девушки, почти девочки, однако, бежать никуда не торопились, так и остались, сбившись в кучку и прячась в темноте.

– Что повелит теперь великий Хедин Милостивец?

– Помогай мне направлять, – бросил Познавший Тьму.

Марви кивнул. Они говорили об этом, и не раз.

Здесь требовалась филигранная точность, отличное чутьё на силу, мельчайшие её колебания, а старый Марви, несмотря на годы, крепко знал своё дело.

После Кора Двейна и иже с ним Хедин стал несколько иначе относиться к смертным чародеям.

А потом пришла пора действовать, и Хедин забыл обо всём, кроме лишь бьющегося, рвущегося из рук, словно только что пойманная рыба, потока с таким трудом добытой силы.

Весь мир задрожал, вибрировали глубокие подземные жилы истинного серебра – по ним первым текла собранная Хедином и Ракотом сила.

Дрожь передавалась равнинам, поднималась вверх от корней гор, заставляла трепетать и покрываться рябью поверхности морей, и обитатели океанов метались в панике, не зная, куда деваться от этой беды.

Сияющая глобула ожившего мира, – плоский диск, окружённый светом небесных сфер, – медленно скользила сквозь Межреальность, покидая её пусть и замершие, но цельные области и входя в преддверие барьера, туда, где исчезли все структуры и всякая упорядоченность, где армия Хедина могла удерживаться на одном месте лишь волей Нового Бога.

Сейчас весь мир сделался оружием, тараном, готовым крушить стены искусно возведённой западни – куда там ловушке мессира Архимага!

Вернее, не крушить, а растягивать. За барьером – Хаос, от него не так-то просто защититься; поэтому план Ракота и состоял в том, чтобы заставить прочнейший барьер обволакивать, охватывать служащий тараном мир до тех пор, пока он не достигнет другого «берега», того самого, «большого» Упорядоченного.

Возведённая магическая фигура, раскинувшаяся на десятки, а кое-где – и на сотни лиг, собирала и изменяла силу; чарам предстояло слиться с барьером, размягчить его, заставить частично плавиться, словно олово на краю тигля.

Потому что барьеры, не Творцом возведённые, не Творец и разрушить сможет. Или, во всяком случае, сдвинуть.

Познавший Тьму знал, что сейчас вокруг этого мира сомкнулся мрак, что он плывёт, удерживаемый лишь их с Ракотом волей да верой здешних обитателей, утверждённой наспех, второпях, и уже оказавшейся кое-где под ударом; едва стало легче дышать, как нашлись недовольные, в том числе и некоторые Древние.

А сейчас мир трепетал, и массы его обитателей падали на колени, простирались ниц в «храмах Богов-Избавителей», которые зачастую были наскоро сложенными срубам, а то и вовсе торопливо перелицованными старыми святилищами.

Хедин ощущал болезненную дрожь, поднимавшуюся от ступней к коленям и ещё выше; барьер почуял их приближение, он сопротивлялся, незримые струны туго свёрнутой силы напряглись; в следующий миг вся мировая сфера, – со звёздными слоями, слоями дневного светила и ночного, с облачными путями и дорогами ветров, с земной твердью – врезалась в преграду, и небеса вспыхнули невиданным фейерверком северных сияний, только куда ярче и среди бела дня.

Познавший Тьму едва смог удержать силу в фокусе, не дать ей растечься по сторонам. Заклинательный покой исчез, перед глазами его вставала уходящая в бесконечность стена барьера, полыхавшая сейчас всеми оттенками зелёного пламени.

А за стеной их ждал вечно голодный Хаос.

Мир напирал и надвигался, его сердце дрожало, сотрясались небеса и недра; люди рыдали и молились; в действие пришли фигуры и пирамиды Ракота, там тоже всё сияло и полыхало.

Тяжко застонали стены, по ним побежали чёрные змейки трещин. Сжатый до немыслимой плотности поток подобно молоту ударялся в

сплетение преграды, пытаюсь не прорвать, но заставить раздвигаться, растягиваться, подобно тому, как кольчужная перчатка облегает кисть.

Старик Марви упал на колени, но чары не бросил.

Мир прибавлял всю собственную тяжесть к вдвигавшемуся в плоть барьера острию, и Хедину казалось, что нити барьера поддаются, начинают сдвигаться, что их таран одолеет кольчужную преграду, и...

Обрушилась первая глыба с потолка; девчонки-невольницы, так и остававшиеся в своём углу, дружно завизжали.

Хедин ощущал, как начали сминаться небесные сферы, прозрачный их хрусталь покрывался трещинами, лопался, осыпаясь звёздными дождями. Духи высоких обиталищ в панике бежали кто куда, оставляя вверенные их попечению звёзды.

Предохранявшие мир чары не выдерживали.

Ракот, что же ты, Ракот?!

Нет, Восставший не дремал; его собственная сила вливалась в заклинания, Познавший Тьму ощущал, как названный брат будто плечом подпёр задрожавшие и треснувшие небеса.

Однако тупое намерение их тарана, раздвигавшее ткань предела, не справлялось также. Нити, слагавшие барьер, тянулись на тысячи тысяч лиг, через всё Упорядоченное, и держались крепко.

Нет, не выдерживаем, с отчаянием подумал Новый Бог. Мир сейчас обратится в труху, небеса уже рушатся, судорога боли прокатилась и через земную твердь. Сейчас начнут погибать живые!

«Брат! Остановись!»

«Нет! – раздалось в ответ яростное. – Мы прорвёмся!»

«Весь мир станет прахом! Он уже рушится!..»

«Значит, мы воспользуемся этой гекатомбой, – после мгновенного колебания отозвался Владыка Тьмы. – Павший полк порой оборачивается выигрышем сражения».

Это было не похоже на Ракота, так мог бы сказать истинный Хозяин Мрака, штурмовавший Обетованное и не считавший потерь.

«Мы уничтожим мир, погубим всех и ничего не добьёмся!»

«Добьёмся!» – прорычал Восставший.

Ему явно очень хотелось в это верить.

«Брат, ещё не поздно!..»

Потолок вокруг Хедина рушился, и он знал, что так же рушатся сейчас храмы, до отказа заполненные молящимися.

Однако мир, окровавленный и разваливающийся, подобно берсерку, устремившемуся в гибельную атаку, всё-таки продавливал собой преграду;

страшной ценой, но продавливал.

Вот словно тысячи тысяч голосов вскрикнули разом, и Хедина согнуло жестокой судорогой боли – мир начал распадаться, и погибли первые из обитаемых областей.

Да, силы разом прибавилось, как всегда, – погибавшие «во славу его», с его именем на устах щедро отдавали Хедину последнее, что имели.

И всё-таки они двигались, чужой барьер поддавался, причём именно так, как надо – не разрываясь, но растягиваясь.

Крошилось, трескалось и разрушалось; Познавший Тьму держал в целости таранные чары, однако напряжение в барьере нарастало, нити его натягивались, мельчайшие кристаллы Дальних теряли связность, иные начинали лопаться.

Мир словно бы застревал в дрогнувшем барьере, и тут одна из нитей всё-таки не выдержала.

И одновременно сквозь ничтожную, но всё-таки прореху хлынул огненный Хаос. Потёк, обращая всё вокруг себя в яростное пламя; пожирая всё, включая самого себя.

Небо горело, солнце померкло, но вокруг разлит был алый беспощадный свет. Жалобно кричали девушки-невольницы – их, похоже, заваливало. Марви стонал, но держался.

«Ракот! Хаос!..»

Хаос, который прорвался и жжёт всё вокруг ещё быстрее, чем они, братья-боги, успевают зашивать и закреплять прореху.

Как и выстраивать хоть какую, но защиту от огненного всепожирающего апокалипсиса.

Хедин Познавший Тьму держал сейчас на своих плечах всю громаду вздрогнувшего и начавшего осыпаться Цеха Магов. Пусть они выбегут, пусть они успеют выбежать...

Хаос торжествующе ревел и выл, пламя вздымалось до небес и выше, пожирая всё – камень и воду, воздух и даже собственный огонь этого мира; Хаос пожирал и сам погибал, сгорая в том же горниле.

«Брат!..»

Но, кажется, Ракот и сам понял.

Сила шевельнулась, потекла, и вместе с нею потёк и сам мир, расплавляясь, теряя форму – но отталкиваясь от затягивающейся сама по себе прорехи. Проклятье, медленно, слишком медленно! Нельзя позволить Хаосу разлиться дальше!..

Нет, не успели, не выбежали – Хедин слышал предсмертные вопли тех, кого заваливало рушащимися стенами и перекрытиями.

Пузырь его собственной силы сжался, рядом корчился Марви – старик отдал всё, что у него было.

К Познавшему Тьму бросилась одна из девушек-невольниц, глаза расширены от ужаса, припала, обняла его колени, устремила горящие от слёз глаза:

– Возьми мою жизнь, великий бог!

– И мою! – бросилась следом вторая.

Третья выдернула кривой кинжал из ножен на поясе стонущего Марви.

Волна яростной, полыхающей силы затопила Хедина; эти девочки готовы были отдать жизни ради него, отдать жизни ему, ничего не требуя взамен. Это были не слова, но настоящий, всепоглощающий порыв – и силу он давал тоже настоящую.

Сейчас уже требовалось не прорывать преграду, а пытаться не пропустить Хаос дальше.

Их защита оказалась недостаточной.

План Ракота провалился.

Великое множество безымянных жизней сгорало сейчас в пламени прорвавшегося Хаоса, кипели моря и реки, однако не напрасно – их силой Хедин заделывал прореху в барьере. Теперь он знал о преграде куда больше, чем после всех своих штудий – жуткую цену заплатив за это знание.

...Огненный шторм остановился, когда в ничто обратилась половина приютившего братьев-богов мира. Цех магов обрушился, и, если б не Познавший Тьму, под обломками остались бы все до единого чародеи.

Они выбрались из руин – Хедин и цеплявшиеся за него девушки; Новый Бог на руках нёс почти невесомое тело старика Марви. Нёс, глядел по сторонам, и в сознании билась единственная мысль – это конец. Если рухнет вера в них с Ракотом, им уже никогда не вырваться отсюда. Впрочем, несдобровать и всему, ещё живому вокруг – останавливающаяся сила не даст другого шанса.

Познавшего Тьму шатало. Суть его исчерпала, опустошила себя. Великий Предел выдержал на границе с Хаосом, но теперь требовалось много, много больше.

«Брат...» – негромко позвал он.

Ракот отозвался не сразу, совершенно мёртвым голосом.

«Можешь ничего не говорить».

«Не могу не говорить. Ты должен был остановиться, когда я тебе велел!»

«Что?! – мигом вспыхнул Восставший. – Брат, что это значит?»

«Это значит, брат, что теперь мы исполняем мой план».

Глава 6

О́дин, Отец Дружин; половинчики Фредегар и Робин

...Битва в Хьёрварде ещё длилась, но уже подходила к концу. Водителя Мёртвых больше не было; но приведённые им неживые воители отнюдь не распались бессильным прахом.

Словно ещё чья-то воля, не уступавшая в силе Яргохору, продолжала гнать их вперёд; но, лишившись самого могучего бойца, воинство мёртвых пятилось, шаг за шагом отходило, так что Старому Хрофту удалось даже отправить отряды вправо и влево – туда, где начали бесчинствовать отряды мертвецов.

Сам Владыка Асгарда стоял, тяжело уронив сотканную из молний палицу – схватка с Яргохором далась недешёво.

И всё равно ощущалось присутствие здесь, в его мире, чужой мощи, непонятной и беспощадной.

Не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, кто это.

Спаситель здесь, он полон сил и действует.

И едва ли падение Яргохора его остановит; скорее, наоборот.

К возрождённой Валгалле отправились первые её герои; что ж, места в ней хватит на всех, а ему, Асу Воронов, надо помнить, что пророчество о Рагнарёке в силе. Оно не исполнилось в первый раз, на Боргильдовом поле, оно продолжало ждать.

Дул ветер, гнал тучи, шевеля груды праха над полем боя; земля замерла, оглушённой тяжестью столкнувшихся здесь воинств. Отец Дружин огляделся – к нему ровной, неторопливой походкой, соблюдая достоинство, приближался Дальний.

– Теперь ты доволен, бог О́дин? Ты одолел, собранное нами войско не подвело, не так ли? Однако, где же бог Хедин? Ты уверял, что он не сможет не появиться, что Хьёрвард – это его мир; и что теперь?

– Разве я сторож, – тяжело взглянул Отец Дружин, – Познавшему Тьму?

Губы Дальнего медленно растянулись в улыбке. Сам он, конечно, улыбаться не умел, это всего лишь позаимствованное им тело.

– Ты решил, что легко обманешь нас, так, бог О́дин? Что ты используешь наше воинство, дабы спасти родной тебе мир, а мы ничего не сможем сделать?

– Раз вы затеяли столь сложную игру вместо того, чтобы атаковать, как встарь, самого Хедина – значит, вы согласитесь и с тем, чтобы я спас никакого для вас значения не имеющий Хьёрвард, – пожал плечами Владыка Асгарда. – Тем более если ваши планы совершенно иные.

– Наши планы совершенно иные, и в них не входит измена!

– Где ты увидел измену, Дальний? Ты пришёл ко мне в Асгард, толкуя о деле, что окажется небезвыгодно для нас обоих; я получил свою выгоду, а ты получишь свою.

– Но Хедин...

– Ты разве не чувствуешь, что здесь, у нас по соседству, орудует и Спаситель? Или тебе неизвестно, что Он творит с мирами? Или ты думаешь, что бог Хедин оставит это без внимания?

– Бог Хедин оставил без внимания вторжение мёртвых, – возразил Дальний. – И доселе он не обращал внимания на дела Спасителя, не пытался никак противостоять!

– Разве ты не видел учеников Хедина? Их тени, явившиеся на бой? Познавший Тьму встал на пути Спасителя, Дальний!.. Может, раньше он так и не делала – но не сегодня! Он придёт, придёт именно сюда, нужно лишь немного подождать.

– Я не верю... – начал было Дальний, но Старый Хрофт яростно его перебил:

– Тогда бери это воинство и веди его сам! Ищи бога Хедина, коль он так тебе нужен! А меня оставь в покое.

– Ты нарушил клятву! – проскрежетал Дальний – словно острые каменные грани тёрлись одна о другую.

– Вовсе нет, – пожал плечами Отец Дружин. – Просто ты слишком торопишься. Говорю ж тебе, Хедин придёт. Он не оставит Хьёрвард на поживу Спасителю.

– Мы не можем ждать. Хедин не явился, как ты обещал.

Старый Хрофт пожал могучими плечами.

– В стародавние времена нас рассудили бы великие норны. Они поведали б тебе, что я ни в чём не нарушил клятвы, но ты всё равно им не поверил бы, Дальний. Что ж, выбирай – или ты сразишься со мной прямо сейчас, или...

Дальний застыл, в буквальном смысле окаменев; плоть его в мгновение ока лишилась всех признаков жизни, по волосам, щекам, шее заструились потоки зеленоватых призрачных искр.

Чужой облик стекал с сути Дальнего, словно вода.

Старый Хрофт вскинул сотканную из молний палицу.

Застывшее пред ним создание походило на колонну переливающегося зеленоватого свечения, где медленно проворачивались более тёмные спирали и дуги, словно из чёрного света.

Земля под ним быстро отвердевала, превращаясь в зелёный полупрозрачный кристалл.

Некоторые Древние, поостыв после доброго боя, потянулись к замершему Отцу Дружин, перед которым мерцала и переливалась зелёная колонна.

Она дрожала, по ней бежала рябь, от которой резало глаза и кружилась голова. Нечто, совершенно чуждое привычному миру смертных и бессмертных – но почему, что случилось, отчего Дальний внезапно сбросил личину, которой держался так долго?

– Я не изменял своему слову! – громче бросил Старый Хрофт.

Зелёное мерцание ничего не ответило; оно словно к чему-то прислушивалось, к чему-то невообразимо далёкому.

А потом:

«Мы много говорили, бог Один. Ты пытался обмануть нас и решил, что это тебе удалось. Обстоятельства изменились, и наши планы меняются тоже. Бога Хедина более ждать не стоит, он... исчез. Наше предназначение вот-вот воплотится, осталось совсем немного. Потери частей... досадны. Отклонений от идеала... будет больше, чем мы ожидали».

Всё это возникало в сознании Отца Дружин холодно, безо всяких чувств.

«Но ты изменил своей клятве и потому сослужишь нам службу, хочешь ты того или нет. Поскольку искажений должно быть как можно меньше и самое большое из них – бог Хедин – сейчас вне досягаемости, сделай так, чтобы именуемый Спасителем подольше задержался бы здесь. Пока не настанет последний миг и пока не исполнится наше предназначение. Ты ведь на это надеялся, не так ли? Что ж, дерзай, бог Один. Осталось совсем недолго».

Зелёное сияние гасло, расточалось, словно облако пара. Покрывался трещинами и рассыпался смарагдовой крошкой кристалл, сковавший землю под ним.

Отец Дружин остался стоять, недоумённо глядя на пустое пространство перед собой.

Что случилось? Что за ерунда насчёт «Хедин исчез»? Куда он денется? Нет, конечно, Познавший Тьму мог скрыться, но...

У Дальних срочно поменялись планы. Произошло нечто поистине из

ряда вон – а он, Старый Хрофт, даже ничего и не заметил, не почувствовал?

У Дальних множество замыслов, множество путей к цели; и, если им теперь всё равно, что будет с их армией, что случится с ним, Отцом Дружин, которого они, конечно, покарают – но когда-нибудь потом, – а пока что он может потягаться со Спасителем.

Который тоже, конечно, Дальним в чём-то мешает, но отнюдь не так сильно, как Хедин.

Древние меж тем сползались, сходились и слетались к нему со всех сторон.

– Еда-а? – с надеждой пробасил кто-то здоровенный и чешуйчатый.

Владыка Асгарда выдохнул, расправил плечи, вскинул голову.

– Идите за мной. Еда будет.

...В конце концов, скотина народится новая, а защита от армии мёртвых чего-то, да стоит.

* * *

Фредегар, Робин и лекарь Фиделис с младенцем не успели к сражению. Оно и понятно – куда ты денешься, когда у тебя на руках грудной малыш? Поколебавшись, лекарь решил остаться в городе; невысоклики отправились дальше.

Битву армии Яргохора с воинством бога О́дина они наблюдали издалека, с высокого дерева; и не только наблюдали.

Когда отдельные дюжины и полудюжины мертвяков бодро зарысили прочь от места основного сражения, явно нацеливаясь на ближайшие селения – всю местность вокруг густо покрывали хутора и починки – невысоклики даже вздохнули с облегчением.

Всегда лучше самому браться за меч, чем сидеть и ждать, чья же возьмёт.

Дюжину набежавших скелетов пополам с призраками Фредегар и Робин встретили, как умели – и стрелой, и мечом, и упокаивающими чарами. Аэтерос не жаловал некромантии, но ходячие костяки были излюбленным оружием всяческих спятивших чародеев и прочих нарушителей равновесия, так что волей-неволей кое-чему пришлось выучиться.

Половинчики не остановили бы волну подъятых мертвецов, как на храмовом кладбище недавно; но с дюжиной они справиться могли.

Начарованные стрелы рвали давно мумифицировавшуюся плоть,

дробили кости, раскалывали черепа. Руны, заклятия отвержения и упокоения заставляли призраков трепетать, их бестелесная плоть разлеталась обрывками, словно клочья тумана под ветром.

У невысокликов не было времени на подготовку правильного отпорного круга, вычерчивание пентаграмм и прочего, но справились и без них. Хутор за их спинами так и не узнал о том, что могло бы с ним случиться.

Они видели схватку с Яргохором, однако на подмогу своим не успели – от воинства мёртвых всё время отпочковывались группки неупокоенных, тянули вбок, к жилью; их приходилось останавливать, вылавливать, вбивать в землю или рассеивать.

Однако последний акт свершившегося они рассмотрели.

– Вот тебе и ответ... – прошептал Робин, уронив руки.

– Всех – всех, кроме вампира, – сглотнул Фредегар.

Невысоклики переглянулись. Таких потерь ученики Аэтероса в одном бою ещё не несли.

– Уходят...

– С... с волком?

– Фенриром, – щегольнул познаниями Фредегар.

– Но куда?..

– Волк живой, значит, только в Асгард.

– Но зачем?..

– Не важно, брат. Бог Óдин победил, идём к нему.

...Древние встретили их не слишком ласково. Алчным урчанием, утробным рыком и тянущимися со всех сторон щупальцами, клешнями, хоботами и прочими хватательными конечностями.

Правда, силу они чувствовали безошибочно.

Двое невысокликов, гордо задрав носы, оставили позади ряды насытых чудовищ. Владыка Асгарда резко обернулся, и они поспешно поклонились.

В конце концов, бережёного Аэтерос бережёт, а Старый Хрофт был, все знали, давним если не другом-советчиком, то, по крайней мере, соратником Учителя.

– Преславный Óдин, хозяин Валгаллы! – Фредегар приложил правую ладонь к сердцу. – Как рады мы, смиренные ученики великого бога Хедина, лицезреть тебя во славе ратной и в час твоей победы!..

– Вежлив народ половинчиков, знает он, как надлежит обратиться, – усмехнулся в густые усы Отец Дружин. – Привет и вам, ученики Познавшего Тьму! Что привело вас сюда?..

...Рассказ Фредегара (и постоянно перебивавшего его Робина) длился

довольно долго – пока воинство Старого Хрофта собирало по окрестным деревням дань свиньями, бычками, овцами и прочей живностью. Селяне, бледные от пережитого ужаса – мертвяки кое-где успели до них добраться, – без разговоров делились.

Древние закусывали.

Отец Дружин, сидя под старым дубом, прихлёбывал пиво, с готовностью выставленное деревенскими. Невысокликки пристроились рядом, на здоровенном корне.

– Значит, ученики Аэтероса пошли, чтобы преградить дорогу Водителю Мёртвых... – сумрачно проговорил Старый Хрофт. – Что ж, они уже в Валгалле. Надеюсь, тамошний мёд им придётся по вкусу. Однако скажи мне ещё, Фредегар, ученик Хедина, скажи о лекаре Фиделисе! Я никогда не слыхал ни о ком с подобными способностями. Слишком уж сильно напоминает...

Невысокликки переглянулись.

– Он говорил о себе, как о враге Спасителя.

– Мало ли, кто чего говорит!

– Он помог нам...

– Спаситель и не на такое способен. Что для Него какие-то мёртвые или живые, если Он спасает мир за миром!

– Мы не чуяли фальши в нём, – осторожно возразил Робин.

– Мало кто видит фальшь в Спасителе, ибо Он именно таков, каков есть. Что ж, у Дальних нашлись некие срочные дела в иных местах, а Его они оставили нам.

Ветер шевелил ветвями дуба, нёс с лугов медвяные запахи, перекрывавшие запах тлена с недалекого поля боя; Старый Хрофт сидел, опершись спиной о ствол, прикрыв глаз, дышал медленно и глубоко, наслаждаясь этим внезапно наступившим покоем. Они выиграли битву, великой ценой, но остановили Водителя Мёртвых, невесть как оказавшегося в одной упряжке со Спасителем, но...

Исчезновение Дальнего. Так долго и тщательно выстраивать этот план с ним, Отцом Дружин, и так внезапно всё бросить. Это пугало – когда твой противник выкидывает что-то совершенно неожиданное, самое время оглянуться: не появился ли у тебя за спиной новый враг?

Половинчики почтительно молчали. Хорошо их вышколил бог Хедин, славные они у него, верные и храбрые, несмотря на малый рост. Придутся ко двору в его Валгалле – к тому же непревзойдённые повара, а готовить, похоже, предстоит на многих и многих. И желательно поразнообразнее, чем это было в старом Асгарде.

– Моё воинство не сможет шастать по городам, – проговорил наконец Старый Хрофт. – Я отправлюсь с вами и посмотрю в глаза этого... лекаря Фиделиса. А потом мы отправимся на встречу со Спасителем. Мешает он Дальним или нет, главное, что он мешает нам.

* * *

Город встретил их мрачно и настороженно. И пахло здесь не мёдом с лугов, не радостным разнотравьем, а нечистотами и потом, а ещё – тревогой и страхом.

Низкие серые тучи наплзли с моря, опускались всё ниже, почти к самым шпилям, словно крышка гроба. Громче и громче кричали знакомые уже проповедники, и, казалось, они повсюду, на каждом перекрёстке, на каждом рынке и возле каждой корчмы.

Старый Хрофт шагал рядом с невысокликами, возвышаясь над ними, словно башня. Видавший виды плащ развевался за плечами, на голову Отец Дружин нахлобучил вечную свою широкополую шляпу.

Возле одного из вещавших они задержались.

Бледное лицо, ввалившиеся щёки, безумные глаза; сухие и потрескавшиеся губы, трясущиеся руки, осипший голос. Коричневый монашеский балахон обтрёпан понизу, босые ноги в пыли.

– Покайтесь! Покайтесь, несчастные! – взывал он, даже не думая останавливаться.

– Роб, это тот или другой? – вполголоса спросил Фредегар.

Проповедники казались похожими, словно братья; и больше всего роднил их лихорадочный, полубезумный блеск в глазах.

– Не важно, – ответил Старый Хрофт вместо половинчика. – Они живы, но притом и мертвы. Спаситель по-прежнему скован некими законами, видно, пока не в силах их отбросить.

Монах вперил в них блуждающий взгляд; он смотрел словно бы сквозь и Отца Дружин, и невысок-ликов.

В отличие от предыдущего, этот проповедник не попытался с ними заговорить.

– Идёт! Идёт туча огненная, грехами вскормленная! Мёртвых она будит, голодных и злобных! Нет от них спасения, столь велико число их!..

– На погосте храмовом их и впрямь изрядно было, – проворчал Фредегар.

– А Фиделис всех упокоил!

– Вот на него-то я и погляжу, – проворчал Отец Дружин.
Монах взывал, и, надо сказать, к нему прислушивались.
– На равнине, на полуночь – чудища да твари невиданные пасутся!..
– На дороге, что в Хедебю, – скелет бродит! Свояк сейчас примчал, весь белый, за один день поседел!..
– Не о том ли я вам вещал?! – возвысил голос монах. – И я, и братья мои, смиренные Спасителя нашего слуги?..
– И во храме, говорят, жуть творилась – мертвяки из земли полезли...
– А жрецы их вроде как упокоили...
– Да не жрецы, а Спасителя братия!..
– Точно говорю, они, сыновец мимо ходил, своими ушами слышал!..
На перекрёстке собиралась толпа. Остановилась телега, возчик, разинув рот, слушал проповедника.

Тоскливо взвыл пёс, получил палкой по хребту, с визгом бросился наутёк. Отчаянно замаякал сидевший на заборе пушистый кот, вскочил, выгибая спину. По сточной канаве бежал мутный поток, плыли крысиные трупы.

– Да что же тут творится-то, а? – пробормотал Фредегар, кладя руку на эфес.

Старый Хрофт стоял, надвинув на лицо широкую шляпу.

Безумие захватывало толпу, ещё более заразное, нежели Чёрная Смерть.

– Каюсь! – вдруг взвыл какой-то худо одетый мужичонка, явно из тех, что пробавляются при торжищах случайными заработками – принеси-унеси. – Каюсь, Спаситель наш, и к Тебе припадаю!

Взвыл и рухнул на колени, задёргался, забился.

За ним – какая-то баба, в добротной свитке; и ещё одна, и могучий кузнец – толпа валилась на колени перед иссушённым монахом, словно им всем подружили ноги.

Робин дёрнулся было, но Отец Дружин только покачал головой.

– Не с этими биться надо. Где там ваш лекарь?..

...«Ваш лекарь» нашёлся в таверне, той самой, где последний раз сходились все вместе ученики Аэтероса, прежде чем большая их часть отправилась в последний бой. Румяная молодка держала младенца на руках, улыбаясь, кормила грудью; сам же Фиделис осматривал сидевшего перед ним мастерового с застарелым свищом на локте. Рядом стоял другой, с таким изумлённым видом щупая челюсть, словно только что вновь её обрёл.

– Вот он, лекарь...

Старый Хрофт шагнул внутрь, приподнял шляпу, вглядываясь.

И врачеватель тоже тотчас остановился, ланцет в его руке замер.

– Погоди, досточтимый, – проговорил он миг спустя ровным голосом. – У меня больной.

Отец Дружин молча кивнул.

Фредегар и Роб осторожно присели в сторонке. Теперь было время оплакать погибших друзей; при Древнем боге Óдине они не решались.

Сейчас же, когда две силы сошлись лицом к лицу, они могли отдать долг.

Лекарь Фиделис быстро и чётко сделал надрез, сразу же провёл поверх ладонью; мастеровой дёрнулся, по руке его тёк гной вперемешку с кровью, однако врачеватель, выдохнув и выпрямившись, убрал пальцы: там, где только что была рана, красовался лишь розоватый рубец.

– Не болит? – чуть задыхаясь, проговорил он.

– Н-нет... – ошеломлённо пролепетал пациент.

– Скоро чары развеются, рана заноеет. Но через два дня пройдёт. Потерпишь?

– Да-а... – Мастеровой широко раскрытыми глазами глядел на собственную руку. – Ох, досточтимый... спасибо тебе. Вот, прими... не побрезгуй...

Фиделис взглянул на робко протянутый мешочек.

– Ступай ко храму, любому, – звучно сказал он, – и раздай всё это нищим. Себе же я оставляю одну монету, на пропитание мне и младенцу.

– Всех богов за тебя молить стану, почтенный! – Мастеровой пятился, всё время кланяясь.

– Да что ж ты спину-то ломаешь, я не король, чтобы передо мной гнуться, – усмехнулся Фиделис. – Ступай, добрый человек, и сделай сегодня хотя бы одно доброе дело. В то верю и на то уповаю!

Старый Хрофт проводил мастерового взглядом, шагнул к лекарю.

– Привет тебе, великий Древний, – проговорил тот спокойно.

– Тебе ведомо, кто я?

– Мне неведомо твоё имя, но то, что ты – Древний, я увидел бы и с другого конца сего достойного града.

– Твоя речь – ты словно родился здесь!

– Я видел множество миров, досточтимый, и смерть отказалась меня принимать. Поневоле научишься ловить и делать своими чужие наречия. Чем я могу помочь тебе, великий?

– Кто ты? – в упор спросил Отец Дружин. – Спрашиваю по праву того, кто был здесь первым, в этом мире и над его небом, кто возводил стены

обиталища древних богов, кто принимал в своих залах павших героев. Óдин моё имя, и я правил здесь, когда вселенная и слыхом не слыхала ни о Молодых Богах, ни об Истинных Магах, ни даже о Спасителе!

– Óдин, – повторил лекарь, словно пробуя на вкус имя владыки Асгарда. – Я уже повествовал о себе вот этим двум славным и добрым невысокликам, отважным воинам. Думаю, они успели поведать тебе всё, что знали; я же к тому рассказу добавить ничего не могу. Γνῶθι σεαυτόν^[7], как говаривают в одном далёком мире, «познай себя». Увы, я не могу похвастаться этим. Я говорил храбрым Фредегару и Робину, что родился смертным, и сам не ведаю, какие силы сделали меня тем, кто я есть сейчас. Быть может, ты, Древний, сможешь лучше ответить на свой же вопрос.

– Зачем ты здесь?

Фиделис вздохнул.

– Тебе не сказали? Остановить Спасителя.

– Как?

Врачеватель покачал головой.

– Добрым словом. Добрым делом. Надеждой. Верой в лучшее. Понимаю, Древний, ты привык полагаться на собственные храбрость и оружие, на чары и заклятия. Но Спаситель как раз и есть то, против чего они бессильны.

– Спаситель уже здесь, в этом мире, – нахмурился Отец Дружин. – Что ты собираешься делать, лекарь Фиделис? Проповедовать добронравие, надежду и прочее? Прекрасно, скажу я, но осталось ли для этого время? И, уж коль об этом зашла речь – удалось ли тебе сберечь хоть один мир?

– Нет, – печально вздохнул врачеватель. – Но иного пути нет.

– По дороге сюда, – Старый Хрофт с трудом сдерживался, – мы видели толпу, готовую лишиться рассудка, призывая Его. Никакие «добрые дела» с увещеваниями тут не помогут.

– А что же, по-твоему, поможет? – ровным голосом спросил Фиделис.

– Никто не знает, что будет, если, скажем, пресечь существование всех, кто взывает к Нему. – Кулак владыки Асгарда сжался. – Я не выходил один на один со Спасителем, но знаю, что стоило Ему появиться, как все впадали в ужас и отчаяние, никто не пытался противостоять и Он побеждал. Раз за разом. Так что ты делаешь здесь, лекарь? Что изменят твои несколько добрых дел?

– Обычно, – опустил глаза Фиделис, – там, где я появлялся, мне удавалось отсрочить Его окончательную победу. Быть может, если вы сумеете отвлечь Спасителя на себя, я смогу вдохнуть надежду и веру в...

– Красивые слова, – рыкнул Старый Хрофт.

– Почему же? Если вам, досточтимый Древний, и этим добрым невысокликам удастся привлечь Его вни...

– Ты уже говорил это. Быть может, тебе и удастся успокоить город; но что до всего остального мира?

– Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю.

– Иными словами, такой точкой должен стать этот город?

Фиделис кивнул:

– Хорошо. За неимением лучшего последуем твоему плану. Но сам-то Спаситель, где он сейчас? Как нам Его отыскать?

– Его не придётся отыскивать. – Лекарь виновато развёл руками. – Он придёт сам. Почувствует меня и угрозу. Так уже случалось, почтенный Древний, и не раз. Но тогда со мной не было вас. И у меня не было вот его, – он кивнул на младенца, мирно спавшего на руках кормилицы.

– Его? Этого младенца? – удивился Старый Хрофт. – Слышал я о таинственных и великих силах, что якобы таил в себе череп Его нерождённого сына...

– Это не Его сын, – покачал головой Фиделис.

– А кто же?

– Это Он сам, – улыбнулся лекарь.

– Ты бредишь, лекарь. Твой ум помутился, – надвинулся на врачевателя Отец Дружин. – Я знаю истории Спасителя, Он является в мир – обычно рождается в нём – творит чудеса, обретает последователей, основывает церковь, а потом гибнет от рук жестоких и несправедливых гонителей, успев возвестить, что в один прекрасный день Он вернётся, когда Его призовут верные, в час их величайшей нужды. И потом Он на самом деле возвращался, только вот...

– Разными путями, – перебил Фиделис. – Он возвращался разными путями. Иногда снисходил с небес во всей славе своей. Иногда воплощался в одном из своих адептов. А ещё иногда рождался в подлежащем спасению мира.

Владыка Асгарда уставился на посапывающего розовощёкого малыша. Ничто не напоминало, что его совсем недавно в буквальном смысле достали из-под земли.

– Не могу понять... – проговорил он враз осипшим голосом. – Как так? Но... младенец же умер? Зачем это Спасителю? Столько трудов – ради детского трупики? Что Он обретёт с этого?

– Из того, что я знаю, – негромко проговорил Фиделис, – чем крепче мир, чем труднее его опрокинуть в хаос и «спасение», тем больше «правил» приходится выполнить даже самому Спасителю. Если Он

«рождается» – значит, так просто с миром не совладать. Мне это не доказать, но всякий раз, когда я оказывался у Него на пути – случалось именно так. Он забирал душу младенца, замещая её собой; не спрашивай меня, могучий Древний, как именно Он это проделывал или зачем Ему это было нужно. Мне ведомо лишь, что существуют могущественные запреты, обойти которые не в силах даже Он. Нет в пределах сущего силы, не подчиняющейся вообще ничему. Дивно и многомудро устроил всё великий Творец!

– Творец? Что ведаешь ты о нём, лекарь?

– Только то, что всё сущее – часть его великого плана, – скромно потупился Фиделис. – И Спаситель, и наша борьба с ним.

– Часть или не часть – dokonчи с младенцем! – потребовал Отец Дружин. – Если это Он, зачем же ты оживил его, как уверяют вот эти двое?

– Мы вернули обратно душу этого ребёнка, – очень серьёзно пояснил врачеватель. – Ребёнка, а не Спасителя.

– А зачем тогда Ему нужна была смерть этого бедолаги?

– Он воплощался и получал свободу.

– А теперь?

Лекарь смущённо отвернулся.

– Никто не знает наверняка. Но я ощущаю сильнейшую связь этого малыша с Ним. И потому уверен, что Он не замедлит явиться.

– И что тогда? Чем Его останавливать? Добрыми делами?

Фиделис вздохнул.

– Нам придётся испробовать всё самим.

– Значит, ждём?

– Не просто ждём, великий Древний. Не просто.

...И он действительно «не просто ждал», этот странный лекарь Фиделис из ниоткуда. Он пошёл улицами града, среди толп побросавшего обыденные занятия и мечущегося народа – искать проповедника Спасителя долго не пришлось.

Вокруг него плотным кольцом стояли люди – многие, впрочем, на коленях. Молитвенно сложенные руки, обезумевшие взоры.

– Хорошо, хорошо, хорошо! – всплёскивая руками, каркал монах, нависая над слушателями. – Вижу усердие ваше, чада Спасителя, владыки нашего! Зовите его, взывайте к нему, всеми силами, всем сердцем!

– От чего же должен Он спасти малых сих? – вдруг сказал Фиделис, бестрепетно шагнув сквозь толпу. Руки скрещены на груди, голова гордо поднята. – От какой участи?

– Ты кто? – вперился в лекаря монах, глаза его расширились. – Как

смеешь ты...

– Смею! – перебил врачеватель. – Так какими бедствиями грозишь ты этим беднякам?

– Иль не знаешь ты?! Мертвецы восстали из могил, идут на нас великим воинством!.. Живых зубами грызут, когтями рвут, и нет никому спасения!..

– Мертвецы восстали, говоришь? – усмехнулся лекарь, несмотря на угрожающий гул толпы. – Верно, явилась к нам из иномирья их армада, да только вся полегла – здесь, поблизости, на полночь от Бирки, и полудня пути не будет!.. Всё поле их вторично убитыми останками усеяно, оружием ломаным да пробитыми доспехами! Здесь, в самом граде – слышали небось – восстали было мертвяки во храме, да недолго бегали, все обратно упокоились, только ногами и подрыгали чуток!

В толпе кто-то хихикнул.

– Что там говорите? – стремительно обернулся Фиделис, пока монах застыл с разинутым ртом – хотя никто ничего не говорил. – Скелета, мол, на дороге в град видали? А вы помните, что нет ничего лучше супротив всех и всяческих костяков, чем хорошая дубина! Мечом-то или копьем его несподручно, а вот палицей, или дрыном, или колом, или даже оглоблей – у кого силы достанет – так очень даже способствует! И хрюкнуть не успеет, враз обратно упокоится!

Народ начинал смеяться, сперва робко, потом всё более охотно.

– Что такое сей костяк ходячий? – громогласно вещал меж тем Фиделис. – Мертвец, простыми чарами движимый! Как вода жернова мельничные вертит, иль ветер, глазу невидимый, – так и заклятия, для нас незаметные, руки-ноги ему двигают! Нечего тут бояться, нечему тут удивиться – сами знаете, магия многое может!

– Точно! – гаркнул Отец Дружин.

– Правильно! Верно! – в два голоса подхватили невысоклики.

– Молчи, проклятый! – заверещал монах. – Хулу изрыгаешь, будешь ты проклят с ими со всеми!

– Одержим ты, братец, – снисходительно бросил лекарь. – Силой чужой одержим, ну да это мы сейчас поправим!

Правой рукой он ловко схватил дёрнувшегося проповедника за запястье, левую – положил на лоб. Монах заверещал было, тонко, попорсячи, но тут же обмяк, глаза у него закатились, и он рухнул бы наземь, если б лекарь не успел подхватить.

– Вот и всё, добрые люди, – спокойно сказал Фиделис, выпрямляясь. – Болеть головная его обуяла, несчастного. Коль случается такое, болтает

недужный без умолку, сам не зная что, и сам в это верит. И других убедить сможет.

Народ таращился на лекаря, и Старый Хрофт с Фредегаром и Робинотом не исключение.

– Так мертвяки-то... – начал кто-то.

– А что мертвяки? – задорно перебил врачеватель. – Если злодей какой, некромансер их из-под земли выгнал – того найти, изловить и судить судом праведным. А монахов этих, про Спасителя кричащих – не слушайте! Ещё и не то расскажут. Глазом моргнуть не успеете, как всё нажитое им отдадите!

– А с этим-то что делать? – крикнул дородный купчина из первых рядов. – Мож, с него и начать? Вздёрнуть, пятки припечь, да расспросить с пристрастием!..

– Нет, люди добрые! – Фиделис поднял руку. – Мучительствовать – это не дело. Бедняга этот – не злодей, не лиходейщик, не тать ночной. Избезумился он, такого лечить надо, а не на дыбу. Расходитесь теперь, расходитесь – а я дальше пойду, много таких крикунов объявилось.

– Да! – не унимался купчина, задирая бороду. – А остальные-то откуда?

– Оттуда же, откуда мертвяки взялись! – ни на миг не смутился лекарь. – Врагов у мира нашего хватает, иные и чародейством владеют! Смутить вас хотят, вражду посеять, страх, разброд с нестроением!..

– А как же сыскать лиходеёв-то?

– Вот мы с друзьями и ищем!..

...Люди расходились медленно, трясая головами, словно избавляясь от тяжкого наваждения. Тощий монах так и лежал себе без движения, едва дышал.

Любопытный купец, однако, так и остался подле Фиделиса.

– Прощения прошу, почтеннейший, – снял он богатую шапку. – Однако вельми хотелось бы мне споспешествовать, хоть в чём. А и нагнал же страху этот... бродяга.

– Что ж, идём, добрый человек! – не стал чиниться Фиделис. – Прав ты, споспешествовать в деле нашем нужно, пока народ совсем не обезумел.

Купчина надел обратно шапку, зачистил, то и дело оглядываясь на Старого Хрофта и невысокликов:

– Непрост ты, сударь мой лекарь, да и спутники твои непростые!.. Скажи, что делать теперь, что сотворить?

– Вот как увидим ещё говорливого монаха, так сразу мне помогать станешь. Станет народ шуметь – а ты не бойся, им поперёк говори.

...Долго искать проповедующих Спасителя не пришлось. На торге Хедебю, на его знаменитом базаре, взобравшись на телегу, вещал ещё один монах, и на сей раз Роб с Фредегаром его узнали.

– Тот самый.

– Первый.

– А откуда вы сами-то будете, господа невысоклики? – тотчас встрял купчина, словно было это сейчас невесть как важно.

– Издалека, – отмахнулся Роб.

– А...

– Гей, вы, грешники, несчастные, от рождения в утробах проклятые! – неслось над торжищем, и Фиделис решительно полез вперёд сквозь толпу. Старый Хрофт, половинчики и купец – следом.

Да, это был тот самый проповедник, с которым Фредегар и Робин столкнулись в самый первый раз, только сделался он ещё бледнее, худее и безумнее. И уже не просто вещал, пророча всевозможные ужасы и бедствия; его окружала аура отчаяния и безнадёжности, в складках коричневой рясы таилась сила.

– Грядёт конец мучительный, конец неминуемый! Мёртвые из погостов встают, чудища бродят за околицей, у самых врат Хедебю златокипящего! Пламень небеса заливает, к земле спускается – молитесь, братья и сёстры, усерднее Спасителя призывайте!

Старый Хрофт в некоторой растерянности пробирался через толпу следом за лекарем. В низко надвинутой старой шляпе, в старом выцветшем плаще, бывшем когда-то синим, – его можно было бы принять за седого бродягу, если б не стать. Владыке Асгарда случалось хаживать так по земле, от селения к селению, и ему приходилось прятать собственную силу – в Хьёрварде хватало чародеев, способных узнать Аса под неказистой одеждой путника; сейчас же он ничего не прятал, но никто даже не поворачивал головы в его сторону, хотя где-где, а на большом торжище Бирки надо было очень постараться, чтобы хозяина Валгаллы бы не узнали.

Ведь даже в долгие годы изгнания, когда он жил глухим отшельником на севере, когда в гости к нему захаживал молодой в то время маг Хедин, в Бирке и Хедебю отыскились бы те, кто слышал о Древнем, обосновавшемся за Живыми Скалами.

И невольно Отец Дружин подумал, что за столько веков город вокруг почти не изменился, словно какая-то сила удерживала всё в неподвижности, в мертвящем равновесии.

Те же купцы, те же кузнецы, кожемяки, древоделы, гончары, шорники, ткачи, охотники... Почти такие же, как и сто, и триста, и пятьсот лет назад

мечи, топоры, луки; на месте отца стоит сын, потом внук и правнук.

Там, внешне не меняясь, тысячелетиями вздымается к небесам древний лес, такой же, как и в дни далёкого прошлого.

Но люди – не деревья, как такое возможно?..

Владыка Асгарда играючи раздвигал толпу, Фредегар и Робин скользили в ней, словно пара рыбёшек.

– Воззрите! На небеса гляньте! – зычно выкликнул проповедник, воздевая руки.

И да, посмотреть было на что.

Казалось, солнечный диск наполнился кровью; голубизна летних небес исчезла, серые облака, затянувшие всё от горизонта до горизонта, быстро краснели – словно в воду плеснули алым.

– Грядёт! Грядёт! – заверещал монах и толпа мигом подхватила:

– Грядёт! Грядёт!..

Фиделис меж тем оказался возле самых первых рядов, там, где народ густо стоял на коленях, трясаясь и не замечая ничего вокруг.

– Мертвяков твоих уже никто не боится, за облака с небесами взялись? – громко крикнул лекарь, складывая руки рупором – прямо в лицо монаху.

Однако этот проповедник оказался покрепче. Он не смешался, не сбился, он словно не услышал Фиделиса, продолжая громко, во всю мощь взывать:

– Близок конец! Огнём горит небо, земля отдаёт мертвецов! Зрите, зрите люди – вот он, Спаситель ваш! Падите ниц все, все падите!..

И точно – среди клубящихся, кровью окрашенных облаков словно раскрылись сияющие врата, из них полился золотистый свет, и в нём возникла тёмная фигура, человеческий силуэт, громадный, если прикинуть расстояние.

В воздухе возникали одна за другой ступени, по ним Он начал спускаться, и толпа взывала.

– Я же говорил, – хладнокровно обернулся к спутникам лекарь, – что Он сам придёт к нам.

Купец дрожал крупной дрожью, но держался.

– Это что ж такое, государи мои, – бормотал он, – так, выходит, не врали они, монахи-то энти?

– Врали. Потому что не спасать Он идёт сюда!..

– Так, а делать-то, делать-то что, господин хороший?

Лекарь быстро обернулся. Сейчас они впятером могли делать что угодно – толпа тряслась, стоя на коленях, воздевши целый лес рук,

качающихся, словно поле под ветром. Можно было обчищать карманы, перерезать горла – никто бы ничего не заметил.

Роб натянул тетиву, целясь в монаха, тоже павшего на колени и так же трясущегося, как и все остальные; Фиделис, однако, покачал головой.

– Нет. Не поможет.

Старый Хрофт повёл плечами, сбрасывая плащ. В руке заискрились молнии, складываясь в могучую палицу; хотя Отец Дружин сейчас ощущал, насколько велика и страшна надвигающаяся на них мощь.

– Он придёт к нам, прямо к нам, – повторил лекарь, бледный, но спокойный. – Его план нарушился, ему не хватает... себя. Он будет уязвим, почтенный Древний, и вы, добрые воины. И ты, купец Олаф, знай, что для тебя Он – тоже уязвим. Оружие есть?

– Как не быть?! – Купчина гордо явил всем широкий и толстый тесак.

– Вот им и станешь сражаться, коль нужда придёт.

– А почему это с монахом не поможет? – поинтересовался купец Олаф. – А с кем тогда поможет?

– Вот с Ним, – кивком указал Фиделис. – И ничего не бойся, купец! Ах, если б с нами сейчас была вся округа...

– Так за чем же дело стало? Я б всю свою лавку привёл, всех приказчиков да закупов, всех работников! – гордо развёл тот плечи.

– Тут не просто привести... – начал было лекарь, но его перекрыл рёв толпы:

– Спаси нас! Спаси, спаси, спаси!..

Алое небо опускалось вместе с приближающейся фигурой, золотистые ступени исчезали, и само сияние сужалось, словно стискиваемое грубыми ручищами кроваво-красного зарева. Спаситель спускался.

– Ему некуда деваться, – сквозь зубы и вполголоса проговорил лекарь. Впрочем, он может хоть кричать – никто более не обращал на них внимания. Тысячи рук, вскинутых в мольбе; тысячи ртов, разорвавшихся в крике.

Казалось, невозможно проложить путь через это беснующееся многолюдство, однако Фиделис как-то проложил, за ним, словно нить за иголкой, тянулись половинчики, Старый Хрофт и купчина Олаф, деловито щупающий тесак у пояса и, похоже, совершенно потерявший страх.

– Фиделис, почтенный, но разве Он сможет вот так сразу отыскать младенца? Ты уверен, что Спаситель явится прямо сюда? Сюда, к тебе?

Лекарь молча кивнул.

– Как только Он ступит на землю, могилы раскроются. Так всегда бывало; быстрее или медленнее, но бывало. Дайте мне немного времени,

как тогда, в храме. – Врачеватель бросил взгляд на невысокликов, и те дружно кивнули.

– И что ты сделаешь, лекарь? Быть может, здесь пригодилось бы моё воинство?

– Оно ещё пригодится, Великий Древний Бог. Я бывал во многих мирах, куда Он ставил свою стопу. Это не самое приятное зрелище, поверьте мне.

– Так, а как останавливать-то Его? – деловито осведомился купец. – И тебе, почтенный лекарь, раньше-то это удавалось?

Фиделис опустил голову.

– Сейчас всё увидим.

Голос монаха меж тем совсем утонул в рёве и стоне толпы; утонул, но не исчез. Он словно дирижировал этим исполинским хором, задавая темп и ритм.

– Эх, – обернулся купчина. – Этакого враля-заводилу и оставлять в целости, даже по челюсти не двинув!..

– погоди, ещё успеешь, – не оборачиваясь, посулил лекарь.

Спаситель был уже рядом, над черепичными крышами богатых хором града; над ним всё тонуло в кипящей алой мгле, облака послушно тянулись следом. Свет почти померк, всё сделалось цвета крови; единственный луч бил из узкой прорехи за спиной Спасителя; лик Его по-прежнему тонул в тени.

Старый Хрофт ощущал, тем не менее, чужой взгляд, упирающийся из этой тени прямо в них. Спаситель видел их всех, сознавал, что они тут, и понимал, кто они такие.

Ты слишком много играл со смертью, Отец Дружин. Пытаясь вырвать те или иные тайны, ты уходил слишком глубоко в её владения. Искру Пламени Неуничтожимого не погасить, ты доказал, что даже павшие боги могут вырваться из серых пределов, но...

Но ты не знаешь, в какой степени властен над ними теперь Спаситель.

Мысль эта пробила владыку Асгарда подобно раскалённому гвоздю, вбиваемому палачом. Он не знал – он не думал – не подозревал об этом! Он никак – никогда не – но...

Спаситель смотрел из тьмы прямо на них, выжидательно, предупреждающе. Ему не требовалось слов или угроз, хватало взгляда.

– Лекарь, – утробно прорычал Древний Бог, – если ты знаешь, что делать, клянусь моими священными браслетами, время пришло!

По виску врачевателя скатилась капля пота; вокруг неистовствовала толпа, ничего не видя вокруг.

Спасителю оставалось сделать лишь несколько шагов; пространство, куда Он должен был ступить, как-то само собой расчистилось, люди пятились, давя друг друга.

Лицо Его по-прежнему скрывала тьма; беспощадный свет лился из-за спины, лучи начинали обжигать.

Фиделис стоял, расправив плечи, запрокинув голову и глядя прямо туда, где следовало находиться глазам Спасителя. Сразу за ним – половинчики, ещё дальше – Старый Хрофт и купец Олаф, которого уже начинала бить крупная дрожь.

– Остановись, призрак! – Лекарь высоко поднял руку, и голос его разнёсся надо всей площадью, перекрывая рёв толпы. – Стой, пустота. Ты не воплотился здесь; ты бессилен.

Врачеватель развернул ладонь в отстраняющем жесте, словно упираясь в незримую преграду.

Казалось, ничего не изменилось, так же исступлённо молился люд Хедебю, так же колыхался лес воздетых рук; но Старый Хрофт ощутил, как задёргался оставшийся позади монах, дирижировавший толпой.

– Э-э, ку-уда? – рыкнул купчина; его ручища перехватила запястье монаха, успевшего выхватить нож.

Старый Хрофт обернулся, взгляд его столкнулся со взглядом монаха – глазницы его залило чернильной тьмой. На Отца Дружин двигался уже не человек – его скорлупа, пустая оболочка, заполненная чем-то совершенно нелюдским, жутким.

Монах зашипел, дёрнулся, и рука его, теряя человеческие очертания, вырвалась на свободу; нож с быстрой разящей змеи сверкнул у самого горла Олафа, но купец, видать, был ловок, не только зазывая покупателей.

Тесак успел подняться для защиты, сталь заскрежетала о сталь, и Отец Дружин смог размахнуться.

Палица из слепяще-белых молний обрушилась на голову существа с ножом, вмяла её в плечи, словно в мягкую перину; потёртый балахон пробило сотнями сияющих игл; руки, обратившиеся в подобия щупалец, разжались, нож со стуком упал под ноги Олафу.

– Ты – пустота и ничто, – Фиделис продолжал меж тем выкрикивать прямо в лицо Спасителя. – Ты отец лжи и обмана! Ты мираж, брошенный на истинную надежду!..

Балахон монаха валялся недвижимо; то, что скрывалось в нём, исчезло без следа.

– Обман один, – подивился купец, не торопясь убирать тесак в ножны. На него, похоже, не действовал ни рёв толпы, ни даже близость

Спасителя. – Эх, жалко, других убедить не успели...

Не успели.

Спаситель ничего не отвечал Фиделису, но и не двигался вперёд, словно не в силах сделать эти последние два шага и коснуться, наконец, хьювартской тверди.

– Без меня ты – ничто. Без того младенца, – продолжал лекарь, бросая каждое слово, словно стрелу, – тебе не воплотиться; поворачивай, пустая форма, уходи, откуда пришёл, возвращайся в бездну, тебя породившую! Ты есть великий обман, ложь, ничего больше!..

Но Спаситель не повернулся и, судя по всему, поворачивать и не собирался.

Он едва заметно шевельнулся, лёгкая рябь прошла по тьме, заменявшей Ему лик, и Отец Дружин невольно подумал о Водителе Мёртвых; неудивительно, что Яргохор оказался предтечей Спасителя, их словно сотворило из одного и того же – или они сами превратились в одно и то же.

Спаситель шевельнулся, и дома вокруг рыночной площади стали оседать и рушиться; нет, не потому, что Он вдруг обрёл полную власть над камнем и деревом; Старый Хрофт увидел, как из-под груды раскатившихся брёвен выполз первый мертвяк.

Старые города стоят на костях. На старых, додревних, забытых погостах. На могилах, от которых не осталось даже памяти. Первым шёл лес, накрывая собой кладбища; а за ним – вернувшиеся люди.

Каждый город есть исполинский тайный могильник, и потому Спасителю не требовалось особенно усердствовать в поисках.

Мёртвые поднимались из развалин, ковыляли к площади; у иных, особо древних, обломки досок, жердей с успехом заменили недостающие кости. Некоторые так даже щеголяли кухонной утварью: ухватами, скалками, кочергами...

Спаситель стоял. Люди продолжали взывать к Нему, как заведённые, не в силах вырваться из заколдованного круга.

И небо по-прежнему закрывали тёмно-багровые тучи.

Среди мертвяков замелькали балахоны проповедников. Были ли они изначально людьми, и лишь потом утратили собственную суть, обратившись в призраков Спасителя, или с самого начала состояли из подвластной Ему пустоты – кто знает?

Но сейчас они шли в одних рядах с мёртвыми, и это единственное, что имело значение.

Старый Хрофт широко размахнулся палицей.

– Нет! – успел выкрикнуть Фиделис. – Останови тех, великий Древний! Ему нужны души, без них Он слаб!..

Лекарь и Спаситель так и остались стоять лицо к лицу; половинчики, Олаф и Отец Дружин пробивались сквозь толпу.

Мертвяки надвигались – пока немного, наверное, пяток или около того в горловине каждой из улиц; шли медленно, ковыляли, спотыкаясь и едва не падая; но Отец Дружин слишком хорошо знал, на что они способны, дай им добраться до живых.

А Фиделис, не останавливаясь, всё выкрикивал и выкрикивал что-то в лицо Спасителю; тот, казалось, внимал, а может, просто ждал.

Что ж, с этими мертвяками мы справимся; но пора уже звать сюда воинство Древних, а то, пожалуй, оно там заскучало!..

Засиделись они там, застоялись. Пора им в дело, а то забалуют.

...Древние отозвались всем многоголосьем. Они были сыты, а когда Древний сыт – он не прочь и подраться.

Первые из крылатых воинов Отца Дружин появились над градом, когда мертвяки как раз дошагали до площади и навстречу им свистнули первые стрелы Фредегара и Робина.

Старый Хрофт размахнулся палицей и ближайшую троицу скелетов, гротескно-смешных, наполовину состоявших из поленьев и кухонной утвари; их смело сразу. За ними по обратившейся в развалины улице спешили новые, и за спиной Отца Дружин начинали кричать заметившие их люди.

Мелко играешь, Спаситель, подумал Старый Хрофт.

Над головой Владыки Асгарда прошелестели широкие крылья; сверху рухнула стремительная тень, подхватила сабельной длины когтями сразу полдюжины ходячих костяков, взмыла вверх, и там, на высоте, отпустила.

Асу Воронов и половинчикам волей-неволей пришлось рассыпаться. Купчина Олаф повертел свой тесак, сунул в ножны и подобрал увесистый дрын. Каждый взмах его дробил в пыль черепа, ломал мослы, крушил рёбра и берцовые кости; Фредегар и Робин сшибали стрелами мёртвые головы, однако долго так длиться не могло, колчаны у невысокликов были не бездонные.

В общем, помощь подоспела вовремя.

Умевающие летать Древние подхватывали неуспокоенных, швыряли с высоты, рвали, дробили и плющили. Через развалины пробирались тяжело топающие бронированные исполины, готовые поддержать крылатых собратьев.

Старый Хрофт обернулся. Спаситель и лекарь Фиделис так и смотрели

друг на друга, и Спаситель по-прежнему не мог совершить последнего шага.

– Э-гой! – молодецки крикнул Олаф, лихо крутя шест над головой. – Ничего! Продержимся! С таковой-то под...

Сверху, с груды брёвен, ещё совсем недавно бывшей нарядным и зажиточным домом, прямо на них бросилась стремительная тень, за ней – ещё и ещё.

Отец Дружин развернулся; этих тварей он знал. Не то, чтобы хорошо – некромантия никогда не была его уделом – но знал.

Костяные Гончие.

Купец, однако, не дрогнул и не растерялся.

Первую он поймал острым концом кола, с треском ломая высохшие кости, но три другие его повалили, с жутким мокрым хрустом заработали длинные челюсти.

Купец Олаф не кричал, не катался в агонии – он, похоже, умер мгновенно, и три отвратительные бестии рвали сейчас безжизненное тело; а на той же груди развалин появилась ещё одна гончая.

И в челюстях она держала отчаянно пищащий свёрток.

Отца Дружин словно обожгло молнией.

Всё было обманом, всё – кроме этой четвёрки Костяных Гончих (одна так и осталась корчиться, насаженная погибшим Олафом на крепкий кол). Кроме четвёрки мерзких чудовищ, обычно вызревавших в глубине разупокоенных погостов, как в коконах, – всё было обманом.

Старый Хрофт ринулся наперерез Гончим, размахнулся палицей; с небес на их четвёрку уже падали двое крылатых Древних; две Гончие, развернувшись, бросились на них, вцепляясь когтями и клыками, пытаясь дотянуться до брюха и горла, но напрасно – могучие лапы летучих созданий разорвали тварей напополам.

Ещё одну они растянули в стороны, чуть ли не забавляясь.

Однако последняя, пятая Гончая, державшая в зубах младенца, добралась-таки до Спасителя.

Фиделис не шелохнулся, не встал у неё на пути, и Древние разорвали тварь точно так же, как и её товарок, но было уже поздно.

Пищащий свёрток оказался у Спасителя – плавал на бестелесных руках; видны были лишь складки одеяния, но ни кистей, ни пальцев, один только мрак.

А потом неоформившееся тёмное поглотило свёрток, и детский писк оборвался.

Небеса над Хедебю раскрывались, вниз устремлялся поток

сверкающих белоснежными крыльями фигур.

Ангелы с длинными мечами.

Спаситель ступил на землю, широко развёл руки, словно пытаясь обнять сразу всех и всё; Он обретал плоть, тьма рассасывалась, уходила, вместо неё появлялись черты скорбного лица, сухие пальцы, печальный взгляд.

Замершая было толпа выдохнула разом:

– Спаси! Спаси! Спаси!

Ангелы мчались вниз, а Спаситель стоял лицом к лицу с лекарем Фиделисом, и ни один из них не двигался.

Свистнула меткая стрела кого-то из половинчиков, вонзилась точно в висок Спасителя, брызнула кровь, голова его мотнулась; но миг спустя Он уже стоял, как ни в чём не бывало, целый и невредимый, а вот у него ног застыл убитый наповал мужчина в бедной и драной одежде, с засевшей в голове стрелой.

– Не думай, что ты победил, – услышал Старый Хрофт слова Фиделиса.

Лекарь повернулся спиной к Спасителю и теперь шёл навстречу Отцу Дружин; людское море, казалось, совершенно обезумевшее, расступалось перед ним и вновь смыкалось за спиной.

Спаситель глядел ему в затылок со всегдашней своей печалью; крылатые соратники Владыки Асгарда кружили над площадью, а с самых верхов, разорвав небо, спускался целый сонм ангелов.

Над руинами вновь возникли морды Костяных Гончих, целая дюжина их ринулась прямо к Фиделису; следом из развалин поднимались уродливые головы Костяных Драконов – Спаситель поистине властвовал и над жизнью, и над смертью.

Всё это воинство ринулось на одну-единственную цель – лекаря Фиделиса; однако тут их уже было чем встретить.

– Не связываемся! Прорываемся! Уходим!

Старый Хрофт увидел, как из уголков глаз врачевателя покатались кровавые слёзы.

– Куда уходим? – гаркнул Отец Дружин, указывая на приближающийся сонм ангелов. – От этих не уйдёшь!

Фиделис лишь покачал головой. Заметил распростёртого купчину Олафа, дёрнул головой, опрометью бросился к неподвижному телу, склонился над ним – и Владыке Асгарда почудилось, что земля поплыла у него под ногами.

– Охо-хо... – раздался стон. – Эк же меня... всё платье на выброс...

Подбежали запыхавшиеся невысоклик. Спаситель спокойно стоял,

скрестив руки на груди, посреди павшей на колени толпы и смотрел им вслед, смотрел печально и словно бы даже с сочувствием.

Олаф приподнялся, изумлённо глядя на собственную грудь и руки, залитые кровью. Его собственной.

– Уходим, – мрачно проговорил Фиделис. – Уйдём, я всё объясню...

Старый Хрофт понимал, что сейчас лучше не спорить; и потому он, как мог споро, стал отзываться своих Древних.

Он чувствовал, что эта схватка точно не станет последней.

Интерлюдия 3

Ан-Авагар мог быть доволен – лечение давало плоды. Терпеливо, медленно и очень аккуратно он по капле вливал в жилы чародейке Кларе Хюммель собственноручно сваренные эликсиры, и они действовали.

Волшебница приходила в себя, всё увереннее билось сердце, и кровь её становилась больше похожа на кровь.

Если всё будет хорошо, они уберутся из этого мирка, навсегда забудут о нём, и Клара никогда не спросит, из чего же состояли снадобья, что спасли её.

А пока что она заговорила.

– Ан-Авагар... – голос ещё слаб, но это уже просто слабый голос, а не хрипение умирающей. – Где мы? Что... происходит?

Вампир осторожно сел рядом, выигрывая время, с преувеличенной аккуратностью сложил руки, переплёл пальцы.

– Госпожа Хюммель, я счастлив был оказать вам услугу.

– Это... понятно. – Клара болезненно поморщилась, скосив глаза на скрывавшую левый локоть повязку. – Но... как...

– Послушайте меня, досточтимая госпожа. Вы угодили под сильнейший магический удар неведомой природы; счастье, что вообще удалось уцелеть. Вас подобрала ученики великого бога Хедина Познавшего Тьму...

– Это... – скривилась Клара, – я... кое-как... помню.

– Прекрасно. Я боялся, что будут провалы в памяти. Так вот, госпожа Клара – вы, простите за откровенность, умирали. Лекари-эльфы ничего не могли сделать, увы.

Клара знала, что вампир говорит правду. Сквозь ледяную пелену поднимались воспоминания, всплывало холодное осознание неизбежного конца. Она умирала, Ан-Авагар не лгал.

– Я взял на себя смелость переместить вас сюда, госпожа. И попытаться помочь – я долго странствовал по разным мирам, тайных мест, подобных этому, у меня не одно. Тут я прятал лекарства, снадобья, эликсиры – на случай, гм, самых неблагоприятных исходов. Сейчас всё пригодилось. – Вампир улыбнулся.

– Ты преуспел... там, где отступились... лекари-эльфы?

– Да, госпожа. Одно из преимуществ вампира – мы на куда более короткой ноге со Смертью.

– С-спасибо... Ан-Авагар.

– Не за что, госпожа Клара. Был счастлив помочь.

Только бы она не спросила, как и чем я её лечил, лихорадочно думал вампир. Только бы не спросила!..

В этот миг ничто не казалось более насущным и важным.

...Клара осторожно повернула голову – казалось, в мышцах и жилах хрустит ледяная шуга.

Почему у неё забинтована левая рука?

– Воды... пожалуйста... – Ан-Авагар поспешно приложил к губам Клары флягу. – Это... не вода...

– Простите, госпожа Клара. Просто воду вам пока нельзя. Как мой эликсир, помогает? Должен хорошо утолять жажду.

Прохладное, с лёгким привкусом мяты питьё жажду и впрямь утоляло.

– Ан-Авагар... я... должна... выбраться отсюда...

– Конечно, госпожа. Я даже не стану спрашивать, куда вы отправитесь после.

«Куда же я могу отправиться после? – горько подумала волшебница. – Хотелось бы верить, что долг свой перед Кором Двейном я исполнила. Они помогли мне, я помогла им – мы квиты. А теперь надо отыскать Сфайрата, привести его в чувство, если этот драконюка до сих пор дуется, и забрать детей.

А потом... потом мы выберем какой-нибудь иной мир. Кимме стал для нас слишком уж беспокойным. Может, даже будет иметь смысл посидеть какое-то время в закрытом мире, хоть на той же Терре, где сейчас Чаргос с близнецами и Зосей. Заготовить амулетов, запастись силой... и нырнуть в этот мир без магии, где нас не найти никаким ищейкам никаких богов».

– А... что станешь делать ты?

– Когда услуги мои перестанут быть нужны госпоже Кларе, я... – вампир пожал плечами, – отправлюсь к великому Хедину. В конце концов, должен же быть рядом с богом хотя бы один умеющий думать советник.

К великому Хедину...

– И что же ты скажешь ему, Ан-Авагар?

Тот сделал неопределённый жест, поднял брови.

– Великий бог Хедин занят вещами вселенской важности. Ему не до нас с вами, госпожа Клара. Если бы его ученики не были столь самоуверенны и полны самомнения, они не потащили бы вас к нему тяжелораненой.

– Ты хочешь сказать...

– Богу Хедину не до нас, – настойчивее повторил вампир. – Я тоже не занимал особенно высокого положения среди его учеников, но всё-таки... это давало смысл существования.

...Ой, нет, подумал он, вдруг ощущая жаркую волну стыда, словно был он не давно умершим упырьём, а вполне себе живым Перворожждённым. Не это давало тебе «смысл существования» – вспомни, как сам оказался в Кимме, в Беллеоре!

– Тогда... – неловко проговорила Клара, избегая смотреть Ан-Авагару в глаза, – мне остаётся лишь поблагодарить тебя. И... может, не стоит так настойчиво именовать меня «госпожой»? Я тебе не хозяйка, да и никто тебе не хозяин. Кроме разве что бога Хедина, но тут я не уверена.

Вампир лишь развёл руками – мол, повинуюсь.

Ну вот, Ан-Авагар, она очнулась и выкарабкивается. Она тебе благодарна, да; она стала б тебе верным другом. Но что делать, если тебе нужно больше, много больше?

Тебе, мёртвому, пьющему кровь живых, чтобы сохранить в себе подобие жизни?

Вампир опустил голову.

На что ты надеялся, безумец?

Впрочем, разве эта надежда не была тем лучшим, что случилось с тобой за последние невесть сколько веков?

– Прости, – услышал он голос волшебницы. – Я очень, очень благодарна тебе, Ан-Ава... послушай, а может, просто Ан?

– Конечно, гос...

– Клара. Просто Клара.

– Конечно, Клара, – сделал он над собой усилие. – А сейчас давай прекратим эти разговоры, ты нуждаешься в отдыхе.

...Вампир был совершенно прав, признавалась себе волшебница. Поговорила всего ничего, а уже и голова кружится, и язык заплетается.

Она давала себе соскользнуть обратно в целительное небытие, словно со стороны следила, как Ан-Авагар осторожно разматывал повязку на её левом локте, делал стремительный и точный укол, после чего вливал в вену

какие-то свои эликсиры.

Они действовали. Смертельный холод медленно отступал, уходил из жил, руки и ноги постепенно начинали шевелиться. Тело, впавшее словно в зимнюю спячку, мало-помалу оживало.

Вампир улетал куда-то, возвращался с добычей. Самолично ощипывал кур, потрошил и варил Кларе суп.

– Очень надеюсь, что за птицу эту ты честно заплатил, – сказала она, уплетая бульон за обе щеки.

– Э-э, – смешался Ан-Авагар. – Нет, не заплатил. – Он сокрушённо развёл руками. – Девчонка-птичница удирала так быстро, что даже я догнать не мог.

– Ну вот, напугал беднягу! – нахмурилась Клара. – Её небось ещё и высекут за утрату. Отыщи и, пожалуйста, заплати!

– Конечно, гос... Клара.

– Вот так-то! – Волшебница кое-как погрозила плохо слушающимся пальцем и добавила, тише и просительнее: – Пожалуйста.

– Д-да, конечно, – поспешно повторил вампир.

Превеликий Хедин Милостивец, а ведь мне придётся сказать, откуда взялись спасшие тебя, госпожа Хюммель, эликсиры. Придётся сказать, что плату уже отдавать некому.

Что ж, будем смотреть в лицо неизбежному прямо, как положено истинному вампиру из гнезда Эйвилль.

– Сколько я ещё так проваляюсь?

Сколько? На самом деле, захоти я, и ты проваляешься тут хоть целую вечность, госпожа Клара. У меня хватит умения держать тебя между жизнью и смертью, способную хорошо если руку поднять.

Но... разве он может так обойтись с ней? Так предать?

Прежний Ан-Авагар даже не вспомнил бы такого слова – «предать». Не «предать», а «поступить в соответствии со своими интересами». Больше истинного вампира ничего волновать не должно.

– Я делаю всё, что могу, Клара.

– Вижу, – скрипнула она зубами. – И вновь спасибо тебе, Ан-Авагар. Но...

– Требуются редкие ингредиенты, – поспешно перебил он её. – И время, чтобы их отыскать – выменять, купить...

– Понимаю. Но всё-таки, Ан-Авагар...

– Несколько недель самое меньшее, Клара.

– Слишком долго!

– Я приношу свои самые глубокие извинения.

– А... ускорить? Никак?

– Никак, – отвернулся он.

Она разочарованно вздохнула.

– Не бойся, Клара. С твоими детьми ничего не случится, они в безопасности, я уверен. Муж твой, дракон Сфайрат, на то и дракон, чтобы выходить из любых передряг.

Клара только отвернулась.

...Шли дни, они слагались в недели. Волшебница садилась, с трудом, но уже и вставала, могла пройтись, пошатываясь, от стены к стене.

– Скоро, – убеждал её вампир. – Скоро ты будешь совсем здорова, гос... Клара.

В одном он не лгал – добывать ингредиенты становилось всё труднее.

Предгорные деревни опустели. Кто-то сделался, гм, частью эликсира, но большинство жителей бежали куда глаза глядят, прихватив какой могли скарб.

Оставшиеся без присмотра куры, гуси, утки оказались на попечении Ан-Авагара – хотя бы для того, чтобы кормить Клару.

И так было, пока в один прекрасный день он не увидел длинную, сверкающую сталью и разноцветьем одежд змею приближавшегося со стороны равнин воинства.

Сперва это его ничуть не взволновало. Ну идут и идут, видывал он этикие воинства. Как придут, так и уйдут. А захотят его искать – долгонько возиться придётся!..

Он перекинулся, взмыл в воздух; и тотчас же ощутил мерзкое, режущее слух зуденье, словно где-то изо всех сил скребли железом по стеклу.

Ан-Авагар чуть не кувыркнулся с неба, подавляя отчаянное желание перекинуться обратно и зажать ладонями уши.

В режущем и рвущем звуке крылась, само собой, магия. Вампир не сомневался – явились «охотники», экспедиция, призванная «покончить со злом».

Что ж, не поспоришь – он и впрямь был злом. Чтобы вылечить Клару, пришлось убить многих и многих. Слухи, очевидно, дошли до здешних чародеев, и вот – последовал ответ.

Ничего страшного; видывал он «мстителей» с «воинами света» и сильнее, и многочисленнее. Когда-то давно он забавлялся игрой с подобными «истребителями упырей», вплоть до того, что, изменив облик, нанимался в проводники, обещая провести «до самого кровососова логова». И проводил!

Однако вот этот странный шум...

Какие-то магические устройства, решил Ан-Авагар. Возможно, вредоносные для вампиров. Возможно, местных упырей вполне можно было приговорить подобным образом, только он-то не местный.

Так или иначе, ему пришлось попотеть, прежде чем он сумел отыскать очередную жертву. Приближение к воинской колонне оборачивалась неприятным колотьём в висках и помутнением в глазах, так, что Ан-Авагар едва удерживался в крылатой трансформации.

Странные какие-то охотники, однако. Пожалуй, с этими он играть в игры не станет, самое главное – чтобы с Кларой ничего не случилось.

...Вернулся он поздно. Кое-какие особо деликатные операции по приготовлению эликсиров пришлось перенести от греха подальше, чтобы Клара не увидела.

...На следующий день раздражающее гудение и жужжание разбудили его на рассвете. Чародейка мирно спала, щёки её порозовели, дыхание сделалось глубоким и ровным; судя по всему, она ничего не слышала и не ощущала.

Ан-Авагар нахмурился.

Охота шла именно на него, не просто на какое-то непонятное «зло», поселившееся в горах и убивавшее поселян; нет, пытались добыть именно вампира, и притом вампира высшего.

...К полудню гудение начало уверенно приближаться, причём со всех сторон.

Клара по-прежнему ничего не замечала.

– Прощу простить меня, досточтимая, – Ан-Авагар поднялся. – Я немного не рассчитал потребные для завтрашнего лечения ингредиенты. Позвольте мне ненадолго отлучиться...

Клара улыбнулась, чуть смущённо.

– Зачем тебе моё разрешение, Ан-Авагар? Ты меня лечишь, ты один знаешь, что требуется. Лети, конечно. Только знаешь что?

– Что, гос... Клара?

– Будь осторожен, – неожиданно нахмурилась чародейка. – Какие-то у меня предчувствия... дурные. Понимаю, что глупости это, но... – Она слабо махнула рукой.

– Ну, Клара! Что же тут может случиться? – Он надеялся, что слова его звучат достаточно беззаботно. – Не мирок, а лавка древностей. Дождь пройдёт – уже событие. Собака твякнет – местные неделю обсуждать будут.

Вообще-то тут уже не осталось никаких «местных», но Кларе об этом знать, само собой, не стоило.

Он перекинулся поспешно, может, даже слишком. Пошёл низкими кругами, от укрытия к укрытию, всматриваясь и вслушиваясь.

По каменистым склонам меж валунов замелькали фигуры в ярко-алых и малиновых плащах, словно специально одетые как можно более заметно. Они шли медленно, растянувшись широкой цепью; опущены забрала глухих шлемов с высокими плюмажами, копья нагнулись к земле.

Гномье укровище возведено было в диких скалах, однако не неприступно. Подгорное племя не очень любит лазать по отвесным склонам и больше уповает на прочность каменных врат; и сейчас неведомые воины в алых и багряных плащах надвигались хоть и медленно, но неумолимо.

И где-то у них должен быть этот отвратительный магический артефакт, от которого у Ан-Авагара мутилось в глазах и в голове.

Найти его, и...

Вампир перестал закладывать низкие виражи, замер, прижимаясь к земле. Его сейчас почти невозможно увидеть, глаза он отведёт.

Так, во всяком случае, думал он.

И точно – редкая цепь воинов в красном прошла мимо его убежища, тощей купы тонких и низких деревцев, притулившихся на склоне, даже не покосившись в их сторону.

Ан-Авагар стал спускаться дальше, уверенный, что этот проклятый артефакт наверняка хорошо спрятан в обозе войска, а вокруг него – куча седобородых маго-в.

Однако это самое гудение, так досаждавшее, пока он прятался в зарослях, вдруг стало слабеть и удаляться.

Не может быть, замер вампир, распластываясь на камнях. Это не артефакт, а артефакты! У каждого из воинов в красном!

Ан-Авагар аж зашипел со злости.

Что за напасть такая и откуда она взялась?

Впрочем, не важно. Пусть себе идут. Его они не заметили, а гномью дверь им нипочём не взломать.

Лбом побьются в несокрушимый камень и дальше пройдут.

Просто подождать...

Немного времени спустя загонщики и в самом деле наткнулись на его убежище. Торжествующе затрубили рога, и Ан-Авагар скрипнул зубами – слишком уж легко и просто удалось разглядеть спрятанную среди развалин старого замка гномью дверь.

И что-то они слишком уж спокойны, слишком деловиты. И что это они потащили наверх? Что за странные устройства и инструменты?

– Нашли! Нашли! – донёлся крик сверху.

Нашли. Кто бы сомневался.

Вскоре вокруг каменной двери возник уже целый лагерь, ставили большую треногу, горели костры, а вампир так и оставался на одном месте, сжимая кулаки и не в силах ни на что решиться.

У здешних явно что-то было именно против его расы. Кто бы мог подумать – в заштатном мирке, где и сила-то течёт еле-еле – и такие устройства!

Хотя кто знает, может, именно потому они тут и созданы?

Ан-Авагар выпрямился. Кажется, они собрались взламывать двери?..

Уверенность, что «только лбы себе поразбивают» успела куда-то улетучиться.

Отводить глаза получалось с огромным трудом. Гудение и дребезжание в голове сделалось почти нестерпимым, однако вампир сумел пристроиться позади одного из торопившихся вверх по склону солдат; одно быстрое движение, хруст сломанных позвонков, и тело падает в кусты, а сам Ан-Авагар уже набрасывает на себя алый плащ и опускает на лицо стальное забрало.

В ушах мигом зазвенело так, что подкосились ноги.

Проклятье, эта штука где-то здесь, в самом шлеме!

Вампир чуть не сорвал его.

Нет! Надо хотя б подняться!..

Как же звенит, как гудит, словно сотни колоколов во всю мощь бьют набат у него в голове! Ноги у вампира заплетались, он никогда ещё не чувствовал себя таким беспомощным; скрежеща зубами, он кое-как дотащился до развалин, где суетившиеся воины как раз установили нечто вроде тарана на двух высоких треногах.

– Унутре оне, – жарко докладывал начальнику рябой вояка, снявший шлем. – Унутре, точно! Усе мы чуем!..

– Ломайте, – кивнул тот. Лицо у него было длинное, тонкое, породистое.

Вампир хотел бы посмеяться над потугами глупцов, не знающих, что гномьи двери не разбить никакими таранами, но не получалось.

Уж больно хорошо экипирована оказалась эта экспедиция, и местные явно знали, что делают.

– Тама она, значить, чародейница! – горячо продолжал рябой. – Упырь ей, значить, добычу таскает; а она яго на дело, значить, настропалять!

Сейчас я тебя самого настропалю, с яростью подумал Ан-Авагар.

Гнев поднимался, словно мутная волна, и от этого, казалось, даже

унимался этот несмолкающий звон в голове.

Он не знал, что это за проклятые устройства, так на него действующие, и откуда они взялись; знал лишь, что нельзя дать им добраться до Клары.

Кто-то толкнул его в спину, кто-то грубо выругался.

– Эй, ты! Чего раззявился? Шевелись!

Ан-Авагар не ответил. Он шаг за шагом подбирался всё ближе к важному воинскому начальнику, отдававшему последние указания.

Его схватили за плечо, и тогда он рванулся с места, как мог рвануться только вампир.

Шлем отлетел в сторону, как и алый плащ. Голова военачальника взмыла высоко в воздух, оставляя за собой серповидный хвост багряных капель; тело стояло ещё несколько мгновений и затем мешком повалилось наземь.

Череп у Ан-Авагара, казалось, сейчас расколется от звона; он стремительно нагнулся, приник к жуткой ране, втягивая в себя хлещущую из перебитых артерий кровь.

Это помогло. Гудение, звон и помутнения не исчезли, но несколько притупились, словно отодвинувшись вглубь.

Он стремительным переворотом ушёл от копья, резким взмахом сбил с плеч ещё одну голову. Не помогут вам хитрые штуковины эти, куда вам против истинного вампира!..

Ан-Авагар не помнил, скольких убил. Может, десяток, а может, дюжину. Весь покрытый чужой кровью, он защищал каменную дверь так, словно за ней крылись все сокровища Упорядоченного.

Точнее, даже нельзя было б сказать, что именно заставило бы истинного вампира из гнезда Эйвилль Великой сражаться насмерть, даже не помышляя об отступлении.

Однако смерть предводителя отнюдь не обескуражила остальных воинов. Они подались назад, сдвигая ряды и оцетиниваясь копьями; громко звали на подмогу рога, снизу спешили новые и новые десятки.

Ан-Авагар успел наглотаться горячей крови, огонь весело бежал по жилам, однако теперь он оказался на виду, а зудение и звон в ушах вновь стали усиливаться. Обитатели этого места явно знали, как управляться с ему подобными, и не боялись потерь.

Вампир пошатнулся, перед глазами всё плыло. Он едва успел подумать, что надо бы, пока не подступились, обрушить возведённые треноги с тараном, как висевшее на цепях бревно качнулось и с громом ударило в каменную створку.

Развалины загудели, от кованого таранного оголовка посыпались

искры. По двери побежали трещины.

Зарывав, вампир бросился на поддерживавшую таран конструкцию так, словно это была нежная девственница с непревзойдённо-редким, поистине деликатесным вкусом крови.

Они не пройдут!..

* * *

Ирма Нарви очень спешила. В Междумирье, принципы устройства которого наставница госпожа Соллей успела объяснить лишь самым общим и беглым образом, творилось что-то жуткое.

Она не сразу сдалась на милость Серка; сперва, как могла, пыталась нащупать дорогу к замку госпожи Соллей и её братьев, но не преуспела.

Ирме хватило знаний и умений отыскать пресловутые «закладки» и понять, для чего они нужны, но не обезвредить их. А чем дальше уводил её Серко от обречённого мира, тем яснее она понимала, что обезвредить надо во что бы то ни стало.

Потому что они обратят всё во прах, и нет им дела, сколько погибнет при этом тамошних обитателей.

Совсем недавно ей было всё равно. Она сделалась ученицей могущественной чародейки – куда там несчастной Хюммель! – и весь мир оказался у её ног.

Какое ей было дело до тех, кто сгорел в покольском трактире?..

Но ты ведь и защищала Поколь, строго напомнила память. Вместе с друзьями-близнецами, детьми той самой Хюммель, которую ты так возненавидела.

И которая сработала для тебя Серка.

– А может, сумеешь привести к замку? – с надеждой спрашивала Ирма своего волка, однако тот лишь вздыхал и продолжал трусить по разворачивающейся у него под лапами тропе.

Ирме едва хватало умения поддерживать пузырь, в котором она могла дышать.

Потоки силы сходили с ума, меняли направления, устремлялись в разные стороны, почему-то напоминая Ирме слепых котят. Она понятия не имела, что ждёт впереди; приходилось полностью доверяться волку.

Думаешь, госпожа Клара тебе поможет? Всё забудет, всё простит и выведет тебя – куда? Куда ты денешься теперь, глупая Нарви?

Как это – куда денусь, храбрилась она в ответ. Кое-что я умею!

Госпожа Соллей учила меня хорошо, не пропаду. Найти бы обычный мир...

Однако эта мысль, самая простая и естественная, воплотиться никак не могла.

Миров в Упорядоченном – не счесть, и, казалось бы, Ирме достаточно было выбраться в Межреальность, после чего отыскать себе любой, оказавшийся поблизости. И всё – забудь о неверной наставнице, делай что хочешь, что может быть легче?

Однако ни одного мира, даже самого заваливающего, Ирме не попадалось. Она не могла понять, как, отчего и почему; куда они все делись, почему их не видно? Или это потому, что где-то вблизи или вдали сработали такие же «закладки», и Упорядоченное оказалось во власти жестокого шторма?

Ирма не знала. Ей не хватало знаний, даже чтобы просто гадать.

Оставалось верить в Серка.

* * *

Трогвар, Крылатый Пёс, торопился. Он спускался в новый мир – слившиеся Мельин с Эвиалом, и времени, чтобы отыскать его Хранителя, почти не оставалось.

Упорядоченное сотрясали жестокие судороги, волны прокатывались из края в край Межреальности. Шторм продолжался – где-то он ощущался сильнее, где-то слабее, где-то и вовсе прикидывался штилем; но сила никак не могла достичь равновесия. Спокойное её течение прервалось; источник Урд показал Крылатому Псу накатывающуюся беду, но что может сделать он, Трогвар, там, где требуются Владыка Тьмы и его брат?

Хранитель Мельина, он же ученик Великого Ракота. Трогвар не ощущал ревности – если повелитель счёл нужным что-то сделать, значит, так и в самом деле было нужно. Он, Трогвар, не смог помочь владыке Мрака вырваться из ловушки, а Хранитель Мельина – да.

Неподвижно зависнув высоко над туманами нового мира, Трогвар искал и ждал. Взгляд его невольно скользил и над Храмом Океанов – хвала могучему Ракоту, что место, дававшее приют Крылатому Псу, уцелело во всех бурях и потрясениях.

Трогвар был воином великой Тьмы; знания, обретенные в Красном замке и после, в легионах Восставшего, не утратились, но сейчас у него ничего не получалось. Заклятия поиска возвращались ни с чем. Слабый отзвук доносился только со стороны огромного города прямо в сердце северного континента, города, порождённого Мельином, а не знакомым

Трогвару Эвиалом.

Но это были именно отзвуки, неверные и слабые. Далёкое эхо того, кого он по-настоящему разыскивал.

После множества бесплодных попыток Крылатый Пёс прекратил напрасные усилия. Делать нечего, выбирать не из чего – он поплыл к тому месту, где удалось уловить хотя бы и очень слабый, неверный отклик.

Он не мог менять свой облик, увы. К городу пришлось подбираться уже в сумерках, скользя на широко развернувшихся крыльях. Здесь, возле крепостных стен, лоскутность нового мира почти не ощущалась, напротив – всюду виднелись новостройки, белели свежоошкуренные брёвна только что возведённых срубов. В самом городе ещё хватало развалин, но и там кипела работа – люди вперемешку с гномами трудились при свете факелов.

Отзвук поисковых заклятий стал чётче, приблизился. Впереди, на высокой скале, вздымавшейся над речным берегом, стоял замок – настоящая твердыня, стены и башни отнюдь не игрушечного вида. След Хранителя вёл туда, вернее, даже не его собственный след.

Там пребывала часть его.

Дворец-крепость охраняли внушающие уважение чары. В другое время Крылатый Пёс, быть может, и попытался бы отыскать к ним отмычку, но не сейчас.

Бесшумно кружа над крышами замка, он сознательно задел одно из сторожевых заклинаний, и сразу же опустился вниз, на мягкую траву крепостного двора. Замер, завернувшись в крылья, словно в плащ-невидимку, скрестил руки на груди и приготовился ждать.

Ему показалось, что в вышине, в вечеряющих небесах, проплыла огромная птица, каких может поднять в воздух только магия, но, стоило ему вскинуть голову и взглядеться пристальнее, как ощущение исчезло.

Сразу с нескольких сторон в сад ворвались стремительные тёмные фигуры, воронёные клинки не сверкали. Следом выбежала женщина в длинном струящемся платье, более подходящем для танцев на балах, чем для отслеживания нечисти, заставившей сработать охранные чары.

Трогвар не пошевелился, он ждал, растворяясь в сумерках.

Женщина что-то повелительно крикнула; язык был Трогвару незнаком.

Во множественных, но, само собой, кратких ответах-отзывах воинов в тёмном несколько раз прозвучало слово «сежес». То ли имя, то ли обращение.

Сам Крылатый Пёс не собирался ни с кем драться. Он осторожно скользнул сквозь сумрак, загоня глубоко внутрь себя дарованную повелителем Ракотом демоническую часть своей натуры.

Кто-то из воинов в тёмном то и дело застывал, вглядываясь в сумрак, явно ощущая присутствие Трогвара; металась женщина, пальцы её плясали, и Трогвару пришлось уворачиваться, проваливаясь глубже во мрак, прежде чем он смог проскользнуть внутрь.

Там горели факелы и тускло мерцали одному ему видимые огоньки в глубине магических кристаллов, настороженных на такие вот невидимые создания.

Его защиту, кокон темноты, начало размывать; торопясь, он сорвался с места, промчался по коридору, завернул за угол – и нос к носу столкнулся с тем, что и порождало замеченное им слабое эхо.

Здесь было до странного тихо; даже факелы горели бесшумно. Царил аромат леса, удивительно свежий, лёгкий, какой никак не ожидаешь встретить в сердце старой крепости, пусть даже и сделавшейся дворцом.

Держа на руках мирно спящего ребёнка, прямо перед Крылатым Псом застыла тонкая эльфийка, огромные глаза смотрели прямо на него, и Трогвар понимал – для неё не существует никаких скрывающих его плащей и завес мрака.

Малыш, не просыпаясь, повозился, устроился поудобнее и вновь засопел.

– Кто ты? – негромко сказала девушка. Она не боялась.

Зазвучало «высокое наречие», праязык расы, именующей себя «Перворождёнными». Оно схоже во множестве миров, сохранённое эльфами в их великом рассеянии. Библиотека Старого Дракона сохранила множество томов со страницами, испещрёнными тонкими, летящими, невесомыми рунами.

– Я служу Великому Ракоту. – Крылатый Пёс поклонился, не сводя глаз с ребёнка. Почему он? С чего ради вдруг он? Что это значит?

– Идём, – сказала девушка.

...Вокруг царил мягкий полумрак, и малыш сладко спал в своей колыбели. Трогвар застыл, опустившись перед эльфийкой на одно колено; теперь он понимал.

– Да, это его сын, – негромко говорила Сеамни Оэтаканн, поглаживая спящего мальчика. – Гвин немного успел мне рассказать, но я поделюсь тем, что знаю. Он накрепко связан с твоим повелителем, Ракотом; но со мной он может быть, увы, совсем-совсем редко. Хранитель нового мира – призрак; и воплощается лишь тут, в этих стенах.

– Где он, высокочтимая? – осторожно проговорил Крылатый Пёс – голос эльфийки звенел от еле сдерживаемых слёз.

Сеамни покачала головой.

– Он исчез. Отправился в погоню...

Трогвар слушал.

Потом в коридорах затопали ноги, раздались резкие команды, в дверь застучали, и Крылатый Пёс, узнавший всё, что мог, осторожно поклонился эльфийке.

– Он вернётся. Повелитель Ракот не оставит тебя страдать и мучиться, как не оставил в своё время и меня. А теперь прости, высокочтимая, – мне пора.

Сеамни Оэтаканн слабо улыбнулась и тотчас впилась зубами в костяшки, чтобы не расплакаться.

И только малыш продолжал безмятежно спать посреди всей этой кутерьмы и переполоха.

* * *

– Доношу с стыдом и раскаянием, что след таки потерян.

Старший из тёмных эльфов-следопытов, Кирриос, стоял перед гномом навтыжку. Бледное лицо сделалось совершенно неживым, словно снежная маска.

– Как «таки потерян»?! – взревел Арбаз. – Вы что, опять в лужу сели?! Упустили девчонку с волком? Окончательно?

– Они ушли в Межреальность, – скрипнула зубами Триэль. – Очень ловко, как заправские чародеи. Весьма похоже по способу на магов известной тебе Долины.

– Ничуть не удивлюсь, – проворчал Кирриос. – Эти кому только не служат...

Арбаз запустил обе пятерни в густую бороду.

– Ну, допустим, прыгает она теперь по Междумирию. И что же? След-то всё равно оставляет?

– След искусно заметён, – вступил третий эльф, Танзеннин. – Постоянные скидки, перескоки – истинно по-волчьи. Замучаемся тропу их вынюхивать; пока лигу одолеем, они полсотни сделают.

– То есть дело это безнадёжное, надлежит его бросить?

– Да, – сказала Триэль. – Ты чувствуешь, как дрожит твердь под ногами, Раннарс-ар?

– Она давно уже дрожит. Что поделать, дряни в недра этого мира загнано видимо-невидимо; ну и что с того?

– Ты же Подгорное Племя, Арбаз Раннарс-ар, – удивился Кирриос. –

Даже мы, тёмные эльфы, и то ощущаем, как он распадаться начинает!

– Когда большой бум случится, боюсь, костей наших даже Аэтерос не соберёт.

Арбаз оглянулся на маленькую колдунью Орши. Та стояла, часто моргая, и переглядывалась с радужным змеем.

– Мы метались здесь, как безумные, и всё равно не преуспели, – настаивал Кирриос. – Надо уходить, Раннарс-ар. Тебе вручено начальствование Аэтеросом, но мы считаем...

– Сколько до ближайшей... ближайшего «бума»? – повернулся гном к Репаху.

«Совсем немного, – объявил тот, посоветовавшись с Орши. – День пути, не больше».

– День пути, говорит она. Отлично, тогда вперёд. – Арбаз поднялся, забросил на плечо до блеска отполированный огнеброс. – Мы должны успеть.

– Успеть что?! – схватился за голову Кирриос, позабыв даже о субординации.

– Успеть вытащить эту дрянь отсюда в Межреальность, конечно же, – пожал плечами гном. – Самое лучшее – если доставим Аэтеросу. Ему будет любопытно взглянуть, не сомневаюсь.

Тёмные эльфы переглянулись.

– Безумие, – только и простонал Кирриос. – Арбаз, у тебя явно...

– Исполняй приказание! – рявкнул гном. И вскинул огнеброс для верности.

... – Как, нет, ты скажи, как нам до них добраться?! Они ж на самом дне этого мира заперты!

Гном Арбаз, сын Раннара, стоял в кругу соратников. И, кажется, он был единственным, кто знал, что надо делать.

– Расколем, как орех, – непреклонно проговорил он.

– Так ведь тогда тут всё может...

– Тут всё точно обратится во прах, если мы ничего не сделаем, – оборвал Триэль гном. – Или – или. Силы хватает. Начнём проходку. Напрямик, напролом, огненным буром.

Арбаза окружало молчаливое кольцо, и впервые за всю его службу у Аэтероса приказ был встречен мрачным молчанием.

– Ты расколешь мир и ничего не добьёшься, – решил Кирриос.

– Если мы не попытаемся его «расколоть», он просто исчезнет.

– А если попытаемся, то исчезнем мы, – криво усмехнулась Триэль.

– Ты не можешь утверждать наверняка, – заспорил было Арбаз, но

слова его утонули во внезапно прорвавшихся яростных криках.

– Нет!

– Безумец!

– Надо уходить!

– Что за смысл погибать без пользы?!

– Аэтерос бы не одобрил!

Арбаз стоял, до хруста в пальцах сжимая огнеброс. Со всех сторон – лишь искажённые яростью лица, лица товарищей, с которыми он столько лет дрался плечом к плечу и ел из походного котла; полноте, да не спит ли он? Может, на них на всех кто-то наложил чары?

– Репах! И ты тоже?!.. Тоже с ними?!

Радужный змей не ответил. Он единственный из всех молчал – может, оттого что просто не мог вопить?

«Оставь их».

– Что?! – Арбазу показалось, что рядом с ним кто-то стоит, шепча в самое ухо.

«Оставь».

Что за чепуха, что за бред, никого он никогда и ни за что не оставит!

– Довольно! – заорал Арбаз, вскидывая огнеброс. Над головами толпы расцвёл стремительно распускающийся, растущий вширь пламенный цветок. Грохот было заставил соратников примолкнуть, однако стоило раскатам стихнуть, как всё началось сызнова:

– Не пугай, не таковских видывали!

– Сам спятил, так нас с собой в могилу не волоки!

– Мы Упорядоченному и Аэтеросу нужны живыми, а не мёртвыми!

Круг начинал сжиматься.

– Уходи, Арбаз! – крикнул кто-то. – Уходи прочь, делай, что хочешь, а мы вернёмся к Учителю! Расскажем ему всё!.. Вот тогда и посмотрим, кто прав был!

Гном глухо зарычал, оскаливаясь.

– Труссы! Шавки подзаборные! Убирайтесь! Как вас только Аэтерос-то вообще к себе принял!.. Удирайте, несчастные! А я, Арбаз сын Раннара, долг свой исполню до конца!

«Оставь их», – раздалось в третий раз.

Кипя от ярости, Арбаз слепо ринулся через заросли. Остановился не скоро, на какой-то полянке, скинул с плеча огнеброс.

Вкусно чавкнул затвор, открылся пахнувший сгоревшей огнебросной смесью казённый. Гном, тяжело дыша, принялся яростно чистить бомбарду – просто чтобы дать рукам дело.

Сверху послышался шум – мерно взмахивали широкие крылья.

Огромный белоснежный орёл опускался прямо перед гномом, в лицо Арбазу полетели сухие листья, хвоя и прочий лесной мусор.

Гном замер, дыхание пресеклось.

Птица была поистине исполинской. Под крылом свободно поместилась бы средних размеров изба, голова гордо поднималась к самым вершинам.

«Не думай о них», – сказал орёл.

Арбаз с усилием проглотил засевший в горле комок, низко, но не подобострастно, поклонился явившемуся.

– Привет тебе, великий дух. Прости, не знаю, как должным образом приветствовать тебя...

«Достаточно, что ты хочешь приветствовать, – заметил гость. – Впрочем, не будем терять время. Арбаз, сын Раннара, тебе надлежит исполнить высокий и страшный долг».

– Я служу Аэтеросу! – вырвалось у гнома. – Не гневайся, великий...

«Гнев – удел Ракота Восставшего, – в беззвучном голосе орла прорезалась усмешка. – Но служба твоя сейчас не имеет значения. Бог Хедин, кого ты именуешь Аэтеросом или Учителем, исчез из Упорядоченного. Никому, даже моему брату, не ведомо, сможет ли он вернуться и длится ли посейчас его существование. Поэтому, сын Раннара, пришло тебе время следовать за мной».

– Великий, слова твои поистине... смущают меня. – Арбаз вновь вцепился в собственную бороду, потянул что было силы. – Как так – Аэтерос исчез? Что это значит?..

«Если бы мы, Третья Сила, имели ответ, я бы уже дал его тебе, гному. Нет, Арбаз, настало предсказанное время битвы за Упорядоченное, и никто из избранных не сможет остаться в стороне. Когда наступает гибель богов, их место занимают смертные. Идём, Арбаз. Тебя ждёт моё воинство».

– Твоё воинство, великий? Но... кто же враг? Дальние?

«Дальние? О нет. Нам предстоит излечить Упорядоченное, ибо лишь в кратчайший миг, когда оно на самом краю гибели, открывается эта возможность. Мы, Третья Сила, очень долго ждали этого момента».

– Темны слова твои, могучий дух, – вздохнул Арбаз. – Признаюсь, они наполняют меня трепетом, хотя я и не привык праздновать труса.

«Бог Хедин искренне и честно пытался дать всем жить по своему закону, – неожиданно сказал орёл. – Как и названный брат его, Ракот. Но количество зла лишь умножилось, а силы, упрямо выполнявшие свою

работу, подобно мулам на мельнице, не видя ничего вокруг себя, становились всё могущественнее. Вселенная теряет кровь, подобно тяжелораненому, и, если не наложить жгут, может случиться непоправимое. Мы, Третья Сила, сгинем вместе с суцим, нам некуда бежать, мы не скроемся в Хаосе, не обернёмся Монадой. Мы или выстоим все вместе, сын Раннара, или все вместе падём. Никакая цена не окажется слишком высокой. Готов ли ты следовать за мной?»

Арбаз опустил голову.

– Великий, честь моя... слово, данное Учителю...

Гость помолчал. Жуткий взгляд орлиных очей буравил гнома, и Арбаз ощущал, как у него, не кланявшегося ни стрелам, ни огнешарам, предательски трясутся колени.

«Да, честь Подгорного Племена требует верности клятвам, даже когда эта верность – гибельна, – заметил он. – Наверное, бог Хедин частенько повторял вам, что Третья Сила никогда не лжёт, однако и не открывает всей правды?»

– Н-нечасто... но говорил, да, – сознался Арбаз. – Не держи гнева, великий...

«Кто же гневается на истину? – философски уронил орёл. – Мы, Третья Сила, именно таковы, каковы есть. То, что предстоит сделать, поистине ужасно, даже для нас с братом. Подобно хирургу, спасающему больного ампутацией, мы также иссечём мешающее здоровому току крови. Иди за мной, Арбаз. Битва предстоит великая. И для этого мне нужна твоя вера».

– Хорошо, могучий Дух, – глухо сказал гном, опускаясь на одно колено. – Я верю тебе. Я лишь надеюсь, что, если честь моя погибнет, она погибнет не напрасно.

«В этом, – суховато отозвался орёл, – ты можешь не сомневаться».

– А остальные? Мои товарищи?

«Много званых, – с прежней сухостью сказал дух, – да мало избранных».

– Далёк ли путь? – деловито осведомился гном. – Мне надо к лагерю, своё забрать...

«Забирай. А путь... и долгий будет, и короткий. Не ведаю пока. Ступай, и возвращайся сюда же. Я подожду».

...Никто не тронул Арбазов огнеприпас. Сиротливо стоял, прислонённый к дереву, его верный ранец из отменной драконейтовой кожи, какому сносу нет; широкие лямки, пояс с надёжной пряжкой, скатанное и ремнями стянутое одеяло, сотканное эльфийскими

рукодельницами в Обетованном, которое и от дождя, и от снега, и от ветра.

Ушедшие соратники ничего не коснулись, словно имущество Арбаза было зачумлённым.

Гном вздохнул, закинул на спину привычную тяжесть. Лишний раз проверил бандольеру с зарядами для огнеброса, поправил топор – он тянул, не в силах решиться на последний шаг, и дотянул – орёл вдруг возник прямо над его головой, ветер от широченных крыл пригнул далеко не слабого и не худого гнома к земле.

«Сомнения хороши, но только до предела, – сообщил дух. – Идём».

– Погоди, великий! – спохватился Арбаз. – Мы уйдём – а что случится с этим миром?

«То же самое, – холодно поведал орёл, – что уже случилось со множеством иных».

– То есть как?! Но почему же тогда мы...

«Потому что эти чары не развеять. Не забывай, гноме, Третья Сила – не есть синоним всемогущества».

– Однако мы собирались...

«Поверь мне, сын Раннара, если бы вы добрались до цели своих поисков – от вас не осталось бы даже воспоминаний. И вы никого бы не спасли. И никому бы не помогли».

– Но это же... целый мир...

«Ты забыл о порталах, ведущих в кажущееся никуда?»

– Нет, великий. Мы... не могли понять, что же это.

Когда орёл ответил, беззвучный голос в сознании сделался ещё суше, в нём сквозили теперь и досада, и даже злость.

«Мы тоже не могли. Не могли даже представить, что разум человеческий додумается до такого...»

– Как же так?! – возопил Арбаз. – Вы, вы же Третья Сила! Великие и непостижимые! Пугающие и всесильные!.. Вы...

«Всё не так. Нет всесильных в этом сущем. Чем ты могущественнее, тем страшнее и твоя уязвимость, пусть отыскать её непросто. Но она есть. Нашлись те, кто искал долго и упорно, и таки отыскал».

– Не может быть!

«Слепая вера в „сильных мира сего“ может дорого обойтись, – мрачно сообщил орёл. – Мы тоже ошибались».

Арбаз прикусил язык – его провожатый явно не собирался вдаваться в дальнейшие подробности.

Но всё равно – как такое может быть?! Как может Третья Сила в чём-то ошибаться?! Откуда могли появиться эти порталы, если не от них самих?

Кто мог проникнуть туда без их ведома?!

«Могли, – нехотя признался орёл. – И проникли. Как я сказал, мы тоже ошибались. Были слишком в себе уверены. Не обращали на многое внимания. Считали, что главный противник – это Спаситель или, на худой конец, Неназываемый. А оказалось...» – дух с досадой оборвал себя.

– Великий, уж не те ли это враги, с которыми мы бьёмся здесь?

«Те, не те... Это уже не важно, гноме. Не с ними нам предстоит схватиться. Когда пылает дом, нет нужды беспокоиться, что в подвале завелись мыши».

– Мы сражались не с тем врагом? – тихо спросил Арбаз.

«Нет. Вы всё делали правильно. Это само Упорядоченное утратило равновесность».

– Закон Равновесия, да, великий?

«Не всё управляется столь сложным образом. – Дух отвечал явно нехотя, но всё-таки отвечал. – Если тебе на голову свалился молоток с полки, гноме, то отнюдь не потому, что здесь вмешался сей всеобщий Закон. Скорее ты сам плохо положил инструмент».

– Но почему...

«Довольно. Мы покидаем этот мир».

– Ты бессилен его спасти, великий?

Ответа не последовало.

* * *

Эльф-целитель Гильтан, гномы Бреннор, Флурум и Гломин застыли, немного не доходя до каменной беседки-шатра над светлым источником Урд.

Позади лежало Обетованное, пустое, словно после чёрного моря. Впереди нарядной купой поднимались живые изгороди вокруг источника, обычно покрытые разноцветными венчиками, вокруг которых вились и пчёлы с бабочками, и направлявшие их туда-сюда цветочные феечки.

Сейчас здесь царили пустота и безмолвие. Только лепестки трепетали под ветром, словно в недоумении – где же все? Куда подевались?

Над Урдом же поднимались густые клубы пара; Источник кипел, из каменной чаши то и дело выплёскивались настоящие гейзеры, ударяя в крышу беседки и растворяясь плотным белёсым туманом.

Гномы мрачно сжимали топоры; Гильтан застыл, прикусив тонкую губу.

– Не подойти ближе, – выдавил он наконец. – Сила... обезумела.
– Сожжёт? – деловито осведомился Бреннор. – Чую, что Аэтерос один ведаёт, что творится, но больше...

– Нет, не сожжёт. Но – превратит... обратит... изменит... – Эльф мучительно подбирал слова. – Не могу сказать. Чары не работают, потоки совершенно бешеные, смерчи, водовороты, и шагу не сделаешь.

– Отродясь такого не видывал, – проворчал Бреннор.

– Никто не видывал, друг. Разве что сам Аэтерос, да и то вряд ли.

– А что это там мерцает? – Гломин вскинул руку.

Поддерживаемая изящными колоннами беседка почти скрылась в клубах тумана и пара; внутри облака запульсировал багровый огонь, злобный и жуткий, какого никогда не видывали в Обетованном – даже пламя здесь всегда казалось ласковым золотистым котом, а не бешеным кровожадным зверем.

Словно лапы исполинского чудовища, хлынули в разные стороны струи тумана, пронизанные нитями кроваво-красного огня, и в глубине облака одна за другой стали возникать картины, пугающе-чёткие, безо всякой размытости, так свойственной видениям или пророчествам.

Пламенные реки Хаоса текли сквозь Упорядоченное, сжигая на своём пути и миры, и Междумирье. Сквозь трещины в барьерах Творца новые и новые массы Хаоса врывались в исполинскую сферу вселенной; и она, хоть и исполинская, не могла устоять перед поистине неисчислимыми огненными legionами.

Навстречу пламени наступала другая волна. Сверкающая изумрудная стена, поглощавшая мир за миром, растворяя в себе его обитателей, и каждая душа становилась мельчайшей крупинкой колоссального кристалла, явно не собиравшегося уступать пламени свою добычу.

Замерев, гномы и эльф глазели на разворачивающуюся перед ними картину.

Вот огонь Хаоса сшибся с наступающей зелёной стеной, ударил в неё и разбился, окутывая смарагдовые грани облаками яростных, но бессильных брызг.

Кое-где не успевшие сформироваться и окрепнуть изумрудные крупницы гибли, распадались, но зелёная машина наступала, и огню пришлось отступить.

На месте Упорядоченного теперь полыхал, медленно угасая, поистине вселенских размеров пожар. Плоть миров и Междумирья погибла, частично пожранная огнём, а частично – зелёным кристаллическим монстром.

...Не находя больше пищи, угасало пламя Хаоса; и сам он обнимал

незримыми волнами зелёный кристалл, что стремительно темнел и уменьшался, словно проваливаясь сам в себя. Казалось, что он уступает Хаосу, но нет, чем меньше он становился, тем ярче сверкало нечто у него внутри и так до тех пор, пока внешние границы не исчезли, оставив только неистребимый никаким Хаосом свет в обрамлении вечной мягкой тьмы.

А потом искра мигнула в последний раз, и на месте ярких картин видения вновь всклубился пар.

– Ч-что это было? – прорычал Бреннор. Топор гном держал наперевес, словно собираясь кого-то немедленно рубить.

– Урд показал нам, что будет. – Гильтан был белее снега.

– Будет?

– Или может быть... не знаю! – Эльф стиснул виски ладонями.

– Аэтерос должен узнать об этом, – пробормотал Флурум. Губы у него подрагивали.

– Сам знаю, – простонал лекарь. – Но как? И где сам Учитель, когда тут такое творится!..

– Придётся обходиться без него, – проговорил низкий и хрипловатый голос.

Сквозь клубящийся пар к ним шагнула соткавшаяся из ничего фигура. Человек средних лет и незапоминающейся внешности, тёмно-зелёный плащ. Однако глаза...

Гильтан понял всё первым, поспешно согнувшись в низком поклоне. Его примеру последовали и гномы.

– Не утруждайте себя приветствиями, – многочисленные зрачки пришельца уставились на троицу подмастерьев. – Нет времени. Сила сходит с ума, и хорошо, что пока ещё держится клетка Неназываемого. Ваш Учитель нашёл поистине невообразимый способ исправить её, однако нашёл. А нам предстоит последняя битва – здесь, в Упорядоченном, если вы не хотите, чтобы явленное Урдом видение стало бы реальностью.

Подмастерья ошеломлённо молчали.

– Третья Сила редко оказывает себя, – проговорил Дух Познания (или, вернее, его аватара). – Но сейчас или мы управим всё так, что бытие вселенной продлится, или все вместе – смертные и бессмертные, нас не исключая – отправимся или в огненное чрево Хаоса, или в кристаллическую темницу Дальних. Именно сейчас есть шанс... есть возможность, которой не представлялось раньше, в более счастливые времена. Готовы ли вы помочь мне?

– Аэтерос учил... – кое-как выдавил Гильтан, – что Закон Равновесия...

– Именно, – перебил Дух Познания. – Закон Равновесия. Если ты его нарушаешь, у тебя открывается один-единственный шанс переустроить поистине всё, и даже сам этот закон.

– Великий Хедин Познавший Тьму вывел нас из мрака невежества, – глухо проговорил Бреннор. – Дал цель и смысл нашим жизням. Ты предлагаешь нам предать его, Великий Дух?

– Не «предать», а сделать то, что необходимо, – резко возразил гость. – Я был здесь задолго до бога Хедина, задолго до Истинного Мага Хедина и задолго до его предшественников. Следуйте за мной.

– А как же...

– Следуйте, – глаза Духа Познания вспыхнули красным.

Гномы и эльф переглянулись.

– Я никуда не пойду, – вдруг сказал Бреннор. – Я присягал великому Хедину, Познавшему Тьму, Новому Богу, владыке Обетованного и Упорядоченного. В моём обете ничего не говорится о «третьих силах», духах Познания и прочем. Может, я чего и не знаю, да только, мыслю, по-иному и нельзя. Пусть каждый сам за себя решает.

– И я никуда не пойду, – решительно сказал целитель. – У меня тут раненые, я их не брошу.

– И я не пойду, – поддержал товарищей Гломин. – Негоже их одних тут оставлять.

– Куда трое, туда и четвёртый, – согласился Флурум.

– Что ж, – задумчиво проговорил гость, плотнее запахиваясь в плащ. – Вы выбрали. Только помните, что винить во всём, что случится после, вам предстоит лишь самих себя.

– Мы рискнём, – за всех ответил Бреннор, однако там, где только что стояла аватара Духа Познания, уже никого не было.

* * *

Трогвар неподвижно завис над быстро погружающимся в ночную тьму миром.

Хранитель был где-то рядом и в то же время – невообразимо далеко; Крылатый Пёс никак не мог понять, куда же в действительности ведёт настоящий след. То ли в подземные глубины, то ли в ближайшие области небесных сфер, окружающих земную твердь.

Межреальность вокруг него вздрогнула. Гибкие извивы стремительного золотистого тела; огромная драконья голова, увенчанная

короной багряных рогов. Исполинские крылья, заканчивающийся раздвоенным костяным навершием хвост.

– Привет тебе, воин великой Тьмы.

Гулкий бездонный глас Золотого Дракона разносился окрест, Межреальность дрожала.

Крылатый Пёс развернулся, поймав многозрачковый взор Духа Познания.

– Оставь вычурные приветствия на потом, – сварливо сказал Дракон. – Ты ищешь Восставшего, твоего повелителя. Напрасно. Его нет в известном нам Упорядоченном. Которое, впрочем, тоже успело очень сильно измениться.

– Как?! Почему?! – вопросы Трогвара оборвал короткий и яростный взмах золотистого крыла.

– Никаких вопросов! – проревел Дракон. – Слушай меня, воин. Твоего властелина тут нет, и ты его не отыщешь. Хранитель Мельина, бывший Император, не откроет тебе дороги к Ракоту.

– Не может быть, – только и сумел выдавить Крылатый Пёс.

– Может, – сурово возразил Дух Познания. – Может. Ты ведь не чувствуешь Восставшего, правда?

Трогвар молча кивнул.

– Случилось то, что никто не мог предвидеть, о чём молчали видящие, прорицатели и пророки...

– Никто? И Третья Сила, о которой так много рассказал мне в своё время мой повелитель, – тоже не могла?

– Третья Сила, – Дракон гневно свивал и развивал кольца, – это как раз и предвидела. Наряду со множеством других исходов, какими может закончиться бытие Вселенной. Поэтому следуй за мной, Крылатый Пёс, и выполняй мои указания. Нам предстоит поистине великая битва.

– Но как же Хранитель...

– Он сейчас как раз и исполняет свой долг. Этому миру несказанно повезло – уже в третий раз. Смотри!..

В Междумирье, на самом пределе доступного зрению Крылатого Пса, вдруг распустилось целое соцветие огнистых венцов. Ткань Упорядоченного застонала, напряглась, но выдержала.

Трогвар сощурился, пытаясь уловить прокатившийся отзвук заклятий.

– Если бы не Хранитель – не стало бы ни Мельина, ни Эвиала, – заметил Золотой Дракон.

– А вы? Вы, такие могу... – не сдержался Крылатый Пёс.

– Ты так и не понял, что всё Упорядоченное двоично, двуполо,

двунаправленно? Третья Сила – балансир, не более того, – с оттенком печали сообщил Дух Познания. – Мы можем направить других, не взмахнуть рукой... крылом... и устранить «зло», чем бы оно ни являлось.

– Тогда зачем вы нужны! – не сдержался Трогвар.

– Многие, – невозмутимо отвечивал Дракон, – задаются тем же вопросом. И даже находят на него очень простой и приятный для слуха ответ. Увы, Вселенная устроена несколько сложнее, чем кажется этим... адептам простоты.

– Слова твои, великий Дух, темны и недоступны мне.

– Самое главное, Трогвар из Дем Биннори, воин великой Тьмы, чтобы ты осознал своё место в грядущей битве.

– Как же мне сделать это, если противник не-ведом?

– Разве? А мне видится, что ты давно уже понял, просто страшишься признаться себе в этом. Теперь же следуй за мной.

– Но Хранитель...

– Уже следует за другим столпом Третьей Силы.

Глава 7

Хаген, тан Хединсея; Райна Разбивающая Щиты; Сигрлинн; Хедин-из-Бездны

Мертвец на могильном камне шевельнулся, конвульсивно дёрнулся, потянулся, рывком сбросил ноги с камня. Хаген одним движением выдернул меч из пронзённого горла Брана, отпрыгнул, вскидывая клинок в защитную позицию.

– Не пытайся меня обмануть, Сухая Рука, я знаю, насколько хорошо ты умеешь притворяться трупом, – процедил он сквозь зубы.

Спрыгнувший с камня мертвец довольно-таки бодро повёл плечами, встряхнулся, по-медвежьи надвинулся на Хагена.

– Вы любите играть в загадки, – проговорил хединсейкий тан, осторожно отступая и не сводя глаз со своего двойника. – Думаете, что это поможет сохранить Закон Равновесия. Но мне-то и так понятно, Сухая Рука, – только одна сила могла вернуть тебя из-за смертной грани, и эта сила – Демогоргон. Как ты там прозвал меня с Учителем? «Чёрный мор сущего»? «Бичи нашей вселенной»? Право же, ты нам льстишь.

Бран Сухая Рука, застывший в луже крови, не пошевелился и ничего не ответил. Воин с лицом молодого Хагена, в простой кольчужной броне, островерхом шлеме, с длинным полутораручным мечом неспешно приближался к ученику Хедина.

– Мы никогда не враждовали с Соборным Духом, – продолжал Хаген. – С чего бы ему именовать нас всякими поносными словами? Это не в его характере. Но зачем он тогда освободил тебя?

Мертвец прыгнул, извернулся, ударил; удар был хорош, стремителен, хитёр: начавшись финтом, резко поменял направление. Хаген отступил на шаг, его собственная сталь поднялась для защиты, заскрежетала по чужому клинку.

Бран дёрнулся, руки его заскребли землю.

– Я же говорил, что не поверю, – бросил ему Хедин.

После этого ему стало уже не до разговоров, потому что противник атаковал умело, быстро, расчётливо; да, так мог драться он, молодой тан Хединсея, когда всё в мире казалось таким понятным и простым.

Жеребец Хагена зло заржал, встал на дыбы, копыта мелькнули возле самой головы ожившего мертвеца, и тому пришлось отступить. Тан ударил

раз, и другой, и третий, перехватывая первенство. Теперь уже отступала его молодая копия; отступала, умело закрываясь, угрожая в любой миг контратакой.

Однако с каждым мигом длящейся схватки мертвец менялся всё сильнее и сильнее; лицо его стремительно покрывалось морщинами и шрамами, делаясь неотличимым от облика истинного Хагена. Неизменным оставался лишь простой кольчатый доспех.

Бран Сухая Рука меж тем поднимался тоже; из-под прижатой к рассечённому горлу ладони вырывались струйки сероватого пара.

– Кадавры, – яростно бросил Хаген. – Гомункулусы. Куклы!..

– Главное – что у этой куклы в голове, – хрипло проговорил Бран. Он убрал ладонь – на шее остался лишь широкий багровый шрам.

Хагену вновь стало не до разговоров; его двойник упёрся, отражая каждую атаку, каждый выпад.

Криво усмехаясь, ученик Хедина добавил к размаху стали магию. Лезвие меча полыхнуло, призрачные двойники клинка срывались с его оружия, и гасли, ударяя в грудь сражавшегося с ним мертвяка. Тот пошатнулся, согнулся, пальцы его разжались, выпуская эфес.

– Готово, – просипел Бран. Сухая Рука оставался в стороне, не пытаясь вмешаться в поединок. – Готово, Хаген! Так и знал, что ты на это попадёшься!..

– На что?

Двойник хединсейского тана опустил на одно колено, голова его поникла, руки прижаты к груди.

– Ты зажился на этом свете, ученик Хедина. Но мы не могли тебя добыть – слишком уж хитёр и изворотлив твой учитель. Но теперь ты отправишься туда, куда и должен – в домен Соборного Духа!..

«Это с чего ради?» – хотел было ухмыльнуться Хаген, но мир его внезапно заполнила одна лишь боль. Это он теперь оказался рухнувшим на колено, едва не теряющим сознания от режущей грудь муки.

Бран Сухая Рука возник рядом, низко склонился, обнимая за плечи, словно брата.

– Нас обоих там ждали, – прохрипел он. – Дело сделано. До встречи, тан Хединсея!.. Нелегко будет нам оправдаться перед Великим Духом!

...Туман, холодный и мокрый.

Волны его катились со всех сторон, подобно прибою. Над серым морем нависали вечерние сумерки, холодный пронзающий ветер дул, казалось, со всех сторон сразу, и лишь впереди смутно виднелся какой-то

холм, а на нём – неяркие огоньки, как будто окна жилища.

Ученик Хедина с трудом выпрямился – в себя он пришёл, лёжа ничком на влажной траве, но не на живой, смоченной утренней росой, – нет, на сухой и колкой, словно давно скошенное сено, облитое водой из ведра.

Он взглянул на себя.

Не его руки, не его меч, не его доспехи – того, мёртвого, с могильного камня.

Хаген пошатнулся. Он слишком поздно понял, какую ловушку ему подстроили.

Ему казалось – он дышит, чувства его остались прежними, ощущается земная тяга; но на самом деле путь у него уже только один.

Тан тяжело упал на одно колено, вонзая чужой клинок в землю и утыкаясь в него лбом. Глаза его сочились не слезами, но ненавистью, яростной и горячей, однако же – бессильной.

Он понимал, что мёртв. Чары, наложенные Учителем, разбиты, серые пределы, домен Соборного Духа, поглотили его, Хагена, душу.

...Туман, холодный и мокрый.

Раздвигая его руками, словно болотную тину, Хаген угрюмо двинулся в единственном направлении, где новая действительность хоть как-то отличалась от бесконечных пространств унылой бесцветной мглы.

Сумерки, которым никак не смениться ночью. Тучи, готовые разразиться бурей, которая никогда не настанет. Ветер, дующий со всех сторон, который ничего не движет и гонит. Посмертие, сухая и старая картинка, нарисованная выцветшей тушью с настоящей жизни.

Хаген шёл упорно и упрямо, не давая чёрным мыслям взять верх. Себе самому он казался вполне живым, телесным, воплощённым. Тяжесть доспехов и оружия, скрип кожаных ремней, даже запах собственного пота – чем не жизнь?

Дом на холме освещал ему дорогу огнями окон, но казались они не радостными и приветливыми, а, напротив, мрачными и предостерегающими – словно алые фонари, подвешиваемые порой в горах Восточного Хьёрварда возле крутых обрывов и пропастей.

Хаген поднимался. Смерти нет, твердил он себе, сжимая зубы. Я помню, кто я, помню, что должен сделать, значит, всё, что вокруг, – это посмертие или иная иллюзия, называй как хочешь, из которой надлежит вырваться.

Дом встретил его поваленным плетнём, странно покосившимся крыльцом; дверь сорвана с петель и просто прислонена обратно. Из окон пробивался мрачный алый отсвет.

Хединсейский тан поднатужился, отодвигая в сторону тяжёлую створку из каменного дуба. Открылись просторные сени, и в тот же миг отворилась дверь и в горницу; в проёме возникла массивная человеческая фигура.

– Привет тебе, Хаген.

Голос был низок, рокочущ, почти рычащ. Хозяин выпрямился, отступил в сторону, скрещивая руки на широкой груди. Язык, на котором он заговорил, был древним наречием Восточного Хьёрварда, наречием его матери, Свавы, на котором она, когда хмель не брал над ней верха, пела маленькому Хагену протяжные разбойничьи песни.

– Привет тебе, хозяин, прости, не ведаю твоего имени, – на том же языке ответил ученик Хедина.

– Зови Трактирщиком, – последовал ответ. – И входи, садись. Времена сейчас недобрые, но кой-какое угощение соображу.

Хаген повиновался.

Просторная горница, убранная, словно в богатом трактире где-нибудь в Бирке или Хедебю, с длинным деревянным столом и лавками, с медвежьими и волчьими шкурами на стенах и воронёными доспехами на особых расчалках.

Угощение оказалось под стать. Форель из северных рек, ягоды – брусника, морошка, клюква, немудрёные соленья, простой ржаной хлеб.

Трактирщик со стуком поставил перед Хагеном высокую пенящуюся кружку.

– Выпьем, тан. Это добрый эль.

– Другого здесь, наверное, и не бывает, великий дух, – как мог спокойно сказал Хаген, поднимая кружку.

– Я – не он, – отрезал Трактирщик, в свою очередь поднимая эль.

– Ты – часть его. – Хаген отставил пиво, лишь сделав вид, что пьёт.

– Часть, но особая. – Хозяин взглянул в глаза тану. – Не пригубил даже моего эля. Почему?

– Не по мне эта честь, великий. Да и сказки рассказывают – кто чего отведаёт в посмертии, тот жизнь земную уже навсегда забудет. А я забывать ничего не хочу.

– Не все забывают, – буркнул Трактирщик. – Кто хочет забыть – тот забудет. А кто не хочет – тот нет. Иные и рады были бы, да не могут. Кто по жене иль по мужу убивается, кто по детям. Кто родной город вспоминает, перед врагами павший. Кто злато зарытое, о коем семье не сказал... Ты вот – ничего не хочешь забыть, Хаген из Йоля?

– Ничего, – сухо ответил тан. – Всё помнить должен, обо всём

Учителю рассказать.

– Может, и расскажешь, когда сам Учитель твой к нам соберётся, – сообщил хозяин.

– Уж кого-кого, а великого бога Хедина вам никогда не заполучить, – усмехнулся Хаген. – Но довольно этих речей, хозяин. Мне ведь дальше двигаться надо, как я понимаю?

– Можешь двигаться, а можешь и тут чуток задержаться. Торопиться не обязательно, можем с тобой посидеть славно, эля выпить – это ведь последний твой эль, не забывай, тан.

– Когда-нибудь всем нам предстоит испить свой последний эль. Нет смысла искать в нём что-то особое.

– Но ты ведь не собирался, так? Хотел жить и дальше, милостями своего учителя Хедина?

– Это, великий дух, наше с ним дело. Если ты – привратник, то пропусти меня дальше.

– А если я найду тебя недостойным?

– Тогда я буду биться с тобой, насколько хватит сил.

– А когда они иссякнут? – Кажется, Трактирщик откровенно забавляется.

– Как могут они иссякнуть у мёртвого? – пожал плечами Хаген. – Довольно пустых слов, великий. Только если ты сможешь объяснить мне, почему вам было так важно меня заполучить, что пришлось прибегнуть к столь сложному способу.

– Упорядоченное сотрясли великие бедствия, тан Хединсея. У нас, у Третьей Силы, есть только один шанс исправить случившееся. И для этого всё должно быть... как можно ближе к равновесию. Ученик Истинного Мага, продолжающий жить, хотя Время не утратило над ним власти – один из нарушителей оного.

– То есть я просто должен быть мёртвым? Я, один? И это сдвигает баланс? Ты всерьёз предлагаешь мне в это поверить, великий?

– Не преуменьшай своё значение, тан Хединсея. Третьей Силе ты нужен мёртвым, а не живым.

– Отрадно, что столь великие сущности, как Орлангур и Демогоргон, так высоко меня ценят. Но, хозяин, если тебе ведомы мои мечты и помыслы, ты должен знать – я не сдамся.

Трактирщик покачал головой.

– Ешь и пей, тан Хаген. Не в моей воле ни дать тебе свободу, ни пресечь и это твоё посмертие. Ешь и пей, а потом ступай туда, куда ветры сего места укажут тебе путь.

– Что я должна сделать? – повторила валькирия Райна.

«Помочь нам восстановить баланс, хотя бы в незначительной части. Великая работа требует завершения. Чем ближе она к Идеалу, тем лучше, пусть даже мы его и не достигли на этот раз. Но важно продвинуться к нему, сделав следующую Монаду более совершенной, чем предыдущая».

– Хорошо. – Райна села, прижимая пальцы к вискам. – Что в точности вы от меня хотите?

«В рядах тех, кто нам служил, произошло... нестроение. Тебе надлежит исправить его в меру твоих сил».

– А вы сами?

«У нас есть иные заботы. Монада должна быть рождена. Наше предназначение – чтобы она приблизилась насколько возможно к Идеалу. Твоё дело – помочь нам в этом».

– А госпожа Сигрлинн? Куда она всё-таки исчезла?

Бестелесный голос молчал какое-то время, и наконец сообщил, сухо и неохотно:

«Та, кого ты именуешь Сигрлинн, осталась в пределах Хаоса».

– Как «в пределах»?!

«Сигрлинн сумела... отделиться от того кокона, что защищал вас обеих. После этого мы уже не можем видеть или ощущать её. Что с ней – мы не ведаем. И мы не можем разыскивать её в этой бездне. Тебе, Разбивающая Щиты, придётся обойтись без неё».

– Что в точности вы от меня хотите?

«Устранения тех, что мешают Монаде и отдаляют её от Идеала».

– Кого же?! – Райна потеряла терпение.

«Мы надеемся, что ты правильно поняла наши великие намерения. Мы надеемся, что ты осознаёшь – в этом и только в этом истинное спасение Упорядоченного, бесконечность существования божественного Разума, великого и непознаваемого Творца. Мы не ищем себе ни богатств, ни наслаждений, ни власти. Нам нужно лишь, чтобы Творец был».

– Кого...

«Погоди, валькирия. Так вот, в конце нашего пути – идеальная Монада, идеальный Творец. Такое Упорядоченное будет существовать поистине вечно. Будет ли в нём смерть? – не ведаем. Быть может, и будет, но лишь как череда перерождений, вечно пути сознания и памяти. Однако для этого Творец должен быть поистине Идеален. Лишён всех

неправильностей, отклонений, возмущений. Мы всегда боролись с возмутителями спокойствия, если только появление их не было заложено в Плане Творца, наподобие Молодых Богов, что должны были сменить вас, Богов Древних. Мы помогли Ракоу Восставшему и помогли его противникам таким образом, чтобы силы их истоцились бы как можно скорее. Мы выступили против Хедина Познавшего Тьму. Мы... сделали ещё многое, приближая грядущего Творца к Идеалу. Но сейчас настал решающий момент. Если мы не сдержим эту бурю, то пропадут не только все наши труды, но и само Упорядоченное будет обречено, когда магия в нём остановится окончательно. Мы не хотим грозить тебе, валькирия. Мы по-прежнему надеемся, что ты поймёшь нас».

– С кем я должна сразиться? – в третий раз повторила воительница.

«Их трое. Трое чародеев, называющих себя людьми и „смертными, достигшими бессмертия“. Кор Двейн, Скъёльд и Соллей. Они были нашими союзниками, но... впрочем, не важно. Они должны быть устранены. Этого требует баланс Упорядоченного и приближенность к Идеалу».

– Эти трое? И всё?

«Нет. За ними должно последовать ещё много упокоений. С какими-то мы справимся сами. С какими-то – наши слуги, из тех, что сохранили верность. Ещё с какими-то – ты и тебе подобные. Но об этом мы скажем после. Пока что надо справиться с отступниками, не дать им разрушать баланс ещё больше, вносить всё новые и новые искажения. Поэтому – отправляйся в путь, воительница. И помни, что чем ближе к Идеалу Творец, тем больше шансов, что в новом мире, в новом Упорядоченном тоже родится валькирия Райна. И, быть может, даже вспомнит кое-что из своей прошлой жизни».

– Быть может... – скривилась воительница.

«Тебе, во всяком случае, лучше, – невозмутимо сообщили Дальние. – Мы же исчезнем все до единого».

– Но разве таких, как вы, не будет в следующей инкарнации Творца? Разве не было вас раньше?

«Мы не ведаем, – пришёл холодный ответ. – Может, мы были, а может, и нет. Может, мы будем, а может, и нет. Может, Творец воплотит иной способ движения к Идеалу. Не важно. Мы не поглощены, в отличие от вас, самовывживанием. Но всё это не имеет отношения к тому, что тебе предстоит свершить прямо сейчас. Мы укажем тебе дорогу к убежищу тех, чьё бытие грозит необратимо погубить движение к Идеалу. Тебе очень помогла бы волшебница Сигрлинн, однако её нет, и придётся справляться самой».

– Если эти чародеи настолько могучи, мне могут понадобиться союзники.

«Вот это речи истинной воительницы. Отправляйся в Хьёрвард, валькирия. Там ты встретишь своего отца. Ему было доверено целое воинство Древних, собранное нами. Увы, он решил употребить его для собственной войны в то время, как оно требуется совсем в ином месте. Мы попытались это исправить, использовать и этот... порыв твоего родителя, насколько могли. Дали ему новые веления. Однако события разворачиваются слишком быстро, и в слишком многих местах. То, что мы поручили богу Одину, может подождать. Недолгое время, но может. Возьми это воинство, валькирия. Оно подчинится тебе – мы пошлём весть».

В глазах Райны потемнело.

– Я должна сразиться с собственным отцом? – глухо проговорила она. – Речь ведь именно об этом? Владыка Асов не покорился вам, пошёл своим путём; вы попытались его использовать, но поняли, что...

Дальние прервали её резко, болезненным гудением в глубине её черепа.

«Наступает то, что вы пророчески назвали Рагнарёком, Разбивающая Щиты. Время, когда вырвется на свободу Великий Волк, всплывёт на поверхность Великий Змей, и огненный меч великанов положит конец Мировому Древу. Вы предвидели и провидели очень многое, многому дали символическое, понятное лишь мудрым изложение. Упорядоченное само предсказало собственный конец; вы, как могли, уловили его печаль и скорбь. Не кручинься, дочь владыки Асгарда, – если кто и может сохранить его для уготовленной участи, так это ты. Твой же отец и в самом деле пошёл против нас, и мы на самом деле попытались обратить это хоть к некоей пользе сотворения Монады; сражение то, при всей важности своей, сейчас не должно длиться. Нам предстоит справиться с куда большим искажением и его источниками, прежде чем мы сможем думать о меньших».

– С кем же ведёт сражение мой доблестный родитель?

«С самим Спасителем», – последовал немедленный ответ.

Воительница вцепилась в край стола, костяшки побелели.

«Нам было полезно это противостояние, ибо Спаситель есть одно из паразитных возмущений, препятствующих движению к Идеалу. Поэтому богу Одину и было... позволено вести сражение. Но теперь нам стало ясно, что продолжать бой хоть и желательно, но есть и более насущное. Твоему отцу мы более доверять не можем. Поэтому воинство возглавишь

ты».

Воцарилось молчание. Райна сидела, оцепенев, и лишь взгляд её затравленно скользил по стенам, по звериным шкурам, по старой столешнице – так трудно было поверить, что вот это всё: щербатая кружка, следы ножей на досках, пушистый мех – создано магией и на самом деле не существует.

Красивые слова Дальних о целях, возмущениях и прочем скрывали под собой одну простую истину. Осознание ударило воительницу, словно ледяной кинжал под рёбра.

– Я должна убить собственного отца.

«Возможно. Это Рагнарёк. А что такое, в сущности, Рагнарёк? Великое устранение возмущений и имперфекций. Подготовка к сотворению великой Монады. Так что... И кто знает, какой облик примет символ Рагнарёка, Великий Волк, обретя свободу?»

– Это чепуха, – собрала все силы Райна. – Великий Волк – это же Фенрир, и он очень изменился...

«Вот именно. Изменился. А Великий Волк – это отнюдь не имя, валькирия».

– Но... мой отец...

«Или – или, воительница Рандгрід. Мы не воины, мы – творцы Творца. В великой своей мудрости Он не допустил в Своём творении всесильных, тех, кому достаточно лишь пожелать – и всё исполнится. Нет и таких, что способны, ступив на поле битвы, одним взмахом повергать во прах многочисленные армии. Нет, в Сущем подобное сражается с подобным. Поэтому нам необходимы помощники. Неважно, добровольные или нет.

Мы принимаем свои меры, не сомневайся, валькирия. Но и без таких, как ты, не обойтись».

Райна молчала, машинально поглаживая пушистую шкуру. Медвежья. Тоже обман, как и всё здесь.

«К твоему отцу отправились уже наши посланники. Мы надеемся, что он внемлет. Ну, а если нет... Только от тебя зависит, валькирия, сумеешь ли ты убедить его добровольно отказаться от того безумия, коему он предался, и возглавить воинство Древних».

– Предался безумию? Но ведь вы сами сказали, что велели ему сражаться. Тогда почему же...

«Потому что он не желает остановиться. Пытается „спасти город“. Хотя спасти нужно не город, а Упорядоченное и рождающуюся Монаду. У нас же возникли куда более насущные задачи».

– Более насущные... то есть вы и сами тоже будете... пытаться

покарать эту троицу?

«Да. В меру возможного, ибо всё внимание и силы наши потребны здесь, где творится Монада. Но не сколько „покарать“, сколько „устранить хаотизирующее воздействие“».

– Так не лучше ли нам вместе?..

«Конечно. Ты начнёшь, воительница, и мы поддержим. Но начнёшь ты».

– Хорошо, – проговорила наконец валькирия. Только бы выбраться отсюда, только бы вернуться в обычный мир!..

«На этих наших врагов двинешься не ты одна. Увы, нет времени заново выстраивать многочисленные воинства, но без помощи ты не останешься. Мы воссоздали твои доспехи и оружие».

– Почему же «нет времени»? Есть же тихие заводи, где Великая Река течёт едва-едва?

«Увы, это именно заводи. Те, кто нас предал, знали, где укрыться. Время там ничуть не медленнее основного потока. Поэтому приходится действовать почти наобум. При этом требуется крайняя поспешность. Что ж сказать – нас очень, очень... огорчил твой отец, валькирия».

– Огорчил?

«Используем понятное тебе слово. Мы не испытываем подобных чувств, конечно же. Но планы должны исполняться, воительница, так что поспеши».

В любом случае, подумала Райна, я увижу отца. А Ракот Восставший... его мы отыщем также.

«Но этот наш оберег пребудет с тобой, – вдруг заявили Дальние. – Мы долго избегали подобного, даже твоему отцу таковой вручён не был. А тебе мы даём».

На столе перед ней из ничего соткался зелёный продолговатый кристалл о семи разношироких гранях.

Райна бестрепетно протянула руку, коснулась прохладного камня.

– Он уничтожит меня, если я не исполню вашу волю?

«Да», – чуть поколебавшись, ответили Дальние.

– А моему отцу, пошедшему против вас, такого не полагалось?

«Против него это бы не подействовало, валькирия. В тебе, как и в нём, горит искра Пламени Неуничтожимого, но в нём её больше. Её не затушить и не разрушить».

– А мою, что же, можно, выходит?!

«Твою можно пригасить на время, достаточное, чтобы Упорядоченное изменилось бы окончательно и бесповоротно. Древнего

бога, какой есть твой отец, можно лишь отправить в серые пределы, однако и оттуда, как оказалось, можно вернуться».

– Что ж... – Валькирия подкинула кристалл и вновь поймала. – Торговаться не стану. Показывайте дорогу, хозяева. А то всё «грозить не хотим, грозить не хотим...».

«Мы не хотели и не хотим. Нас вынуждают обстоятельства. Мы предпочли бы, чтобы ты согласилась быть с нами добровольно, а не из страха».

– Показывайте дорогу, – с холодной гордостью бросила Райна.

«Ступи через порог, валькирия».

Она повиновалась.

* * *

Чёрное пламя Хаоса бушевало вокруг, неведомым образом просачиваясь сквозь кокон, защищавший чародейку Сигрлинн. Её самой, Прекрасной Дамы, кому поклонялись рыцари одноимённого ордена, в коконе не было тоже; наверное, никто, даже великий Мерлин, не смог бы сказать, что в нём сейчас находится. Искра сознания, окружённая облаком чар, распадающихся и вновь воссоздаваемых непреклонной волей той, кого можно было, наверное, назвать последней из Истинных Магов (если забыть о Царице Ночи и её сородичах, а также о Горджелине Равнодушном, прозываемом также Снежным Магом).

С самого первого мгновения, как только раковина Дальних сомкнулась вокруг них, Сигрлинн пыталась перебить направлявшие движение чары пленителей. Миг, когда ей показалось, что она смогла-таки рассоединить незримые зацепы и выступы, словно в сложном часовом механизме, обжёг её свирепой радостью хищника, после долгой погони вонзившего клыки в шею жертвы и ощутившего чужую горячую кровь.

Однако полностью подчинить кокон собственной воле она не смогла. Неведомо как, но он разделился, оставив чародейку в одиночестве; то, что должно было направить его бег к границе Упорядоченного в тех местах, куда Дальние пока не добрались, рассекло раковину надвое.

Она продолжала бороться. Пусть в одиночестве, но она должны выбраться отсюда; пусть не так, как наметила изначально, пусть не оставив Дальним задуманного ею сюрприза, но выбраться!..

В пламени Хаоса, бушевавшем снаружи, тонуло всё, и Сигрлинн вдруг осознала, что не знает, куда направлять кокон. Все направления утратили

смысл; здесь не было земной тяги; здесь безумствовала дикая, ни во что не воплощённая сила.

Куда править?

Сигрлинн ощущала растущие ужас и панику. Кто знает, сколько продержится эта ракушка; и что будет, если она распадётся?.. Она сама, её суть, естество Истинного Мага достанется вечно голодному Хаосу, а это значило только одно – полное её уничтожение.

Распад и растворение в огненном море, которому нет ни конца, ни края, которое всегда было и всегда будет.

...Она боролась, пытаясь восстановить в памяти ощущения движения. Всё же Упорядоченное было реальным, и реально граничило с Хаосом. Учитывая его громадность, можно было считать, что почти половина путей приведёт кокон обратно, где он сольётся вновь с барьерами Творца.

Почти половина, чуть меньше. Другая же уведёт Сигрлинн в глубины Хаоса, где она... нет, об этом лучше даже и не думать.

Двигается ли она или стоит на месте? Нет, неверно – в Хаосе нельзя «стоять на месте», тут не бывает «покоя», только вечное бессмысленное движение.

Здесь не с кем вести переговоры, нет места цветистым и искусным речам, столь часто звучавшим под сводами Замка Всех Древних.

Она не могла решиться. Чёрное пламя сочилось внутрь, тянулось к ней, пыталось вобрать в себя, растворить, сделать частью себя; и всё-таки Сигрлинн медлила.

Почти половина путей ведёт в Хаос. Половина.

Вокруг царило слабое зеленоватое свечение – тусклые стены кокона, словно сотканные из обретшего гибкость кристалла Дальних.

И столь же чёрное, как и пламя Хаоса вокруг, отчаяние овладевало сознанием чародейки.

Она ошибётся, она опять ошибётся. Как ошиблась в Асгарде, как ошиблась с Одином, как ошиблась с... Последнее время у неё совсем ничего не получалось, и даже под Иггдрасилем её спасла не кто иная, как Райна. Хотя – как спасла? Они ведь угодили к тем самым Дальним, от которых бежали.

Всё бессмысленно.

Её интуиция, интуиция Истинного Мага, давала сбой за сбоем, Сигрлинн больше не верила самой себе.

Какой бы выбор она ни совершила сейчас, он окажется ложным и гибельным.

Кокон медленно дрейфовал в ближних пределах Хаоса, волшебница

ощущала, как медленно, но, верно, истончается его броня. Дальние не собирались отправлять своих пленниц в долгое путешествие.

Замерев, Сигрлинн плыла сквозь бездну – а может, стояла на месте. Половина путей ведёт к неотвратимой гибели, и, страшась ошибиться, она не делала ничего.

* * *

Хедин, переставший быть Новым Богом и хранителем Упорядоченного, шагнувший в бездну Неназываемого и слившийся с сингулярностью, проваливался сквозь сущее. Здесь оно переставало быть.

Красивое слово «сингулярность» означало конец всех и всяческих законов, смыслов, упорядочиваний.

Здесь должен был царствовать хаос ещё более хаотичный, чем омывавший стены вселенной океан; однако Хедин продолжал существовать и проваливаться всё глубже.

Проваливаться в истинную изнанку мира, в оборотную сторону и Упорядоченного, и Хаоса вокруг него.

Это была дорога Неназываемого, почему-то закрытая для него, дорога в невообразимые области иномирья, инобытия с совершенно иными законами.

И отсюда он чувствовал Сигрлинн, вышвырнутую в море Хаоса, пленённую им, стиснутую чарами. Она перестала быть частью Упорядоченного, её уносило прочь, словно утлую лодочку свирепым штормом.

Хедин оглянулся, если можно это так назвать. Он не имел сейчас ни глаз, ни головы, ни тела, но воспринимал всё самой своей сущностью.

Может ли он вывести отсюда Неназываемого? Может ли каким-то образом спасти, удержать, сделать так, чтобы прибило бы обратно кокон Сигрлинн? И какова будет цена?

За ним бурлила чернота; чёрный свет, чёрное движение, незримое, но всё-таки различимое. Словно бы туша Неназываемого ворочалась во мрачном логове, но не было никакого логова и никакой туши, а только клубок совершенно чуждых материи Упорядоченного сил.

И всё-таки он попытался. Если Сигрлинн ступила в Хаос – то уж, наверное, сделала это не по незнанию или недомыслию; а вот кто знает, представится ли ещё возможность потянуть за собой вечно ненасытное чудовище, проклятие их с Ракотом?

Души окружали сущность Хедина, нематериальную, но способную мыслить и помнить; они сделались его новым «телом». Шёпот бесконечного множества голосов отражался в нём, словно каждая из душ торопилась поведать другим свою историю; множество языков, наречий, судеб.

Познавший Тьму скользил сейчас словно бы между и Упорядоченным, и Хаосом, они расступались перед ним, сходились вновь. Он чувствовал жар чёрного пламени, биение схлёстывающихся волн, сжатий и расширений Хаоса, скоплений и пустот, возникавших и тотчас оборачивавшихся своей противоположностью. В кипящем и бурлящем месиве смутно ощущались инородные вкрапления – где-то в невообразимых далях; и он понимал, что это – иные Упорядоченные.

А ещё здесь, в Хаосе, была Сигрлинн, и чёрное пламя жадно обнимало её.

Познавший Тьму тянулся к ней всем существом, всем Пламенем Неуничтожимым, столь щедро пожертвованным ему душами.

Ему казалось, что он неподвижен, но всё вокруг скользит, движется, и бывшее Неназываемым удаляется тоже. Хедина тянуло туда, где скользила Сигрлинн – словно под толстым слоем льда, в тёмной воде.

А может, это он сам был подо льдом.

Он пытался осмыслить окружающее и не мог. Здесь всё было неопределённо и текуче, но не так, как в Хаосе. Реальности сходились в одной точке и вновь расходились, в одном месте разом могло соединяться множество несоединимого; здесь была живая сила, но совершенно разупорядоченная, не текучая, пребывающая словно в вечном сне.

Познавший Тьму по-прежнему ощущал себя Познавшим Тьму, однако его человеческое словно бы отступило в тень, перестало быть привычным, обратившись лишь бестелесной памятью.

Ни голода, ни жажды, ни боли, ни страха. Семя мысли, плывущее океанами неведомого, скользящего под гранью реальности, готовое воплотиться – или, напротив, кануть навек в глубинах, где ни света, ни тьмы.

Единственное, что было реальным, – бьющееся в клетке алое пламя вечного Феникса. Вечно женственного, способного порождать самоё себя; и к нему он приближался, несмотря на воздвигнутый меж ними барьер, что крепче и непреодолимей созданного Творцом.

Время не существовало здесь, в Упорядоченном могли миновать мгновения, а могли – эпохи. Иногда Хедину начинало казаться, что он видит разом и начало пути Сигрлинн, и его окончание, дробящееся на

множество вариантов.

Однако настал миг, когда они оказались друг подле друга, разделённые лишь слоем невидимого льда, гранью сущего, перед которым ничто были сами барьеры Творца.

Теперь они скользили вместе, соединённые чем-то, проникающим и сквозь раковину Дальних, и сквозь огненный Хаос, и сквозь вовсе невообразимое, отделявшее сейчас суть Хедина от знакомого ему пласта бытия.

Соединённые чем-то, что сильнее реальности, какой бы природы она ни была.

Словно двое по разные стороны стеклянной стены, приложив к ней ладони, тщатся ощутить тепло родной руки, но чувствуют лишь холод незримой преграды.

И Хедину виделся вновь Джибулистан, и Голубой Город с его дворцами, хрустальными бассейнами, фонтанами и водопадами; и они с Сигрлинн, в человеческом обличье, наслаждающиеся прохладной водой после вызванной ими самими жары.

Там, в Джибулистане, они бы с хохотом разметали бы возникший меж ними лёд. Здесь лишь могли скользить, разделённые таинственной гранью.

И всё-таки скользили они именно вместе.

За спиной Хедин ощущал движение Неназываемого, медленное, неостановимое; тут уже не было никакой новосотворённой пустоты, чтобы задержать ползущую сущность. Казалось бы, чего бояться Познавшему Тьму, только что прошедшему насквозь бездну голодной твари, закованному в броню из Пламени Неуничтожимого? Но здесь, в ином пространстве, всё становилось не так. Прежнее слабело, новое сильнело; и лишь голод Неназываемого оставался прежним.

Шла вечность. Или, быть может, один короткий миг – времени не существовало, лишь всё ближе становилась зеленоватая поверхность кокона, защищавшего Сигрлинн, всё теснее и крепче их связь с Хедином, прошедшим бездну.

Они скользили вместе, соединённые чем-то, что сильнее и Хаоса, и Неназываемого.

* * *

– Ну, спасибо тебе, хозяин милостивый, за хлеб, за соль да за ласку. Пора мне.

Хаген стоял в дверях трактира; хозяин огромной тенью заполнял сени. Снаружи властвовала сырая ночь; холодная мгла медленно ползла куда-то, словно исполинский слизень.

– Ступай, тан; ступай, да не оборачивайся.

Голос Трактирщика был низок и глух, и его полнила смутная угроза.

– Последний эль свой ты выпил.

– Значит, пусть так оно и будет, – пожал плечами ученик Хедина. – Ветер, говоришь, мне дорогу укажет?

– За собой поведёт, – кивнул хозяин.

Хаген молча склонил голову и шагнул за порог.

И точно, ветер сразу же ударил в спину, толкнул вперёд, погнал прочь от холма. Сумеречная хмарь колыхнулась, словно стоячая вода в болоте, вокруг его ног; не оглядываясь, хединсейский тан двинулся прочь, под беззвёздным небом, сквозь холод и сырость.

Он шёл и шёл, сцепив зубы, не поворачивая головы, не слушая замогильных глухих стонов, доносившихся то справа, то слева; не поднимал меча, когда впереди загорались парные угли алых буркал, так же точно и угасавших, когда Хаген приближался к ним; никто не дерзнул бросить ему вызова.

Усталости он не ощущал, как и голода, и жажды. Оно и понятно – мёртвым не нужны ни еда, ни питьё.

И путь его длился, пока перед ним в ночи не поднялись к невидимым небесам ветви великого Древа.

Ничто не преграждало путь хединсейскому тану, он беспрепятственно достиг подножия – исполинская, ввысь уходящая живая стена изрытой глубокими впадинами, трещинами и расщелинами коры.

Здесь царили пустота, безмолвие, неподвижность.

Хаген протянул руку, коснулся ствола, закрывая глаза и болезненно морщась – Древо еле ощутимо вибрировало, дрожало, отзываясь болью в суставах мёртвого как будто бы тела.

– И что же теперь? – процедил ученик Хедина сквозь стиснутые зубы.

Ночь, мгла, сырость, холод. Едва различимая серая трава под ногами, затхлый, словно в давно забытом склепе, воздух. Что ему тут делать, в обители мёртвых? Вечно скитаться по серым пределам, без дела и смысла, оглашая владения Соборного Духа бесполезными жалобами?

Его заперли здесь с тем, чтобы его двойник сумел бы сделать... что?

Нет, Хаген Хединсейский, ты об этом думать не станешь. Ты будешь думать, как выбраться отсюда – да, выбраться, откуда не выбирался ещё никто, если не считать асов, выведенных Древним Богом Одином.

Но чу! – сверху донеслось что-то вроде скрипа когтей по коре, и на Хагена взглянула сама Тьма – гагатово-чёрными глазницами.

К нему стремительно спускалось некое существо, странная помесь паука с крабом. Многофасеточные и многочисленные глаза, клешни, восемь ног, вздымавшихся высоко над шипастым панцирем, раскрытая пасть, полная мелких, но очень острых зубов.

Демон.

Что они делают здесь, на великом Древе, в домене Соборного Духа?

Они его слуги?

Существо приподняло клешни, защёлкало ими со стуком, словно опуская крышку сундука, захлопнуло и вновь распахнуло пасть.

– И это всё? – проговорил Хаген. Кажется, ему предоставлялся шанс разогнать мучительную скуку.

Меч безмолвно скользнул в руку. Не его привычный зачарованный клинок, но сойдёт и этот, полученный с подменным.

Демон ловко, по-паучьи, спускался по Древу. Чернота паялилась на Хагена, и хединсейский тан спокойно отшагнул назад, готовый встретить бросок чудовища; сколько таких вот ему довелось одолеть и вожаком морской дружины, и в обличье лекаря Динтры!..

Демон, однако, не прыгнул, не бросил паутины, не изрыгнул липкой слюны, не метнул отравленные иглы; он раздувался, пластины панциря расходились, между них появились затянутые жёлтым пузырьём просветы.

Хаген криво усмехнулся, вскинув меч наперевес.

Во-он туда, между головогрудью и боковым шипастым щитком он и вгонит остриё.

Демон, превратившийся к тому времени в подобие самого настоящего шара, медленно оторвался от Древа, поплыл над головой Хагена, завис, слегка поддёргивая щетинистыми лапами, каждая из которых заканчивалась внушительным когтем.

К ногам хединсейского тана упала мягкая серая петля, словно свитая из множества паутиных нитей. Демон издал странное урчание, словно пёс, пытающийся звать за собой хозяина.

Он точно предлагал Хагену взяться за петлю. Нападать создание явно не спешило; или же это его способ охоты? «На доверии», как сказали бы в воровских гильдиях Бирки.

Серое вервие слегка поднялось, втягиваясь в брюхо демона. Петля теперь раскачивалась прямо перед лицом Хагена; чуть поколебавшись, он опустил меч и продел в неё левую руку.

Демон удовлетворённо фыркнул, и начал медленно подниматься вверх,

по-прежнему раздувшись, словно рыба-пугало.

Мимо проплыла стена нагой коры Древа, и демон, сделавшийся воздушным шаром, двигался теперь сквозь настоящий лес – от ствола Древа отходили многочисленные и широкие ветви.

– Куда ж ты меня несёшь? – пробормотал Хаген.

Страх не было. Чего бояться мёртвому в мёртвой стране?

Демонов становилось больше, самого разного и причудливого вида; они обсели ветви Древа, суетились и ползали, перебегали, перелетали и вообще больше всего напоминали жуткий рой громадных насекомых. От тащившего Хагена вверх демона-шара они, однако, спешили убраться подальше.

Путь наверх занял совсем немного времени.

Вокруг медленно разливался слабый серый свет, исходивший, похоже, от ветвей и листьев Древа.

Здесь, чувствовал Хаген, сходятся питаемые тремя Источниками Магии корни великого Древа; под корой течёт магия, порождённая и Кипящим Котлом, и Источником Мимира, и чистейшим Урдом.

И среди этой серой мглы, простёганной слоистым туманом, где сновали чёрные, блестяще-лиловые и тёмно-багровые тела демонов, Хаген вдруг увидел обычный живой огонь.

Он сразу понял, что это – нормальное пламя; оно почти нестерпимо жгло мёртвые глаза тана.

Демон-крабопаук вдруг принялся с шипением сдвигаться, подъём замедлился, а потом они и вовсе замерли, покачиваясь, над широченной, в пять обхватов, ветвью, где в углублении почерневшей и обуглившейся коры горел небольшой костерок.

Возле него застыла массивная фигура в обтрёпанном старом плаще, некогда – тёмно-зелёном, но давно уже выцветшем; рядом стоял громадный двуручный топор.

Хаген лишь только и смог покачать в изумлении головой.

– Привет тебе, древний Мимир, страж Источника Мудрости. Я не чаял встретить тебя здесь.

– Я тоже не чаял встретить здесь... многих, – гулко и низко отозвался старый ётун. – Но тебе, Хаген из Йоля, мой привет. Садись. Вижу, что сюда ты попал дорогой ценой.

– О да, – сощурился ученик Хедина. – Куда уж дороже – собственная жизнь. Прости, страж, это ты послал за мной?..

– Пуфа-то? Я. Милейшее существо этот Пуф, мухи не обидит, как говорится.

– Однако он же демон, так?..

– Так. Только и демоны бывают разные. Вот Пуф, например...

– Великий ётун, – прервал его Хаген. – Ты послал за мной. Зачем и почему? И как ты сам, живой, никак не мёртвый, оказался в серых пределах?

Мимир пошевелился, поёрзал (ветвь затряслась), пошевелил палочкой угли.

– Я оставил свой Источник, когда понял, что магии в Упорядоченном приходит конец. Пытался объяснить это Ракоту, но тот не понял, слишком торопился. Стал убеждать меня, что всё это совершенно не так, – великан вздохнул. – Меня, хранителя Источника Мудрости! Здесь, во владениях Соборного Духа, магия претерпевает великое обновление и перерождение. Сюда возвращаются души и отсюда же исходят новые. Корни великого Древа пьют из всех трёх Источников, и потому в душах, порождаемых здесь, Свет, Тьма и Мудрость пребывают в разных, порой диковинных, сочетаниях.

– И что же дальше?

– Дальше? Баланс нарушился...

– Я слышал это от многих, мудрый ётун.

– Верно. Все повторяли, что Весы, мол, вот-вот рухнут, но ничего не делали, чтобы вернуть их к равновесию. – Мимир бросил полешко в угасающий костёр, взвились искры. Демон Пуф, немного сдув панцирный свой пузырь, опустился чуть ниже к огню, протягивая к нему когтистые лапы. – Все, кто как мог, швыряли кто что мог на разные чаши этих самых Весов, от чего они только сильнее раскачивались. А я пришёл сюда, на ту самую ось, что держит на себе их коромысло. Здесь их и надо останавливать.

– Как? – только и смог вымолвить Хаген.

Ётун не торопился. Сидел, вздыхал, что-то бормотал себе под нос.

– Когда я очутился здесь, – сказал он наконец, – то видел сперва только одну сторону происходящего. Ракоту я говорил об иссякании магии, как оно выглядело тогда. Потом, пока я странствовал тут, по ветвям Древа, пока ощущал ток силы из моего собственного Источника, мне казалось, что достаточно покончить с теми, кто неразумно тратит силу, которая уже не воспроизводится достаточно быстро и не возвращается в великий круговорот. Мне казалось, что виноваты Новые Боги, ну, и ещё те, кто прицепил своих пиявок-зомби к Источникам...

Хаген стиснул зубы. Каждая фраза Мимира порождала множество вопросов, однако тан крепился.

– Но потом мне стало ясно, что причина ещё глубже. Упорядоченное старело, медленно, но верно. Дальние и Спаситель вершили свою работу. И здесь, на великом Древе, это отражалось тоже. Баланс был нарушен не там, в глубинах сущего, а здесь, где сходятся все пути и все дороги.

Тан молча внимал.

– Демоны, – проговорил ётун, глядя в огонь. – Откуда здесь, в месте упокоения и просветления, могли взяться демоны, твари низшего порядка? Почему великий Демогоргон попустил это? Для какой они тут цели? Я мучился этими вопросами долго, Хаген из Йоля. Пока не понял, что они – часть серых пределов, такие же могильщики, как и Дальние со Спасителем. Всё живое медленно накапливает в себе яд смерти и должно пройти через великое обновление, как через него проходит и магия. Демоны – словно жуки-древоточцы, делают свою работу. И всё было бы хорошо, если бы кое-кто не решил несколько ускорить события.

– Кто же? – вырвалось у Хагена.

– Мой Источник – Источник Мудрости, но не всеведения, тан Хединсея. Хотя я догадываюсь.

– Кто? – повторил тан.

– Забавные вещи тут творились... – пробормотал вдруг ётун, вновь шевеля костерок. – Демоны умножались. Иные были полезны для Древа, иные вредоносны, словно насекомые. Соборный Дух с давних времён давал достойным, из пришедших к нему в посмертие, дело – долг – охранять Древо, истребляя вредивших ему. А потом тут появились... Дальние.

– Дальние? Как?

– Их надоумил кто-то очень, очень хитрый из людей-магов, тан Хединсея. Именно тех, кто решил «поторопить события». Я долго слушал тишину и ночь серых пределов, мальчик из Йоля. Я ощутил слабое эхо давних чар. Они помогли друг другу, маги и Дальние.

– Но великий Демогоргон...

– Мощь его огромна, это так. Но тончайшую иголку ты не забьёшь пудовым молотом.

– Очень даже забью! Достаточно лишь точно её поставить, и...

– Сила не может не иметь ограничений, – перебил Мимир. – Власть Соборного Духа – иная. Он принимает души, обновляет их, даёт им, преображённым, новую жизнь – посредством Мирового Древа. Но если он попытается бороться тут в полную мощь – не останется камня на камне. Поэтому великим силам нужны слуги.

– А разве эти... вредители – не обратили на себя внимание Демогоргона?

– Не совсем, – вздохнул ётун. – Они были хитры и осторожны. Они даже не особенно *вредили* Древу. Они что-то делали с душами. Одним давали дорогу, другим нет. И шли эти души не куда попало, а в места, потребные Дальним. Мне пришлось потратить немало усилий, пока я не понял, в чём тут дело. И ещё дольше пришлось ждать, пока ты, Хаген, не пришёл ко мне.

– Так это твоих рук дело, великан?! Та засада?

– Частично, – кивнул Мимир. – Бран Сухая Рука был из моего мира, если ты помнишь. Но ты нужен и хозяину здешних мест, Демогоргону. Я лишь использовал выгодный момент.

– Славно, – глухо сказал Хаген, с ненавистью глядя на старого ётуна. – Я сижу у костра со своим убийцей...

– Романтично, но недостойно хединсейского тана, – невозмутимо заметил гигант. – Ты и без того достаточно прожил. И, раз уловка Сухой Руки удалась – значит, ты сделался слаб и твоё время прошло. Я, видишь ли, верю в старые истины – сильному жить, слабому нет. Твой учитель больше тебя не спасает, не продлевает твои дни – и вот ты здесь.

– Хотя я и мёртвый, – глухо начал Хаген, – но я...

– Ты – мёртвый, – перебил Мимир. – А я – живой. Я слуга Сущего, а не кого-то из сил. Поэтому, Хаген из Йоля, выполняй мой приказ.

Ученик Хедина молчал. Кулаки стиснуты, брови сошлись.

– Я хотел бы, – вдруг сказал он, – увидеть мою мать. И жену. И сына. Думаю, этот пустяк не...

– Ты их не увидишь.

– Как? Почему?! – опешил Хаген.

– Далеко не все души остаются здесь, в серых пределах, так надолго, – в голосе старого ётуна прорезалось нечто вроде сочувствия. – Иные – да, пребывают тут вечно. А иные – перерождаются. Они не помнят свои прежние жизни, но...

Хединсейский тан отвернулся. Мимир тоже замолчал, покашливал, шевелил своей палочкой огонь.

– Твои – переродились.

Хаген ощущал, как давным-давно забытая боль в груди вновь ожила, голодным белым волком вгрызаясь ему во внутренности.

– Перерождаются, возникают почками на ветвях Мирового Древа, – нараспев продолжал Мимир. – Однако демоны вмешались и в это.

– И Демогоргон вновь попустил?!

– Долго можно об этом рассуждать, тан. Демоны и творимое ими – часть сущего. В лесах и степях обитает множество существ, которые нам,

быть может, неприятны, но без которых погибнут и леса и степи. У демонов своя часть в замысле Творца. В конец концов, не забыл же Он и жуков-навозников.

Демон Пуф вздохнул, ну совершенно по-человечески.

– Напоминает, что нам пора, – Мимир, закрихтев, поднялся. Взялся за громадный топор. – Идём, хединсейский тан. Некоторые битвы – дело живых, а некоторые – мёртвых. Таких, как ты.

– Кто враг? Те маги?

– Они, к несчастью, очень далеко. – Мимир потушил костерок одним взмахом плаща. – Нет, у нас более близкая цель.

– А... потом? – вполголоса спросил Хаген.

Великан не ответил. Широко шагнул вдоль ветви, направляясь в самую гущу здешнего «леса». Воздух сделался тяжёл и недвижим; а, может, это только казалось Хагену. Демон Пуф плыл следом, подобрав лапы; двигался он, словно его крошечные собратья в обычных мирах, выпустив насколько возможно длинную паутину, тащившую его вперёд, хотя никакого ветра хединсейский тан не чувствовал.

Вокруг, за густой листвой, Хагену чудилось множественное движение, шевеление, шуршание; там, укрытое от взоров, как будто рылось великое множество то ли мышей, то ли крыс.

Демоны, обсевшие Древо Миров.

– Мы должны пресечь то, что им удалось тут укоренить, – на ходу проговорил Мимир. – Тех демонов, изменённых, что служат теперь не Древу, не есть его часть, а Дальним и их поделщикам. Есть с кем сразиться мне, живому, и с кем тебе – мёртвому.

– Это с кем же?

– Демоны и чары. Я могу биться с первыми, но сквозь вторые прорваться предстоит тебе. А за чарами – возмущение пространства, портал, ведущий из владений Соборного Духа обратно в смертные пределы. Даже я считал, что это невозможно... пока не увидел собственными глазами. Демоны каким-то образом собирают души, направляют... куда им нужно. Такое не проделаешь мимоходом; нужно, чтобы задрожали сами основания бытия. А по мере того, как ширились распри, вызванные тем, что Хедин и Ракот боялись лишней раз пошатнуть Весы, эти основания как раз и дрожали всё сильнее и сильнее.

– Ты неправ, мудрый Мимир, – мрачно возразил Хаген. – Проще простого валить всё на Нового Бога, на Познавшего Тьму. А кто ему помог в его трудах? Может быть, ты? Может, твои слуги? Кстати, а Бран Сухая Рука не сможет присоединиться к нам? Он ведь тоже мёртвый, насколько я

понимаю?

– Бран Сухая Рука мёртв, – сухо кивнул Мимир, продолжая шагать. – И участь его совсем иная. Он поможет нам, да... но ему и платить самую большую цену.

– Не слишком-то завидна участь быть подручным хранителя Источника Мудрости, – не сдержался Хаген.

– Не слишком, – согласился Мимир. – Но такова требуемая цена. Смотри, вон, там, впереди!..

Ближе к стволу Древа стало несколько светлее – всё те же серые сумерки, лишь немного поярче. Демон Пуф вздохнул над их головами и с готовностью спустил вниз две паутинных петли.

– Влезай, – велел Мимир. – Нас перенесут через первую стражу. Вторую я приму на себя. Ты не сможешь им противостоять. Дальше – третий барьер, и там уже справляйся сам, прорвись сквозь чары и уничтожь портал. Маг Хедин хорошо учил тебя, Хаген из Йоля, ты справишься. Что это за чары – в точности сказать не смогу, никогда не подбирался достаточно близко, да и не волшебник я в вашем смысле. Мой враг сегодня – демоны. А чары – тебе.

– Хорошо, – кратко отмолвил Хаген, продевая плечо в петлю. – Трогай, что ли, Паф?..

– Пуф. Он очень обижается, если его кличут как-то иначе, – строго поправил тана Мимир. – Удачи тебе, хединсейский тан.

Серые сумерки раздвинулись, ветвь бесшумно ушла из-под ног.

Раздувшись и выпуская перед собой паутинные вервья, демон Пуф медленно и осторожно пробирался вперёд, словно призрак. Широкую, так, что по ней можно было спокойно шагать, ветвь великого Древа окружал плотный клубок сплетшихся демонов, напоминавших сейчас густой жучиный рой. Блестели панцири, шевелились жвалы, пощёлкивали клешни, горели многофасеточные глаза.

Однако это были не монстры, не чудовища. С чудовищами Хаген сталкивался множество раз; демоны же, казалось, сотканы из сплошной магии. Из овеществлённой силы, которую можно было рубить мечом или пронзать копьём, но, чтобы победить такую тварь, требовалось и кое-что ещё...

Они бесшумно проплыли над «первой стражей»; никто из демонов даже не отвлёкся.

Хаген поморщился – из серой мглы, окутывавшей более тонкие ветви Древа, шёл мерный низкий звук, гудение, жужжание, от чего начинало ломить виски и мутилось в глазах.

Демон Пуф замедлился, паутина его задёргалась. Сверху донеслось недовольно-испуганное ворчание; Мимир дернул за серое вервие, и летучее создание начало опускаться.

Гигант молча сбросил с себя петлю; Хаген последовал его примеру. Первая стража осталась позади; знать бы ещё, от кого они тут сторожат эту ветвь...

Словно отвечая его мыслям, серые сумерки у них за спиной взорвались яростным шипением, хрипами, взвизгами – словно там сплелся в смертельной схватке целый сонм мартовских котов.

Мимир не дал им задержаться; кто там с кем сражался, Хаген тогда не узнал.

Ветвь Древа изменилась, сделалась ещё толще, но кора теперь вздымалась неровными изломанными буграми и уродливыми шишками, словно на башке у горного тролля; от главной ветви вверх поднимались отростки, сгустившиеся словно деревья в настоящем лесу. Под корой залегали невесть откуда взявшиеся дупла, словно выеденные неведомыми вредителями.

Здесь, прямо на серых листьях, тоже вздувались почки, меж ними бесшумно скользили неуклюжие головоногие создания^[8]; однако почки казались слизистыми, гнилыми наростами-паразитами на гладкой поверхности листьев, свечение, что исходило от них, – зеленовато-жёлтым, словно наполненным гноем.

Разве так должно выглядеть величественное и таинственное вместилище душ, владения Соборного Духа вселенной?

– Вторая стража, – остановился Мимир. – Здесь уже начинают работать их чары.

Хаген осторожно протянул руку к серовато-зеленому наросту на здоровенном, словно целый плащ, листе; ему показалось, что в самой глубине судорожно дёргается уродливый зародыш, словно в икринке.

– Их полоса начинается отсюда, – мрачно бросил ётун, ничуть не заботясь, что их услышат. – Целые заросли... *этих*. Гниль, мерзость, тьфу! Впрочем, как на любом дереве. Паразиты везде заводятся. К мечу, тан! Эти – мои; а ты – вперёд, пока они мной заняты будут!

Серая мгла вокруг всё сгущалась, листья шелестели сухо и зло, словно под осенним ветром, оставляющим лишь голые ветви да устилающим землю коричнево-бурым покровом. Старый ётун остановился, огромная секира поднялась.

– Будь готов, – проговорил он, и это вновь был старый язык Хьёрварда, язык матери и деревеньки Йоль.

Серая мгла вскипела, выбрасывая длинные языки-щупальца; внутри пепельных струй смутно виделась истончённая чёрная сердцевина.

Мимир молча крутнулся, топор его с шипением рассёк воздух; щупальца, вспыхивая неестественным ярко-зелёным пламенем, падали, словно срубленная крапива, какую Хаген крушил мальчишкой на задних дворах Йоля.

– Смерть! – взревел великан, рубя направо и налево.

Хаген ощутил, как его словно бросило вперёд, сквозь серое марево. Холодный ветер внезапно взвыл, обжигая мёртвые щёки; ревел и рычал Мимир за спиной, тряслась ветвь, а хединсейский тан внезапно обнаружил себя на краю настоящего озера.

Здесь, похоже, расходилось сразу несколько толстых ветвей изначального Древа; перед Хагеном открылась впадина, полсотни шагов в поперечнике, густо заросшая молодым прутняком; широкие, мясистые, гладкие листья сходились и накладывались один на другой, образуя настоящую крышу.

Здесь кишмя кишели демоны, самые удивительные и разнообразные. Головоногие бесшумно скользили от листа к листу, их конечности трепетали, касаясь капель-зародышей душ; касались, отдёргивались, вновь касались, проникая внутрь капли, к трепетному невоплощённому существу. Другие, похожие на громадных жуков, сновали меж ними, подавая что-то, слабо зеленоватое, вроде порошка, стремительно испаряющегося, стоило головоногим коснуться его своими щупальцами.

А в середине этой не то поляны, не то росчисти, не то, напротив, – глущобы, трепетало призрачное зеленоватое свечение, то вспыхивавшее ярко, то почти угасавшее.

Заветный портал.

Хаген перестал слышать шум схватки за спиной, его окутала густая, тяжёлая тишина. Он ощущал тугую сеть заклятий впереди и, после стольких лет в Долине Магов, легко догадался, что они такое.

Чары отвержения живых.

В следующий миг Хаген понял, что его медленно, но верно и неуклонно тащит вперёд.

Только он, мёртвый, мог пройти сквозь эти барьеры, но лишь для того, чтобы самому сделаться частью творящегося здесь таинства.

Эх, Мимир, Мимир, страж Источника Мудрости... Хотя что взять с вечного ётуна, видевшего все эпохи Упорядоченного?

Хединсейский тан выдернул меч. Клинок покинул ножны бесшумно, словно вместе с Хагеном умерли и все его вещи. Мёртвые ступают

беззвучно, их оружие разит в тишине.

Хаген дал незримому потоку увлечь себя. Зажмурившись, он ясно, как наяву, видел раскрывающиеся перед ним скопления заклятий.

Сторожевые, отпорные, изменяющие... Сложные, причудливые, смесь древних рун, столь же древних слов и звуков, навек зависших в неподвижности; и нового: новых символов, не похожих вообще ни на что, кристаллических конструкторов знакомого зелёного цвета – работа Дальних, но удивительным образом сращенная с абсолютно иной, чуждой им, магией; способ, до которого мог додуматься только пытливый человеческий разум.

Но как они всё-таки попали сюда? Как пробились в самое потайное из скрытых мест Упорядоченного?

Мёртвый тан, с плотно закрытыми глазами его души, как ни странно, видел сейчас лучше и дальше, чем окажись он тут живым, в истинной плоти.

Кто-то занёс сюда ядовитое семя, но кто-то и обильно удобрил его совсем недавно, без чего оно, быть может, ещё долго разрасталось, прежде чем сделаться тем, что есть.

Кто-то вольно или невольно пробил сюда дорогу, и за ним уже по следам прокрались те, кто сделал то, что сделал.

Кто именно? Кто-то живой, не зря же последний, самый мощный отпорный круг настроен был как раз на них. Придумавшие всё это боялись возвращения тех, кто уже прошёл тут один раз.

Кого упоминал Трактирщик?!

Хединсейский тан заставил уняться некстати поднявшуюся ярость. Не важно, кто открыл сюда дорогу Дальним и их подручным. Важно, что сейчас с этим делать.

К нему бочком-бочком подобрался головоногий, окинул холодным рыбьим взглядом выпученных блёклых глаз. Щупальца его так и замелькали, и Хаген внезапно ощутил, как его начинает подтаскивать к выразительно склоняющемуся листу.

Лист разворачивался, подобно одеялу; но тан понимал, что он сейчас же и свернётся, стоит Хагену оказаться в пределах досягаемости.

Клинок был уже в руке.

Мёртвая сталь коротко ударила снизу вверх; чары окутывали острие. Сильвия Нагваль узнала бы заклятия, заставившие отступить даже покорный ей Хаос; головоногому повезло куда меньше, нежели последней из Красного Арка – его тело распалось надвое, растаяло серым дымком, медленно втянувшимся в туманное облако.

Но его исчезновение заметили. Яркое полыхнуло зелёное пламя, и Хаген увидал прямо перед собой высокий кристаллический монолит, тонкий и острый, словно стилет. В изумрудном сиянии к тану со всех сторон устремился целый сонм демонов причудливых и пугающих очертаний, гротескных карикатур на обычных живых существ – жуков, ос, пауков, многоножек и прочее насекомое племя.

– Наконец-то! – гаркнул тан. Меч плясал и разил, левая рука привычно вычертила руну. Чары текли свободно и легко – что там Мимир твердил про исчерпание магии и прочую ерунду?

Тела демонов мерцали – они, как и сам Хаген, были неживыми. Конструкты, невероятно сложные машины, собранные из огромного количества сцепленных друг с другом заклинаний.

Тан рубил, как и Мимир, не жалея плеча и размаха. Меч оставлял за собой пылающие полукруги; первые ряды демонов смело, словно ураганом, никто не смог приблизиться к ученику Познавшего Тьму.

А сам он шаг за шагом пробивался к бледному трепещущему portalу; листья в ужасе пытались свернуться, бежать с его пути; Хаген ясно видел сейчас дрожащие там зародыши – четырёхруких быкоглавцев, коротышек, чьи души даже здесь сверкали силой и источали магию.

Кто-то запустил это безумие, кто-то наладил здесь изменение душ так, чтобы они становились чьими-то бойцами, воинами и боевыми магами.

Кто-то донельзя дерзкий и умелый. И, быть может, необратимо нарушивший равновесие в Упорядоченном.

Сторожевые чары не могли помешать Хагену; но зато демоны, такие же мёртвые, как и он сам, смогли.

Их было слишком много, и атаковали они не только жвалами, лапами, когтями и щупальцами. Броня выдержала раз, другой, но на третий стремительное жало прорвалось-таки сквозь его защиту. Чары уничтожили его – почти; оно-таки успело пробить сквозь плетение кольчуги, и тан ощутил болезненный ледяной укол.

Тянуть в сторону, где ждущие трепетали широченные листья, стало куда сильнее. Тан с размаху рубанул ближайший, рассёк набухавшую почку с крошечным быкоглавцем внутри – зародыш рассыпался облачком знакомой зеленоватой пыли.

По головам атакующих ринулись к раненому листу головоногие слуги, не обращая внимания на клинок Хагена – тан жёг их чарами, и вокруг него плясали холодные языки голубого пламени.

Ещё укол. Невесть как прорвавшая защиту лапа метко ткнула когтем в подмышку, и он едва не выпустил оружие.

Какая-то тварь огромным прыжком кинулась ему на спину, оплетая щупальцами голову – холодными, сухими, словно старый пергамент.

Тут ни в чём не было жизни, одно подобие.

«Мёртвые умереть не могут», – гласит расхожая фраза. Это не так – даже мёртвое можно стереть в порошок, лишить формы. Души тоже гибнут.

Хединсейский тан резко откинулся назад, бестрепетно падая на спину, неосознанно повторяя приём, многожды спасавший ему жизнь... пока он был живым.

Его тело с размаху рухнуло на обвившую его тварь, раздался мокрый хруст, словно сапог раздавил таракана; однако Хаген на мгновение словно оказался в призрачной шкуре бросившегося на него демона. Плоть того, тоже мёртвая, распалась пылью, оставив лишь бестелесные очертания, пустые контуры, в которые и провалился ученик Хедина.

Ослепительная вспышка, перед глазами полыхнули совершенно иные, дикие картины: путь сквозь изнанку Межреальности, тропы, неведомые даже богам; чары, капкан, поимка; сплетения бледных молний, бьющих из металлических шаров, подвешенных к потолку какого-то подземелья; и три человеческие фигуры, странно искажённые многофасеточными глазами существа.

Зелёное сияние, заполняющее всё. И путь обратно, в домен Соборного Духа...

Длилось это долю мгновения, и Хаген успел вслепую выбросить над собой меч, нанизавший на себя ещё одно жуковидное существо. Твари горели, распадались пеплом, но даже оставшись без конечностей и жвал, без голов и клешней, всё равно ухитрялись ползти к нему.

Он рубил и отбрасывал с привычным холодным умением. Взмах – жест – заклятие – выпад – шаг – жест – взмах; вокруг него беззвучно корчились рассыпающиеся останки демонов, Хаген перешагивал через них, давил мерзко хрустящие панцири и челюсти с клешнями, и до портала оставалось совсем немного.

Тлеющая, корчащаяся куча тварей вокруг него дрогнула, начала стремительно оседать и втягиваться прямо в кору Мирового Древа; путь открылся, Хаген рванулся...

Прямо из мешанины изломанных лап, хватательных конечностей, головогрудей и панцирей поднималось новое создание, тёмная масса, блестящая множеством зелёных глаз, рассыпанных по чёрной хитиновой плоти точно изумруды.

Оно словно вобрало в себя все останки сражённых Хагеном демонов.

«Мёртвые умереть не могут», вот уж воистину.

Тварь заполняла собой всё пространство, исчезло зеленоватое мерцание портала, и хединсейского тана снова потащило в сторону, к предусмотрительно разворачивающимся листьям.

Как же сильно им требовались души!

Хаген яростно зарычал, упёрся, нагибаясь, словно под ветром, – напрасная попытка. Упал на одно колено, вонзил клинок в неподатливую кору Древа, однако острие погрузилось неглубоко и вывернулось, оставив лишь длинную царапину.

Тёмное существо надвигалось, и Хаген яснее ясного видел анимировавшие его чары – людские и Дальних, причудливо сращённые и перемешанные. Из темноты выдвигались многосуставчатые лапы с пугающе длинными пальцами, способными гнуться сразу во всех направлениях.

Оно надвигалось, тесня тана к краю свободного пространства.

Ну уж нет!.. Текущая свободная сила вскипела вокруг меча Хагена, её полнили яростью океаны Хьёрварда, хруст неостановимых ледяных полей, вой ветра в снастях «дракона»; молодость, отвага, бесшабашность и бескрайний горизонт, когда позади тает в вечерних сумерках родной Хединсей.

Всё, что составляло его жизнь, когда за спиной высились хребты Восточного Хьёрварда. Всё, что было им, пока он оставался среди живых.

Чёрная сущность приняла удар, дрогнула, попятилась, не издавая ни звука. Не полилась кровь, не открылась зияющая рана, на первый взгляд вообще ничего не произошло. Громадная туша распухла и вновь опадала, быстро, словно лихорадочно глотая воздух, а Хагена, хоть и не так сильно, но по-прежнему толкало в объятия уловляющих души листьев.

На кольчуге хединсейского тана со звоном лопнули несколько колец, словно проржавев.

Нет, не сдамся, привычно стиснул он зубы, невольно вспоминая, как они дрались на бастионах Хединсея в той, самой первой и страшной битве, что закончилась для него поединком с Браном Сухой Рукой и взаимной их гибелью.

Громадный демон продолжил надвигаться, и неведомо было, как его останавливать. Обрубая тянущиеся к нему конечности, Хаген кружил, уворачивался, финтил, стараясь прорваться обратно к центру, где по-прежнему сиял портал.

Тварь довольно умело отрезала ему дорогу, вернее, пыталась отрезать. Всё-таки она имела дело с воином, сражавшимся на протяжении веков; и,

несмотря на рассыпающийся доспех, на слабеющие руки, хединсейский тан сумел развернуть демона боком; остался один рывок, и...

Он бросился вправо коротким стремительным нырком, ничем не выдав своего намерения; он должен был успеть, но чёрная изломанная лапа молниеносно выстрелила наперерез, сгребла, оплела, распускаясь стремительно растущей паутиной, скручивая руки, притягивая к телу локти, выламывая кисти – словно целая орда палачей взялась за него.

Но мёртвые не чувствуют боли. Хаген не выпустил меча, извернулся в последний миг, острое с хрустом погрузилось в чёрную твёрдую плоть Тварь конвульсивно дёрнулась, впервые за всё время их схватки по-настоящему ослабив хватку.

– Хорошо отвлёк его, так! Продержи ещё немного!.. Мне... надо время!..

Хриплый голос Брана Сухой Руки; и слуга Мимира возник из ниоткуда возле самого портала. Вернее, возникал и никак не мог возникнуть; призрак становился гуще, заметнее, плотнее, но всё равно напоминал лёгкую тень в вечерних сумерках. Сквозь него можно было видеть густые заросли на другой стороне поляны.

– Ты?! Откуда?..

– Возвращайся, хединсейский тан, – бросил призрак, криво усмехаясь. – Так решил Великий Дух. Прощай!..

В руке Брана появился памятный нож^[9], дождавшийся, наконец, достойной цели.

Удар – тишину разорвал жуткий скрежет, словно сотни железных когтей впились в стекло, медленно тянули вниз всей тяжестью, оставляя длинные царапины; портал замерцал, то возникая, то исчезая, и вместе с ним замерцал, пропадая из реальности мира мёртвых, и Бран Сухая Рука.

– Иначе... было... никак, – услышал Хаген.

Их вместе с чёрным демоном поволокло в угасающую воронку портала; взвыл ветер, рванул широкие листья, усеянные зародышами быкоглавцев и коротышек-магов, обрывая стебли, увлекая за собой; воронка закрутилась, стягивая всё к мерцающему огню портала.

Брана было уже почти не видно, Хаген различал лишь вскинутую в последнем привете руку; и, когда тана проносило мимо, бестелесные пальцы Брана разжались, выпуская нож.

В следующий миг ученика Хедина, чёрного демона и всё остальное – листья и останки распавшихся тварей – втянуло в жерло портала, и на Хагена пала тьма.

– Хаген, тан Хединсея, ученик Хедина, Истинного Мага, Познавшего Тьму.

Низкий и глубокий голос, чем-то напоминавший Трактирщика.

– Очнись, Хаген.

Пространство, где очутился тан, оказалось истинно «серым пределом» – бескрайней равниной без конца и без края, лишённой красок и всего, на чём мог бы остановиться взгляд; просто ровная серая гладь.

Громадный белый орёл медленно взмахивал исполинскими крыльями, протянувшимися, казалось, от края до края сущего.

Хаген не ощущал боли, не ощущал ничего. И – не дышал.

В правой руке так и остался чужой, подменный, меч, а вот левая, как оказалось, сжимала нож Брана; когда он успел его подхватить, хединсейский тан понятия не имел.

– Я... очнулся, великий Дух.

– Грядёт последняя битва, Хаген, ученик Хедина.

– Это... нам привычно. – Слова, казалось, царапали гортань, язык и губы, но Хаген был счастлив уже тем, что способен вновь ощущать настоящую боль.

– Конечно, – согласился орёл. – Именно потому, что привычно, я и призываю тебя. Вам удалось покончить с вторжением, которое я сам остановить не имел... гм, возможности. И теперь, когда Мировое Древо дрожит, готовое рухнуть, нам пора сделать последний шаг. Готов ли ты сражаться под моим началом?

– Я в твоей власти, Великий. Разве тебе нужно спрашивать?

– Для того, что необходимо совершить, – да, нужно.

– Я согласен. – Хаген не раздумывал. – Вот только... что с моим... подменьшем?

– Кадавр перестанет быть, как только ты вернёшься обратно, – заверил орёл. – Тут можешь не сомневаться.

– Тогда я готов, – повёл плечами Хаген. – Вот только бы меч мой вернуть...

– Можешь не беспокоиться, – сказал орёл. – Следуй за мной, сын Савы из Йоля! Круг завершается, пора исполнить твоё предназначение, судьбу, к какой готовил тебя твой отец.

– Что?! – задохнулся Хаген. – Отец?! Кто?..

Но орёл уже взмахнул громадными крылами, и тёмный поток,

обрушиваясь на хединсейского тана, потащил его за собой.

Глава 8

Адата Гелерра; валькирия Райна; Óдин, Отец Друзин

Бассейн, где мирно дремал дракон Сфайрат, превратился в настоящие джунгли, заросли поднялись до потолка, вода почти исчезла, как и сам дракон. Даже слабый дымок из ноздрей успевал заблудиться в рукотворной чаще.

Однако Соллей лишь довольно улыбалась.

– Наконец-то. Он плохо отвечал на терапию, медленно, словно мешало что-то. Но вот, хвала всем силам небесным и заповедным, всё-таки ответил. Теперь придётся вырубать всю эту... ботанику.

– Вырубать? – Гелерра пожалела красивые цветы и пышные, нарядные листья, хотя именно они и не имели никакого отношения к лечению, в отличие от, скажем, погружившихся в рану корней. Но... они всё равно старались, вытягивали яд и гной из-под пробитой чешуи, затягивали, заживляли...

– Конечно, – пожала плечами Соллей, явно думая о другом. – Что ещё-то с ними делать, а?

– Д-да... конечно...

– Помогай, адата. Я буду их умертвлять одно за другим, а ты выдёргивай. Да отбрасывай подальше, некоторым это, гм, не понравится.

Гелерра молча склонила голову.

Пришлось попотеть. Иные растения приходилось почти что выкорчёвывать, они росли в плоть дракона и расставаться с ним решительно не желали. Некоторые, вымахавшие до потолка и сделавшиеся толщиной в руку, Гелерра спиливала.

Медленно, постепенно, спина дракона высвобождалась из-под зелёного покрова.

Сердце Гелерры билось всё быстрее и сильнее, щёки разгорались. Это было неправильно, но...

А почему, собственно, неправильно?! Нет уж, хватит колебаться! Она будет делать, что захочет, и она непременно будет счастлива! Непременно!

Соллей тоже не бездельничала. Адата ощущала короткие, упругие толчки магии: особо упорные или слишком глубоко укоренившиеся растения, отрастившие себе настоящие пасти с острыми шипами-зубами, пытались кусаться, даже плевать малоаппетитно выглядывшей слизью –

Соллей их упокаивала, умело, быстро и так, чтобы не повредить дракону.

Вскоре совместными усилиями они очистили спину и голову – чёрная броня блестела, словно только что отполированная.

– Ну, какой молодец. – Соллей скрестила руки, склонила голову, с удовлетворением глядя на проделанную работу. – Пора его будить, а то растолстеет, в двери не пролезет даже в человеческом облике!

...Сердце у Гелерры рухнуло куда-то в пятки, а по груди растекалось приятное тепло. Тяжёлые веки дракона дрогнули раз, другой и начали подниматься – медленно, словно нехотя.

Взгляд янтарных глаз упёрся в Гелерру, скользнул затем к Соллей; чародейка кашлянула, шагнула вперёд.

– Лучше ли тебе, достойный Сфайрат? Мы постарались помочь...

Дракон вскинул голову, приподнял сперва одно крыло, затем другое; в глазах его мелькнуло нечто, похожее на удивление.

– Мои раны... я...

– Излечены, – подсказала Соллей. – Прими человеческий облик, если тебе угодно, досточтимый. Одежания твои и всё, с чем ты вступил в наш замок, – здесь.

– Благодарю, – чуть помедлив, отозвался Сфайрат. – Прошу, милостивые хозяйки, оставьте меня на краткое время. Мне нужно...

– Да-да, конечно, – и Соллей бесцеремонно схватила Гелерру за руку, почти потащила к дверям. – Мы подождём.

* * *

– Спасибо, почтенные хозяева. – Сфайрат сидел на почётном месте за длинным обеденным столом, уставленным опустошёнными тарелками и блюдами. В высокие окна лился свет маленького солнца – Кор Двейн, похоже, успел наладить эти чары. – Спасибо за помощь, за излечение... Благодарность моя...

– Ах, пустое, благородный дракон, – беспечно махнул рукой Кор Двейн, сидевший напротив гостя. – Были рады помочь. Точно так же мы помогли и твоей достойной супруге, госпоже Хюммель-Стайн, вернее, вашей младшей дочери...

– Очаровательное дитя, впрочем, как и остальные, – встряла Соллей, умильно глядя на дракона.

– Да, – кашлянул Сфайрат. Кажется, он не очень понимал, что делать дальше. – Спасибо за излечение... ах, это я уже говорил...

– Ты собирался отправиться на поиски супруги и детей, – напомнил Скъёльд. – Горжусь, что был полезен, досточтимый. Зося, дочь твоя... прелестна. И как человек, и как дракон.

– Благодарю, – отрывисто кивнул Сфайрат. – Да, мне нужно... я собирался... отыскать детей. Не говорила ли госпожа Клара...

– Как не говорить, – всплеснул руками Кор Двейн. – Говорила. Сказала, что спрячет их в таком месте, куда не добраться даже мстительным богам. Ибо должен поведать тебе, дорогой гость, что дочь твоя претерпела не от кого иного, как от подручных бога Хедина, иначе именуемого «Познавшим Тьму»...

Брови Сфайрата сошлись.

– Пути служащих богу Хедину ведомы драконам. Едва ли они напали бы на мою жену с детьми просто потому, что...

– Это были гномы, – тихонько подсказала Соллей, с лёгким кокетством изгибая локоть. – Гномы, сильно обиженные, во-первых, на драконов и, во-вторых, на госпожу Хюммель. И, в-третьих, боюсь, что бог Хедин собирал таких, как твои дети, достойный Сфайрат. Ибо это именно его слуги устроили ту западню, с которой всё началось.

– И мы можем это доказать, – кивнул Кор Двейн. – Твоя супруга провела здесь достаточно времени, чтобы мы не только расспросили её обо всём, но и отправили слуг к тому капкану...

– Понятно, – взгляд дракона отяжелел. – Что ж, с теми, кто ранил мою дочь, я разберусь, но несколько позже. Сейчас же мне нужно их отыскать.

– С радостью поможем и здесь, – улыбнулся Кор Двейн.

Да, да, подумала Гелерра. Отправь меня на поиски вместе с ним – а все Вороны подождут, даже если они не могут без меня обойтись.

– Я чувствовал, что след моих ведёт прямо сюда... – Кажется, Сфайрат несколько растерялся. – Прямо сюда, но выходного я так и не ощутил...

– Потому что госпожа Клара изо всех сил пыталась его скрыть от всех. Но мы, помогая вашим детям, конечно, не могли дать им просто сгинуть. Мы проведём тебя по следу. Вот они проведут, мой брат Скъёльд и крылатая адата Гелерра, чья смелость уступает только её же доблести, – рассыпался в любезностях Кор Двейн. – Увы, но мы с сестрой Соллей из-за сугубой занятости не можем сопровождать тебя в твоих по-исках.

– Примите мои благодарности, – глухо проговорил дракон, опуская взгляд. Кажется, ему не слишком нравилось ощущать себя у кого-то в долгу. – Я, в свою очередь, хотел бы... оказаться чем-то полезен вам, любезные хозяева.

– О, тут совершенно не о чем беспокоиться. – Кор Двейн расцвёл

самой приятной и располагающей из своих улыбок. – Мы искренне хотели бы помочь. Чародеи, не важно какого рода, должны помогать друг другу. Упорядоченное слишком хрупко, чтобы оставлять его в руках богов, мы обязаны творить его судьбу сами!

– Смело сказано, – во взгляде Сфайрата вспыхнул интерес.

– Мы сможем рассказать куда больше, – заверил его Кор. – Но сперва давай отыщем твою супругу, досточтимый дракон. Потом, если у тебя будет желание, поговорим ещё.

– Будет, – кивнул тот. – Тогда, почтенные хозяева, можно ли будет узнать, как скоро мы отправимся в дорогу?

– Немедленно, – поднялся Кор Двейн.

...Через Межреальность они шли ходко, хотя его и сотрясали постоянно непонятные судороги. Вернее, непонятные Гелерре и Сфайрату; Скъёльд прокладывал тропу, лишь беззаботно насвистывая.

Замок троицы магов скрылся за складками Междумирья, и дорогу начало ощутимо потряхивать. Дракон – в человеческом облике – сперва недоумённо поднимал бровь, потом начал хмуриться и, наконец, не выдержал:

– Почтенный Скъёльд, не ведомо ли тебе, что происходит? Я чувствую колебания... сокращения и сжатия, каких не хранит моя память крови – а у нас, драконов, она уходит очень глубоко.

– О, не стоит волноваться, – усмехнулся чародей, небрежно пожимая плечами. – Упорядоченное проходит трансформацию, которой уже давно-давно заждалось.

– Трансформацию?

– Именно, досточтимый Сфайрат. Время богов кончилось, отпущенная им вечность прошла, и сейчас наступил момент их исхода.

– Время исхода богов? – не мог поверить дракон.

– Упорядоченному нужны иные хранители. – Скъёльд чуть сощурился, татуировки на его черепе шевельнулись, и тропа враз удлилась ещё на невесть сколько лиг, исчезая в мареве Межреальности. – Хранители, которые положат конец настоящим бедствиям, что постоянно терзают сущее.

– Сильные слова, почтенный. Но что же это за бедствия?

– Как будто достойный дракон не знает, – хмыкнул Скъёльд. – Неназываемый. Спаситель. Дальние с их безумными идейками всё обратить в зелёный кристалл. Спятившие Древние, вновь набравшие силу. Так называемые «Новые Маги», это недо-Поколение Истинных Магов – их нужно держать в узде. А ещё лучше... в безопасном для остальных

состоянии. Упорядоченное слишком сложно и слишком ценно, чтобы давать всему веселиться, скакать и злодействовать вволю. Ты сам, могучий дракон, был хранителем Кристалла Магии, ты не церемонился с теми, кто лез к нему без спроса, не так ли?

– Не церемонился, – кивнул честный дракон. – Но тот же Неназываемый...

– Великое Кольцо всех магов Упорядоченного способно вернуть его обратно в ту бездну, откуда он был призван, – безапелляционно заявил чародей.

Сфайрат аж остановился.

– Почему же Новые Боги до этого не додумались?

– Потому что думали о собственной власти, а не о благе сущего.

– Простой ответ, – покачал головой дракон. – А простые ответы в таких делах, увы, далеко не всегда верны.

– Дважды два – всегда четыре, – возразил Скъёльд. – У гномов, эльфов, людей, кобольдов, гоблинов, орков и даже у морматов, хотя те и считают в шестнадцатеричной системе, в отличие от нас, простых смертных. Если Новые Боги не справились ни с Неназываемым, ни со Спасителем, ни с Дальними – значит, они не хотели. Значит, они думали о чём-то ином. Если не о власти – то о чём же? О состязании на лучший летний венок в знакомом тебе Эбине? А если думали – то почему не справились за все имевшиеся у них эоны? А это значит, им пришла пора уступить место другим.

– Храбро. – Сфайрат оставался сдержанно-спокоен. – Впрочем, это ваше дело, почтенный. Я всего лишь хочу отыскать своих жену и детей.

– Ты, один из хранителей Эвиала? Никогда не поверю, что тебя не волнует то, что ты сейчас ощущаешь!

– Волнует. Но это моё дело, почтенный. Я готов помочь в ответ на помощь, но ввязываться в войну не стану. Мы жили тихо, мирно и счастливо...

– Пока Упорядоченное горело в огне! – с неожиданной яростью прошипел вдруг Скъёльд. – Пока рушились миры! Пока падали в бездну Неназываемого! Пока Спаситель собирал мириады живых душ, запирая их в себе! Пока смерть гуляла по всей вселенной, и некому было её остановить!

– А вы, значит, остановили?! – Ноздри у дракона раздувались. – Вы сделали всё это?!

– Нет, не сделали, – с мрачным достоинством ответил чародей. – Но, почтенный Сфайрат, мы, во всяком случае, попытались. Мы не прятались с

головой под одеялом, словно маленькие дети от ночных страхов. И кое-что нам удалось.

– Как-то? – поднял бровь Сфайрат.

– Новых Богов больше нет в Упорядоченном. Как нет и Богов Молодых, Ямерта и компании, так долго путавшихся у всех под ногами. Дальние... они очень скоро узнают, что совершенно напрасно пытаются заточить всех в своём зелёном стекле. О Неназываемом ты уже слышал.

– А Спаситель? – Гелерра ощущала кипящий гнев дракона, но, честное слово, с радостью приняла бы даже его ярость, если бы потом они были вдвоём...

– Спаситель есть порождение людского ужаса, – твёрдо взглянул Скъёльд. – Исчезнет ужас – ужас Неназываемого, – и Спаситель сделается одним из многих набравших силу бестелесных духов. С ним можно будет покончить обычными для призраков методами.

– Как легко у вас всё получается, – холодно заметил дракон.

– Мы потратили уйму времени, чтобы свести всё воедино, досточтимый Сфайрат. Тысячи лет кропотливой, тщательной работы, без славы, без огласки, без триумфа и торжеств. И вот сейчас всё это даёт плоды.

– Что ж, драконы не отступают от раз данного слова. Буду рад чем-то помочь, но потом мы с женой и детьми удалимся, почтенный Скъёльд. У нас свой путь, мы сами выбрали его.

– Жаль, – вздохнул чародей. – Было бы славно, пожелай ты встать рядом с нами в нашей борьбе. Чтобы изгнать Неназываемого, нам потребуются абсолютно все маги, каких мы только сможем убедить присоединиться к нам.

– Время покажет. – Дракон оставался невозмутим. – Сейчас же нам нужно...

– Да-да, – сухо сказал Скъёльд. – Отыскать вашу почтенную супругу. Что ж, уважаемый сударь мой Сфайрат, постарайтесь представить её себе как можно более подробно, как вы её запомнили.

Дракон кивнул. Глаза его закрылись; и всё лицо вдруг изменилось, разгладились глубокие морщины, исчезли набрякшие под глазами синяки, и плотно сжатые губы чуть дрогнули в лёгкой улыбке.

Гелерра нахмурилась – улыбка эта предназначалась, увы, не ей.

– Сильнее! – потребовал Скъёльд. Бритый череп его покрылся бисеринками пота.

Дракон нахмурился, брови сошлись.

– Ещё сильнее! Так, словно она рядом!..

Гелерра увидела, как перед Сфайратом пустота сгустилась, медленно принимая облик стройной высокой женщины человеческой расы, с недлинной косой; одета она была словно для боя, на боку – массивная шпага с рубинами в эфесе.

– Хорошо! – каркнул Скъёльд. – Держи её! Держи! Удерживай!..

Дракон весь взмок, словно держал неподъёмную тяжесть.

– Ещё немного! – потребовал чародей. – Ещё!..

...Тропа перед ними извивалась, словно змея, оказавшаяся в огненном кольце. Скъёльд громко нахваливал дракона:

– Надо очень сильно кого-то любить, чтобы вот так вызвать образ и дать мне взять прицел. Прекрасно, прекрасно, господин Сфайрат! Просто великолепно!..

Гелерра молча скрежетала зубами. Для чего магу это понадобилось?..

Похоже, что-то ощутил и Сфайрат, потому что шагнул к Скъёльду, поднял руку:

– Почтенный, не стоит во всеуслышание обсуждать мои... чувства. – После чего повернулся и взглянул на Гелерру тепло, по-дружески. – Прости, достойная.

«Почему он просит прощения?!» – пронеслось у адаты паническое.

– За что же? – постаралась она улыбнуться в ответ.

– Нам, быть может, идти вместе в бой, а я по-прежнему ничего о тебе не знаю, кроме лишь того, что ты принадлежишь к гордому племени свободных народов Неба, адатам. Расскажи мне о себе, почтенная.

В горле у Гелерры встал плотный комок. Она не покраснела, хвала всем ветрам, но и заговорить удалось не сразу, а когда всё-таки удалось, слова полились сами собой.

О вольных вихрях под облаками родного мира. О суровых морях внизу, о льдистых полях, приползавших с севера, с которыми приходила и смерть. О стремительных полётах сквозь бури и шторма, среди обезумевших молний. О честных схватках грудь на грудь, когда проигравшего принимало молчаливое море. О том, как её отыскал Новый Бог Хедин, как она сделалась его ученицей...

Очень скоро она обнаружила, что Скъёльд, занятый прокладкой тропы, оставил их в одиночестве.

– Ты была ученицей великого Хедина, адата? – Сфайрат не скрывал изумления.

– Была. – Гелерра опустила голову. – И оставила его.

Она кидалась в бездонный омут.

– Продолжай, – немного помолчав, сказал дракон. – Я буду благодарен,

если ты договоришь до конца.

– Оставила, потому что... – Драконам, слышала она, врать нельзя. Ложь они ощутят сразу же. Интересно, раскусил ли он уже Двейна с остальными?.. – Оставила, потому что он отверг меня. Не остался со мной. И, когда это случилось, я взглянула на творящееся... незамутнённым чувствами взором. Господин Кор Двейн, господин Скёльд, госпожа Соллей – помогли мне, спасли от жуткой участи, от обращения в демона. Теперь я помогаю им.

– И только? – с обманчивым спокойствием спросил Сфайрат. – Только потому, что они помогли тебе?

– Разве этого не достаточно? Моё племя тоже знает, что такое честь!..

– Быть может, – пробормотал Сфайрат, отворачиваясь. – Но что ты скажешь о целях наших... хозяев?

– Я им верю, – просто сказала Гелерра. – Потому что не вижу ничего лучше.

– Ничего лучше, хм, хм... – Дракон задумался. – Что ж, адата, ждать недолго. Если они и в самом деле отыщут мою супругу...

«То я с радостью прикончу её собственными руками», – чуть не вырвалось у Гелерры. Хорошо, вовремя успела прикусить язык.

* * *

Поле недавней битвы до сих пор дымилось во многих местах – здесь сталкивались могущественные заклятия и взрывались огнешары. Здесь пахло смертью, и смертью многих. Здесь пролилась кровь, и воительница Райна, она же валькирия Рандгрид Разбивающая Щиты, ощущала себя почти как дома.

Почти как дома, потому что это был Восточный Хьёрвард.

Дальние исполнили обещание, доставив её на место хоть и не во мгновение ока, но очень быстро по меркам Междумирья; и, выступив из мчавшего её вперёд потока призрачного зелёного пламени, она ощутила эхо только что отгремевшего сражения.

Здесь бились её сородичи, Древние, отзвуки их магии она бы узнала из тысячи тысяч иных. Они остановили армаду мёртвых, большой ценой, но остановили; и теперь пребывали где-то рядом, совсем рядом...

И там тоже гремел бой.

Небо залило алым, солнце плыло, словно бледный лик посреди красного моря.

Однако валькирия была рада сейчас любому огненному аду, «ведьме луны коня корабельных сараев», как сказали бы скальды, то есть – битве.

Потому что это, наконец, был истинный мир по соседству с равнинами Иды, где высился Асгард Возрождённый, мир настоящий, а не зелёная кристаллическая тюрьма.

Она-таки вырвалась, хотя и отягощённая «обязательствами».

Бойся нарушать клятвы, даже данные под принуждением, даже данные врагу.

...Чем ближе подходила она к Хедебю, тем страшнее становился царивший вокруг хаос. Нет, не «истинный Хаос», пока ещё не он, но...

Справа от тракта горело село, горело радостно и обширно. Обитатели его бежали кто куда, иные падали на колени, принимаясь громко молиться прямо в дорожной пыли.

Из села по левую сторону тоже бежали, хотя и безо всяких пожаров. Дорогами и без дорог. Верхами и на своих двоих. Толкая тележки с немудрёным скарбом или шагая с пустыми руками.

Райна единственная шла против потока, прямо туда, где поднимались башни города. Люди, казалось, её не замечали; впереди гремела битва, судорожно, словно под ударами бича, содрогалась магия; над крышами тот тут, то там вздымались языки пламени, на их фоне проносились стремительные крылатые тени.

И ещё тут был Спаситель.

Его Райна ощутила сразу же, Он не скрывал себя. «Я – тут! – казалось, кричал каждый гран живой силы, пронесившийся мимо валькирии. – Я пришёл забрать своё!»

Но нашёлся тот, кто всё-таки встал у Него на пути.

– Отец... – прошептала воительница.

Путешествие сквозь Хаос что-то необратимо изменило в ней, сделав куда чувствительнее к колебаниям свободной силы.

Да, здесь был отец, но вместе с ним сражались и другие. Древние, в немалом числе; воители, подобные ей самой; и ещё кто-то, совершенно непонятный.

Она почти бежала. Именно об этом Дальние её и предупреждали.

...Город горел во многих местах, но горел как-то странно, не обычным пожаром, что катится, подобно океанскому приливу; снесена крыша дома, красная черепица рассыпалась вокруг, словно капли крови, огонь рвётся ввысь, словно из печной трубы, но и только, пожар не идёт дальше.

А вот груда развалин, вспученная земля, изъеденный ржавчиной клинок – и Райна поняла, что придётся иметь дело ещё и с неупокоенными.

Ближе к большому торгу Хедебю гремело сражение. То самое, «ненужное», по словам Дальних. Сражение, которое можно было вести, пока воинство Древних не потребовалось в ином месте.

Нет смысла что-то «спасать» здесь, говорили они.

Не забывая об этом, напомнил льдисто-холодный смарагдовый кристалл.

Райна злобно стиснула зубы. Она бы многое отдала за возможность выйти с этими зелеными тварями на честный бой – только те, увы, не дураки и такой радости ей не подарят.

Отдайте Хьёрвард Спасителю, приказали Дальние. Покарайте троицу неведомых магов, потому что они разрушают Упорядоченное, отдаляют от идеала и этой самой Монады, будь она трижды неладна.

Из-под какой-то кучи, где смешались мусор, обломки рухнувшей стены и раздавленной ею тележки, неуклюже выбрался мертвяк, донельзя древний, истлевший до последних костей. Он подобрал валявшийся рядом дрын и, дёргаясь и приволакивая ногу, довольно-таки ходко направился к сердцу города, где кипела схватка.

Райна бросилась вдогонку, даже не задумавшись. Сколько раз ей, валькирии, за время службы в наёмных отрядах приходилось схватываться с такими вот неупокоенными!..

Дальние не обманули, оружие и доспехи они действительно воссоздали.

Воительница достала ходячий костяк щитом – ударила краем в основание шеи. Позвонки хрустнули, череп отлетел в сторону, и Райна ударом подбитого железом сапога обратила его в пыль.

Безголовый скелет повернулся было к ней, но валькирия встретила его подставленным щитом; не обнажая меча, хлестнула ножами по бедренному суставу, и мертвяк завалился, дёргаясь, словно полураздавленный таракан.

Райна перепрыгнула через него, не теряя больше времени. Скорее, скорее туда, где сражались сейчас отец и его Древние!..

Сила вокруг вздрогнула, забилась, словно сердце в панике. Тяжко вздохнула земля под мостовыми и фундаментами града. Из кровавых небес над городом вырвались сияющие белым ангелы, крылатые воинства Спасителя с длинными мечами, падающими звёздами помчались к земле.

«Не успели», – мелькнуло у Райны.

Снежнокрылое создание пронеслось над опустевшей улицей, над покинутыми домами, замерло перед валькирией, заноса клинок.

Идеально гладкое лицо, не мужское и не женское, смесь, андрогин.

Волосы чистого золота, льющиеся на свободные белые одеяния, в которых, не сомневалась Райна, не было ни единой настоящей нити.

– Стой! – выкрикнула воительница. Её меч поднялся в защитную позицию; она прикрылась щитом, не сводя взгляда с прозрачных глаз ангельского существа.

– Противящиеся Ему не спасутся, – холодно сообщил (или сообщила?) противник. – Падут они, поражённые огнём и сталью, пожранные диким зверем, и души их расточатся во тьме внешней, где скрежет зубовой и му́ка вечная!..

Райна не ответила. Обожжённая чёрным пламенем Хаоса, она почуяла, угадала, откуда рухнет удар, и успела развернуться боком, давая ангельскому клинку соскользнуть по косо подставленному щиту. Будь это обычное оружие, ангела повело бы следом, но длинный, с доброе копьё, меч двигался в руках слуги Спасителя, словно невесомая тростиночка.

Ангел вновь вскинул клинок, но Райна была уже рядом. Нет, не просто воительница Райна, удачливая наёмница, но дочь Великого Аса Воронов, Древнего Бога О́дина, Владыки вечного Асгарда.

Кровь вскипела в жилах, горячая кровь валькирии. Мы гордо стояли и гордо сражались и ни от кого не жаждали спасения!..

Хоть и не на крылатом коне, но она дотянулась острием меча до снежно-белого запястья ангела, и на плоти того осталась ярко светящаяся черта – ни капли крови.

С ними можно сражаться. Их можно ранить!

Лицо ангела исказилось. Он недоумённо воззрился на запястье, где слепяще горела белая полоса.

Райна замахнулась вновь, но её опередила тёмная крылатая тень, бросившаяся на ангела сверху. Мелькнули широкие крылья, густо-серые мощные лапы с загнутыми когтями, лицо – сплошная гримаса ярости, оскаленные зубы, широко расставленные голубые глаза и клубок шипящих змей вместо волос.

Горгона впилась в шею ангела, оплетая его руками и ногами-лапами; два врага кувырком покатались по грудам обломков. Древняя, оказываясь сверху, всякий раз ухитрялась ударить ангела лбом в лицо; крови не было, только яркие-яркие белые пятна.

– Бей-убивай! – прорычала горгона, выпрямляясь над замершим телом в белых одеждах. – Убивай, валькирия, дочь великого бога! Наш день сегодня! Только наш! Только на...

Ещё один ангел вырвался из алых туч, спустившихся почти к самым крышам города, взмахнул мечом, и голова горгоны слетела с плеч, змеи,

яростно шипя, раскинулись по мостовой.

Ангел камнем рухнул рядом с поверженным товарищем, нагнулся; выпрямился – губы сжаты плотной бесцветной линией; замахнулся ногой, пнул отрубленную голову.

Змеи зашипели все разом, и глаза горгоны широко раскрылись, ловя и притягивая взгляд ангела. Голубое сияние полыхнуло, и слуга Спасителя замер, на белоснежном лице выражение глубочайшего недоумения. Белые одеяния оборачивались чистейшим мрамором, волосы – замершим золотом.

Глаза горгоны закрылись, змеи, получив свободу, расползались в разные стороны, исчезая в камнях.

Зашевелился первый из ангелов, приподнялся – и прямо в горло ему вошёл меч валькирии.

Огромные глаза ангела сделались ещё больше, и Райна новообретёнными чувствами ощутила, как истаивает та сила, что давала слуге Спасителя подобие жизни. Не исчезает, а словно бы уползает, будто туман, куда-то вдаль, к Тому, кто изначально отделил её от своей собственной.

«Нет, так просто их не убьёшь всё равно». Райна смотрела, как расточается и рассыпается мельчайшей пылью тело ангела. Склонилась над мёртвой головой горгоны – страшные очи её закрылись, успев отомстить.

«Прощай, дочь Ёдина, – прошелестело где-то на самом дне сознания валькирии. – Я ухожу... в чертоги твоего отца... может, он найдёт меня достойной...»

Валькирия отсалютовала павшей.

– Да будет лёгок путь твой к вратам Асгарда, храбрая сестра!..

После этого полагалось сказать «да встретит тебя там пенный мёд и вечная охота», но было ли это сейчас?

Вздохнув, Райна повернулась спиной к мёртвой.

Над головой разом пронеслись несколько крылатых созданий, горгоны, сфинкс, Анзу – львиноголовый орёл, другие; в дальнем конце улицы внезапно появилась целая толпа чудовищ.

Древние. Армия отца.

А потом...

– Рандгрід! – грянул над ухом знакомый бас, и валькирия оказалась в объятиях Аса Воронов.

– Дочка!..

– От... папа!

Она никогда не звала его так, даже маленькой девочкой, даже потом, когда он нашёл её и взял с собой в Валгаллу, сделав валькирией.

– За мной! – рявкнул Старый Хрофт.

Их уже окружили Древние, самых причудливых обликов.

– Прочь отсюда. – Отец Дружин потащил валькирию за собой.

– Но, но я же... – пролепетала валькирия, вдруг растерявшись и не находя слов.

– Прочь! – проревел Владыка Асгарда.

С ним вместе держались двое невесть откуда взявшихся половинчиков (и непростых, отметила валькирия), дородный купец с массивным тесаком и молодой худощавый человек, просто одетый; от одного взгляда на него у Райны подкосились ноги.

Он сам по себе был Силой, но силой совершенно иной, непривычной воительнице. Она видала обитателей Асгарда, она видала Ямерта и его клан, она билась с чародеями, мощью едва ли уступавшими её сородичам (и даже, пожалуй, превосходившими, если вспомнить тех же Безумных Богов), но ничего подобного ей доселе не встречалось.

Сейчас, однако, он тяжело дышал, по виску стекала струйка свежей крови.

– Уходим, – прохрипел он. – Но мы вернёмся. Очень скоро!..

– Что происходит?! – прокричала Райна почти в самое ухо отцу.

– Спаситель, – гаркнул тот в ответ.

– Первое и Второе пришествия разом. – Молодой их спутник бежал рядом, кровь текла по щеке, не останавливаясь.

– Что же будет с Хьёрвардом? – вырвалось у воительницы; Райну охватывал тяжкий, ледяной, недостойный валькирии ужас.

– Мы его отстоим. – Она ждала ответа от Старого Хрофта, однако снова отозвался тот, другой, обладатель удивительной Силы.

– Потом разговоры, Фиделис, потом! – оборвал его Отец Дружин. – Отсюда надо успеть вы...

Багряное небо над головами вновь извергло из себя целый рой ангелов; Владыка Асгарда взмахнул палицей, сотканной из множества сияющих колючих молний, и Древние, повинувшись, кинулись дальше всей ордой, топоча и круша то, что ещё оставалось целым.

Из развалин, через груды битого камня, изломанных брёвен, рухнувших стропил и битой черепицы, сквозь облака едкой пыли полезли мертвяки, и Райна даже обрадовалась – что-то привычное, знакомое, что можно разить, поражать и убивать – вторично.

Костяки рассыпались под её ударами; палица отца вбивала неупокоенных в деревянную мостовую; однако очень скоро немногие уцелевшие расползлись, словно мокрицы, по окрестным руинам, а в конце

улицы появилась высокая фигура, в два раза выше обычного человеческого роста; ангелы слетались к ней, словно бабочки к свету.

Спаситель.

Райна бросила отчаянный взгляд на Аса Воронов.

– Отец, я... мы... нам надо...

– Нет нужды, – остановил её тот, кого владыка Асгарда назвал Фиделисом. – Я готов. Тут же погибло достаточно невинных.

Валькирия беспомощно всплеснула руками.

– Отец! Дальние... они послали меня...

– Молчи! – сурово оборвал её Старый Хрофт. – Фиделис, что ты задумал?

– Что и должен был сделать, – пожал тот плечами. – Олаф, ты... готов?

– Готов, – бестрепетно кивнул купец. – После того, как побывал... там, откуда ты меня вызвал, господин, уже ничего не страшно.

– Вот и говорю тебе – истинно, нынче же будешь в месте святом, – негромко сказал Фиделис, кладя руку Олафу на плечо. – Уходите, уходите все! Спаситель ещё сильнее, чем я думал; придётся без меня вам пока. Но я вернусь, верьте!.. Вернусь, как только... – Он резко обернулся. Спаситель, обратившийся сейчас в настоящего великана, надвигался, в кровавых небесах вились ангелы, а по сторонам дороги скапливались разупокоенные мертвецы. Задул резкий и горячий ветер, сухой, словно из кузнечного горна, на остатках стен заиграли невесть откуда взявшиеся отблески мрачного подземного пламени.

– Идём, добрый человек, – негромко проговорил Фиделис, беря Олафа за руку, словно брата.

– Нет! – вдруг подхватился один из половинчиков. – Нет, Фиделис! Этого Он и ждёт, это ему и надо!..

– Спаситель так и не набрал полной силы, – покачал головой Фиделис. – Поэтому ангелы и стали уязвимы. Поэтому мы можем...

– Да нет же! – Невысоклик аж притопнул. – Веру в Него убивать надо, а не с Ним самим сражаться! Эвон сколько народу отсюда сбежало – они жизнь свою да скорб спасали, а отнюдь не души! И не зря же Он за нами тянет, надо Ему нас прибить окончательно, с нами покончить, иначе давно б уже собирал мёртвых да мир высасывал!..

– Фредегар дело говорит, – поддержал собрата второй половинчик.

– Нас не хватит на огромный Хьёрвард, – покачал головой Фиделис.

– Хватит, если достанет времени, – возразил невысоклик, и его неожиданно поддержал купец с тесаком:

– Верно! Так и есть! Народишко-то не к Нему, а от Него бежит! Вот и

надо так, чтобы Он тут, в Хедебю, так бы и остался! Запереть бы как-то! Лекарь, а?

– Запереть... – задумался Фиделис, кидая быстрые взгляды то на кружащих в небе ангелов, то на шевелящихся в развалинах мертвяков. – Попытаюсь, братья и ты, сестра-воительница...

«Ишь ты, братья и сестра», – подумала Райна. Нет, странный «лекарь» не лгал, они для него и впрямь были братьями и сёстрами.

– Попытаюсь... – бормотал лекарь, пока Спаситель неторопливо, словно наслаждаясь собственным торжеством, приближался к ним. – Запереть с кем-то из наших, замкнуть в битве вечной...

В этот миг у Спасителя, наверное, иссякло терпение. Райна ощутила короткое и болезненное содрогание силы, с небес на землю хлынул багряный ливень – теплый и солоноватый.

Лилась кровь.

Спаситель медленно простёр руку, и Его воинство – ангелы вместе с мёртвыми – ринулось на сжавшуюся вокруг Старого Хрофта кучку противников.

Отец Дружин ответил громоподобным рыком, размахнулся палицей – и, словно отвечая ему, изливающиеся кровью облака пробила чистая ветвящаяся молния, грянула в ближайшие развалины, поражая поднявшихся в атаку мертвецов.

Невысоклики дружно спустили тетивы коротких своих луков, и ни один не промахнулся – два белых ангельских создания распростёрлись на камнях, словно обычные смертные ратники.

Спаситель не достиг полной мощи.

Его можно задержать.

Райна приняла щитом прыгнувшего на неё какого-то особенно шустрого мертвяка, раздробила череп ударом эфеса. Отец Дружин закрутил палицу вокруг себя, с неё срывались короткие росчерки молний; вот одна нашла грудь переднего ангела, и белокрылое существо отшвырнуло прямо в гущу собратьев, словно в него ударили стенобойным тараном; полетели белые перья.

Другая молния задела плечо Спасителя – промахнуться по Его громадной фигуре было и в самом деле затруднительно.

Великан пошатнулся. Он по-прежнему шёл в молчании, движение его продолжалось, неумолимое, бесшумное, неотвратимое. Но чего-то Ему по-прежнему не доставало, какой-то малости, чтобы окончательно заполучить весь Хьёрвард.

Ангелы обрушились на обороняющихся со всех сторон, лавина белых

крыл и длиннейших, словно копья, невозможных мечей.

Однако они были уязвимы, часть их силы исчезла.

Стрелы невысокликов сбивали слуг Спасителя наземь, Райна принимала выпады на щит, но лишь Отец Дружин крушил их одного за другим. Палица его разила молниями, и даже если ангел успевал вскинуть клинок для защиты, голубоватое пламя всё равно обвивалось вокруг иномировой стали, словно удав вокруг добычи, скользило, добираясь до цели, и фигура в белом и золотом валилась в пыль, сделавшуюся скользкой и липкой от кровавого ливня.

Даже Олаф ухитрялся встретить своим тесаком лезвие ангельского меча; и только лекарь Фиделис застыл, низко опустив голову и уронив руки, словно к чему-то прислушиваясь. Его Сила втянулась внутрь, скрылась в нём, словно улитка в раковине, но Райна знала, что она вот-вот вновь вырвется на свободу – когда настанет должное время.

Сколько бы они так продержались?

Может, даже и долго, потому что палица Отца Дружин разила без промаха и стрелы невысокликов были метки, а колчаны ещё не опустели. Но что потом?

Кристалл Дальних сделался не просто ледяным, но обжигающе-холодным, словно впитав все морозы этого мира, морозы, обращающие плоть в камень за считанные часы. От него по боку валькирии расползлся нехороший холодок.

Предупреждение. Возможно, последнее.

– Что это было? – вдруг вскинул голову лекарь Фиделис. – Сила? У тебя, сестра-воительница?

Райна отбила один за другим три выпада, пнула наглого мертвяка, ударила эфесом, вгоняя череп в пустую грудную клетку, прежде чем сумела ответить:

– Напоминание... от... Дальних! – Щит её принял ещё один удар, и лезвие просекло край.

– Дай сюда! – выкрикнул Фиделис, лицо его внезапно покраснело, и отнюдь не от крови, вымочившей всех с головы до ног.

Кое-как увернувшись, Райна бросила ему замороженный кристалл; смарагдовые грани тотчас покрылись ало-ледяной коркой, касавшиеся их капли мгновенно замёрзли.

Она не думала, что от смертельного подарка Дальних можно избавиться так просто; и впрямь, тот на лету дрогнул, скрытая сила ожила, вырываясь на свободу, в лицо валькирии дохнула ледяная смерть.

Фиделис ловко поймал талисман, сжал в кулаке, и его собственная

мощь словно призакрыла расходящиеся трещины, приостановила неизбежный взрыв.

А в следующий миг лекарь швырнул изумрудно-алую смерть прямо в лицо Спасителю.

– Бегите! – гаркнул он, и ему повиновались все, даже Отец Дружин.

Ангелы бросились на них все разом, но в этот миг за спиной раздался лёгкий хруст, отчётливо слышимый в грохоте битвы.

Хруст, словно трескался весенний лёд.

Райна точно наяву увидела, что происходит. Жуткий дар Дальних ударился об успевшую подняться руку Спасителя, отскочил, разламываясь на лету. Волна высвобождённой силы хлынула, устремляясь во все стороны, и вокруг Спасителя начала стремительно расти смарагдовая кристаллическая друза, вбирая Его в себя. Зелёные грани возникали прямо из воздуха, только что двигавшееся замирало, каменело, обращаясь в изумрудную прозрачную неподвижность.

Лик Спасителя не дрогнул, однако руки Его застыли, стремительно одеваясь кристаллической бронёй. Друза стремительно росла во все стороны, и Райне с остальными выбирать уже не приходилось.

– Бежим!

Но им пришлось ненадолго вернуться.

Лекарь Фиделис стоял на одном колене, низко уронив голову. А у его ног застыл купец Олаф, широко раскрыв глаза и раскинув руки, так и не выпустившие верный тесак.

– Нужна... была... жертва, – тихо проговорил лекарь.

Райна и Старый Хрофт подхватили его с двух сторон, потащили прочь. За ними, как могли, торопились невысокликки; а за их спинами мгновение спустя челюсти зелёных кристаллов сомкнулись на теле Олафа, вобрав его в себя.

...Райна, Старый Хрофт, невысокликки и лекарь Фиделис бежали что было духу мимо дымящихся развалин и почти целых домов, мимо сорванных крыш и выбитых окон, мимо раскрывшихся, словно вспоротые животы, подвалов, мимо останков обычной жизни, ещё совсем недавно такой мирной, уютной и тихой.

С небес по-прежнему лило, алые лужи соединялись, словно сам Хедебю истекал кровью. А позади, за развалинами и пожарищами, рос смарагдовый кристалл, изумрудная гора, уже поднявшаяся выше уцелевших печных труб.

Ангелы целыми скопищами бросались к своему повелителю и увязали в зелёной толще, словно насекомые в смоле, которой ещё предстоит

сделаться янтарём.

– Чем больше Он пытается вырваться, тем выше и шире вырастет смарагд, – на бегу прохрипел лекарь. – Какая удача, сестра, какая невероятная, редкостная удача!.. даже и представить себе нельзя!..

– А потом? – Ас Воронов бежал тяжелее всех, постоянно отставая и приволакивая ногу.

– Потом Он, конечно, вырвется. Но какое-то время у нас будет, чтобы обойти, как говорится, грады и веси. Учить иному. И тогда, даже когда Он освободится, Хьёрвард встретит Его совершенно не так.

– Ты знаешь? Или веришь? – тяжело выдохнул Отец Дружин.

– Верю, – чуть поколебавшись, ответил лекарь. – Никто и никогда не останавливал Спасителя...

– Неправда, – бросила Райна. – Его остановили в Эвиале, когда Он уже почти готов был овладеть миром. Остановили двое смертных чародеев, пожертвовав собой. Я знаю, мне рассказывал Ра... то есть повелитель Ракот.

– Олаф тоже пожертвовал, – вздохнул лекарь, когда они оказались у самых городских ворот. – Иначе бы ничего не получилось.

Все пятеро остановились, невольно обернувшись – смарагдовая гора продолжала расти, но уже не так быстро, как поначалу.

Древние, всё воинство Аса Воронов, кое Райне предстояло «подчинить себе и повести против мятежных магов», толпилось сразу за стенами. Даже самые неукротимые присмирели; щупальца свёрнуты, когти втянуты, хоботы поджаты.

Кровавый дождь здесь пролился тоже, но куда слабее, лишь слегка омочив траву.

– Дело сделано, – выдохнул Фиделис. – Хьёрвард выстоит, если мы немедленно отправимся и...

Райна ощутила, как задрожала, пошла рябью незримая сила, словно исполинские крыла взмахнули над водной гладью. И разом же – упругие толчки, будто где-то рядом скользило громадное извивающееся тело дракона.

– Что это? – нахмурился лекарь, Старый Хрофт вскинул палицу, а оба половинчика наложили на тетивы по последней стреле – их колчаны окончательно опустели.

Но ответить никто не успел – из-за изумрудной горы повалили мертвяки, и самое страшное – отнюдь не одни древние скелеты. Нет, рядом с ними ковыляли и только что расставшиеся с жизнями обитатели Хедебю, зачастую – целыми семьями.

Лекарь Фиделис с шипением втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Спасителя-то мы того, накрыли колпаком, а вот остальных... – проговорил половинчик Фредегар.

– Значит, остальных сейчас довершать придётся, – пожал могучими плечами Старый Хрофт. – Готова, дочь?

– Всегда готова, – и валькирия улыбнулась отцу в ответ.

...Эта схватка оказалась самой яростной и самой безумной. Неупокоенные, словно муравьи, ползли по стенам, слепо кидались на развернувшихся к ним Древних. Скелеты и ходячие трупы словно напитались невесть откуда взявшейся силой и проворством; не медленные и неуклюжие, но атакующие с быстротой и ловкостью опытных бойцов.

Их вновь крушила палица Владыки Асгарда; оба половинчика выхватили короткие мечи, которыми орудовали с немалой ловкостью; лекарь Фиделис встречал врага голыми руками, однако от каждого его касания мертвяк валился наземь, не важно, скелет или только что восставший труп.

Древние с рёвом, рычанием и клёкотом обратились против вновь явившегося врага; но Райна видела, что даже её собратьям приходится отходить под натиском мёртвой толпы.

Сила содрогнулась вновь чужой, неестественной судорогой. Громоздившиеся вперемешку костяки и повергнутые зомби зашевелились, задёргались, словно расчленённые лягушки в алхимических аппаратах.

Райна ощутила, как среди этих обрубков и обломков, среди мёртвых тел и костей, пробуждённых к подобию злобной и бессмысленной жизни, словно огонь в потухших, казалось бы, углях, зачинается новое пламя. Вбитой в скелеты и зомби силы хватило, чтобы огонь разгорелся заново; её словно оказалось слишком много, она искала выхода, не умекаясь в отживших костях и плоти, готовая, словно торфяной пожар, вырваться на волю.

Слишком поздно бежать. Слишком поздно...

– Ко мне! – гаркнул Отец Дружин, очерчивая палицей круг. Молнии срывались с неё и оставались трепетать, вонзаясь в землю, словно копья.

Миг – и пламя будет —

«Иди за мной, валькирия».

Мощный грозовой голос. Мерные взмахи исполинских крыл.

«Нет! Мой отец! Моё...»

«Я могу удержать только тебя. Отца удержит другой».

«Кто?!» – хотела выпалить воительница, но тут напавший костяки и трупы огонь наконец-то вырвался на свободу. Райна ощутила, как её самое

подхватило незримой петлёй, вздёргивая вверх, вверх, вверх, прочь от дыма и пламени, прочь от несчастного города, где бился внутри смарагдовой клетки пленённый, пусть и на время, Спаситель.

* * *

Старый Хрофт не успевал, и он знал это. Частокол из молний мог выдержать натиск, но для этого его требовалось возводить самое меньшее сто ударов сердца.

У Отца Дружин не оставалось и одного.

«Рагнарёк, – услышал он. – Я могу помочь тебе, но уже в последний раз. Нам предстоит последняя битва, Древний».

Время остановилось.

«Узнаю твой голос, великий Дракон».

«Хорошо. Спасти всех я не могу, только тебя. Об остальных позаботятся, если смогут, иные. Время Рагнарёка, Древний».

Застывшее было время ринулось вперёд, как вода, достигшая верхнего края плотины. Струи огня взметнулись над трупами, кости распадались чёрным пеплом, но золотой дракон уже мчался ввысь, прочь от туманов этого мира.

Кажется, восходящий поток силы увлекал вместе с ними кого-то из Древних, кого-то из воинства Старого Хрофта.

«Рагнарёк, Древний бог Óдин. Ты знаешь, что это значит».

Отец Дружин знал.

* * *

...Земля на склоне дымящейся воронки зашевелилась, комки её покатались вниз, на самое дно. Появилась перемазанная голова.

– Роб?! Роб, где ты? Роб!

– Ох... – донеслось откуда-то снизу. – Фроки? Фредегар?

– Сейчас помогу. – К ним уже спускался лекарь Фиделис. Выглядел он жутко – весь покрытый сажей и гарью, плащ порван и прожжён, со лба свисал большой лоскут кожи, и лицо заливало кровью.

– Спасибо. – Фредегар уцепился за поданную руку. Рывок – и он оказался на свободе. – Ты ранен, господин?..

И вновь последняя «н» в слове была почти не слышна.

– Потом поможешь мне прочистить рану и поддержишь зеркало, пока я зашью себе физиономию, – слегка улыбнулся лекарь. – Вот уж воистину, «врачу, исцелися сам!».

Они вызволили Роба. Выбрались из дымящейся воронки.

Над мёртвым Хедебю вздымался смарагдовый купол; Древние исчезли все до единого. Никаких следов валькирии Райны и её отца, грозного бога Одина.

Вообще ничего, ни одной живой души на лиги окрест. Спаситель забрал город себе, но и сам остался в нем.

Фиделис, несмотря на рану, быстро осмотрел обоих невысокликов.

– Хвала всем богам, вы невредимы, – выдохнул он. – Роб, достань, пожалуйста, из моей сумки зеркало. Оно, как ни удивительно, цело.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую, – усмехнулся лекарь. – А ещё нам понадобится настойка... да-да, вон та, иголка – воткнута в катушку, давай сюда всё. За работу, друзья!..

– А... а потом? – осторожно спросил Роб, держа зеркало так, чтобы Фиделис мог видеть собственное лицо.

– А потом, друзья, мы сделаем то, чего мне не удавалось никогда раньше. Мы пойдём по Хьёрварду, от города к городу, от села к селу. Спасителю нужны страх и ужас – мы лишим Его их, лишим излюбленной пищи. Сложно и долго, и кто знает, осталось ли у нас на это время... но ничего иного тут не придумать. Нет такого заклинания, нет такого оружия, чтобы наверняка поразить Спасителя, кроме лишь одного-единственного – людской веры.

Иголка так и мелькала в ловких руках, лоскут кожи на глазах возвращался туда, где ему следовало пребывать.

– Вера всегда была, – осторожно заметил Фредегар. – Верили в Древних Богов, поклонялись Богам Молодым... да и великим Хедину-Милостивцу с Ракотом-Заступником кое-где поклоняются!

– Вера-то была, а Спасения не было, – заметил Фиделис. – В том-то Его и сила, что смертные, хоть при Óдине, хоть при Ямерте, хоть при Хедине – так и шли себе в залы Хель. А в других мирах – в иные царства мёртвых или даже к великому Духу, Демогоргону. А это... страшно. Вот Спаситель и поднялся. На страхе людском, на жажде защиты, чтобы пришли и оборонили. Эх, да что говорить! Вставайте, друзья. Дорога дальняя, а у нас ни припасов, ни коней.

Глава 9

Ирма Нарви; адата Гелерра; Хедин Познавший Тьму; Ракот Восставший

Серко не подвёл. Волшебный волк мчал сквозь Межреальность, словно это была торная дорога от родного Поколя до ближайшего городка. Ирма только и могла, что крепче вцепляться в шерсть да зажмуриваться, когда он распластывался в прыжке над пропастью, которой – могла поклясться она – тут мгновение назад не было и в помине.

Междумирье сотрясали жестокие судороги, пути и тропы путались, и сама Ирма ни за что не смогла бы выбраться из этих краёв. Миры сдвигались с места, дороги обрывались в бездонные провалы, и неприятные, болезненные содрогания всего вокруг делались всё более частыми, словно сердце, заходящееся в агонии, отсчитывающее последние удары.

Ирма вжималась в пушистую спину своего волка, без отдыха и устали отыскивавшего одному ему ведомым образом путь.

Время сходило с ума тоже. Ирме казалось – оно то замедляется, то начинает нестись вскачь; её то терзал голод, как будто она не ела несколько дней, то у неё кусок не лез в рот – несмотря на то, что запасы таяли, и приходилось растягивать то немногое, что осталось в сумках.

Однако волк не подвёл. Настал миг, когда он решительно свернул с виляющей, шарахающейся из стороны в сторону тропы и кинулся «вниз» – к раскинувшемуся перед ними миру.

Сердце у Ирмы колотилось теперь в унисон с неровными, тяжкими содроганиями всего сущего.

«Оно умирает, – вдруг подумала девочка. – Оно умирает, и мы вместе с ним. Что-то пошло не так, где-то, у кого-то – может, даже и у госпожи Соллей. Может, они оказались не так ловки и хитры, как им казалось. Те красные кресты... закладки... что они рассовывали по мирам... что, если?..»

От этих мыслей стало совсем дурно.

«Да, я бегу, бегу к... госпоже Кларе. Почему я так на неё злилась, почему так ненавидела? Что было не так меж нами? Мне хотелось всего, всего, всего, сразу и побольше? Потому что сирота Ирма Нарви больше не желала гнуть спину, кланяться, просить и умолять?..»

Под ними раскинулись какие-то горы, острые пики, нити зелёных долин. Волк нёсся, не замедляя бега, прямо сквозь небо – хорошая основа для сказки.

А что это там такое?.. Люди, вооружённые люди, множество воинов, какие-то хитроумные устройства – ого, да там битва!.. Некто в тёмном, худой, высокий, невероятно, нечеловечески быстрый – против целой сотни, наверное, копейщиков, и не просто копейщиков – здесь шла в ход какая-то магия, злая, старая и неприятная. Ирма о такой никогда не слышала, но она слишком о многом никогда не слышала.

Серко угрожающе заворчал, в горле его заклокотало, ворчание перешло в грозный рык. Заклятия входа в мир работали, но неровно – Ирма с волком то кубарем летели вниз, то вновь обретали незримую твердь под ногами, то есть под лапами.

– Госпожа Клара... там? – Ирма крепче прижалась к Серко. Тот рыкнул в ответ что-то утвердительное. Эх, эх, сколько ж времени прошло с того мига, когда она впервые взяла в руки игрушку-волчонка в лавке госпожи Клары и впервые же услышала беззвучное: «Ты моя хозяйка?..»

Госпожа Клара там, внутри, за той дверью, куда пытаются вломиться вояки в алом и багровом.

Что делать, что делать? Лезть в драку, понятия не имея, кто тут за кого? В конце концов, Серко ведь вывел её, куда смог, это мир, настоящий мир, и она кое-что умеет...

Нет, сказал чёткий и ясный голос у неё в сознании. Многое из случившегося произошло именно из-за тебя, Ирма. На тебе большой долг, девочка.

Серко рычал и рвался вперёд, Ирме стоило немалых трудов уговорить его скрыться в ближайших камнях.

– Осмотреться хотя бы! – взмолилась она.

Волк повиновался, пусть и нехотя.

А потом...

* * *

– Ну, вот мы и на месте, дорогой господин дракон. – Скъёльд шутовски поклонился, широко разведя руки. – Нет-нет, благодарить не стоит. Вы очень хорошо и твёрдо удерживали мысленный образ вашей супруги, мне оставалось лишь самое простое...

Гелерра мрачно отвернулась. Бездна б тебя побрала, лысый, со всеми

твоими заклятиями!

Сфайрату тон чародея, как видно, тоже не понравился.

– Благодарю, – сказал он суховато, куда суше, чем следует по отношению к тому, кто указал тебе дорогу к пропавшей супруге. – Я... крайне признателен и...

– Не надо лишних слов, – рассмеялся Скъёльд. – В Межреальности штормит, не правда ли? Давайте спускаться, а то у меня вот-вот морская болезнь случится.

– Штормит, – кивнул дракон, пристально глядя на чародея. – Судя по твоим рассказам, досточтимый, ответственность за этот шторм...

– Лежит на нас, доблестный дракон, – даже и не подумал отпираться Скъёльд. – Побочный эффект от принятых нами мер к устранению всех и всяческих богов, кроме безвредных Древних.

– Побочный эффект... – потупился Сфайрат. – Что ж, проводи меня к моей супруге, уважаемый Скъёльд и, как я пообещал, помогу, чем только в моих силах.

Маг вновь развёл руками.

– Нам туда.

Гелерра держалась в конце процессии; ревность впилась в грудь множеством раскалённых коготков. «Это мой, мой дракон!» – хотелось заорать во всю глотку. Мой, и всё тут!

Какой же он твой, слабо попытался возразить рассудок. Он на тебя и не смотрит! Эвон, всё к жене рвётся! А у неё ведь даже и крыльев нет, не говоря уж о таких белых пёрышках, как у тебя... Ну и пусть не смотрит, яростно заспорила Гелерра сама с собой. Мне нужно время, ничего больше. Время, чтобы побыть с ним, убедить его, чтобы он сам понял, в чём его счастье... Это я должна быть женой дракона, а не какая-то там бескрылая колдунья!

Дракон молча кивнул. Межреальность в последний раз вздрогнула и расступилась, они ухнули сквозь небеса. Гелерра расправила крылья, ослепительно-белые перья сверкнули под неярким солнцем; как Сфайрат, неужто даже не глянул?

Не глянул. Потому что человек с обликом Аветуса Стайна, мага Долины, исчез, вместо него возникло могучее драконье тело в чёрной броне, камнем падавшее к далёкой земле.

Ого! Ну ничего, я тоже так могу!..

Белые крылья сложились, в ушах адаты неистово засвистел ветер. Что-то крикнул Скъёльд, но Гелерра уже не слушала.

Они стремительно мчались к горам, тянувшим им навстречу

гранитные пики. Уже отсюда острые глаза гарпии различали каких-то воинов, явно пытавшихся пробиться под скалы.

– Здесь! – вдруг громоподобно проревел Сфайрат. – Она здесь!..

Ну да, ещё бы, скривилась адата. Куда ж без неё, жёнушки твоей ненаглядной. Она ж от тебя сбежала, чего ты за ней гонишься? Хотя да, гордость, гордость драконов, как я могла забыть!..

Рёв Сфайрата сделался оглушительным. Голову дракона окутывало пламя, он падал, словно раскалённый болид, даже и не думая расправлять крылья.

Их, конечно, заметили. Схватка – а тамошние воины явно с кем-то сражались – замерла. Люди вскидывали головы, а потом...

Сила содрогнулась, вражьи чары стремительно сплетались и складывались, маги внизу пытались организовать отпор, но поздно, слишком поздно!..

Дракон выдохнул струю клубящегося пламени, нет, настоящую реку; поток его устремился к земле, и зоркая Гелерра заметила, как метнулась в сторону тёмная тень, тоже крылатая, небольшая и странно знакомая...

Огонь ударил в камень, расплескался далеко окрест; дикие вопли угодивших под него огласили округу, но почти сразу смолкли – пламя драконов убивает быстро.

Остальные воины, поспешно бросая тяжёлые копья, бросились наутёк.

Громоподобно рыча, Сфайрат расправил крылья уже у самой земли; словно замер в воздухе, яростно поливая всё вокруг кипящим пламенем. Гелерра впервые увидала, как начинают плавиться гранитные валуны, обращаясь в раскалённую кровь земли, вытекающую из вулканов.

– Сфайрат! – Она зависла над ним, не в силах приблизиться, такой стоял внизу жар. – Остановись! Их уже больше нет, никого!

И в самом деле – чудом выжившие улепётывали вниз по склону, усеянному брошенным оружием и доспехами.

– Труссы! – проревел дракон. – Стойте и сражайтесь!..

...Но сражаться было некому.

– Достаточно, дракон! – крикнула Гелерра. – Довольно! Ты победил! Всё!..

И, не в силах сдержаться, резко спикировала прямо на него, обняв мощную бронированную шею.

Ох, как же хорошо!.. Держала бы вот так и не отпускала!..

Кажется, это возымело действие. Сфайрат шумно выдохнул, но уже без огня.

– Верно, славная адата, – прорычал он, опускаясь на покрытую

пеплом, почерневшую и спёкшуюся землю. – Моя супруга здесь, за этой дверью!.. Но есть тут и кое-кто ещё... который вроде как её защищал... – Дракон завертел головой, вертикальные зрачки сузились.

– Здесь вообще, похоже, удивительное место. – Никуда не спешивший Скъёльд с удобством выбрал местечко почище. – Я вот чувствую присутствие ещё одной особы, которую уж никак не ожидал тут встретить. Ирма! Ирма, дорогая, хватит прятаться. Тут все свои.

– Ой... – раздалось слабое. – Г-господин Скъёльд...

Из-за каменной гряды, от которой отразилось драконье пламя, изрядно её оплавив, появилась девчоночья голова, а рядом с ней – голова огромного волка.

– Молодец, – покровительственно бросил волшебник. – Госпожа Соллей будет тобой очень довольна. Ты проявила находчивость и сообрази...

– Тихо! – проревел дракон, и все на самом деле стихли, один волк бесстрашно выбрался из-за камней, потрусил к Сфайрату, уселся рядом.

Драконья голова, увенчанная короной острых рогов, наклонилась к зверю.

– О, узнаю тебя, да! – Сфайрат улыбался. В драконьем обличье получалось довольно-таки жутковато. – Моя супруга сделала тебя, и ты нашёл к ней путь? Прекрасно, превосходно! – Он придвинулся ближе к двери. – Клара! Клара, ты там? Это я, слышишь меня?

Тишина.

– Гномы делали, – неприязненно бросил дракон, приняхиваясь. – На совесть ладили. А вот ещё есть тут один запах, который мне никак не нравится... Защитничек, значит, гм, гм...

– Чем же это вам не нравится мой запах, досточтимый господин дракон? – холодно осведомился новый голос, и Гелерра чуть не подпрыгнула.

– Ан-Авагар? Ты-то что здесь делаешь?!

– Вампир, – ядовито прошипел Сфайрат. – Вампир!

– Позвольте представиться, – Ан-Авагар и бровью не повёл. – Ан-Авагар, неумирающий, из потомства Эйвилль Великой, верный слуга великого бога Хедина Познавшего Тьму.

Гелерра метнула быстрый взгляд на лысого мага, но тот, как ни в чём не бывало, первый шагнул к вампиру, протягивая руку.

– Очень рад, очень рад знакомству! Скъёльд, сын Скримнира и Аугильды из рода Гвельнаров, чародей, сотоварищ упомянутой уже госпожи Соллей, наставницы сей прелестной юницы! Так случилось, что

нам выпало помочь и госпоже Кларе с детьми, и господину Сфайрату, её супругу!

– Конечно. – Вампир, не чинясь, пожал протянутую ладонь. – В свою очередь, рад составить знакомство. Госпожа Клара, изволите ли видеть, была тяжело ранена...

Дракон дёрнулся, и Гелерра едва не заскрежетала зубами. Почему я так ревную?! Он ведь даже пока ещё не мой!

– Ранена? – проревел Сфайрат, надвигаясь на вампира.

– Ранена. – Тот скрестил руки на груди, не подавшись назад ни на йоту. – Я попытался, как мог, оказать ей помощь. Эту дверь едва ли удалось бы так просто сломать – или расплавить, господин дракон. Я открою её для вас, право же, не стоит испепелять меня взглядом. Вы уже догадались, что убить меня не так-то просто даже для вас. Тем более что один раз я уже умер.

– Что. Ты. Делал. Рядом. С моей. Женой?!

Поток пламени вырвался из драконьей пасти, ударил в створку гномьей работы и стёк по ней крупными полыхающими каплями.

Вампир развёл руки в стороны, безглаголиво стряхнул огонь с рукавов.

– Я же говорил, господин дракон, меня довольно сложно убить даже вам.

Драконьи бока тяжело вздымались и опадали.

– Открывай! – прорычал он.

– С превеликим удовольствием, – холодно поклонился Ан-Авагар. – Что же до вашего вопроса, господин дракон, – я лечил вашу супругу. Иначе, простите за откровенность, вы бы уже овдовели.

– Открывай! – в рыке крылась такая ярость, что Гелерре вдруг очень захотелось оказаться где-нибудь подальше. Несмотря на дракона.

– Немного терпения. – Вампир возился с замком. – Дверь эту, видите ли, пытались взломать. И, надо признаться, не без успеха. Вашему покорному слуге пришлось вмешаться.

Дракон дышал всё тяжелее, блеснули обнажившиеся клыки. Меж них из пасти поднималась струйка дыма. Не зная, что предпринять, Гелерра шагнула к нему, осторожно коснулась обычно приятно-тёплой, но сейчас раскалённой брони.

– О, досточтимая адата Гелерра, – словно только что сейчас заметил её вампир. – В удивительные места забрасывает нас служба великому Хедину Познавшему Тьму, не правда ли? Ты, я вижу, крепко подружилась с господином драконом?

– Что-о? – взревел Сфайрат, но Гелерру было не так-то просто сбить с

толку.

– Я помогала его излечению, Ан-Авагар. А вот что ты делаешь подле госпожи Хюммель, честное слово, мне непонятно. Ученик Великого Бога должен бы знать, что составляет мужней жене компрометацию.

Каждое слово, каждый звук были пропитаны ядом, и вампир понял.

– Я тоже лечил госпожу Хюммель, разве ты не слышала? Что же до компрометаций, адата... лекарь не имеет зачастую иных путей, чем...

– Ты касался моей жены. – Это был не рёв, не рык, это сказал дракон, принявший облик человека. Ненависть, полнившая голос, заставила попятиться всех, даже вампира.

Он постарался пожать плечами как можно более равнодушно, но получилось плохо.

– Я спас твою жену, господин дракон. Уйми свою гордыню, в конце концов!

Замок щёлкнул, дверь поплыла в сторону.

Сфайрат молча отодвинул вампира плечом и вошёл внутрь. Гелерра – следом. Скъёльд, бормоча невнятные извинения, протиснулся третьим. Ан-Авагар – последним. Ирма и Серко вообще решили от греха подальше остаться на улице.

Да, здесь лечили, и лечили серьёзно. Небольшой покой пропах снадобьями, здесь их варили и возгоняли, очищали и охлаждали. Чародейка лежала на узком ложе, кое-как сооружённом из всего, что попало Ан-Авагару под руку. Выглядела она бледной и истощённой, открытый сгиб локтя покрывала запёкшаяся кровь.

Гелерра сощурилась. Так-так-так, кажется, дело тут ещё интереснее, чем казалось...

Сфайрат не упал на колени, не обхватил жену, не произнёс ничего романтического. Лицо его оставалось словно высеченным из камня. Он молча смотрел на лежавшую чародейку, и взгляд его упирался то в полузакрытые глаза волшебницы, то в тёмно-багровый струп на её локте, там, где вены подходили к коже.

Осторожно кашлянул Скъёльд.

– Досточтимые, быть может, вы позволите мне, так сказать, знакомому с обеими сторонами...

Клара Хюммель наконец приподняла голову и взглянула в лицо дракону.

Глаза чародейки расширились, губы приоткрылись – а потом вдруг задрожали.

– Где мои дети? – проронил Сфайрат, и Гелерра затрепетала, потому

что льда в этих трёх словах хватило бы на полярные шапки нескольких миров.

– Сфай... – прошептала Клара, с трудом вытягивая руку.

Дракон не шелохнулся.

– Где мои дети?! – повторил он, и на сей раз в голосе его прорезался гнев.

Клара Хюммель медленно смежила веки, а сердце у Гелерры подпрыгнуло и забилось где-то в горле.

– Друзья, друзья, – не на шутку забеспокоился Скъёльд. – Не надо так, прошу вас, прошу!.. Госпожа Клара, вы узнаете меня? Я лечил вашу Зосю. Вы помните?..

– Да... – еле слышно отозвалась Клара. – Вы... господин...

– Просто Скъёльд, – поспешно перебил чародей. – Помните, как мы спасали вашу младшенькую?

Клара медленно кивнула.

– Госпожа Клара, господин Сфайрат, я счастлив, что вы вновь встретились. Не сердитесь на досточтимого Ан-Авагара, он сделал всё, что мог, и даже больше. Супруга уважаемого дракона попала под сильнейшее магическое воздействие, и, скорее всего, не поспеши вышеупомянутый Ан-Авагар на помощь, мы едва ли имели бы удовольствие лицезреть госпожу Хюммель-Стайн...

Он говорил быстро, горячо, делая размашистые жесты, а в голове Гелерры билась одна-единственная мысль: «Драконы ненавидят вампиров даже больше, чем гномов. Ненавидят, потому что те – полная им противоположность. Дракон есть воплощение жизни и жизненной силы, магии; а вампир – воплощение смерти...»

– Позвольте мне тоже помочь. Госпожа Клара знает, что я – лекарь, и тоже, гм, не из последних...

В глазах дракона плескалась расплавленная сталь. Он молчал, ничего не отвечая таким разумным, таким взвешенным словам чародея; Ан-Авагар тоже молчал, и адата всей кожей чувствовала исходящую от него угрозу. Девчонка по имени Ирма со своим волком завозила у порога, подбираясь поближе.

Дракон развернулся, взглянул в упор на вампира.

– Уходи. Ты сделал достаточно.

Ан-Авагар пожал плечами.

– Госпожа Хюммель – моя пациентка. Я никуда не уйду до тех, пока...

Сила содрогнулась, перед глазами Гелерры пронеслось что-то стремительное, размытое, невероятно быстрое, вырвавшееся наружу; Ирму

сшибли с ног, она покатилась кубарем. Гелерра бросилась следом – наружу, где уже сцепились преобразившийся дракон и вампир, грудью встретивший его натиск.

– Друзья! – завопил Скъёльд. – Чего стоишь, разнимай! – рывкнул он на Гелерру безо всякого почтения.

Легко сказать, «разнимай»!..

...Дракон преобразился, теперь это вновь было могучее бронированное тело, шипастый хребет, рога и хлещущий во все стороны хвост. Вампир тоже успел перекинуться, но опоздал на самую малость, на ничтожную долю мгновения, и один из драконьих когтей пропорол ему бок. Гелерра ощутила это мгновенно, ветер подхватил капли чёрной крови, рассеивая их над обугленными камнями.

Скъёльд засуетился, размахивая руками, что твоя мельница, прожигая адату взглядом – мол, чего стоишь, глупая?!

Гелерра оттолкнулась, взмыла – вампиру удалось справиться с болью, и он сейчас с невероятной быстротой вился вокруг дракона, норовя чем-то попасть тому в глаза – какими-то хитрыми чарами.

Дракон закладывал над гномьим укывищем широкие круги, окутавшись облаком пламени, в котором нацеленные в него заклятия распадались и горели; он тоже пытался дотянуться до противника, но вампир всякий раз оказывался на миг быстрее.

Они были достойны друг друга.

Гелерра затрепетала белыми крыльями, растерянно взирая на схватку. Конечно, лучше все было бы сейчас как-нибудь по-хитрому сшибить Ан-Авагара наземь, а потом постараться удержать дракона, но как?!

Скъёльд метнул что-то вверх; чары лопнули ослепляющим фейерверком, дракона и вампира отшвырнуло друг от друга (Ан-Авагара куда дальше); воспользовавшись суматохой, Гелерра бросилась дракону на шею, обняла, вцепилась мёртвой хваткой, вновь ощущая переполняющий его яростный жар.

– Нет! – отчаянно выкрикнула она прямо в золотисто-чёрные глаза, прямо в огнедышащую пасть. – Остановись! Ты – жив, он – мёртв! Ты уже победил, дракон!

Скъёльд снизу послал ещё одну трескучую, взрывающуюся плеть фейерверка. Она вспыхнула рядом с вампиром, обдала того дождём белых льдистых искр.

– Остановись! – отчаянно шептала Гелерра, по-прежнему прижимаясь к шее дракона, мчавшегося широким кругом. – Остановись, он тебя не стоит!

Что-то выкрикивал Скъёльд, адата не слышала. Однако вампир больше не пытался атаковать, и дракон тоже как будто давал себя уговорить.

...Они так и опустились наземь – Гелерра в обнимку с драконом, прижимаясь к нему, распластавшись на горячей чешуе, и Ан-Авагар, поспешно перекинувшийся, едва коснувшись земли. Видно было, как ему досталось, и раны отнюдь не торопились закрываться.

Скъёльд начал было что-то говорить, но тут из дверного проёма появилась виновница всего этого сумасшествия.

Госпожа Клара Хюммель едва передвигала ноги, одной рукой обхватив волка за мохнатую шею и уронив другую на плечи девчонке Ирме. В лице чародейки не осталось ни кровинки, а глаза так и впились в адату, нежно прикишую к дракону.

– О... остановитесь... – прошептала она, слабо пытаясь выпрямиться.

– Нет-нет, госпожа Клара, – затараторила Ирма. – Не надо, госпожа, пойдёмте обратно, вам надо лежать, да!..

Вампир кое-как заковылял к чародейке, заметно хромая и держась за бок.

А вот дракон Сфайрат застыл в истинном своём облике, не сводя взгляда с жены. И Гелерра не сомневалась, что он замечает сейчас всё – в том числе и то, что на лице Клары мелькнуло беспокойство, стоило ей увидеть ковыляющего вампира.

– Друзья! – Скъёльд проникновенно сцепил руки перед грудью, заговорил чуть ли не умоляюще. – Оставим это, прошу вас! Дело, нам предстоящее, поистине невероятно; и госпожа Клара – ключ к грядущему счастью всего Упорядоченного, как бы невероятно это ни звучало. Прекратим хотя бы на время свары, договоримся, как положено облечённым силой, несущим особую ответственность!..

Ему никто не ответил. Гелерра с отчаянием прижималась к дракону; вампир плёлся, плёлся, да так и не дошёл, плюхнулся наземь, прижал обе ладони к боку, зажмурился, губы его зашевелились – верно, пытался залечить рану.

– Госпожа Клара, – Скъёльд обернулся к пошатывающейся чародейке. – Спасибо вам, вы, я вижу, тоже хотите прекратить эту глупую ссору. Госпожа Клара, мы помогли вашему супругу отыскать вас, привели его к вам. Позвольте теперь помочь вам. Ан-Авагар сотворил чудо, но вам требуется ещё одно.

Кажется, его никто не слушал. Ибо Клара в упор глядела на Гелерру, а Гелерра, в свою очередь, на Клару.

«Нет, я не отвернусь. Ты чародейка Долины Магов, но я-то – ученица

самого великого Хедина!..»

– Ты... спросил... где... твои... дети, – хрипло, еле слышно выдавила Клара Хюммель. – Только они... такие же мои... как и твои. Я их выносила!..

Дракон не ответил. Застыл, словно изваяние из чёрного камня.

– Ан-Авагар... меня... спас. – Чародейка почти упала на шею волка, Ирма засуетилась, поддерживая, как могла. – Стыдно... дракону... так!..

И вновь Сфайрат ничего не ответил, только чуть дрогнули бронированные веки да сжались зрачки, сделавшись почти неразличимой чёрной трещинкой в янтаре глаз.

А потом разом содрогнулись земля и небо, горы покинули вековые места, и Гелерра, обмирая, увидела, как начал рушиться и обваливаться соседний пик, словно раздробленный незримым молотом.

Клара не удержалась, упала, несмотря на усилия волка и Ирмы.

Вампир бросился к ней первым, сразу за ним – Скъёльд.

Но всех опередил дракон, а его бронированный бок перекрыл путь разом и Ан-Авагару, и татуированному чародею.

Громадные когти бережно подняли чародейку. Лицо Клары искажала боль – и не только от падения.

Гелерра мельком заметила злобно оскалившегося Скъёльда. Глаза чародея горели, кулаки сжались.

А затем дракон рванулся вверх, прямо в ломающееся над их головами небо, унося с собой и Клару, и Гелерру. Кувыркаясь, летели рядом, увлекаемые могучим потоком его силы, Ирма и её волк; а куда делись чародей Скъёльд с вампиром, адата уже не увидела.

Межреальность уже не содрогалась, а ходила ходуном, мир, из которого они только что вырвались, окутывался странной дымкой, словно погружаясь в морскую пучину. Однако он оставался позади, а впереди – кто знает, что впереди? И адата Гелерра продолжала нахально прижиматься к гладкой чешуе дракона.

* * *

– Теперь мы исполняем мой план, – повторил Хедин Познавший Тьму.

– Какой? – Ракот устало уронил руки.

...Они, как могли, пытались привести в порядок уцелевшие остатки мира. Запирали океаны в новых границах, возвращали в свои берега моря и реки, щедро тратя на это остатки собранной силы. Лесные пожары стихали,

ливни сбивали пламя, лавины и оползни останавливались. Ужас понемногу отступал, и – знал Хедин – обязан был смениться гневом.

– Я понял, что это за барьер. Понял окончательно.

Вокруг них тихо, печально шептал, отходя ко сну, измученный город. Развалины Цеха Магов разобрали, сумев спасти примерно дюжину живых, уцелевших под завалами. Воинство Хедина сжалось вокруг своего предводителя и мрачно молчало.

– Ну, понял окончательно, и что? – Ракот Восставший смотрел в огонь, сидя на обломке рухнувшей стены. – Барьер невозможно пробить, даже если таранить целым миром, одержимым верой в нас. Говорю тебе, брат, нужно устраиваться здесь, заставляя силу двигаться. Хотя бы самым простым способом, как я уже и предлагал.

– Каким это?

– Сыграем в доброго и злого братьев-богов, – криво ухмыльнулся Ракот. – Ты будешь добрым, я, так уж и быть, злым, Владыкой Тьмы и всё такое. Нам будут поклоняться. Как и здесь. Ну, или оба будем добрыми. Но ты будешь Милостивцем, а я – Заступником.

– Нет, брат.

Взметнулись языки пламени, промчался, топоча копытами, силван Кирвад.

– Тогда я внимаю твоему плану.

Трещат дрова в костре, распадаются углями да серым пеплом.

– Кто мы, брат?

– Как это «кто»? – опешил Ракот. – Новые Боги.

– Нет. Мы как были Истинными Магами, так ими и остались. Великим Пределом. Забыл, как возникли Поколения? Как черта меж светлым и тёмным, меж тяжёлым и лёгким, меж... меж всем.

– Постой! – Ракот стал медленно подниматься, сжав кулаки. – Что ты хочешь сказать, брат?..

– Ты уже понял, – пожал плечами Хедин.

– Нет! Тогда уж я это сделаю!

– Тебе ещё предстоит сладить с Кипящим Котлом, – улыбнулся Познавший Тьму.

– А Сигрлинн?! Сигрлинн?! – выдохнул Восставший.

– О ней... позаботятся.

– Кто?! И как?

– Не важно. Я надеялся победить относительно малой кровью, брат, когда мы с тобой штурмовали ту преграду. Но теперь ясно, что просто таранить её нельзя, ведь миры Упорядоченного не прорывают барьеры

Творца и не оказываются в Хаосе. Но, как я сказал, жертвы не были напрасны. Барьер, или Предел, – это наше с тобой изначальное.

Познавший Тьму вздохнул, поднялся.

– Оставайся здесь, брат. Я сейчас.

– Хорошо, – растерянно отозвался Восставший. – Но всё равно, слова твои, Хедин... Хедин? Что это был-о?

Короткий толчок силы.

– Стой! – Ракот вскочил, хватаясь за голову. – Стой, брат!..

...Ночь не ответила.

...Скорее, скорее, Хедин. Закрывай пути, захлопывай двери, навешивай замки. Пусть никто не узрит твоей дороги, пусть никто не разделит её с тобой. Ни одна живая душа.

Межреальность, пустая и серая, полная едва движущейся силы, раздалась с равнодушием умирающего.

Страшная прореха, куда хлынул огненный Хаос, затянута и закрыта их с братом стараниями, но виднеется в барьере, словно шрам.

Хедин направлялся прямо к нему, унося с собой всю веру смертных, всё, что у него оставалось – и память.

Память о Голубом Городе в благословенном Джibuлистане, о Замке Всех Древних. Обо всём, что делало его не просто Познавшим Тьму, но – Великим Пределом.

Вот она, тьма перед барьером; рычит и рвётся за ним огненный Хаос.

Как же это просто, оказывается; наверное, как всё гениальное. Исполнить своё предназначение, да; а дальше – дальше будет видно.

Ракот удержит этот осколок Вселенной и один, если надо. Одной лишь верой в себя всех миров, что отыщутся тут.

Ему, Хедину, нужно сделать всё, чтобы рассечённое Упорядоченное срослось бы вновь. Потому что миры за его спиной должны жить, и божественность его – ничтожная плата за это.

Но, конечно, План предусматривал и другое.

Познавший Тьму коснулся преграды.

Коснулся – и мгновенно ощутил вечную ярость Хаоса, его отчаянные удары в ненавистный барьер.

«О ней позаботятся», сказал он совсем недавно брату Ракоту. О ней, о Сигрлинн. Сказал, не зная сам, откуда это вырвалось, – родилось из странной уверенности, что с любимой всё будет хорошо.

Познавший Тьму утрачивал человеческий облик, сбрасывал его, словно старый плащ. Ощущал неровности заклятий вражеского барьера, и сам решительно, не давая сомнениям овладеть собой, отбрасывал всё, что

отдаляло его от изначальной сути Истинного Мага – от великого Предела.

Воспоминания прежде всего. Они были прекрасны, они придали ему смелость совершить задуманное, но теперь настала их пора.

Прощайте.

Пространство вокруг него сжалось, он становился словно частью преграды, но всё ещё не ею самой.

Привязанности. Чувства. Вкусы. Привычки.

Он рубил канаты, словно моряк в бурю.

И в конце осталось самое важное – цель и предназначение. Этого он утратить не мог, а значит, не мог и полностью расстаться с личностью. А там, где личность, всё равно остаются хотя бы следы того, что её слагало.

И – вот оно, вот оно! Что-то неосязаемое закрылось за его спиной, он сделался частью барьера, почувствовал холодное, колющее, острое, вложенное в него Дальними; ощутил горячее, мягкое, вьющееся, привнесённое людьми.

А ещё – что на него бросился Хаос, словно почуяв, как в преграде перед ним что-то изменилось.

Чёрное пламя, не имеющее в себе ничего, никого не согревающего, никому не помогающее.

Однако в глубинах его Хедин почти мгновенно ощутил Её.

Сигрлинн, окружённая странным коконом, песчинка в бушующем океане Хаоса, который ежемоментно уничтожает сам себя и сам себя возрождает.

Всё сходилось.

Да. Кокон не дрейфовал бессмысленно и бесцельно по огненным волнам; некая сила заставляла его двигаться в определённом направлении, и явно осознанно.

Только одно – вернее, только кто-то один – мог это сделать.

Хедин Познавший Тьму, Хедин, возникший на грани бездны Неназываемого, спокойно выдохнул. Точнее, вспомнил, как мог бы выдохнуть – и память почти сразу угасла.

Ему предстояло самое трудное.

Здесь, на границе Хаоса, только и мог существовать он, Великий Предел. И только он, Великий Предел, мог ступить в огненное море, начав отделять светлое от тёмного и лёгкое от тяжкого, ибо что есть Хаос, как не всё это вместе?..

Барьер стал менять форму, вытягиваться острым шипом, ибо сущность Истинного Мага тянула сейчас его вперёд, сквозь чёрный огонь, отделяя и разделяя, проходя меж неизмеримо малым и заставляя отразиться

огромное.

Хаос взвыл и взревел, в безумии кидаясь на дерзнувшего ступить в него; и Познавшему Тьму приходилось отбрасывать всё больше и больше, отсекая по живому то немногое, что ещё делало его Истинным Магом Хедином, а не безликой частицей, пусть и с особыми свойствами, «частицей Творца», как сказали бы белобородые маги-теоретики.

Таяли Замок Всех Древних, огневеющее Зерно Судьбы, последний ученик Хаген; Совет Поколения, Мерлин, и – Сигрлинн. Однако оставалась вера смертных, с которой сейчас никто ничего не мог поделать. Бесчисленные множества лиц и глаз, взиравших на него, уже утратившего имя, с ужасом и надеждой.

Шип становился всё длиннее, Великий Предел продолжал свою работу, поддерживаемый до конца верой в него других, длил её до тех пор, пока не ощутил перед собой такую же преграду, такой же барьер, и последним усилием он-таки дотянулся до него, слился с ним, делаясь его частью.

Сигрлинн...

Звуки и миражи распались, вспыхнули в чёрном огне, улетели невесомым пеплом.

Но зато по образовавшейся перемычке, что становилась всё шире и шире, вольно хлынула животворящая сила.

...Ракот Восставший уронил лицо в ладони. Он плакал – впервые в жизни.

– Что, что такое, Великий? – прыгал рядом взволнованный Кирвад.

Зашевелились, радостно загомонили воины – многие были магами, многие ощутили, как давящий всё и вся застой сменился свежим ветром.

Мир будет жить, подумал Ракот. И этот, и другие. Множество их будет жить, и мой долг теперь – чтобы они прожили как можно дольше.

Щёки его были мокры, но кулаки уже сжались и, когда он отдал команды, голос его не дрожал.

– К походу!..

* * *

Далеко-далеко от них, в невероятном, непредставимом пространстве, скользя, словно бы под тонким льдом, разделявшим его и объятую пламенем Хаоса Сигрлинн, Хедин Познавший Тьму, Хедин, прошедший бездну Неназываемого, вздрогнул, как от удара.

Свершилось.

Он сделал то, что должен был сделать. Он, Хедин, неотличимый от него, Хедина.

Сейчас ему казалось, что он видит лицо Сигрлинн в её зелёном коконе, но это, конечно, была только иллюзия.

Как бы то ни было, но сейчас он понял, что может заставить её двигаться туда, куда надо.

В путь.

Эпилог

Тяжело шагать, стал почти неподъёмен привычный огнеброс. Арбазу казалось, что он следует за своим провожатым уже нескитанные недели или даже месяцы – неведомыми путями Межреальности. Белый орёл бесшумно скользил впереди, не оборачиваясь, не произнося ни слова.

– Вот и кончилась твоя служба, – шептал себе гном.

С каждым шагом уходила, отдалялась и таяла в дымке забвения прежняя жизнь. Какое-то время Арбаз пытался держаться за эти воспоминания – Обетованное, их городок, аккуратные домики, площадь с рынком, ибо какие же половинчики без огородов, эльфы – без своих целебных цветов, а гномы – без кузниц? И, хотя Аэтерос был щедр, и его ученики ни в чём не нуждались, рынок был радостью и развлечением.

А сейчас впереди лишь туман и такой же туман позади.

И товарищи, решившие вернуться. Как они могли?!

Орёл вел его, не останавливаясь, однако всё время оставался словно бы вблизи, даже если Арбаз устраивал привал. Гном забывался кратким тревожным сном и вновь открывал глаза – в отдалении всё так же взмахивали исполинские белые крылья.

А потом впереди, в тоскливой мгле, он увидел призывно горящие окна дома на холме.

Холодная хмарь кончилась, скрипнула распахнутая Арбазу навстречу дверь.

– Входи, гноме.

Хозяин, огромного роста, плечистый, в длинном фартуке, гостеприимно вышел навстречу.

– Входи, гноме, твои уже собираются.

– Мои? – ошарашенно пробормотал Арбаз. – Благодарствую, хозяин любезный, но...

– Говорю же – твои уже собираются, – перебил трактирщик. – Входи. Дождь к тому же вот-вот польёт...

Гном повиновался.

Горница с длинным столом была, однако, почти пуста. Только у огня сидел, вытянув ноги, молодой высокий воин, не снимая тяжелой на вид брони с вычеканенным на груди царственным змеем – василиском.

«Как ему не неудобно? – подивился про себя гном. – В полном доспехе этак сидеть? Может, ранен? Снять не может?»

Василиск? Царственный Змей? Мельин?!..

Арбаз преклонил колено.

– Твоё императорское величество.

Он заговорил на языке учеников Аэтероса, но не сомневался, что воин с василиском поймёт его.

Так и случилось.

– Уже нет, – улыбнулся воин.

– Император – всегда император, – не согласился Арбаз.

Его собеседник лишь улыбнулся вновь.

– Битва покажет. Да, любезный хозяин! Долго ль нам ещё ждать? Хоть и хорошо у тебя – второй раз за твоим столом сиживаю – а пора и честь знать!

– Всё успеем, – возник на пороге трактирщик. – Вот и ещё спешают!

Рослая, могучая воительница со щитом и мечом шагнула в горницу, растерянно озираясь.

– Здравствуй, хозяин... не чаяла с тобой свидеться!..

– Не чаяла, не чаяла, а вот свиделась. Садись, валькирия, недолго ждать осталось.

Сами по себе возникли на столе пенные кружки.

Арбаз взял, пригубил.

– Добрый эль, хозяин. Но не скажешь ли, что сделать-то нужно? Для чего дух великий нас всех собирает?

– Да, для чего? – эхом откликнулась валькирия, садясь к столу.

– Отчего ж и не сказать, – закричал трактирщик. – На брань все идём, на великую битву...

– Много битв было, почтенный, и все – великие, – сухо сказал Император. – Могучий Демогоргон на пьяную драку не позовёт. Враг-то кто? С кем биться?

Хозяин опустил глаза.

– Узрите сами, как время придёт. А пока – сердца свои укрепляйте, ибо...

– Ибо нет дороги назад, – холодно закончил хранитель Мельина. – Знаю.

– А коль знаешь, – прервал трактирщик, – то и не спрашивай больше. Говорю же, когда время придёт, всё поймёшь. Моё дело маленькое – принять да накормить на дорожку.

– Странно как-то, – пожала плечами валькирия. – В бой идти, а против кого да за что – не ведаем. Сколько я в наёмниках прослужила – всегда наниматель говорил, с кем переведаться придётся.

– Сердца ваши дрогнуть не должны, – строго сказал хозяин.
– А если дрогнут, то что?
– Всему конец. – Трактирщик отвёл взгляд.
– Слишком часто мы это слышали, почтенный. – Голос Императора оставался твёрд и холоден.
– А слышали, так и хорошо, – не поддался собеседник. – Ешьте да пейте, время наступает, третьи петухи сейчас пропоют, время ваше-snидать кончится.
– Какие петухи?!
– Мои, славная воительница. Какой же трактир без кочетов?
Стены содрогнулись, мягко ворохнулся в глубинах невидимый зверь. И точно, запели петухи, заполошно, наперебой.
– Эх, – огорчился хозяин. – Ещё скорее, чем я думал, всё деется...
Император поднялся первым.
– Идёмте, – бросил он отрывисто. – Ждут нас уже.

* * *

– Не взыщи, Отец Дружин, что воспользовался я твоими хоромами.
Высокий человек в тёмно-зелёном плаще стоял перед Старым Хрофтом, а над ними сходились золотые щиты Валгаллы.
– Какие ж это мои хоромы, великий дух, – развёл руками Ас Воронов. – Родни моей здесь нет, а должна была б оставаться.
– Верно, – кивнул Дух Познания. – Но позаимствовал я образ именно у тебя.
– За погляд денег не берут, – усмехнулся Отец Дружин.
– Не все вняли моему зову, – вздохнул великий Орлангур. – Не все тверды сердцем, как вот он.
Через широкие двери Валгаллы в зал шагнул высокий человек – то есть нет, не человек, демон. С широкими кожистыми крыльями, серой кожей, плечистый и мускулистый. Быстро огляделся, повернулся к владыке Асгарда и Духу Познания, низко склонился.
– Повелители.
– Трогвар из Дем Биннори, – сказал Золотой Дракон. – Извилист был путь твой, переменчива судьба. Был ты воином великой Тьмы, служил хранительнице Мельина, а теперь пришла пора послужить всему Упорядоченному.
– Я готов, великий дух, – бестрепетно ответил Крылатый Пёс. – Но как

же владыка Ракот? Неужто он так и не встанет рядом с нами?

– Не встанет. Пришла пора справляться без богов, Трогвар из Дем Биннори.

– На битву нас собираешь, великий дух, это мне ведомо и понятно. Но кто же враг?

– Другая половина мира, – загадочно ответил Дух Познания.

– Быть может, позвать на подмогу других асов? – предложил Старый Хрофт. – Они вернулись, они не откажутся помочь. Тем более, если...

– Да, могучий Óдин, день пришёл. День Огня и день Волка.

– Огня? – усмехнулся Трогвар. – Падал я через него в своё время, случалось. Вдругорядь уже не испугаюсь. Да и с волками переводываться случалось. Это службишка, не служба!

– Хорошо, коли думаешь так, – кивнул Орлангур. – А вот и прекрасная дама в суровой нашей компании, встречайте!..

На пороге возникла стройная эльфийка в чёрно-зелёном пластинчатом доспехе. Глаза огромны – не поймёшь, то ли такие от природы, то ли от ужаса.

– Королева Вейде, – чуть насмешливо приветствовал её Дух.

– Ч-что это? – пролепетала она. – Вран... привёл сюда...

– Вран это и должен был сделать, – покровительственно сказал Золотой Дракон. – Готова ли ты, Вечная Королева, и твоё воинство?

Вейде опустила голову.

– Это за то, что я сделала в Эвиале, да, великий дух? – Руки её дрожали, губы тряслись. – Прости, что не приветствовала тебя должны образом, – она попыталась рухнуть на колени, Трогвар, повинувшись взгляду Орлангура, подхватил её под руку.

– За многое, дочь Вечного Леса, – спокойно, без гнева, но и без сочувствия проговорил он. – Ты забрала мёртвых с предназначенного им пути, облегчила дело нашим врагам. Пришлось платить жизнями, кои Вран и собрал. Они нам ещё послужат.

– Тогда, великий, – набрала воздуху эльфийка, словно собираясь нырнуть, – покарай меня, только меня, меня одну!.. Мёртвые не просили меня их спасти, это придумала я сама. Удержи гневную длань твою!.. Дай мне за всё расплатиться!..

– Не хватит всего, что есть у тебя и в тебе, на это, – сурово возразил Орлангур. – Нам предстоит битва; там всё и искупишь. Нет, не проси, твоих не отпущу.

Вейде поникла головой. По щеке пробежала слезинка.

– Но, коль явите вы храбрость и верность, – возвысил голос Дух

Познания, – награда будет выше всего, что сможешь представить, *Вечная Королева*. Ты знаешь, моё слово твёрдо.

– Мы готовы, великий, – бестрепетно сказал Трогвар, осторожно поддерживая эльфийку под локоть. – Мы будем сражаться. Правда же, королева?

Тонкие губы Перворождённой шевельнулись.

– Да, великий дух.

* * *

Королева Вейде и её воины стояли в строю, протянувшимся далеко в обе стороны, стояли на равнине посреди Межреальности, и у эльфийки сбивалось дыхание.

Справа и слева от них тоже застыли рати, самые причудливые видом. Были тут знакомые расы, но куда больше оказалось новых, невиданных. Над головой Вечной Королевы мерно взмахивал крыльями приведший их сюда красноглазый Ворон; однако, если обернуться, то смутно можно было разглядеть плывущего в туманной выси меж мирами исполинского золотого дракона. Его контуры порой расплывались, словно глаза Вейде вдруг заполнялись слезами, то вновь проступали яснее.

А напротив эльфийских шеренг тоже стояло воинство, и ряды его тоже уходили за горизонт. И точно так же в туманной выси над ним реял колоссальный белый орёл, то выпадая из реальности, то вновь возвращаясь в неё.

Многие стояли в рядах этих двух воинств.

Стоял гном Арбаз, прислонив к ноге огнеброс. Стоял Трогвар из Дем Биннори, сложив кожистые свои крылья. Стоял Император, хранитель Мельина и Эвиала. Стояла валькирия Райна, пытаясь разыскать взглядом отца, но Старый Хрофт, Отец Дружин, был от неё далеко и вовсе не в одном войске с нею.

Стоял Хаген, тан Хединсея, последний Ученик последнего Истинного Мага.

Многие стояли там.

Но иных и не было.

«Рагнарёк», – подумала Райна.

«Рагнарёк», – угрюмо проговорил про себя Владыка Асгарда.

«Рагнарёк», – повторило само Упорядоченное.

КОНЕЦ

Завершение саги «Гибель Богов-2» в следующей и последней книге цикла «Душа Бога». Там мы узнаем о судьбе многих, не упомянутых в данном романе, – скажем, о той же Сильвии Нагваль, Айвли, асах, Гульвейг и прочих героях.

notes

Примечания

«Игетис» и «Лейстог» – на разных языках означают одно и то же: «лидер», «предводитель». Почтенный Марви являлся кем-то вроде главы международного союза магов.

«Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», стих 52. Перевод с древнеисландского А. Корсуна, редакция перевода М. Стеблин-Каменского, «Библиотека всемирной литературы», т. 9. М., 1975.

См. роман «Гибель Богов», с. 448–450. «...Свитая из зелёных призрачных спиралей колонна Дальних внезапно изогнулась, подобно змее, бросающейся на добычу, её отверстый зев накрыл Хрофта...»

См. роман «Хедин, враг мой», т. 2, стр. 144: «...ветвь Иггдрасиля сейчас словно состояла вся из туго переплетённых жемчужно-серебристых молний».

См. роман «Хедин, враг мой», т. 2 «...Тот против нас!», с. 294. «Она [Ирма Нарви], конечно, доведёт гномов до «алых крестов», оставленных госпожой Соллей...»

См. роман «Пепел Асгарда», с. 297: «Пределы Хаоса, думала Райна, утирая пот. Зачастую приходилось брести словно по грудь в топкой трясине, грудью раздвигая невидимую поросьль. Пределы Хаоса близки, как никогда».

Γνῶθι σεαυτόν (γρεχ.) – «Gnōthi seauton», «познай себя».

См. роман «Асгард Возрождённый», стр. 203–204: «Двуногие и двурукие создания, с раздутыми головами, подобными бочонкам, на которых жутко и нелепо шевелились венцы длинных щупалец...»

См. роман «Гибель Богов», стр. 622: «Бран внезапно резко распрямился. Его правая рука бессильно свисала, но зато в левой Хаген успел заметить блеск ножа. Сухая рука неожиданно пришла в действие, изо всех сил метнув оружие нелепым движением.

И подарок Старого Хрофта, врученный Брану самим Хагеном, вонзился в открытое горло хединсейского тана. Враги рухнули друг на друга...»